

КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Северо-Запад®

КОНАН
И
ПРИЗРЛКИ
ПРОШЛОГО

Санкт – Петербург
“ТРОЛЛЬ”
1996

САГА О КОНАНЕ

В ПЯТИДЕСЯТИ ТОМАХ

ЧИТАЙТЕ
ЭЗХАВАТЫВАЮЩИЙ
РОМАН

Конан и призраки прошлого: Романы / — СПб.,
«Тролль»,
1996 — 448 с.

ISBN 5-87365-033-0

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке

- © Д.Мак-Грегор, 1996
- © Т.С.Стюарт, 1996
- © А.Олдмен, 1996
- © В.Мыслицкий, обложка, 1996
- © А.Федоренко, графика, 1996
- © «Тролль», составление и подготовка текста
- © «Тролль», «Путеводитель по Хайбории»
- © «Северо-Запад», серийное оформление обложки и форзаца

«САГА О КОНАНЕ»

вышли следующие тома:

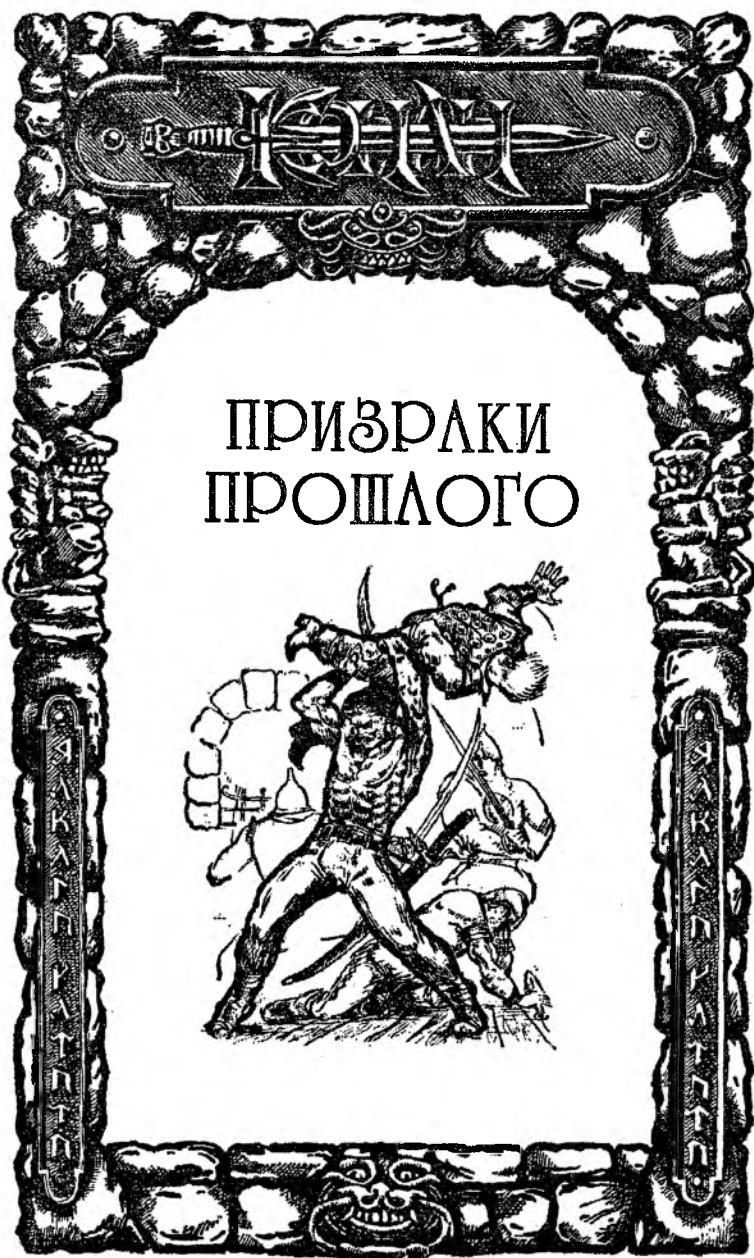
1. Конан и четыре стихии.
2. Конан и боги тьмы.
3. Конан и меч колдуна.
4. Конан бросает вызов.
5. Конан и повелители пещер.
6. Конан и песня снегов.
7. Конан и Небесная Секира.
8. Конан на Дороге Королей.
9. Конан принимает бой.
10. Конан и карусель богов.
11. Конан и дар Митры.
12. Конан и Ночные Клинки.
13. Конан и гром Дайомы.
14. Конан и Зеркало Грядущего.
15. Конан и Время Жалящих Стрел.
16. Конан и бич Нергала.
19. Конан и город плененных душ.
20. Конан и Источник Судеб.
21. Конан и Сердце Аримана.
22. Конан и Багровое Око.
23. Конан и призраки прошлого.

Готовятся к изданию:

24. Конан и воинство мрака.
25. **КОНАН, ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ** (юбилейный том)
26. Конан и Рыжий Ястреб.

Скоро выйдут заключительные тома тетралогии
«Скрижаль изгоев»:

17. Конан и псы войны.
18. Конан и талисман зла.

Глава первая

Яркое оранжевое солнце — божественное око Митры — медленно, величаво поднималось над землей, вытесняя ночь за горизонт; мягкие теплые лучи проникали во дворцы, в дома, в хижины, в норы, согревали и пробуждали, обещая ясный день и чистое небо. Ночь, потерявшая свою власть, отступила неохотно: тень ее еще лежала в лесах и под городскими стенами, но и эта тень светлела, едва лишь касались ее блики солнечных лучей. Наконец ночь ушла в иной мир, такой древний, что кроме Света и Тьмы там не осталось больше никого и ничего; земля вздохнула, словно пытаясь поймать последние мгновения уплывающего вслед за ночью сна, и пробудилась. Наступил день.

На юге Шуантена — там, где видна темноводная, ледяная река Алимана, где сверкают под солнцем вдали Рабирийские горы, — на чистой равнине уютно расположились три десятка деревянных домишек. Люди здесь пахали землю, выращивали и продавали скот, охотились — словом, жили так, как жили до них и как живут теперь; вокруг равнины протекал чистый широкий ручей, в котором не переводилась рыба, и местные детишки пропадали возле ручья целыми днями, закатав штаны и загребая руками по воде — к вечеру у каждого в сумке вяло пошевеливалось несколько дюжин отличных жирных рыбин.

На окраине деревеньки (она была так невелика, что даже не имела названия) жил самый ленивый и потому

самый бедный хозяин. Единственный его доход составляли постояльцы: как раз возле его старенького домика проходил тракт, а по нему то и дело проезжали люди. И если кому-либо случалось оказаться здесь ночью, огонек, приветливо светящийся из окна, неизменно звлекал путника; он подъезжал к крыльцу и вскоре всего за несколько медных монет становился желанным гостем.

Этим утром Играт поднялся на удивление рано. Обычно он пробуждался к полудню, а то и позже; кряхтя слезал со своего деревянного ложа, покрытого тряпками неизвестных расцветок (внимательные очи без труда определили бы цвет обыкновенной грязи), шел к столу, где с вечера валялся засохший кусок хлеба, съедал его и со вздохом отправлялся во двор. Там он стоял некоторое время, окликая и лениво дразня соседей, затем эта игра надоедала ему, и он возвращался в дом. Остальное время, до самых сумерек, он сидел на табурете у стола и смотрел в одну точку — обычно в грязное пятно на стене, а иной раз в окно, потом рот его широко разевался, глаза мутнили, а веки опускались, и — он вновь ковылял к деревянному ложу и зарывался в тряпки, с облегчением вздыхая.

Поэтому столь раннее пробуждение удивило даже его самого. С первыми же лучами солнца он подскочил, вылил в ладонь воду из кружки и протер лицо; глаза сразу стали лучше видеть, и это порадовало хозяина — он-то думал, что начинает слепнуть; забыв съесть кусок хлеба, он выбежал во двор. Дверь сараев оказалась еще закрытой. Тогда Играт прильнул к щели в стене и начал вглядываться в темноту.

Гости спали. Кто-то бормотал во сне, кто-то постановал, другие были объяты беспробудным забвением.. «Благословенные... — прошептал хозяин, рассматривая лица, на которые падал из щелей солнечный свет. — Если бы я выпил столько пива, я бы тоже так спал...» Он и забыл совсем, что безо всякого пива спал точно

так каждый день. Но в мыслях его не было и тени упрека гостям: прошлым вечером благодаря им он хотел так, как не случалось ему никогда, разве что только в детстве, но детства он не помнил. Гости — дюжина мужчин и одна женщина — оказались лицеями. Они зарабатывали на жизнь тем, что показывали всевозможные фокусы, прыгали через голову, кувыркаясь в воздухе, глотали огонь и ножи, нацепляли фальшивые носы и волосы и изображали других людей — словом, это был самый настоящий балаган. Они не могли заплатить хозяину за постой даже одной золотой монеты, но он безропотно принял десяток медных и присутствовал лицедеев у себя. До того ему удавалось лицезреть балаганы лишь на ярмарках, и то в толпе мокрых, потных тел, теперь же ему — о, слава Митре — выпала честь принять в своем доме (и уложить в сарае) этих весельчаков, этих... Но, кажется, один из них пробудился...

Хозяин еще плотнее прижал глаз к щели, не решаясь окликнуть лицедея и тем самым разбудить остальных. Кто это был — он не мог разглядеть, да и вряд ли вспомнил бы его, ведь он видел их всех только один вечер... Как же они назывались? Три огромных толстяка — Гуго, Улино и Зазалла, рыжий — Мадо... Или Мадо это маленький колобок? Нет, кажется, все же рыжий.. А маленького колобка кличут то ли Бахером, то ли Михером... Красивый и грустный называет себя Сенизонной, красивый и веселый — Агреем. Парочка унылых, облезлых и бледных — Кук и Лакук (не может быть, чтоб так звали людей, не иначе сами придумали себе имена). Главный у них — Леонсо, крепкий здоровый мужчина, такого бы под седло, или, на худой конец, на седло и в бой, а он балаганом командует... У Леонса двое сыновей, такие же лицедеи, как остальные, Ксант и Енкин, хорошие парни, добродушные и веселые... И женщина — она у них вроде как за хозяйку — Велина. Только взглянешь на нее, сразу поймешь, что влюблена

эта смуглая красотка в светловолосого балагура Агрея. Кажется, всех верно вспомнил... Но кто же там ворочается? Может, пробраться потихоньку в сарай, позвать его? Так интересно послушать заезжих, да к тому же лицедеев — и расскажут, и покажут, как прошлым вечером. Хозяин улыбнулся, припоминая: весело было! Но в сарай пока лучше не заходить — упаси Митра, разбудишь, решат — хозяин надоедливый, и съедут к другому.. Балаган-то всякий примет, даже денег не возьмут, только бы остановились гости у них... Нет. Играт решительно отошел от сарая и направился в дом. Лучше он подождет здесь, когда они проснутся.

* * *

Этей застонал негромко и поправил под головой охапку сена. Да, пива выпили вчера целое море, оттого и во рту теперь гадостно, словно демоны пополоскали там свои грязные хвосты, да и голова гудит... Так когда-то перед боем гудел в рог немедийский десятник, под началом которого служил и Этей. Этей... Так прозвали его зуагиры. На их странном языке — какой-то смеси человечьего и звериного — Этей означает «стрелок», хороший стрелок, конечно. Давно никто уже не называет его так, и сам он давно не тот — ловкий как белка, сильный как леопард, отважный как лев. Лук и стрелы были его братом и сестрами; он разговаривал с ними, шутил и ссорился, а после боя заботливо чистил и вновь закидывал за спину.

Ох, как трещит голова... Да еще хозяин сопит в щель, явно ждет, когда они проснутся. Повеселиться захотелось? Повеселим. Только не сейчас и не тебя одного. Стрелок потихоньку вытянул из-под себя затекшие руки, пошевелил пальцами и уставился прямо перед собой, в обтянутую черной потертой кожей задницу этого заносчивого болвана. Послать бы к Нергалу и его, и всю братию и поселиться где-нибудь подальше от людей, в лесу, в самой глупши, чтоб за оставшееся до Серых

Равнин время не слышать ни единого слова! Только Митра знает, как устал он от беспрестанного пьянства и веселья, как с каждым днем труднее ему поутру нацеплять на физиономию щотовскую улыбку... Да он и есть недоумок! Так называют их, лицедеев, люди, и правильно делают. Он и сам когда-то не прочь был пнуть под зад размалеванного ублюдка из балагана... А теперь.. Видели бы его зуагиры или немедийская солдатня! Вот посмеялись бы! Впрочем, он, пожалуй, готов повеселить их — не бесплатно, конечно.

Стрелок прикрыл глаза, слушая, как пыхтит у щели хозяин, а в соломе в углу шуршит мышь, мерзкая тварь. Но вот хозяин оторвался наконец от стенки и ушел, видимо, решив не беспокоить постояльцев. Этей лег на спину, подложил руки под голову и так замер. Где она, та, прошлая жизнь? Может быть, он увидит ее вновь, уже с Серых Равнин? Там будут плыть тяжелые мокрые тучи, там соединятся в одно день и ночь, и древние демоны застынут у ворот, всех впуская, но никого не выпуская... Может, тогда и начнется настоящая жизнь? Кто знает? Еще никто оттуда не возвращался.. Этей без сомнений ушел бы на Серые Равнинны сам, если бы был уверен — там настоящая жизнь.. Фу, это что за запах?

Он порылся в соломе, нашупал острый обломок палки и с силой воткнул его в задницу, распевающую на все голоса и прямо ему в нос.

— Ай!

Бедняга подпрыгнул, потирая рукой раненое место и, хлопая глазами, с укоризной посмотрел на Этая. Но лицо стрелка было безмятежно, и только когда уколотый потряс его за плечо, он захохотал, вскочил на ноги и повалил приятеля в сено. От шума проснулись остальные; с визгом и криками они кинулись на барахтавшийся в сене клубок, и началась шутливая потасовка. Хозяин, чутко карауливший у окна своих гостей,

радостно пыхтя, засеменил в сарай. Вот теперь день для него наступил.

* * *

— Ну что, вонючие псы, — весело произнес Леонсо, подмигивая лицедеям. — Пива не желаете?

— Желаем! — взревели они и кинулись к столу, отпихивая друг друга в надежде занять место — табуретов в доме ленивого Играта было только четыре, то есть на каждое сиденье приходилось по три человека, если, конечно, не считать самого хозяина; так что сесть на твердое основание удалось лишь Леонсо, толстякам Гуго и Зазалле и рыжему Мадо, но менее расторопных это обстоятельство ничуть не смущило: визжа и толкаясь, они забрались на колени своим удачливым приятелям. Оставшийся без места хозяин, с умилением глядя на веселых гостей, поставил на стол дюжину кувшинов пива и принес из закутка за дверью огромный, завернутый в холст каравай.

— Поведай-ка нам хорошую историю, Лакук, — облизывая пену с губ, предложил Леонсо.

Рыжий Мадо поперхнулся пивом и, откинувшись назад, удерживаемый на табурете Агреем и Ксантом, захохотал, обнажив мелкие, ровные, чуть желтоватые зубы.

— Неплохо придумано, Леонсо! Лучше Лакука никто не расскажет!

Все приснули, косясь на унылую физиономию Лакука, восседающего на коленях Гуго. Он делал это роскошное место с толстым Улино, потому и съезжал беспрестанно с жирной ляжки приятеля, что отнюдь не способствовало улучшению его настроения.

— Зачем ты смеешься, Мадо? — печально обратился он к рыжему. — Разве я сделал что-либо смешное?

— Тебе и делать ничего не надо, приятель, — рыгнув, ответствовал рыжий. — Своей рожей ты можешь развеселить даже безмозглого демона.

— Не поминай демона, Мадо! — испуганно воскликнула Велина, занимавшая одно из колен Зазаллы на пару с грустным Сенизонной.

Енкин, удобно устроившийся на другом колене толстяка, подмигнул рыжему и дурашливо пропел:

— Не поминай демона-а-а! А не то он тебе откусит кое-что-о-о...

Мадо взвизгнул и снова захохотал, вытирая слезы; белое веснушчатое лицо его побагровело, почти сливаясь цветом с огненной гривой волос, так что он стал похож на подгнивший плод томатного куста; маленькие изящные руки судорожно вцепились в ворот кожаной куртки, отдирая его от горла словно змею, а блеклые голубые глаза затянулись мутной пленкой. Хозяин, взиравший на своих гостей с благоговением, тоже начал было радостно гыкать, хотя и не понял, что такого смешного сказал Енкин, но тут он заметил, что никто больше не смеется. Напротив, физиономии лицедеев приняли вдруг какое-то отстраненное, даже торжественное выражение. Одни отвернулись, другие, опустив глаза, украдкой поглядывали на приятеля.

Хозяин смущенно закашлялся: он догадался, в чем дело, и, как человек от природы мягкий, искренне пожалел рыжего Мадо. Счастливая мысль внезапно пришла ему в голову — а что если взять его к себе жить? — и одновременно в душе его шевельнулось смутное беспокойство. Играт редко чувствовал что-либо кроме голода, холода и желания поскорее заснуть, так что сейчас ему было нелегко разобраться в своих ощущениях, да он и не знал, что надо в них разбираться. Однако мысль поселить у себя припадочного лицедея не оставила его. За несколько мгновений он продумал, чем будет его кормить и чем заплатит лекарю из соседней деревни за исцеление больного, в каком углу он устроит себе ложе из сена — его деревянный топчан теперь, конечно, займет Мадо, — как они будут коротать дни и... Но в этот момент рыжий вдруг замолчал;

лицо его помрачнело; злобно кинув взгляд на приятелей, он сунул в рот палец и начал яростно кусать ноготь, тихо шипя проклятья.

Играт облегченно вздохнул — как хорошо, что он не успел сообщить о своих намерениях, ибо сейчас рыжий Мадо с мокрым от слез и слюней лицом не вызывал у него ничего, кроме неприязни. Он быстро протер полой холщовой куртки край стола — скорее от смущения, чем по необходимости — и ушел в самый темный угол, где присел на корточки и выжидательно стал смотреть на гостей: что будет дальше?

— А я придумал кое-что! — как ни в чем не бывало заявил колобок Михер, сидевший на колене Леонсо.

Все оживились. На Мадо они старались не смотреть, а потому усердно пялились на Михера или друг на друга.

— Внимайте, о засохшие кусочки деръма дряхлой верблюдицы! — торжественно пробасил колобок, подскочил и твердо встал на маленькие толстые ножки. Горделиво выпятив грудь, отчего на ней сразу стали видны холмики жира, и взмахнув короткой ручкой так изящно, как только умел, он приподнял редкие бесцветные брови и открыл рот, явно намереваясь показать приятелям нечто необыкновенное, но тут из-за спин Агрея и Ксанта раздалось гневное шипение. Лицедеи вздрогнули и все как один посмотрели на Леонсо. Тот вздохнул, нахмурил брови и сурово обратился к рыжему:

— Не пора ли тебе успокоиться, Мадо?

— Ха. Ха. Ха, — раздельно произнес рыжий. — Все знают, что этот толстый ублюдок не способен соединить вместе даже двух слов.

— Какой же ты дурной, Мадо... — плаксиво протянул Михер, впрочем, ничуть не обидевшись. А Играт, замерший в своем углу и напрочь забывший о намерении приютить припадочного у себя, с удивлением подумал: «Как они его терпят?» Но в следующее мгновение Мадо

засвиристел по-птичьему, озорно поглядывая на приятелей, и хозяин, покачав головой, вновь ощутил прилив нежности: рыжий оказался великолепным подражателем. После того, как он спел за соловья и проклекотал за орла, в горле его как будто что-то треснуло, и восхищенная публика услышала далекое грохотание грома, тревожный плеск волн перед бурей, шум листвы и тихий плач младенца, оставленного юной матерью в темной комнате... Играт внимал со слезами на глазах — подобного искусства ему еще не приходилось наблюдать. Он чувствовал, как снова влюбляется в рыжего, чье лицо под неодолимым влиянием вдохновения преобразилось: устремленные вверх глаза с чистыми белками блестели словно утренняя роса под лучом солнца, густые, почти красные ресницы чуть подрагивали, а кожа побелела и стала такой прозрачной, что сквозь нее легко можно было разглядеть голубые вены. Добрый Играт всхлипнул и, ужасно смущаясь, вдруг заплакал, утирая слезы заскорузлым от грязи рукавом.

Мадо поперхнулся и замолчал, бесстрастно уставившись на хозяина. В душе его вмиг опустело, отчего и облик изменился — потускнели глаза, брюзгливо опустились губы, и щеки обвисли... Но Играт, взглянув на него в этот момент, ничего такого уже не замечал. Для него, пораженного Искусством в самое сердце, рыжий Мадо остался прекрасным и воздушным, как легкое облако, как тополиный пух, как редкие, едва уловимые, но всегда сильно ранившие колебания души... И все эти ощущения он передал рыжему взглядом, на что тот пожал плечами, хмыкнул и отвернулся.

— Пиво кончилось! — недовольно буркнул он и, вдруг засмеявшись — без истерики, добродушно, — наклонился и укусил за плечо загрустившего у него на колене Агрея. Светловолосый красавец подпрыгнул, завизжал как поросенок и толкнул Мадо ладонью в лоб. Рыжий взмахнул руками, повалился на пол, утягивая за собой Ксанту и дрыгая ногами; извернувшись, стар-

ший сын Леонсо оседлал его, но тут же отлетел в сторону на три шага: руки Мадо были тонки, но жилисты, с железными выпуклыми мускулами. Тогда в бой вступил укушенный Агрей — он всей массой навалился на рыжего, облапив его длинными толстыми руками, а Ксант, рыча и лая, на четвереньках подполз ближе и ухватил Мадо за ноги. Так они и покатились по полу, задыхаясь от смеха и шутливо, но весьма ощутимо мутузя друг друга.

Хозяин взирал на потасовку с благоговением: никогда еще не приходилось ему видеть столь веселых, хотя и ободранных господ. Он вновь воздал хвалу Митре, ибо не сомневался, что сей почтеннейший балаган был ниспослан ему с небес, и, не спуская глаз с барахтающегося на грязном полу клубка, попытился к дверям, чтобы принести гостям последние запасы пива.

Выскочив за дверь, Играт прижался спиной к стене дома; на лице его блуждала счастливая улыбка, да он и впрямь был счастлив. Он не знал еще, что будет дальше, но в том, что он ни за какие деньги (хоть их ему никто и не предлагал) не расстанется с этими людьми, сомнений не возникало. «Я мог бы собирать плату за представление или готовить им еду, — рассудительно подумал он. — В конце концов, я умею громко петь и... и ходить на руках...» Он вздохнул, сожалея о малых своих способностях, и, наконец придя немного в себя, отправился в погреб — за пивом.

* * *

К ночи Этей совсем раскис. Веселье утомляло его так же, как утомляла бессонница, жестоко мучившая в последнее время. Кроме того, общее состояние стрелка настолько ухудшилось, что он сам подозревал в себе какую-то неведомую болезнь. Откуда иначе беспрестанная слабость, круги перед глазами, пересыхающие с каждым вздохом губы... Пока никто этого не заметил, но... Он криво усмехнулся: а если и заметят, что с того?

Болезнь не означает злого умысла, а потому о его истинных намерениях догадаться невозможно.

Свалившись в сено, он зарылся поглубже, и замер, надеясь, что приятели не тронут его. Сейчас он был почти в отчаянии. Удастся ли ему совершить задуманное? Не удержит ли Митра карающую руку его? Нет, убежденно решил он для себя, Митра удерживать не станет. Разве что Нергал, породивший этого ублюдка... В глубине души Этей сомневался, что сам не является детищем Нергала — но, в конце концов, разницы не видел никакой; Свет или Тьма, Небо или Земля — все это волновало его лишь иногда, да и то по привычке. Он давно понял, что нет ничего, кроме Великой Жизни и Великой Смерти, чья обитель — Серые Равнинны — так пугает простой люд и их жалкихластителей. Он, Этей, свободный стрелок, смотрел на животных, кои называли себя людьми, с презрением. Легкое отношение к собственному НЕсуществованию было им так же чуждо, как кошке или собаке отсутствие аппетита. Даже самые сильные, самые мужественные, не раз проходившие в полушаге от Серых Равнин, предпочитали все-таки Жизнь. Этей и к Жизни и к Смерти относился одинаково: ему было все равно, во всяком случае, так считал он сам. Его ничто не держало на Свете — точно так, как ничто не влекло и во Тьму. Но тот... он должен был уйти на Серые Равнинны. Должен. Хотя бы потому, что он явно туда не спешил.

Этей судорожно вздохнул. О, Митра, как плохо... Голову словно сжимает тисками железный обруч Пантерда — слабоумного палача зуагиров. Стрелку не довелось испробовать на себе эту пытку, но лицедейской натуре его было совсем нетрудно представить ощущения того несчастного... Этей стиснул зубы: он и впрямь представил сейчас, как Пантерд со своей мерзкой ухмылкой медленно надевает обруч ему на голову, как закручивает винты с обеих сторон, как... В глазах его покрепело вдруг от невыносимой боли; мгновение лежал

он не двигалась, почти не надеясь уже выжить, что само по себе было неважно, но тогда не свершилась бы Месть; как сквозь сон слышал стрелок бормотание приятелей, тихий смех женщины; постепенно боль отступила, и он, слизывая с губ кровь, расслабил руки, потом ноги, тело... Явственнее стали слышны голоса из глубины сарая, и в наступившем только что мраке он узрил фигуру — он ждал ее появления уже несколько дней. В черном, чернее ночи одеяньи, с белыми слепыми глазами и тонкими длинными пальцами... Такой она явилась ему в детстве, такой — перед страшным боем с пиратами, когда погибли все, кроме него одного, и теперь ее жуткий вид не испугал его, как прежде. Он знал, что она придет, знал, что никто не увидит ее — только он... Этей улыбнулся. Может быть, она позволит ему коснуться края ее одежды? Это подскажет ему, свершится ли Месть — цель его существования в последние годы. Стрелок протянул руку... Но фигура внезапно рассеялась во мраке, заставив его застонать от разочарования: она исчезла так быстро, что он не успел даже подумать о ней! Этей скорчился в сене как в материнском чреве и так застыл.

Он лежал неподвижно — человек из другого мира, легкий, свободный... Или так ему только казалось?

Глава вторая

Тонконогий, с длинной шелковистой гривой трехлеток фыркал, косясь на Конана фиолетовым глазом — впрочем, вполне дружелюбно. Со своим новым хозяином он познакомился только этим утром, когда караван из Коринфии с товарами и богатыми подарками аквилонскому властителю подошел наконец к воротам Тарантии. В королевской конюшне с гнедого тотчас сняли упряжь, почистили, дали вволю напиться и накрыли мягкой цветастой попоной с кисточками по краям; король смотрел на него, не скрывая довольной усмешки, а десяток конюхов за его спиной шепотом переговаривались, пытаясь отвоевать друг у друга право ухаживать за тонконогим красавцем.

— Менду! — буркнул Конан, не отрывая глаз от подарка.

Низкорослый парень, две луны назад прибывший из северной деревеньки покорять столицу, облизал вмиг пересохшие от волнения губы и подошел к владыке.

— Головой отвечаешь!

Лицо конюха расплылось в счастливой улыбке. Он поблагодарил короля за оказанную честь низким поклоном и, бросив на старшего торжествующий взгляд, хозяйствским жестом потрепал жеребца по холке.

Конан покидал свои владения в отличном расположении духа: пожалуй, впервые за последние дни тяжелое, мрачное настроение, густо замешанное на тревоге и постоянном напряжении, оставил его, исчезло без

следа; он почувствовал, как расслабились его руки, плечи, могучая шея, и вдруг короля обуяло такое нестерпимое желание как следует напиться, что он невольно ускорил шаг. К Нергалу всех мятежников, тем более, что они сейчас и в самом деле где-то в той стороне, беспощадно уничтоженные верными Черными Драконами; и предателя Горо тоже к Нергалу — он вскоре отправится туда прямиком из Железной Башни, и... Кого же еще? А, махнул рукой Конан, пускай к Нергалу идут все! Он смачно сплюнул, ударом ноги распахнул тяжелую дверь, снизу всю испещренную следами его сапог, и вошел во дворец. Там он сбросил в услужливо подставленные руки слуге шелковый, расшитый золотыми звездами плащ, и в несколько прыжков одолел широкую и длинную мраморную лестницу, ведущую в небольшой уютный, но почти пустой зал — здесь обычно государь принимал обиженных, угнетенных, несправедливо осужденных и прочих нуждающихся; из этого зала потайная дверца вела в роскошные покои, устланные толстыми и мягкими, словно водоросли, туранскими коврами, с тяжелыми занавесями на огромных, почти во всю стену окнах, с простой, но изящной дубовой мебелью — эти покои являлись любимым местом отдохновения короля.

Широкими шагами Конан пересек зал, повернулся за великолепное, кхитайской работы кресло с высокой и узкой спинкой — там сидел он во время приемов, и исчез за бархатным серебристо-серым пологом, на ходу хлопнув с размаху ладонью по висевшему на стене колокольцу из неизвестного дотоле сплава темно-желтого цвета — подарку шемитского купца. Легкий звон разнесся по залу, и, спустя лишь несколько мгновений, через зал уже спешил старый слуга с подносом в руках. Привычки короля были ему давно известны, а потому все необходимое всегда хранилось поблизости — большой серебряный кубок, присланный в дар аквилонскому владыке тем же шемитским купцом, и мастерски сде-

ланный ювелиром Фарнаном высокий кувшин с узким горлышком; пузатые бока сего творения были украшены тончайшей, изящнейшей гравировкой, изображающей Конана-варвара, Конана-Амру и Конана-короля в разные мгновения бурной жизни достойного мужа: на пиратском корабле и на гладиаторской арене, в пустынных гирканских степях и на пути к подземному храму Митры, с мечом и секирой — жаждущей крови Рана Риордой... Нет, ювелиру не были известны подробности тех приключений. Гравюры свои он создал по краткому и точному описанию государя, который, время от времени предаваясь воспоминаниям, пожелал вдруг заказать мастеру картины своей жизни — не для того, чтобы демонстрировать их гостям, а только для себя самого.

Но не часто Конан лицезрел сей кувшин; здесь, в этих покоях, он бывал лишь тогда, когда позволяли обстоятельства либо настроение. А обстоятельства в последнее время складывались весьма и весьма печально, что, естественно, не могло улучшить настроения аквилонского владыки. В провинциях то и дело вспыхивали мятежи, на подавление которых уходили из столицы отборные войска; не всегда они возвращались в Тарантию в прежнем составе — мятежники дрались как загнанные волки; на границе с Немедией чуть не каждый день происходили стычки, вследствие чего торговые караваны, направляющиеся на восток, вынуждены были идти в обход, через Офир или Коф; псы Нумедидеса, с виду покорные и преданные новому королю, начали вдруг показывать зубы, но не в открытую, а исподтишка — верный Паллантид со своими гвардейцами вылавливал их не одну луну подряд...

Но в это утро Конану казалось, что все теперь позади. Великолепный, истинно королевский дар из Коринфии — тонконогий гнедой редкой породы — словно положил конец злоключениям: последний предатель уже в Железной Башне, мятежи подавлены, а караван из

Коринфии, хоть и в обход, но доставил аквилонскому владыке чудесного коня.

Сидя в глубоком мягким кресле — изделии тарантийских мастеров — Конан с наслаждением пил красное вино, оставшееся еще в погребах от прежнего короля. Но более вина наслаждался он своим настроением — легким, светлым как солнечный луч, почти бездумным. Давно не выпадало ему такого спокойного дня!

— Владыка... — едва расслышал Конан чей-то голос из-за плотно закрытой двери.

— Ну, кого там еще несет? — не оглядываясь, пророчал он.

На миг сердце его кольнула необъяснимая тревога, но король тут же прогнал ее: дурная привычка появилась у него в последнее время — ждать плохих новостей! Всегда настороже — что может быть утомительней? Но на сей раз Альбан — десятник Черных Драконов — принес ему отнюдь не печальную весть.

— Владыка... Прости, что потревожил тебя в блаженные мгновенья отдыха, когда душа твоя находится...

— Речь твоя длинна как сам Сет! Не тяни, Альбан! — раздраженно перебил Конан.

— К тебе просится некий Пелиас, повелитель, — протараторил десятник, переминаясь с ноги на ногу.

— Пелиас? — встрепенулся Конан. — Что ему надо... Таси его сюда!

Дернувшись всем телом, что, вероятно, должно было означать почтительнейший поклон, Альбан стрелой метнулся за дверь.

— Только ласково, ишак и сын ишака! — прорычал вслед ему Конан, откидываясь на спинку кресла. Что же нужно этому Пелиасу? Короля связывали с магом вполне добрые отношения, но настороженность, которую он питал ко всякого рода чародеям, мешала зародиться настоящей дружбе: черные ли, белые ли маги — кто может заглянуть в их души? Кто может поручиться, что однажды белый маг не станет наичернейшим, а

черный не решит завладеть всем миром? Нет, за тот уже достаточно долгий путь, который Конан прошел в этой жизни, он повидал слишком много превращений чистого в грязное, а грязного — в вонючую болотную гниль, и привык доверять только простым и ясным ему людям — людям! — таким, как он сам, как тот же Альбан, как Паллантид, капитан его Черных Драконов, как граф Просперо, как... Да мало ли их, преданных, честных, настоящих! Они не раз уже вставали с ним плечом к плечу в моменты смертельной опасности, не раз готовы были заслонить его собственным телом... А Пелиас... Кто его знает...

— О чем ты задумался, друг мой? Уж не обо мне ли? — высокий и стройный, седовласый маг появился неслышно, будто кошка. Поклонившись, он спросил соизволения присесть и после короткого кивка государя вольготно расположился в кресле напротив.

— Каким ветром тебя занесло сюда? — вежливо осведомился Конан, делая знак возникшему в дверях слуге.

— Благодарю тебя, повелитель, я и в самом деле не отказался бы от глотка хорошего красного вина.

— Вино сейчас принесут, — поморщился король. — Ты не ответил на мой вопрос.

— О, прости, прости, друг мой. Путь был долг, я устал... Каким ветром, спрашиваешь? Западным, кажется... Но... — Маг поднял руку, с сожалением заметив, что Конан совсем не расположен к легкой беседе. — Но еще раз прости меня. Я вижу, тебя обуревают невеселые мысли?

— Ошибаешься, Пелиас. До твоего появления я чувствовал себя превосходно. Теперь же, клянусь Кромом, мое настроение улетучивается с каждым выдохом. Я не привык повторять вопрос трижды.

— И снова я должен сказать тебе — прости. Но, государь, я не хотел начинать серьезной беседы с первых же слов. Давай выпьем пару глотков вина — горло мое

пересохло в пути, — и я немедля доложу тебе о цели моего визита.

— Пей, — кивнул король на второй серебряный кубок, принесенный расторопным слугой.

Пелиас наполнил кубок до краев, смакуя, сделал небольшой глоток, за ним еще, еще...

— Превосходно! Как говоришь ты, друг мой, «клянусь Кромом»?

— Я внимательно слушаю тебя, Пелиас! — потерял терпение Конан.

— Что ж... Дело, о коем я хочу поведать тебе, весьма и весьма серьезное.. Знаешь ты или нет, но в конце каждой луны я смотрю на расположение твоих звезд, владыка. Это — первое мое действие. О втором и последующих я не стану тебе рассказывать, зная отношение моего государя к магическим представлениям.

— Зачем? — сумрачно нахмутившись, поинтересовался Конан. — Зачем ты смотришь расположение моих звезд? Тебе своих не хватает?

— О, друг мой, я не могу оставаться в неведении относительно твоей.. жизни. Да, государь, именно жизни. Знаю, что в последнее время неспокойно текли твои дни, но серьезной опасности для тебя в том не было. Не было, поверь, иначе я появился бы здесь давно. А теперь... Опасность есть, и серьезная.

— Опять мятеж? В Тарантии?

— О, нет! Твоему королевскому благополучию пока не угрожает ничто. Скажу более: мирное время пришло в Аквилонию. Надолго ли — не отвечу, не в моих силах. Но войска твои могут предаваться веселью и добруму пьянству, если, конечно, пьянство бывает добрым.. Что же касается жизни твоей, государь.. Злоумышленник жаждет гибели Конана-Амры!

— Как ты сказал? Конана-Амры? Значит, злоумышленник знал меня прежде?

— Именно, государь! И чем-то ты ему тогда крепко насолил. Многие годы готовился он к мести, а опыт

мой подсказывает: бойся тех, кто не спешит расправиться с тобой. Такие люди знают, что делают. В их мыслях нет ни ярости, ни гнева — только холодная ненависть, проникшая во все поры, въевшаяся в мозг и плоть...

— И мой такой?

— Точно такой, владыка.

— Хотел бы я поглядеть на него.

— Увы, это невозможно. Моего искусства не достанет показать тебе его лицо, назвать его имя... Только одно...

— Что же?

— Балаганы...

— Не пойму я тебя, Пелиас. Какие балаганы?

— Скоро праздник, друг мой?

— Да. Новый праздник, Митрадес, в знак благодарения Подателю Жизни. Люди устали от войн, я решил подарить им немного радости.

— Что доказывает еще раз твою мудрость, владыка. Так вот балаганы... Насколько мне известно, они собираются на Митрадес со всех концов земли?

— Ну, не со всех... Но пять-восемь должны прибыть...

— Твой приятель лицедействует в одном из них.

— Ты уверен?

Пелиас с улыбкой пожал плечами.

— Интересно... И в каком же?

— Пока не могу сказать, владыка. Пусть все балаганы окажутся здесь, в Тарантии. Тогда мы пройдемся с тобой и... еще кое с кем.. И я, может быть — может быть! — назову тебе именно тот балаган, в котором он...

— Знаешь, Пелиас, я думаю, этот парень не стоит того, чтобы мы с тобой так переживали.

— Стоит, друг мой. Иначе ты не переживешь.

— Ну что мне может сделать какой-то лицедей? И вообще, за мою жизнь я накопил столько врагов, что если буду прятаться от каждого... Ха!

— Не спеши так говорить, государь. Таких врагов, как этот лицедей, у тебя либо мало, либо и вовсе нет —

ушли на Серые Равнины. А чем опасен этот, я тебе объяснил.

— Звезды не поведали тебе, когда он желает меня угробить?

— А разве я не сказал? В праздник, друг мой, в самый праздник, в Митрадес...

* * *

В Митрадес... Хитро придумано! Площадь — огромное поле за южной стеной Тарантии — будет заполнена народом до отказа; по краям пройдут ряды базара, а в центре полукругом расположатся балаганы; высокий помост у самой стены предназначен для короля и его свиты — оттуда Конан и произнесет свое приветствие славным аквилонцам; перед помостом городская стража отгородит проход шириной в двадцать шагов: по нему парадом выступит сначала кавалерия, затем гвардия... Или сначала гвардия?

— Государь, ты звал меня?

Капитан Черных Драконов Паллантид, верный служака, тенью возник за спиной Конана, замер, ожидая распоряжений...

— Звал, — король задумчиво оглядел его и вдруг промолвил такое, от чего Паллантиду, никогда не отличавшемуся особенной чувствительностью, стало дурно.

— Во время Митрадеса ты собрался убить меня. Как ты это сделаешь?

— О, владыка... — ошарашенно забормотал капитан. — Клянусь печенью моего каурого, я не собираюсь убивать тебя... Скорее я сам отправлюсь на Серые Равнины, чем...

— Кром! — нетерпеливо махнул рукой Конан. — Ты не понял, старый пес. Я уверен в тебе как в себе самом. Но если бы — если бы! ты решил это сделать, то как?

— Не могу ответить, государь...

— Подумай!

— Ничего такого в голову не приходит...

— Ладно. Попробуем по-другому. Представь, что тебе донесли о злоумышленнике, который на празднике попытается убить короля. Каков будет твой первый вопрос доносителю?

— Имя злоумышленника!

— Он не знает. А второй вопрос?

— Как он выглядит?

— Он не знает. Третий вопрос?

— Как он это собирается сделать?

— Вот! Предположим, сие доносителю так же неизвестно. И теперь твоя забота, Паллантид, просчитать в башке все фокусы, которыми может воспользоваться злоумышленник.

— Дабы достигнуть своей гнусной цели?

— Дабы.

— О, владыка, на празднике будет много возможностей... Например, метнуть в тебя дротик из толпы... Или... ты же пойдешь по базарным рядам? Хотя здесь за тобой последуют мои доблестные Драконы... Можно подпилить доски помоста — но тогда ты провалишься вниз, и только... А еще — когда после твоей речи, государь, в небо полетят сотни стрел с праздничными лентами... Я думаю, нетрудно одну из этих стрелпустить в тебя?

— А кто должен пускать праздничные стрелы?

— Ублюдки из балаганов. Ты же сам так приказал, владыка.

— Я помню. Кром! Вот и завязался узел! До Митрадеса остается всего пять дней и ночей... Скажи мне, старый пес, скоро ли балаганы прибудут в Тарантию?

— Ночь перед праздником все проведут здесь. Но, мой государь, ты думаешь, злоумышленник действительно существует?

— Я знаю это. Но теперь ступай. Времени у нас остается не так уж много. Я хочу, чтобы к сумеркам ты доложил мне все, что сможешь узнать об этих балаганах.

Когда Паллантид ушел, мягко ступая по коврам огромными сапожищами, король откинулся на спинку кресла и раздраженно выругался: не успел он вволю насладиться покоем, как появился какой-то ублюдок, которому приспичило отправить его на Серые Равнины! Копыто Нергала ему в зубы! У Конана на ближайшее время совсем другие планы... Если бы он мог припомнить, когда и главное — кому наступил на хвост.. Тогда можно было бы справиться с этим делом за половину дня: Черные Драконы за шкирки приволокли б сюда всех балаганных козлов, выстроили в ряд и напинали, чтоб стояли не шелохнувшись, так что Конану осталось бы только осмотреть их поганые рожи и опознать злоумышленника. Но за свою прошлую жизнь нынешний аквилонский правитель поотрывал столько хвостов, что не было никакой возможности восстановить в памяти и трети их обладателей. Тем более, что ублюдочный мститель наверняка пострадал от Конана не сам — иначе он давно гулял бы по Серым Равнинам... Король ухмыльнулся и бросил взгляд на пузатый кувшин: и дюжины таких не хватит, чтобы изобразить все приключения. Да и стоит ли изображать? Никто и ничто не расскажет о битвах честнее самого тела воина — шрамы, нанесенные не восхищенной рукой рисователя, но рукою врага — не слукавят, не солгут...

Конан пожал плечами, смахнул небрежно со стола кувшин и встал, заправляя за тонкий золотой обруч выбившуюся прядь густых, чуть подернутых сединой черных волос. Слишком много дел накопилось за последнее время; откладывать их на потом из-за куска дермы, одетого в разноцветное липедейское тряпье, он не стал бы даже по велению самого Митры. А потому, пнув напоследок драгоценный кувшин так, что тот жалобно зазвенел и укатился под кресло, король вздохнул, прощаясь с надеждой напиться до потери сознания, и решительно покинул свою роскошную обитель.

Глава третья

Трижды встретили восход солнца в доме Играты веселые гости. За это время ленивый хозяин устал так, как не уставал, наверное, никогда: от постоянного смеха (порой совершенно беспричинного) низ живота его не переставал болеть, словно Играт надорвался на тяжелой полевой работе или строительстве нового дома нобиля. Но даже если бы у него болел не только низ, но и верх живота, и сердце, и почки, и печень со всех сторон — все равно он не отказался бы от знакомства с лицедеями. Хозяину казалось, что до встречи с ними жизнь его была бездумной и невесомой, подобно пушинке, и в этом мире не стоила и мелкой медной монеты; каждый день походил на предыдущий, как одна песчинка походит на другую, и каждый — так считал теперь Играт — пуст, ибо нечего вспомнить и не о чем, совершенно не о чем поведать гостям в ответ на их бесконечные веселые байки.

И все же Митра не оставил его! Балаган, путешествующий по свету налегке — он состоял всего из двух крытых повозок, запряженных старыми клячами неопределенной расцветки — мог направляться в Тарантию каким угодно путем: через Шем и Аргос или через Британию и пограничное королевство, а может, из Асгарда через Ванахейм.. Да мало ли дорог в этом огромном мире? Но Податель Жизни и Хранитель Очага послал беспутных детей своих именно в дом ничтожнейшего из рабов, сухой былинки, дождевого червя,

лягушачьей лапки... Играт вытер указательным пальцем вдруг навернувшуюся слезу умиления и счастья, посмотрел на Улино, Агрея и Сенизонну, кои впились губами в края глиняных кружек и с чрезвычайной бережливостью щедили винные опивки. Это было последнее, что мог им предложить ленивый хозяин: деньги, что заплатили лицедеи за постой, кончились еще вчера — на них Играт приобрел полдюжины бочонков пива; но утром от пива осталась лишь засохшая на кружках пена, и тогда пришлось продать за сорок один с четвертью кувшин вина прекрасные сапоги из мягкой и прочной кожи. Сапоги Играт получил три луны назад почти что даром — от проезжавшего из Мессантии в Танасул сапожника, брата его покойной жены, который решил остановиться на ночлег у бывшего родственника. Но — все равно сапоги было жалко.

Теперь и вино подходило к концу: целый день гости вливали его в свои бездонные глотки, обливаясь и булькая, падали на пол один за другим, кто молча, кто с хрипом, кто с песней, пока не осталось за столом трое — самые крепкие, самые здоровые — толстяк Улино, грустный красавец Сенизонна и соломенноволосый весельчик Агрей. Они-то и восседали сейчас за столом в доме гостеприимного Играта, с достоинством принимая его влюбленные вздохи и взоры и высасывая из кружек последние капли живительной влаги.

— Что, Играт, собрался-таки с нами? — заплетающимся языком пробормотал Сенизонна.

— Ну, — закивал из своего угла ленивый хозяин.

— Заче-е-м? — Улино попытался всплеснуть пухлыми руками, но покачнулся и чуть было не свалился под стол. Видимо, сообразив, что под столом ему будет тесновато, он вцепился в рукав Агрея и так удержался на своем табурете. — Зачем, безмозглая лилия моего большого сердца? Думаешь, мы только набиваем животы, спим да пляшем?

— Под Мессантией есть один гнусный городишко, —

подал голос Агрей. — Глемозо называется... Так нас две луны назад оттуда гнали чуть не до самой Алиманды.

— За что? — выпучился Играт.

— А ни за что, приятель. Мы — шуты, ублюдки...

— Сам ублюдок, — недовольно скривился Сенизонна. — Пес воючий... Но Глемозо и впрямь гнусный городишко. Только я начал рассказывать о Семее и Онзало — знаешь эту историю, хозяин?

Играт замотал головой.

— Прекрасная девушка Семея жила в далеком Иранистане... — заунывно начал Сенизонна, закатив глаза. — Губы ее, подобные лепесткам ахаяны...

— Ахаяны! Вот за то в тебя и швырнули первый камень! — презрительно надул щеки Улино. — Ахаяна не имеет лепестков, чтоб ты знал, печальная гусеница... Это маленький кустик, с виду похожий на кактус, весь в колючках. И растет он только на земле пиктов — в Иранистане о нем никто и не слыхивал!

— Можно подумать, в Глемозо кто-нибудь слыхивал! — обиженно фыркнул Сенизонна. — И не называй меня печальной гусеницей, навозная куча. Было время, я служил в войске славного Гаура в Туране и таких жирных верблюжьих горбов переколол не меньше дюжины! Так что лучше не выводи меня из терпения. Я многотерпелив, много... Но...

— Заткнись, — без тени почтения к военным заслугам Сенизонны махнул ручищкой толстяка. — Я тоже не всегда выглядел таким куском дермы.

— Расскажи о зуагирах, Улино, — встрепенулся Агрей. — Ты ведь бывал с ними?

— Недолго... Луну или две...

— Расскажи нам!

— Давно было дело, да и нет охоты болтать.

— Да у нас кроме Кука и Лакука все умеют держать в руках оружие! — Сенизонна зарделся, стараясь не смотреть на толстяка. — Так что нечего делать героя из этой жирной крысы. И Мадо повоевал, и Ксант с

Енкином, и даже Михер! А Леонсо и вовсе был десятником в Султанапуре.

— Помолчи ты наконец, Сенизонна! — с досадой сказал Агрей.

— И не подумаю!

— А я говорю, помолчи! — В голосе светловолосого красавца зазвучала угроза.

— Ублюдок!

— Ах ты дермо... — задушиенно просипел Агрей и кинулся на Сениzonну.

Но тот был начеку и с размаху хватил приятеля пустой кружкой по лбу. Соломенные волосы лицедея окрасились в алый цвет, и голова его упала на стол.

Улино наблюдал за происходящим с полнейшим равнодушием. Он знал, что голова у Агрея крепкая, словно у каменной статуи, что Сенизонна сейчас расхнычется и начнет умолять о прощении.. Точно так и вышло. Спустя лишь несколько вздохов Агрей замычал, царапая стол, а у грустного красавца Сенизонны задрожали пухлые алые губы, и слезы навернулись на прекрасные, темно-серые глаза в длинных пушистых ресницах. Толстяк усмехнулся, слегка повел жирными холмами плеч и подмигнул побледневшему Играту.

— Так и живем!

Ленивый хозяин глубоко вздохнул: то и дело вспыхивающие стычки меж лицедеев пугали его. Сам мирный, всегда железно спокойный, он не выносил ссор, а тем более драк, и все же желание отправиться странствовать по свету с балаганом не оставило его ни на миг. Только легкая, почти бессознательная грусть сжалла вдруг его сердце, но тут же и отпустила. Он оглядел свое жилище и зашевелил губами, как бы прощаюсь с ним. Комната сплошь была заплевана и полита вином, завалена пустыми кувшинами, большей частью разбитыми, ключьями куртки Мадо и рубахи Енкина, накануне сцепившимися уже не на шутку, сухими крошками, костями двух куропаток — их в предлесье собственно-

ручно изловила расторопная Велина, и прочей дрянью, бывшее предназначение которой не смог бы теперь определить и сам хозяин. С потолка свисала многолетняя паутина — ею восторгался Сенизонна, усматривая в мохнатых серых клубках грусть, сокрытую в его душе; в щелях стен пророс мох, и толстые жуки сновали по нему туда-сюда, а дыра посередине обозначала у Играта окно — в него можно было высунуть голову, но лучше все же было этого не делать: на обратном пути голова застревала намертво, и вернуть ее к телу стоило немалых сил и ухищрений. Так выглядела комната ленивого хозяина спустя три дня после поселения гостей. Оно и понятно — прежде здесь гадил один Играт, а теперь ему помогали еще двенадцать мужчин и одна женщина.

Ни Сенизонна, бормотавший себе под нос несусветную чушь, ни зевающий во всю огромную пасть Улино, ни соломеннноволосый красавчик Агрей явно не видели никакого различия между сараем, где они спали, комнатой, где они пили, и площадями, где их били, — везде было свинство, они к нему привыкли, они даже предпочитали его (во всяком случае, на словах) роскоши дворцов, а потому грязный, вонючий дом ленивого хозяина казался им уютным пристанищем, островком покоя в бушующем море или еще чем-либо в этом роде. Польщенный Играт понимал тем не менее, что у лицедеев просто-напросто не было собственного дома, вот они и расточали похвалы чужому, а почет и любовь от всего сердца, столь редкие и оттого ценимые, заставили их подзадержаться в деревне. Но уже следующим утром — в путь. В путь! В Тарантию! Там аквилонский владыка устраивает великий праздник — Митрадес, на котором балаган несомненно заработает хорошие деньги... Может быть, даже очень хорошие! И тогда — снова в путь, по городам и городишкам, деревням и деревенькам, представлять, показывать, плясать и петь...

О, Митра, какое же это счастье! Играт закрыл лицо руками и зарыдал.

* * *

Перед рассветом Этей вдруг почувствовал, как останавливается сердце. Мертвый ритм его сбылся, а в груди образовалась сосущая, жуткая пустота. Стрелок прикрыл глаза, отсчитывая вздохи в ожидании последнего; страха не было, но отчаяние постепенно сковывало члены, и Этей как-то отстраненно поразился его силе. Он и сам не подозревал в себе такой ненависти к давнему врагу, чтобы даже перед собственным концом испытывать лишь одно желание — убить! убить ЕГО! и — отчаяние по той же причине: он, стрелок, уходит на Серые Равнины прежде, чем свершилась месть.

Перед затуманенным взором Этей вдруг появились неясные очертания тонкой фигуры девушки в белом; вокруг ее, еще более неясные, колыхались в полумраке громадные чернокожие. От них веяло угрозой и презрением, и этого Этей понять не мог. Если девушку он узнал сразу — и, узнав, чуть не задохнулся от счастья — то гиганты были ему незнакомы. Пираты? Возможно. Но ни разу он не видел ее пиратов близко, отчего же они... Стрелок осторожно, боясь потревожить медленно восстанавливающийся ритм ударов сердца, вобрал в себя спертый воздух сарай: какое дело ему до пиратов? Перед ним Белит! Королева Черного Побережья! Его вечная любовь и так и неизведанная наяву страсть... Зачем она пришла к нему? Тогда, много лет назад, в Кеми, она и не замечала юного нищего торговца мидиями, пожиравшего глазами ее стройный стан, нежную белую шею, высокую грудь...

«О, Митра... — застонал стрелок от невыносимой боли где-то под сердцем. — Нет, не Митра. Эрлик! — поправил он себя. Именно Эрлик, его любимое божество, требует очищения через страдания... — Так вот оно, Эрлик! Вот истинное страдание! Я любил ее всю жизнь,

хотя видел лишь трижды, хотя она так давно покинула этот мир... Все, что я делал и чем я жил, — я дарил ей... Не было дня и не было ночи, когда бы я не помнил о ней: и в цепях на галере, и в руках стигийского палача под мрачными сырьими сводами подземелья, и в яростных битвах с кешанскими дикарями, и за кружкой пива с Гаретом...»

Да, и Гарет. Сквозь мутную пленку, затянувшую глаза, он смотрел на гибкую фигурку Белит и словно рассказывал ей о Гарете. Тогда он был атаманом зуагиров и как-то в пустыне, что лежит за горячим, проожженным насквозь до земли раскаленным солнцем, высушенным ветрами городом Эруком, он подобрал Этая. Чудом спасшись из стигийского плена, стрелок сумел переплыть Стикс, одолеть горный перевал и пройти большую часть пустыни. Но — без глотка воды, с растрескавшимися губами и ртом, забитым песком, с обожженной кожей, лопнувшей на плечах и спине, он должен был остаться навсегда в горячих песках, если бы не Гарет. Друг, брат... Он перебросил тогда изможденное и, вероятно, легкое как щенка тело Этая через седло, свистнул своим зуагирам, и они помчались дальше, к Хауранду. Лучше бы им было свернуть к Кофу!

Стрелок скрипнул зубами, вспоминая, как спустя лишь день в лагере появился киммериец. Гарет снял его с креста за два полета стрелы до Хаурана; тот был измучен не меньше Этая, еще не пришедшего в силы после скитаний по пустыне. Но он быстро поправился! Что он сделал с Гаретом — стрелок не знал до сих пор. Он знал лишь одно — и даже этого было бы достаточно, чтобы без сомнений отправить варвара на Серые Равнины, — он знал, что однажды Гарет исчез, а вместо него во главе зуагиров встал подонок киммериец... Тот самый, которого любила Белит! Тот самый, который плавал с ней вместе на ее пиратском корабле, а потом она погибла, а он — жив! До сих пор жив!

О, Эрлик! Не хватит ли испытаний? Не хватит ли

боли и незаживающих ран? Вот и Белит исчезла, не выдержав его рассказа... Так пусть же разорвется сердце, если закончился отпущеный ему срок! Глаза Этея наполнились злыми слезами, он открыл рот и тонко, жалобно, словно щенок, завыл.

* * *

С рассветом, когда божественный глаз Митры озарил все вокруг мягким розовым светом, балаган тронулся в путь. Ленивый хозяин, восседавший на козлах первой повозки рядом с Михером, гордо окидывал взглядом родные окрестности. Он выпятил грудь и поджал губы на случай, если его узрит кто-нибудь знакомый; увы, знакомых вблизи не наблюдалось, зато собаки, вылезшие из канав и кустов на скрип колес, хрюплю и яростно облавили путников вплоть до самой дороги.

Михер клевал носом, не обращая ровно никакого внимания на величественную красоту края. Из повозки доносился могучий храп толстяков и поскуливание Кука с Лакуком, сонное бормотание Мадо, могучее, с присвистом дыхание Леонсо — все спали, и только ленивый хозяин, по выезде из деревни потерявший свой гордый вид, с тоскою смотрел на высокие стройные пальмы, зеленый ковер травы, по коей от тихого ветерка плавно пробегали волны, далекие, просвечивающие сквозь мутную синеву горы. Скоро ли он вернется сюда, и вернется ли? Впереди был долгий, почти бесконечный путь по неведомым странам, по городам, каждый из которых жил своей, особой, отличной от других жизнью; впереди были встречи и расставания, радости и печали... И вдруг Играта охватила такая смертная тоска, что он чуть-чуть не соскочил на землю и не помчался во весь дух назад, домой. На миг показалось, что только там — жизнь, а все иное — мрак и пустота. Он сцепил пальцы до онемения, зажмурился, замотал головой, отгоняя неясные, а потому ненужные ему чувства, и... все прошло — так скоро, что Играт разочарованно смор

щился: он не успел еще насладиться новыми для него ощущениями...

— Эй, парни? — Ленивый хозяин обернулся. Рядом с повозкой шел старший сын Леонсо Ксант — с широкой, до ушей улыбкой, беспрестанно убирая ладонью со лба прядь иссиня-черных волос, слегка прихрамывая на правую ногу. Он махнул Играту и, поравнявшись с ним, взялся рукой за ободранnyй край повозки.

— И тут все спят! — весело сказал он, подмигивая вознице. — А я хотел в кости сыграть. Ну и скуча!

— Тш-ш-ш... — испуганно зашипел ленивый хозяин. — Не разбуди их...

— Ха! Этих скотов и палкой не разбудишь. Вот у нас на корабле...

— На каком корабле?

— На «Прима андепци». По зингарски значит — «Первая звезда». Мой отец купил его у герцога Мазелла Ипси, не слышал о таком? Ну, откуда тебе, деревенская мышь... Ты кроме Тарантии и не бывал нигде? А я родом из Кордавы! Так вот, когда мой отец пошел ко дну...

— Как «ко дну»? А Леонсо кто же?

— Мой отец! — потерял терпение Ксант. — До чего ты тупой, приятель. Уж и не знаю, как с тобой говорить... Ко дну! О, Митра! Да просто разорился! Понял теперь? Так вот, «Прима андепци» пришлось продать одному купчишке. Низенький такой толстяк, сопливый вечно, на нашего Михера похож...

— Он тебе наболтает сейчас, — ясным голосом произнес вдруг Михер и сумрачно посмотрел на старшего сына Леонсо. — Как он на корабле надрывался от ночи и до ночи.

— И надрывался! — взъярился Ксант. — Тебе-то откуда знать, свинья!

— Сам свинья и бычий хвост, — невозмутимо ответствовал колобок.

Ксант надулся и побагровел; ленивый хозяин, раз-

делявший своим крепким телом обоих петухов, с ужасом почувствовал, а потом и услышал, как с грохотом и свистом из седалища его вырвались позорные звуки, и — побагровел тоже. Михер же, недоуменно взглянув на соседа, вдруг хрюкнул, сообразив, в чем дело, хватнул ртом воздух и, визгливо гоготая, привалился к плечу смущенного Играта. От смеха кровь прилила к его лицу, так что цветом он теперь нисколько не отличался от своих приятелей.

— Ну, парень... — вытаращив глаза, пробормотал Ксант. — Помнится, ты толковал, что ничего не умеешь делать? Да такой песни я в жизни не слыхал! Народ будет носить тебя на руках! А ну, попробуй еще разок!

Играт потупился, чувствуя, как ярким пламенем загораются уши, затем скосил голубой глаз на плачущего от смеха Михера и... И попробовал.

Глава четвертая

Весь день, пока решались те или иные дела, Конана тянуло на конюшню словно голодного к ломтию хлеба: перед глазами так и стоял гнедой трехлеток, красавец с пышной гривой и тонкими, но сильными ногами. Наконец освободившись от государственных забот, король спешно покинул зал и, перешагивая через три ступеньки, спустился вниз. Но здесь его остановил Паллантид.

— Государь, я все узнал!

— Ты о чем, старый пес? — с досадой проворчал Конан. Поглощенный приятными мыслями о чудесном подарке из Коринфии, он совершенно забыл и о предостережении Пелиаса, и об утренней беседе с верным Паллантидом.

— Как?.. — в изумлении уставился на короля капитан Черных Драконов. — О балаганах!

— Кром! Сдается мне, я так и не попаду сегодня к моему гнедому... Ладно, выкладывай, да поскорее!

— Вот! — Паллантид вытянул из-за обшлага рукава свернутый в трубочку серый пергамент. — Всего в Тарантии на Митрадесе будет пять балаганов. Один из Турана — нигде надолго не останавливается, плется еле-еле, от кабака до кабака. Пьют не просыхая, так что надо будет их проверить перед праздником.. Как бы чего не вышло.. Второй наш собственный — все недоумки под присмотром. Третий из Шема, но он уже в Тарантии. Расположился в доме Рыжей Магаллы... —

последние слова Паллантид произнес, многозначительно посмотрев на короля. — Ты знаешь сам, владыка, какие девушки живут у нее... Конан пожал плечами.

— Что ж, или лицедеи не мужчины? Пусть их. Давай дальше.

Вздохнув, Паллантид продолжал.

— О четвертом известно лишь то, что остановился он в доме некого Ленивого Играта на окраине Пуантена. Просидели там несколько дней, а теперь направляются в Тарантию. Ну, и пятый — из Офира — сейчас тоже на пути сюда. Вот и все, государь.

— Немногого же стоят твои сведения, старый пес! Но Нергал с ними, с балаганами. Пойдем-ка лучше поглядим на моего гнедого.

С превеликим удовольствием Паллантид принял приглашение короля. Но — не успел Конан взяться рукою за железную скобу на деревянной двери конюшни, как его окликнул слуга, вразвалку семенящий по ровной дорожке сада. Король окинул его ледяным взглядом и мрачно выслушал сообщение.

— Мой господин, к тебе явился давешний посетитель, а с ним — еще один. Страшный!

Конан заскрипел зубами, с тоскою посмотрел на дверь конюшни, за которой слышалось фырканье гнедого; вся эта история начала его утомлять. Что еще нужно Пелиасу и кого он с собой приволок? В раздражении сплюнув, король отвернулся от конюшни и двинулся ко дворцу с тем, чтобы принять гостей, как и подобает аквилонскому владыке.

* * *

— Мы не вовремя, друг мой? — с легкой улыбкой поинтересовался Пелиас, кланяясь государю.

— Клянусь Кромом, я надеялся провести время повеселее... Что толку в пустых разговорах!

— В пустых? О нет, владыка. Если ты помнишь, речь шла о твоей жизни!

— Стоит ли упоминать об этом сейчас? — пробурчал Конан, выразительно глядя на приведенного магом гостя.

Определение «страшный», коим простодушный слуга наградил его, как нельзя более подходило ко всему облику старика. Невысокий, но стройный и гибкий, он производил отталкивающее впечатление чрезмерно длинными руками с выпирающими плечевыми и локтевыми костями, тощей шеей, покрытой сплошь жестким темным волосом, острым кривоватым горбом на спине; лицо его, чем-то неуловимо напоминающее крокодила, было изрезано морщинами — но не благородными, столь украшающими почтенного старца и свидетельствующими о его праведной, хотя и нелегкой жизни, а порочными: казалось, каждая из этих глубоких канавок на дряблой коже могла бы поведать свою неприглядную историю о предательстве и разврате, грабеже и убийстве.. Узкие глаза его того же грязно-коричневого цвета, что и пятна на лице и руках, были почти скрыты седыми густыми, низко свисающими бровями — это выглядело странным тем более потому, что ресниц не наблюдалось вовсе. Тонкий длинный нос, по форме изящный и благородный, мог бы хоть немного украсить своего владельца, если бы не был свернут набок так, что кончиком чуть не касался впалой щеки, а узкие бесцветные губы, искривленные в сторону, обратную носу, довершали самое неприятное впечатление, какое только производил человек.

Одежда его была проста: длинный, до пят, светлый балахон простой ткани и теплая шерстяная накидка сверху. Учитывая всегда ровный климат Аквилонии, а в особенности царящую последнее время жару, наряд старика казался более чем странным. Впалую грудь украшал серебряный медальон на серебряной же массивной цепи, а в вытянутой мочке волосатого уха висела серьга в форме карабкающегося на дерево человека.

Все это Конан, повидавший за время своих былых

странствий необычайное количество народу, отметил с одного взгляда, а отметив, понял, что Пелиас привел к нему отнюдь не простого горожанина. Потому на последующие слова мага он отреагировал легким кивком и почти всю дальнейшую беседу не спускал со старика внимательных глаз, что, безусловно, несколько раздражало гостя, но ничуть не смущало самого короля.

— Друг мой, именно сейчас и стоит об этом упоминать! Позволь представить тебе моего старинного знакомого — меир Кемидо Бьянци из Пунта.

— Из Пунта? — поднял брови Конан.

— Там мое последнее пристанище, — скривил губы в другую сторону меир, что, по всей видимости, должно было означать у него приветливую улыбку.

Но в тихом скрипучем голосе Конан не уловил никакого выражения — стариk говорил без интонаций, на одной ноте, так, словно читал привычную молитву.

— Что до твоего пристанища, — вежливо сказал король, — то будь оно хоть под хвостом Нергала — мне до того дела нет.

— Государь, — вмешался маг, — меир Кемидо здесь для того, чтобы помочь тебе. Выслушай его, и ты поймешь: только он сможет указать злоумышленнику, чей извращенный мозг задумал ужасное преступление.

— Кром! Ты очень много говоришь, Пелиас. Не лучше ли перейти к делу? Но для начала я все же хочу знать, кто такой меир Кемидо. Одного имени мне недостаточно.

Стариk вскинулся острый подбородок, из которого торчали три черных волосины, и скосил на короля один глаз. Конан заметил, немало удивившись про себя, что второй глаз остался неподвижен; впрочем, в своей жизни он довольно насмотрелся всяких фокусов, так что если достопочтенный меир хотел произвести впечатление, то это ему не удалось.

— Я — Слуга Прошлого, — гордо проскрипел стариk.

— И что?

— Я могу отыскать твоего врага в прошлом, государь!

— Вот с этого и надо было начинать. Пелиас, забирай своего приятеля и выкатывайся из дворца. А еще лучше — из Тарантии!

— Не спеши, друг мой, — лицо мага напряглось и стало похожим на маску. — Я не посмел бы вводить тебя в заблуждение. Поверь, меир Кемидо — настоящий искусствник, равных ему нет...

— Позволь мне, любезный.. — Стариk качнулся, обдав Конана резким запахом старости и земляной сырости, и протянул руку ладонью вверх.

Ни одной линии не увидел король на коже Слуги Прошлого: ровная матовая поверхность без бугорков и впадин, как покрытая воском дощечка, недвижимо повисла перед ним в воздухе. И вдруг в самой середине ладони вспыхнул неяркий огонек; словно светлячок в вечернем тумане, он то затухал, то разгорался вновь; кожа постепенно тончала, плоть под нею наливалась жизнью. Вот уже стали просвечивать вены — голубые полноводные реки, кости.. Нет, не кости, но прямые дороги и тропы.. Кром! Конан ясно увидел оазис, которым кончалась пустыня, а за ним равнину — через ровную зеленую поверхность проходил широкий тракт, и обрывался он у городских ворот..

— Кром! — рыкнул король, с силой треснув кулаком по подлокотнику кресла. — Вздумал удивить меня, старая развалина?

— Нет, — спокойно ответствовал меир, убирая руку в складки платья. — Я лишь хотел предложить тебе отправиться в прошлое. В твое прошлое, разумеется.

— Не опасайся подвоха, государь, — мягко вставил Пелиас. Черты его между тем оставались жестки и бесстрастны. — Ты считаешь, былая дружба для меня пыль? Что ж, как говорится, не веришь — проверь.

— Хр-рм.. — пробурчал несколько смущенный Конан. И в самом деле, маг не давал ему пока повода

для сомнений. — Будь по-твоему, Пелиас. Если меир предлагает мне отправиться в прошлое — я согласен. Но без шуток и трюков! Не то, клянусь бородой Крома, вы оба сгниете в Железной Башне!

«Конан есть Конан», — улыбнулся про себя Пелиас, почтительно поклонился государю, затем обратился к старику.

— Успею ли я выпить кубок вина до вашего возвращения, милейший?

— Два кубка, — приоткрыл щель рта меир Кемидо. — А коли ты любитель славного аргосского, то и три.

* * *

Пока Конан мерил шагами просторную комнату, а маг, в полном разногласии с шуткой старика осушал уже четвертый кубок славного аргосского, меир Кемидо, хрюкая, готовился к путешествию. Он расправил свой балахон так, что тот почти полностью скрыл его от глаз короля и Пелиаса — только венчик редких седых волос вздыпался над тканью, — сгорбился и забормотал нечто вроде молитвы на незнакомом Конану языке.

— Это всего лишь представление, мой король, — прошептал маг. — Для него отправиться с тобой в прошлое так же легко, как для меня сопровождать тебя в твою конюшню.

— Ты думаешь, в мою конюшню попасть легко? — мрачно буркнул Конан. — Я весь день туда иду и...

— Ты готов, государь? — Меир Кемидо щерил в странной крокодильей улыбке редкие острые зубы и уставился одним глазом на короля, а другим на Пелиаса.

— Ну? — Конан сложил руки на груди и, не стараясь скрыть неприязнь, в упор посмотрел на старика.

— Хорошо, что ты одет просто, — одобрительно прокрипел меир. — Кожаные штаны, рубаха и куртка не

привлекут лишнего внимания к нашим особам. Итак, государь, подойди ко мне.

Конан подошел и, повинувшись жесту старика, сел на подлокотник его кресла.

— Дай руку.

Когда король, с трудом подавив отвращение, вложил свою могучую длань в сухую безжизненную ладошку меира, тот выставил перед его глазами другую руку: вновь тускло заблистал в ней огонек, то затухая, то вспыхивая...

По телу Конана пробежала дрожь. Он не мог оторвать глаз от картин, что проплывали одна за другой на матовой поверхности ладони Слуги Прошлого. Вот... Вот штурм Венариума! Киммерийцы с ревом врываются в крепость, и в первых рядах, среди самых суровых и закаленных боями воинов — юноша с черной гривой волос и пронзительными синими глазами, кои горят сейчас так возбужденно, истинно по-варварски... Но, к досаде Конана, не успевшего толком разглядеть себя в юности, эта картина рассеялась, а на ее месте тут же проявилась другая: пантера с изумрудными глазами и жаркой алой пастью стоит перед ним, помахивая черной блестящей палкой хвоста. Конан протягивает ей руку, в которой зажат золотой диск на золотой же цепочке.. Кажется, то был амулет Митры.. И опять все пропало. Мелькнули какие-то люди, чьи лица или рожи показались королю знакомыми, полумрак кабаков, звенящая ярость битв и драк... А вот Белит! Сердце Конана ухнуло куда-то вниз, он мгновенно взмок и протянул руку к картине.. Увы, Белит исчезла, а вместо нее на ладони меира возникло прекрасное лицо Дайомы, представляющей ему нового слугу — серокожего исполина Идрайна...

— Что же ты? — тонким голосом воскликнул старик. — Скоро мы дойдем до времени нынешнего! Говори, где остановиться!

Конан, которого никто не предупреждал о том, что

надо говорить, бросил на меира яростный взгляд и, не глядя ткнув пальцем в его ладонь, рявкнул:

— Здесь!

В тот же миг перед глазами его поплыли розово-красные круги, в висках гулко забили молоточки, а волосы на затылке приподнялись словно у зверя, почуявшего опасность. Он даже не почувствовал, как впились в его огромную руку цепкие пальцы меира Кемидо; посмотрев на Пелиаса мутным взором, король хотел сказать ему какое-то проклятье, только вдруг он совсем ослаб и начал валиться набок, хватая ртом воздух.

— Ну вот и все... — услышал Конан довольный голос старика, скрипнул зубами в бессильной ярости и в этот же миг сознание покинуло его.

* * *

Свежий ветерок взъерошил волосы киммерийца, увы, принеся лишь надежду на облегчение, ибо был невесом и бесплотен; настоящего ветра желал бы Конан — сильного, морского, напитанного солью и запахами разных стран, такого, что унес бы хоть часть этой безумной боли, сковавшей виски... Застонав, он повернулся на живот, уткнулся носом в комок тряпок и попытался вспомнить, что же с ним произошло.

Пелиас? Да, Пелиас, явившийся во дворец с отвратительным крокодилом, величающим себя Слугой Прощего... Ровная матовая ладонь этого ублюдка, а в ней... Кром! Надо же позволить так себя одурачить! Его прошли как мальчишку! Но зачем? Что понадобилось Пелиасу? И, кстати, куда они затолкали Конана?

Он приоткрыл один глаз, думая увидеть серые мрачные стены темницы, но узрил лишь деревянную стену да край топчана, с которого свисала чья-то босая нога.

— Кром! — в изумлении выдохнул Конан и сразу с еще большим изумлением почувствовал подозрительный запах, извергшийся из его собственного рта. Принюхавшись, киммериец обнаружил, что запах сей явно был

последствием неумеренного поглощения дешевого кислого вина. Но, насколько он мог помнить, кроме полдюжины кубков отличнейшего аргосского, он не пил ничего. Слюнув на дощатый пол горечь, Конан тяжело приподнялся на локтях, подтянул непослушное тело и сел, скрестив ноги.

— Не нравится мне все это, государь...

Киммериец оглянулся. Рядом с ним на деревянном топчане восседал не кто иной, как меир Кемидо собственной персоной. Крокодилья физиономия его была мрачна, длинные волосины бровей торопчились в разные стороны; он не смотрел на короля, но тонкие губы, вытянутые в трубочку, свидетельствовали о том, что меир чем-то был очень недоволен.

— И что же тебе не нравится, крючок? — суроно спросил Конан, который и сам не мог быть в восторге от настоящего положения.

— Не туда попали! Надо было тебе дать знак раньше, тогда мы оказались бы где-нибудь у моря, или в лесу, или... Да мало ли где! А что нам делать в этой казарме?

— Мы в казарме?

— Ну да, в Хауране. Вчера ты набрался в кабаке, а теперь отлеживаешься, тебе плохо, голова болит...

— Это я и без тебя знаю, — буркнул Конан. — Не думал, что от аргосского может быть так худо.

— Какое аргосское? — презрительно скривился старики. — В здешних кабаках солдатне кроме кислятины не подают ничего!

— Так я здесь набрался? В Хауране?

— Государь, твоя непонятливость удивляет и восхищает меня!

— Почему восхищает? — поинтересовался Конан.

— Потому что ты король. Но, прости меня великодушно, сейчас ты всего лишь капитан гвардии королевы Тарамис. О, благороднейший, неужели ты ничего этого не помнишь?

— Помню.. И.. Скоро на площади начнется бой с шемитами?

— Да.

— А потом меня...

— Да!

— О-о-о! — простонал Конан. — Куда мы попали! У меня вовсе нет охоты снова испытать все это!

— Отправимся обратно?

— Ну уж нет! Посмотрим, может, мне удастся хоть что-нибудь изменить в прошлом!

— Нет, государь, на это не рассчитывай. Но.. Слышишь? Гвардейцы собираются на площадь! Вставай!

* * *

Очутившись в прошлом, меир Кемидо странным образом преобразился: оживление сквозило в каждой его черте, сквозь нависшие брови сверкали желтым тусклые прежде глаза, а пальцы то и дело перебирали складки платья. Когда гвардейцы, растерянные, побледневшие, обратили свои взоры на Конана, старик подскочил вдруг к высокому круглоголовому парню и с размаху треснул его по плечу.

— Орел! Служишь? Служи!

Киммериец фыркнул, а парень в изумлении отшатнулся от незнакомца, ибо в прошлом меир выглядел ничуть не симпатичней, нежели в настоящем.

— Капитан! — заговорил низкорослый крепыш с изъеденным оспой серым лицом. — Только благословенная Иштар знает, зачем королева открыла ворота ублюдкам! Скажи нам, что делать?

— Мы дарим Хауран шемитам?

— Почему без боя, капитан?

— Не сдадим оружия!

Конан поднял руку, призывая гвардейцев к вниманию и намереваясь сообщить им правду, изменив тем самым ход истории, но увы! Подобное еще никогда и никому не удавалось. Только он начал говорить, как из самого конца казармы, позевывая, вышел могучий воин с гривой черных

спутанных волос, с капитанской перевязью, сплошь заляпанный бурными винными пятнами. Помятое, покрытое шрамами лицо его с губой, прокущенной в порыве страсти то ли им самим, то ли его подругой, показалось королю смутно знакомым. Он вопросительно посмотрел на меира Кемидо, но тот лишь ухмыльнулся в ответ, передернув костлявыми плечами.

— Хватит болтовни, — хмуро пробурчал новоприбывший. — Пошли на площадь, поглядим, в чем там дело.

Синие глаза его вдруг в упор уставились на Конана; на миг они сверкнули странным огнем, но тут же и потухли; равнодушно отвернувшись, он направился к выходу. Гвардейцы, совершенно позабыв про короля, коего только что величали капитаном, молча устремились за ним.

— Ах ты, старая коряга... — задумчиво глядя в широкие спины, обтянутые красно-черными куртками, сказал Конан. — Почему ты не предупредил меня, что он здесь?

— Ты и сам должен был догадаться, государь, что без этой встречи не обойтись.

— Он не узнал меня..

— Конечно. Ведь ты теперь на десять лет старше...

— Кром! Он понравился мне!

— Зачем ты говоришь «он»?

— Я не могу говорить о другом человеке — «я»...

— Он не другой человек! Он и есть ты!

— Хватит болтовни. Пошли на площадь, поглядим, в чем там дело.

Король покачал головой, все еще пораженный неожиданной встречей, и, не дожидаясь меира Кемидо, вышел из казармы.

* * *

Вся площадь перед королевским дворцом была заполнена народом. Для того, чтобы добраться сюда, Конану и его спутнику пришлось пробираться сквозь взву-

дораженные толпы, плотно забившие улицы. Далеко впереди король видел возвышавшуюся над толпой черную гриву его собственных волос; но пока он никак не мог привыкнуть к тому, что этот гигант и есть он сам, так невероятно было настоящее приключение. Искоса он взглянул на невозмутимо шагавшего рядом меира Кемидо: старик приподнял полы длинного платья, дабы не запачкать его, и с нескрываемым удовольствием наблюдал за происходящим вокруг.

А вокруг и в самом деле творилось нечто невообразимое. Толпа гудела, встревоженная и растерянная, тут и там слышались восклицания, стоны, приглушенные рыдания.

Солдаты, построившиеся на площади по приказу королевы, хранили молчание. Но и их недоумение было велико. Взгляды их, устремленные поверх голов к ступеням королевского дворца, казалось, молили об истине. Никто не мог пока понять, что же произошло. Почему Тарамис, любимица народа, повелела открыть ворота Хаурана, отдав на поругание шемитам и свой город, и своих людей? И каким образом рядом с ней очутился подлый кофит Констанций? Ведь накануне она отказалась ему в его отвратительных притязаниях?

Все эти вопросы, произносимые негромко или шепотом, король и меир услышали, стоя в притихшей уже толпе. До ломоты в скулах сжав зубы, Конан мрачно смотрел на строй солдат; гвардейцев с его места видно не было, так что узреть самого себя среди них он также не имел возможности. Вооруженные до зубов шемиты числом не менее десяти тысяч выстроились в каре. Нагло уставясь на хауранных воинов черными выкаченными глазами, они отнюдь не пеклись о своей исправке. Все это было им теперь ни к чему! Не гости, но хозяева, они стояли расхлябанно, то зевая, то переговариваясь, а то презрительно сплевывая в сторону великолепного храма Иштар, высиящегося на соседней площади и отлично видимого отсюда.

Появившаяся в этот момент на ступенях дворца королева с глумливой ухмылкой на прекрасных устах вызвала рев толпы. Нотки надежды, звучавшие во всем общем хоре, заставили Конана поморщиться словно от боли. Королева же — даже в мыслях киммериец не допускал называть ее славным именем Тарамис — захотела, закинув голову, и обернулась назад.

И тут из темноты за ее спиной выступила рослая фигура воина в роскошных одеждах. Лишь только лицо его осветил день, рев толпы смолк; ужас волной пробежал по стройным рядам воинов и сковал простой люд. Констанций! Рядом с королевой Констанций!

— Слушайте все! — повелительно произнесла королева. — С этого дня я объявляю Констанция королевским супругом!

Толпа ахнула.

— Армии приказываю: сложить оружие и разойтись! Отныне храбрые воины вашего нового короля будут охранять Хауран. А теперь ступайте, ступайте! Ступайте же!

Все смешалось на площади. Одни, будто бы их тянуло неведомой силой, шли ко дворцу, другие, напротив, старались поскорее покинуть площадь. Ни тем, ни другим не сопутствовала удача: слишком много народа скопилось здесь, так что выбраться из толпы отдельному человеку было весьма непросто.

Солдаты, онемевшие и вконец растерявшиеся, складывали оружие — они привыкли повиноваться королевским приказам, хотя и не могли сейчас понять, чем вызвано такое странное, похожее на предательство поведение Тарамис. Впрочем, само слово «предательство» не приходило им в головы. Скорее, ощущение его витало над сломанным строем хауранных воинов.

Конан, намертво вставший на одном месте и не сделавший даже шага в суете толпы, наконец не выдержал. Оттолкнув вцепившегося в его куртку меира Кемидо, он в несколько прыжков достиг ограды дворца. Какой-

то шемит лениво замахнулся на него коротким мечом, но тут же упал, сраженный тяжелым кулаком киммерийца. Краем глаза Конан заметил, что гвардейцы пока и не думают расставаться со своим оружием: толстый, обвешанный мечами и кинжалами шемитский десятник терпеливо повторял им распоряжение королевы, удивляясь про себя тупоумию хауранцев. Его не слушали. Головы всех до единого гвардейцев были повернуты к капитану. И Конан, на миг остановившись у ограды, посмотрел на него же со смешанным чувством гордости и опаски. Он лучше, чем кто-либо иной, знал, что скажет сейчас этот могучий угрюмый парень, так же, как знал он, что последует за этим. Горячее желание вмешаться вновь охватило его, но усилием воли он сдержался. Меир Кемидо был прав. Может ли он изменить прошлое? Да и вправе ли?

В глубине души король вовсе не хотел вторично переживать то, что должно было произойти, — а судя по тому, что рот его до сих пор был полон тягучей и горькой похмельной слюной, ему придется испытать на своей шкуре все, положенное черноволосому капитану гвардейцев, — но и менять что-либо в своей прошлой жизни он тоже не собирался. Поэтому он ограничился в своих действиях тем, что решительно двинулся к ступеням королевского дворца, вежливо пропустив вперед того, кто уже направлялся туда же.

Два абсолютно одинаковых человека встали рядом — только у одного из них в черных как воронье крыло волосах блестели серебряные нити — два абсолютно одинаковых человека посмотрели на королеву. Конан-младший не замечал присутствия двойника, вернее, не обращал на него ровно никакого внимания, как бы чувствуя, что с этой стороны не может быть подвоха. Конан-старший, напротив, очень внимательно следил за любым жестом парня, с удовольствием понимая, как нравится сам себе и как мало он с тех пор изменился.

С трудом оторвавшись наконец от созерцания себя

в молодости, он смерил королеву презрительным взглядом, сделал короткий шаг назад и встал за плечом капитана. Конан-младший, в точности повторив его взгляд, повернулся к толпе, которая, замерев, наблюдала за ним, пожал плечами и громко, насмешливо воскликнул:

— Да это не королева, не Тарамис! Это демон в ее обличье!

Лже-Тарамис взвизгнула в ярости, скользнула за спину Констанция; кофит, покручивая ус, задумчиво посмотрел на короля и капитана, странным образом похожих друг на друга, и, не раздумывая более, повернулся и вместе со своей пассией исчез во мраке дворца.

Народ на площади взревел. Кто Тарамис? Где Тарамис? Эти вопросы так и остались без ответа, ибо ведьма Саломея лишь злобным блеском глаз отличалась от настоящей королевы. Дикий мощный вой стотысячного горла потряс Хаурэн. С лиц наемников мгновенно слетело общее выражение скуки: звериная ярость толпы за полвздоха могла раздавить их, а потому они выхватили мечи и, не теряя времени, ринулись на безоружных людей.

Огромный шемит подскочил к капитану, намереваясь поразить его мечом в грудь, но в тот же миг упал на ступени замертво — кинжал Конана-младшего по рукоять вошел ему в шею. Король усмехнулся, подавляя желание дружески шлепнуть парня по плечу, выхватил свой королевский меч и ринулся вниз. А там уже кипел бой.

Гвардейцы яростно бились с шемитами — после того, как капитан их сначала запретил им слагать оружие, а затем выступил с короткой, но поразившей всех речью, от недоумения и растерянности не осталось и следа. Не Тарамис! Некоторое время были слышны лишь воинственные и гневные выкрики да звон клинков, но вскоре дикий вопль обезумевшей толпы заглушил все прочие звуки. Люди бросались на шемитов, словно звери,

вырвавшиеся из клеток. Безоружные, они действовали кулаками, ногами, зубами... И все же исход боя был предрешен: пять сотен гвардейцев и простой люд не могли устоять против тысяч отлично экипированных шемитов.

Конан-король, мечом расчищающий себе дорогу к дворцовой стене, где один против сотни сражался капитан, с ужасом ждал того мига, когда бой для него будет окончен. Так же, как в полной мере испытал он тяжелое похмелье вместе со своим двойником, он должен и упасть сейчас под натиском шемитских псов, упасть, чтобы совсем немного спустя оказаться распятым на кресте подлым кофитом Констанцием... Безумное желание изменить историю обуяло короля; на этот раз он уже не имел воли справиться с собой. Быть может, в более спокойной обстановке он и оставил бы все, как есть, но теперь, в пылу схватки, это оказалось свыше его сил. Да он и не задумывался уже, есть ли у него право вмешиваться, нет ли... Он снова и снова поднимал свой меч, разя ненавистных ему и в прошлом и в настоящем наемников, беспрепятственно вошедших в город и вознамерившихся поживиться на несчастьи обманутых демоном людей. Короткая мысль о меире Кемидо, пропавшем из виду, мелькнула было в его голове, но в тот же момент словно молния разорвалась перед его глазами, хотя ни один из вражеских мечей не коснулся и волоска на его теле. Конан вскрикнул, пораженный страшной болью, пошатнулся и рухнул на землю. Сознание покинуло его.

Глава пятая

Сумрачно было на душе стрелка. Качаясь в повозке и сквозь дыру в подгнившей от старости материи поглядывая на волю, он был спокоен внешне, но внутри него гремела настоящая буря. Барабаны и трубы, то вопящие отчаянно, то скулящие, то заходящиеся в стоне — страшная музыка мятущейся души — разрывали его, кровь толчками билась в его голове, а руки сковывала судорога. Он потихоньку щипал свои запястья, вонзal ногти в кожу, и судорога отступала — но недолго. Спустя лишь несколько мгновений страдания возобновлялись.

Этей давно уже понял, что серьезно болен. Знающий врачеватель еще мог бы помочь ему, но на лечение времени не было совсем. До Митрадеса оставалось всего ничего — скоро балаган прибудет в Тарантию, а там можно и расслабиться... Стрелок лукавил сам с собой: расслабиться он уже не мог. Теперь и воспоминания — вторая, истинная жизнь Этей — являлись ему словно в тумане. Расплывчатые черты Белит и Гарета не выражали ничего, кроме скуки. Казалось, никакими откровениями он уже не может вызвать в них интерес. Даже Гарет, который имел все основания ненавидеть аквилонского короля, не желал обсуждать планы мести. В конце концов стрелок оставил мертвых в покое, лишь по привычке иной раз вызывая в памяти их лица. И только Конан неизменно представлял перед ним в своем

настоящем обличье — таким, каким Этей и помнил его: могучий воин огромного роста с гривой черных, вечно спутанных волос, с глазами цвета ясного неба, кои так часто сверкали опасным насмешливым блеском...

Этей снова бросило в пот. Он медленно обтер лицо и шею ладонью, сунул нос в дыру — окошко на волю, и стал вдыхать свежий воздух: размеренно, глубоко, с тихой и несколько безумной радостью ощущая, как проникает он во все поры, во все внутренности, в душу. И наслаждаясь этой игрой, которая для него означала несколько лишних мгновений жизни, он не забывал еще и еще раз представлять себе короткую, но великолепную сцену гибели аквилонского короля, продуманную им до мельчайших подробностей, до единого жеста — стрела, несущая Смерть, легкий трепет привязанных к ней веселых пестрых лент, бурлящая и смердящая толпа, размалеванные физиономии собратьев-лицедеев, и там, дальше, суровое лицо короля и последняя мысль — может быть, догадка? — промелькнувшая в его синих глазах; затем сильные пальцы Этей ласково сжимают тонкое упругое тело стрелы и...

Как прекрасно! Он всегда любил красоту, и даже там, где другие видели лишь боль и кровь, страдания и смерть, он замечал величие, исходящее от высоких небес. А небеса те, находящиеся, по мнению стрелка, далеко за огненным шаром солнца и уж гораздо дальше облаков, образовывали собою твердь и являлись истинными хозяевами Мира.

Этей твердо верил, что руку его, сулящую Конану быструю смерть, направляют именно высокие небеса, ибо им только ведомо, что есть настоящая справедливость. Месть — занятие, достойное избранных. В том же, что он, стрелок, избранный — он не сомневался и на миг, а потому каким-то краешком души завидовал королю, которому высокие небеса предоставили честь уйти на Серые Равнины красиво, от руки особо назна-

ченного убийцы, а не пашь в бою самым примитивным образом, как погибают тысячи тысяч... Взор Этей затуманился: он и себе желал уйти красиво, но, по всей вероятности, ему предназначена иная участь. Вряд ли он надолго переживет Конана. Разъяренная толпа разорвет и растопчет его, стоит только хоть одному ублюдку заметить, из чьей руки вылетела смертельная стрела. А заметить это отнюдь не трудно... Тело Этей, послушное мозгу как самый преданный раб, съежилось, словно сторукая толпа уже вонзила в него свои железные пальцы, и судорога вновь сковала члены. Стрелок попытался представить лицо Белит — только она могла облегчить страдания, — но вместо прекрасных черт увидел безобразную маску, грубо размалеванную яркими красками и налепленную на чье-то бледное, проглядывающее сквозь прорези для глаз лицо; что это было — Этей не знал, но страх одолел его наконец. Он судорожно вдохнул глоток спрятого воздуха и без сознания свалился на мешки.

* * *

Наутро балаган за несколько медных монет переправился через широкую, но местами совсем мелкую реку Хорот и спустя некоторое время очутился в небольшом городке Притимус, стоящем на самой границе баронства Атталус. Первый же встречный — местный житель, напуганный повелительным окриком Леонса, obstоятельно поведал лицедеям историю бывшего здешнего правителя барона Диона Толстого: сей муж, кузен короля Нумедидеса, с пеной у рта осыпал прохладителями опального родственника и уверял соратников Конана в своей незыблемой преданности новому владыке; он даже публично принес ему присягу и со слезами умиления успел облизать его сапог, иока стражка не оттащила чувствительного барона и не выкинула за дверь. Впоследствии же оказалось, что Дион Толстый был одним

из Четырех Мятежников, совершивших посягательство на драгоценную жизнь короля, так что вместо богатого баронства он стал хозяином крошечной сырой камеры в Железной Башне. Но Атталус, против ожидания, в отсутствие правителя не захирел; более того, возобновилась торговля с соседними графствами, бывшими в длительной ссоре с Дионом Толстым, а крестьяне, коим налог тут же был снижен, быстро оправились от нужды и впервые за многие годы получили отличнейший урожай.

Вот что узнали лицедеи от местного жителя, оставленного Леонсо у ворот Притимуса. Наконец он закончил и, потрясенный до глубины души бурными аплодисментами, увенчавшими его рассказ, удалился. Лицедеи же удрученно смолкли. Что делать им, нищим, безродным и бездомным, в этом богатом и красивом месте? Где лица у людей не бледны, но гладки, где одежды их прочны, а поступь уверenna...

Мадо почесал впалую грудь. Тусклые, словно вареные голубые глаза его вдруг возбужденно блеснули. Он торжествующе оглядел собратьев, поникших головами, и объявил:

— Богатенький городишко, парни! Есть чем поживиться, а?

— Да-а-а, — глубокомысленно поддержал его Сенизонна. — Может, попрыгаем здесь? Самую малость?

Леонсо вздохнул. Неудачи преследовали последнее время его труппу. Вновь получать насмешки, плевки, а то и палки не хотелось. Недаром они решили поберечь силы до Митрадеса — там можно заработать столько, сколько хватит им всем, чтобы вполне безбедно прожить две, а то и три луны.. Если, конечно, отказаться от пива и тем более от вина... Но как беречь силы, когда нечего есть? Кому нужны на празднике вялые и унылые лицедеи с зелеными от недоедания физиономиями? Леонсо с жалостью посмотрел на рыжего Мадо, истощав-

шего и уставшего до такой степени, что у него не хватало сил даже на обычные истерики; на бледного как куриное яйцо Агрея, простуженного в дороге — приступы кашля мучили его беспрестанно, и все же улыбка, хотя и кривая, не сходила с его губ; на Михера, что нахохлился словно петух на насесте, у которого зажарили всех его кур; на нытика Сенизонну, вечно вымаливающего себе как особо талантливому лишний кусочек; на милое добродушное лицо Велины, увы, давно утратившей свой чудный мягкий румянец на смуглой чистой коже..

— Ну вот что, псы! — решительно сказал Леонсо. — Жрать нам надо? Надо! Пива нам хочется? Хочется! Играт! Гони на площадь! Сейчас мы повеселим этих жирных ублюдков!

— Повытрясем из них денежки! — радостно взвизгнул Мадо.

— Повыпорошим кошельки, — пробасил Зазалла.

— Только если они будут бросать в меня камни... — обиженно начал Сенизонна, но его уже никто не слушал.

Трясясь в повозках, каждый представлял себе со всей силой воображения роскошный обед, оплаченный монетами из толстых кошельков атталусских богачей. Один уже заказывал — конечно, пока мысленно — хозяину харчевни барабан бок с бобами, другой поглощал — тоже мысленно — жареных перепелов, запивая их ароматным пивом, третий отламывал нежные кусочки осетрины, капризно меняя розовое бритунское вино на красное стигийское, а красное стигийское на белое аргоское.. Желание было так сильно, что в воздухе, казалось, заплавали чудесные запахи яств; лицедеи заволновались, криками стали подгонять своих возниц — даже бледные физиономии их несколько порозовели в ожидании пиршства; а то, что попировать здесь можно было на славу, не подлежало сомнению: улицы пестрели вывесками харчевен и кабаков, зазы-

валы шныряли туда-сюда, трещотками и протяжными воплями привлекая внимание прохожих...

Наконец Играт, который правил первой повозкой, остановил клячу на небольшой круглой площади, вымощенной черным плоским булыжником. По всей видимости, площадь эта являлась излюбленным местом прогулки горожан, ибо сейчас по ней взад и вперед праздно болтались местные слизики общества, презрительным шипением отгоняя стайки оборванных ребятишек. Два фонтана на западной и восточной сторонах — несомненно, краса и гордость Притимуса — в форме неправильных треугольников, выложенные черным с серебряными нитями мрамором, использовались предпримчивыми горожанами как колодцы: лицедеи сразу заметили, что к ним то и дело подходят люди с кувшинами, бутылками, ведрами за чистой, прозрачной водой, невысокой струей бившей из открытых пастей неведомых животных, чем-то напоминающих морских коньков. Кроме фонтанов на площади не наблюдалось никаких построек — ни дворца, ни храма, — и это лицедеев вполне устраивало.

Глаз Митры светил высоко в ясном небе; мягкие теплые лучи его ровно ложились на землю, матово поблескивали на черном камне, вспыхивали крошечными разноцветными огоньками в струях фонтанов. Местные жители, утомленные этой почти что вечной красотой своего края, лениво разгуливали, обдуваемые мягким свежим ветерком, и втайне мечтали о грозе с сильным ливнем, или о снегопаде, который так надоел гиперборейцам, ванам и прочим северным народам, или хотя бы о паре холодных деньков. На самом-то деле баронство Атталус после потери Диони Толстого оказалось вдалеке от очагов восстаний и междуусобиц, так что жители его, не привыкшие к покоям, просто-напросто умирали от скучки. А потому внезапное появление ба-лагана было подобно землетрясению.

Широко раскрыв глаза, горожане окружили повозки и с нескрываемым любопытством следили за действиями лицедеев, кои молча и угрюмо (ибо пустые желудки их подывали на разные голоса) сдирали ветхую материю, разукрашенную то ли цветами, то ли звездами, обнажая дырявый дощатый пол своего пристанища на колесах. Вскоре две составленные вместе повозки образовали некий помост, на который с вымученной улыбкой взобрался Михер, весь увешанный трубками, дудками и красными лохмотьями, существующими обозначать веселый наряд шута. Он набрал полную грудь воздуха, покраснев при этом словно петушиный гребень, и вдруг заревел — так оглушительно, так грозно, что не все из стоявших в первых рядах смогли удержаться на ногах.

Надо сказать, что лицедеи не меньше горожан были удивлены выходкой собрата. Его роль заключалась в том лишь, чтобы поприветствовать почтеннейшую публику, воздать хвалу «алмазу Аквилонии» (то есть тому городу, в котором проходило выступление; в данном случае — Притимусу), а затем представить следующего — Мадо, и тот дивной трелью упоенного любовью соловья усладил бы тонкий слух благороднейших господ. Увы, Михер ревел подобно быку, может быть, тоже упоенному любовью, но уж никак не способному уладить чей бы то ни было слух.

Онемевшие лицедеи наконец опомнились — слава Митре, прежде, чем опомнились горожане, — и ценой неимоверных усилий стащили пинающегося и кусающегося колобка с помоста. Пока собратья засовывали Михеру в рот кляц, состоящий из его собственных красных лохмотьев, Мадо занял его место и... Никогда еще местные жители не слышали столь удивительного искусства. Рыжий, по обыкновению закатив глаза, цокал, стрекотал, пел; голос его то вздымался вверх, переливаясь на самых высоких нотах, то опускался, гудя и клокоча где-то меж горлом и языком.

Но вот песня кончилась, но не оборвалась, а плавно перетекла в иные миры — далекие, неизведанные и потому манящие... Раскаты грома послышались вдали, зывания могучего северного ветра, с каждым вздохом приближающегося к светлой и теплой Аквилонии, грозящего нарушить покой, смести до основания маленький Притимус... Горожане невольно задирали головы вверх, с удивлением наблюдая там совершенно чистое голубое небо без единого, даже самого легкого облачка.

Затаив дыхание, слушал своего любимца Играт. Вот Мадо прервал и звуки грядущей бури, изобразив тихий плеск волн у берега. Но... что же случилось на этом берегу? Зарывшись в песок, там спит усталый воин. Сон его неспокоен — то и дело он всхлипывает, ворчит, стонет. Ему привиделся бой! Воинственный клич издает он, и — в тот же миг уже наяву его настигает враг. Резкий взмах клинка, удар!.. И предсмертный хрип воина заглушает торжествующий шепот его врага...

Мадо умолк. Крупные капли пота скатывались по его бледному веснушчатому лицу. Криво ухмыльнувшись, он фиглярски раскинул в стороны тонкие руки, низко, до полу склонился перед почтеннейшей публикой и соскочил с помоста. Горожане взорвались ликующим воплем. Воистину им не приходилось до сих пор наблюдать подобное искусство! На рыжего посыпался медный дождь, в котором посыпало и золото — многие бросали монеты горстями, в экстазе выгребая из кошелька все, что там было, а те, у кого денег не оказалось, швыряли лицедею куртки, пояса, шапки...

— Уважаемая публика! — возопил красный от удовольствия Леонсо. — Уважаемая публика! Представление еще не окончено!

Он толкнул кулаком Зазаллу, и тот, ухватив за рукав Улино, целующего со слезами на глазах Мадо в рыжую макушку, кряхтя, полез на помост. Постепенно восторженные крики стихли; горожане, уже позабывшие

про возмутительное выступление колобка, с нетерпением ожидали следующего номера. Представление, начавшееся так неудачно, продолжалось.

* * *

— Ах, Мадо, Мадо, — укоризненно сказал Леонсо, смакуя розовое оффирское вино. — Ну отчего ты не всегда так хорош? То, чем ты порадовал нынче этих недоносков, право же, достойно королей.

— Он мог бы запросто прокормить нас всех, — пробурчал Агрей, которому не удалось выступить, ибо кошельки притимусцев были уже пусты, и они благодарили лицедеев одними ликующими воплями, кои в кабаках вместо платы за ужин не принимают.

— Ленивец! — сурово подвел черту толстяк Гуго.

— Пес смердящий... — как всегда злобно зашипел Сенизонна. — Только и умеет, что свиристеть... Недоумок.

— А! — беззаботно махнул рукой Мадо, не обратив внимания на выпад грустного красавца. — Нынче получилось, а завтра и слова вымолвить не смогу. Ты же знаешь меня, Леонсо...

— Почему же Агрей всегда может вертеться колесом и гнуться подобно змее? А Зазалла с Улино всегда могут глотать огонь и швыряться друг в друга булыжниками величиной с твою голову? Нет, Мадо, все же Гуго прав. Ты — ленивец!

— Грязные козлы! — разозлился рыжий. — Жрут на мои деньги и меня же мешают с дерымом! А ну, толстяк, отдавай кость! И пиво тоже! А ты, болван, — он вытаращился на невозмутимо грызущего петушиную ногу Сенизонну, — выкатывайся отсюда к Нергалу!

— Успокойся, Мадо, — буркнул Гуго, забирая обратно свою кость и кружку с пивом.

— Пес смердящий... — с удовольствием повторил Се-

низонна, наслаждаясь петушиной ногой, которую он и не подумал отдать Мадо.

— А ну, тихо! — прикрикнул Леонсо, останавливая готовый разгореться скандал.

Мадо зашипел, но все же смолк, бросая на собратьев разъяренные взоры. В порыве злобы он потихоньку ушипнул Играта за колено — тот сдавленно пискнул, не посмев, тем не менее, обвинить рыжего, — и лишь после этого несколько успокоился.

Сенизонна же, для которого не было ничего сладче, чем сцепиться с близким своим, разочарованно хмыкнул.

— Ну, псы? — потирая руки, заявил Леонсо. — Переочуем в этом гостеприимном городишке и на рассвете — в путь!

Разморенные обильной пищей лицедеи встали из-за стола, позевывая, с сожалением глядя на остатки собственного пиршества. И лишь Сенизонна не тратил чувств — он без зазрения совести собрал в свой мешок не до конца обглоданные кости, кусочки хлеба, сгреб с тарелок бобы в соусе, с отвращением облизывая перепачканые пальцы; давясь, допил из кружек пиво и вино, рыгнул и поспешил за собратьями, кои уже покинули кабачок, с наслаждением окунувшись в свежий сумрак только что наступившей ночи.

* * *

Впервые за много дней и ночей желудок стрелка был набит до отказа, и не сухими корками, подобранными на дороге, а самыми настоящими яствами, что за целую кучу меди принес на их стол расторопный хозяин. Но если бы кто знал, какими неимоверными усилиями удалось Этею запихать в себя такое количество отличной жратвы! Не один раз бросало его в пот при мысли, что вот сейчас он подавится и умрет, не свершив задуманного — он напрягал все силы, сохра-

няя беспечный вид, и через силу глотал, явственно ощущая, как царапает кусок воспаленное горло.

Наконец пытка завершилась; лицедеи вышли на улицу, где уже царила благословенная тьма, и ночной прохлада приняла спутников в свои мягкие объятья. Покачиваясь, Этей шел рядом с проклятыми лицедеями, не упускаями возможность пощупить — как обычно, глупо и не вовремя. Едва сдерживая стоны, стрелок вяло огрызался; голова его вновь начинала пухнуть, грозя взорваться горячими искрами, сжечь мозг.. Он с трудом вскарабкался в повозку, свалился на пол и, притворяясь спящим, тихо засопел. Остальные быстро последовали его примеру, и вскоре балаган хралел в четырнадцать глоток, заставляя редких прохожих в изумлении шарахаться в стороны.

Только сейчас Этей смог открыть глаза и позволить себе немного расслабиться. И в это самое мгновение знакомая фигура возникла перед ним во мраке. Нет, то была не Белит, другая. С детства посещала она стрелка, пугая и одновременно обещая нечто, о чем Этей и догадываться не смел. Руки ее плавно мазнули по его лицу — так, как капля дождя задевает щеку, пролетая мимо.. Белые слепые глаза уставились в точку меж его бровей, и он почувствовал там легкое жжение. Замерев, стрелок впустил в себя это тепло, и оно сразу разлилось в его голове, прояснив жалкие однообразные мысли, разворочив прошлое, пробудив воображение.. Вместо призрачной фигуры перед Этеем предсталася женщина, чья кровь и плоть ощущалась кожей; он виновался, с детским любопытством вдыхая ее горячий запах, и вдруг прильнул к ней всем телом, желая истинной — только истинной — любви, той, какой у него никогда еще не было..

Но и то оказалось ложью, а может, миражом — как все в прошлой и настоящей жизни стрелка. С тихим смехом женская фигура вновь обратилась в полуутуман-

и растаяла, оставив после себя лишь горячий, но быстро остывающий запах. На долю мига мелькнуло в той же тьме чистое лицо Белит — она с грустью посмотрела на растерянную глупую физиономию лицедея и, конечно, исчезла. А что ей было делать в вонючей повозке рядом с потными телами шутов и смешным неудачником... Смешным? Нет. Страшным. Диким. Грязным. О, Эрлик!.. Этей вытер слезы, отчего-то полившиеся из глаз, и лег. Но и сон — единственный праздник в его земном существовании — не приходил, чтобы дать облегчение. Стрелок с ужасом почувствовал приближающуюся боль. Тонкими иглами она легко касалась его тела, обещая вот-вот вонзиться безжалостно...

Он прикусил губу и медленно начал вытягивать одну ногу, другую... Не получилось... Судорога мгновенно сковала его от кончиков пальцев до самых плеч. Чувствуя, как от боли готово лопнуть сердце, стрелок сел, впился ногтями в подошвы, потом в щиколотки, в икры... И в тот момент, когда от невыносимой пытки он уже почти перестал дышать, боль прошла. Не веря, Этей осторожно пошевелился — тело его было свободным и легким, как во времена юности... Но радоваться он не спешил; напротив, раздражение вдруг охватило его — высоким небесам угодно посмеяться над своим рабом? Что же... Стрелок спохватился, ругая себя за мерзкий характер. Проклятья, готовые сорваться с его уст, не произнеслись. Да он и так позволил себе слишком много! Даже за миг неповиновения его могут лишить великой чести отомстить ненавистному варвару! О, Эрлик... И неужели до сих пор он не привык к насмешкам? Стрелок с силой ударил себя в подбородок, с наслаждением очищения ощутил резкую боль, и вновь свалился на пол, обуреваемый сейчас лишь одним желанием — спать.

Глава шестая

Конан очнулся от резкой боли в ладони левой руки. Он поднял голову, встряхнув взмокшими от крови прядями черных волос, разлепил ресницы и с удивлением посмотрел на свою ладонь, в самой середине которой зияла черная дыра. Алые струйки стекали по шершавой коже, капали на земляной пол, и земля быстро всасывала кровь, оставляя на поверхности лишь темное влажное пятно.

Выругавшись, он оторвал зубами от рубахи клочок тонкой ткани, сложил его и прижал большим пальцем к ране. Он знал уже, что последует сейчас, но, как истый варвар, не желал и не умел бессмысленно, тоскливо ждать — любви, сражения, пытки, смерти, — чего угодно, а потому, выкинув из головы всякие бесполезные мысли, он решил основательно осмотреться, определить, где он находится, и затем уже решить, что делать.

Серые мрачные стены, изъеденные сыростью, низкий потолок, сплошь усеянный черными лепешками непонятного происхождения, маленькая — словно вход в нору — деревянная дверь, повисшая на одной петле и потому снаружи припертая чем-то тяжелым, рассохшиеся бочки в углу — без сомнения, нынешнее пристанище короля было самым обыкновенным подвалом. Не раз за свою прошлую жизнь ему доводилось отлеживаться или скрываться в подобных мрачных, но вполне надежных подземельях. Но как он оказался здесь? Может, какой-

то сердебольный хауранец после боя на площади приволок его сюда?

Вспомнив бой, Конан невольно застонал. Старый крючок был прав: ничего нельзя изменить в прошлом. Но как научиться жить так, чтобы потом и не хотелось ничего менять? Пожав плечами, король ответил сам себе тем, что смачно сплюнул на пол; затем он рывком поднялся на ноги и пошел к двери — давно пора отыскать меира Кемидо и вернуться в настоящее. Кром! А что еще ему делать здесь? Вновь испытывать муки распятого на кресте? Зачем? Весь этот бардак уже случился десять лет тому назад! Всему свое время... Но не успел Конан сделать и пары шагов, как ладонь его правой руки пронзила страшная боль. Вот и еще одно послание из прошлого... Он вздрогнул, остановился — на миг в глазах потемнело; стиснув зубы, киммериец помянул все конечности Нергала, коими, по его мнению, являлись проклятые наемники-шемиты, оторвал еще один клочок от рубахи и им зажал новую рану.

Он отлично помнил палиющее солнце (именно таким, каким оно и было в тот день десять лет назад) — глаз благого Митры, который мог быть не только мягким, светлым и теплым, но и равнодушным, но и жестоким; он помнил и мертвую пустоту вокруг, и собственное бессилие, и ощущение холода от мрачной стены Хаурана за его спиной; и ухмыляющиеся физиономии шемитов, прибивавших его к кресту, и мерзкую улыбку Констанции — возвышаясь на коне в окружении своих воинов, закованных в броню, он с нескрываемым удовольствием наблюдал за муками распятого варвара. А в небе в ожидании легкой добычи уже кружились стервятники. Они опускались все ниже, в нетерпении открывая криевые кловы и пронзительно каркая, и Конану казалось, что он слышит их запах — гнилостный, нестерпимо едкий — запах разлагающейся плоти.. Да, тогда его спас Гарет — предводитель шайки зуагиров, но спас для себя: в бою киммериец стоил дюжины крепких

воинов, а его выносливость, присущая скорее зверю, нежели человеку, делала Конана воистину бесценным.

...И снова из ладоней брызнула кровь. Король стряхнул ее и сел на земляной пол, так как теперь гвозди должны были вонзиться в его ноги. Он кожей почувствовал, как поднимается заросшая черными выющиеся волосами шемитская рука с зажатым в кулаке молотом и... Лоб его и спина мгновенно взмокли от пронзительной боли, левый сапог наполнился горячей кровью, и Конан, вцепившись зубами в ворот куртки, чтобы не прокусить губу, стащил его, с проклятьями отбросил в сторону. Теперь надо было снять и другой, ибо рука палача уже взяла последний, четвертый гвоздь...

Дернувшись, он принял и этот удар. Перед глазами поплыли круги, в мутной черноте которых король узрил вдруг крест, а на нем — себя самого; распятый, в одной лишь набедренной повязке, он с дикой ненавистью смотрел на Констанцию и его приспешников, жалея о том только, что прежде собственной смерти не успел отправить на Серые Равнины грязную кофитскую тварь, предательством завладевшую властью в Хауране.. И как сквозь сон рассыпал киммериец клекотанье и свист крыльев стервятников, жаждущих крови и плоти пленника. Сжав кулаки, он издал утробный звериный рык, поднялся и сделал неуверенный шаг к двери — он все еще плохо видел, ослепленный то ли болью, то ли ненавистью, а скорее всего, и тем и другим. Сырая земля вожделенно впитывала в себя кровь, стекающую с его израненных рук и ног, а сверху, с потолка, на голову и плечи короля капала иная влага — мутная, белая, вонючая.. Но холодные капли эти, казалось, оживили Конана. Глаза вновь стали четко различать узор, сотворенный на стенах сыростью, и черные щели в бочках, и низенькую дверь..

Король замер, уставившись на дверь, которая медленно, осторожно кем-то приоткрывалась.. Миг — и в

зияющей за ней пустоте появился вдруг огромный, полный печали карий глаз.

— Мгарс... — выдохнул киммериец, сам не понимая, из каких глубин его памяти возникло это странное имя.

Дверь распахнулась под отчаянным толчком чьих-то слабых рук, и перед Конаном предстала смуглокожая девушка с роскошными волосами цвета перезревшего каштана. Гибкая и подвижная, словно ящерица, в одной лишь легкой светлой тунике, она порывисто кинулась к королю, прижалась к нему всем телом, обдав чудным цветочным запахом...

— Мгарс...

Он вспомнил ее. Тогда, десять лет назад, он любил ее два дня и две ночи — как раз перед тем, как ведьма Саломея отдала Хаурен на растерзание шемитам. Может быть, потому и всплыли в памяти те горячие деньки в небольшом домике Мгарс — каменной одноэтажной коробке на отшибе города... Она говорила ему о себе, о своей любви к нему, о... Впрочем, она предпочитала все же любить его на деле, а не на словах. Но тот рассказ ее Конан тем не менее вспомнил в один миг, хотя ни разу за прошедшие годы не думал о нем.

Мгарс была дочерью зембабвейского князька М'Вааху, безраздельно правящего огромной территорией, сплошь населенной уродливыми черными туземцами. Мать ее, белокожая красавица-турранка из разграбленного и перебитого каравана, недолго мучилась в плenу у нелюбимого супруга, у коего была тридцать шестой в грязном, жарком и душном гареме. Когда зеленая лихорадка пронеслась по Зембабве, она тихо угасла, а за ней, так же тихо, без слез и жалоб, ушли на Серые Равнины еще тридцать три жены М'Вааху, оставив того всего с двумя, к тому же самыми некрасивыми, злобными, старыми женами. Но и князек вскоре после этих событий закончил свой земной путь: он был утоплен в ревущем и коварном Стиксе шайкой иранистанцев, так что маленькая Мгарс оказалась, повторяя судьбу ма-

тери, в плenу; насмешки, побои, тяжелая работа отвари и до ночи — все это было знакомо ей не понаслышке. Чудом оказалась она свободна: внезапно почил ее последний хозяин — хорайский купец Валазий. Воспользовавшись суматохой, царившей в ночь его смерти в громадном и мрачном доме, девушка сбежала, в страхе не взяв с собой ничего, кроме пары потрепанных сандалий. Уже в Хаурене у Мгарс появился богатый покровитель, который в благодарность за любовь и ласку посулил, а затем и в самом деле подарил ей небольшой, но милый и уютный домик на окраине города. Здесь и познакомилась смуглокожая красавица с капитаном гвардии королевы Тарамис — Конаном-киммерийцем.

Вся эта история в один миг, равный всего лишь вздоху, промелькнула в памяти короля. Он еще крепче прижал к себе Мгарс, с наслаждением вдыхая аромат ее волос, и тихо проворчал:

— Кром... Кажется, ты спасла меня, девочка?

— Я не знала... — шептала она, щекоча губами его обнаженную грудь. — Не знала, жив ли ты, мой господин... Я нашла тебя недалеко от моего дома, возле храма Митры...

— Как же ты приволокла меня сюда?

— О-о-о... — простонала девушка. — Мне страшно даже вспоминать об этом. Я хотела нанять кого-нибудь, чтобы доставить тело моего любимого, но... Никто не wollte! Кругом паника, шемиты рыщут по городу в поисках раненых... Пришлось перекатить тебя на мою накидку и тащить по улицам, прячась в канавы при виде псов в сверкающих шлемах...

— Считай, что ты вернула мне долг.

Конан чуть отстранился, заглянул в глаза Мгарс, и там гневные огоньки, блеснувшие при ее последних словах в темной, почти черной глубине, тут же сменились веселыми; девушка улыбнулась, склонила головку, лукаво глядя снизу вверх на огромного киммерийца, затем, не в силах сдержать ликования, подпрыгнула, чмокнула

его в твердую щеку и, вдруг снова посерезнев, вздохнула, прижалась к его груди. Сердце Конана дрогнуло: он не знал, что будет с этой девушкой потом, когда...

В тот год Хауран то и дело будоражили слухи о зверских убийствах,чинимых шайкой головорезов под предводительством некого Халимса Шестипалого. Жертвами бандитов обычно оказывались нобили, купцы, богатые торговцы, ростовщики — словом, те, кого простым людям было не так уж и жалко, если бы однажды страх не коснулся и их сердец. В одну только ночь Халимса Шестипалый просто так, ради удовольствия, перерезал половину ремесленного квартала, где жили лишь бедняки, едва способные прокормить себя и семью. Зачем? Законопослушные граждане — нищие, имущие, знатные, безродные — все задавались этим вопросом и все, не находя ответа, навешивали на свои двери новые запоры и замки. Но бандитов уже ничто не могло остановить. Наглые и прежде, а теперь и вовсе одуревшие от сознания собственной безнаказанности, они начали нападать на людей среди бела дня; они вырывались в дома, совершили налеты на базары, громили лавки и кабинеты блондов — законников, вершивших праведный суд за небольшую мзду... Таким образом оказалось немало людей, собственными глазами видевших и Халимсу, и его головорезов.

Шестипалого описывали по-разному, но в основном так: низколобый гигант с длинными, почти до пояса, грязными жидкими волосами, заросший черной и, в отличие от волос, густой шерстью. Обликом своим он напоминал гориллу: руки — длинные, тощие, что выглядело весьма странно при могучем торсе; ноги кривые, короткие, но необычайно толстые, крепко сидящие в жирном, обвислом заде, толстых пальцев на каждой руке по шесть, и все кривые, как крючки. Только по поводу физиономии свидетели не имели согласия. Одни говорили, что нос Халимсы длинный и тонкий, как у благородного нобиля, губы — узкие, бледные, глаз из-за

жирных щек почти не видно. Другие считали нос его огурцом, к тому же пупырчатым, губы толстыми и всегда мокрыми, а глаза узкими, как у кхитайца. Третий и вовсе полагали, что у Шестипалого не было носа и губ, а только глаза да жирные щеки.

И вот такое-то чудовище имело наглость влюбиться в красавицу Мгарс, которую он увидел как-то случайно на улице. Вернее, то была, конечно, не любовь. Грязный не только внутри, но и снаружи, с черной как мгла царства Нергала душой, этот ублюдок не мог, не умел любить. Страсть, мерзкая похотливая страсть овладела им при виде смуглой красавицы. Он мычал, вожделении облизывал свои ярко-красные, вечно мокрые губы (но поводу этой детали его рожи некоторые свидетели давали верные показания), представляя себе, что он сделает с Мгарс, когда она попадет ему в руки. Но пока Халимса решил не торопиться. Впервые в жизни ему захотелось взять женщину не силой, но своей привлекательностью. Увы, этот злобный и мерзкий убийца по поводу собственной внешности очень ошибался. Полюбить такого — грязного, воюющего уродца — вряд ли смогла бы не то что женщина, но и обезьяна. Так что Мгарс, естественно, если и обратила взор на Халимсу, то не с кокетством, а с отвращением, а такого он понять не мог.

К его персоне испытывали отвращение решительно все, даже ближайшие его сподвижники, но, само собой разумеется, не спешили сие чувство ему продемонстрировать. Халимса Шестипалый отличался поистине необузданым нравом и к тому же явно был не в ладах с собственной головой. Когда до него наконец дошло, что Мгарс не желает видеть в нем пламенного поклонника и умелого любовника, он начал доставать ее уже в открытую. Если раньше он просто ходил за ней время от времени по улицам, то теперь он начал наведываться в ее маленький домик на окраине города. Поначалу Халимса сдерживался, под отвратительной ухмылкой

скрывая все растущее раздражение и вот-вот готовую выплеснуться агрессию; затем нрав его мало-помалу стал проявляться.

Мгарс не смела выгнать его из дома. С детства привыкшая к рабскому существованию, она лишь молча страдала, глядя, как грязное чудовище мочится в ее великолепную аквилонскую вазу или сплевывает на стол, попадая порой прямо в кушанье, как сморкается в подол ее одежды и к вечеру, развалившись на ковре, засыпает, сотрясая диким храпом весь дом... И вот однажды к ней пришел Конан.

Халимса бодрствовал, попивая принесенное с собой пиво. Пенные струи текли по щетине на его склоненном подбородке, орошили грязную, всю в жирных пятнах полотняную куртку, и наконец попадали на штаны — как раз между его ног, так что впечатление было не то что не из приятных, а просто омерзительное; Мгарс то и дело бегала во внутренний дворик, где ее жестоко выворачивало. Увы, приходилось возвращаться обратно, ибо монстр грозился спалить ее дом, если она попытается сбежать. А дом для Мгарс, никогда прежде не имевшей собственного пристанища, был дороже любых ценностей.

Конан появился неожиданно. В таверне «Под оком лучезарной Иштар» его знакомый Валерий рассказал ему о прелестной девушке, что живет на окраине города и не прочь подарить свою любовь отважному воину. Тогда-то Конан, хорошо принявший в таверне кислого красного вина, и отправился к Мгарс, желая провести ночь в объятьях красавицы. Но первое, что увидел он в ее комнате — очертания фигуры чудовища, сидящего в полуумраке на полу и поглощающего пиво из бурдюка. Сморщившись, капитан повернулся, чтобы уйти, но в это время в дверях возникла Мгарс с таким несчастным лицом, что он тут же все понял и решил остаться.

Халимса не сразу обратил внимание на нового гостя. Только после того, как Конан ткнул его в толстый

загривок кончиком меча, он повернулся, осмотрел киммерийца с ног до головы и плонул в его сторону. И тут капитан гвардейцев, нимало не смущаясь, одним ударом снес монстру полголовы.

Такое простое решение почему-то не приходило в умы горожан. Замки, запоры... Разве может это остановить наглеца?.. Мгарс, пораженная, стояла перед Конаном и не спускала с него глаз. Труп Халимсы, его кровь на дорогом ковре — все это не трогало особенно дочь далекой Зембабве. Огромный парень, так спокойно расправившийся с ее мучителем, привлекал ее внимание гораздо больше. Смуглокожая красавица подошла своей легкой походкой к капитану и протянула ему тонкие гибкие руки... Так Конан познакомился с Мгарс...

...Неожиданно она отпрянула от него, пристально взгляделась в синие глаза возлюбленного, словно желая проверить, на самом ли деле он жив и находится в ее доме. Мгарс с напряжением разглядывала каждую его черту, изучала шрамы и тонкие морщинки, прорезавшие лоб, скулы, щеки и подбородок, потом взор ее упал на гризу спутанных черных волос. Лицо девушки исказилось. Не выпуская его руки, она тихо, изумленно воскликнула:

— О, Конан... У тебя появились седые волосы... Это все из-за нее, гадины Тарамис!

— Не Тарамис, — сурово поправил Конан. — А самозванка, что присвоила имя и трон королевы. Ведьма! Клянусь Кромом, самая обычная грязная ведьма!

Он скрипнул зубами, будто воочию увидев снова лицо Саломеи с безумным блеском в прекрасных глазах, где похоть смешалась с подлостью и жестокостью; руки его непроизвольно сжалась в кулаки и кровь снова брызнула из затянувшихся уже ран.

— Что это? — испуганно отшатнулась Мгарс и тут же в ужасе вскрикнула, увидев, как алые капли оросили ее белую тунику, упали на босые ноги; губы девушки гневно изогнулись, словно это ее подвергли по-

доброй пытке наемники; она опустилась на колени и приникла нежной щекой к кровоточащей ране на правой ладони короля. Мгарс и на мгновение не задумалась о том, как и когда появились эти зияющие черные отверстия, чему Конан, не имеющий никакого желания что-либо объяснять, был весьма рад. Он легко поднял девушку с колен — хрупкая, тонкая, она содрогнулась вдруг в его руках, охваченная огнем желания, — и его измученное тело мгновенно откликнулось на этот призыв. Он жадно приник к ее рту, покрыл горячими поцелуями нежную кожу лица, шеи, плеч... Воздушная туника Мгарс скользнула вниз, обнажая великолепные формы фигуры, и губы Конана последовали за ней, сопровождаемые тихими вздохами и стонами девушки... Воистину, в подобных случаях это был самый любимый аккомпанемент короля! Издав негромкий рык, он подхватил девушку на руки, не переставая обжигать ее кожу поцелуями, яростно пихнул ногой приотворенную дверь и пошел вверх по крутым разбитым ступеням, ни мгновения не сомневаясь, куда повернуть и где наклонить голову. В каких недрах его памяти хранились эти сведения? Он не стал задумываться о том; он жаждал сейчас лишь одного — опуститься на покрытое мягким кхитайским ковром ее широкое ложе, где когда-то он провел два чудесных дня и две удивительных ночи... Ступив наконец в большую комнату, освещенную дюжиной тонких свеч, он остановился, чувствуя, как ее дыхание сливаются с его дыханием, затем еще крепче прижал к своей груди хрупкое тело, и, безошибочно определив в полумраке именно тот угол, где находилось ее ложе, уверенным шагом двинулся к нему.

* * *

— Конан... Как ты изменился за этот день. Ты совсем другой... Я не узнаю тебя.

Король улыбнулся. Еще бы ему не измениться за десять лет! Но Мгарс, конечно, не могло прийти в голову,

что ее возлюбленный просто стал старше... Он повернулся, посмотрел на ее прелестное лицо: в тусклом свете единственной свечи ее смуглая кожа казалась белее, тень от ресниц падала на нежные щеки, а в карих глазах сияли крошечные звездочки, в которых отражался сам Конан. Вглядевшись в свое стократ уменьшенное лицо, он недовольно хмыкнул, зачесал пятерней назад пряди спутанных волос. После полночи упоительной, но и утомительной любви, что подарила ему Мгарс, нестерпимо хотелось есть и еще больше хотелось пить. Вздохнув, он пошарил в глубоких карманах своих штанов, скомканных и засунутых под шелковую подушку — ничего.

— Сейчас принесу! — словно угадала его мысли Мгарс. Она выскользнула из-под тонкого, но теплого покрывала, легко провела кончиками пальцев по щеке Конана и исчезла в черноте комнаты, куда не попадал от свет свечи.

Осмотрев свои раны, король с удовлетворением отметил, что они, хотя и саднили еще, но запеклись; ему вовсе не хотелось возвращаться в Тарантию с такими отметинами. Интересно, сколько времени минуло с тех пор, как меир Кемидо перенес его в прошлое? Действительно ли Пелиас только и успел, что осушить три-четыре кубка? Вряд ли... Старый козел Кемидо явно не рассчитывал на столь длительное пребывание Конана в Хауране... Кром! Король замер на миг. Неужели меир потерялся умышленно? С чего вдруг Пелиас решил привести его во дворец? Ему так дорога жизнь Конана? Или все же... Нет, о таком лучше не думать. В конце концов Пелиас не раз показывал себя с хорошей стороны...

— Мой господин, позволь предложить тебе отведать немного этого горького вина и чуть-чуть несоленого жесткого мяса?

— Давай, — ухмыльнулся Конан.

Он сразу вспомнил смешную привычку Мгарс уго-

щать гостя самыми изысканными кушаньями, но при том всячески умалять их достоинства. Что ж, таков был обряд в Зембабве, на ее родине. Как рассказывала девушка, если вкусную еду не поругать, она действительно станет тошнотворной — киммериец не спорил. Он повидал немало стран, был знаком с разными, порой поразительно нелепыми обычаями, и ему по опыту было известно: принимай чужое так, будто это твое собственное, и тогда избежишь множества неприятностей, а может, и сохранишь себе жизнь. Он всегда неукоснительно следовал этому мудрому правилу, благодаря чему на самом деле не раз облегчал свое существование в далеких странах, в диких, забытых Митрой городках и деревнях...

А потому, не обращая ровно никакого внимания на странные слова Мгарс, коими она сопроводила угощение, король живо уселся, поставил себе на колени ажурный, из тонкой золотой проволоки поднос, и принялся за еду. Горькое вино оказалось чудесным, терпким и в то же время мягким на вкус туранским красным, а несоленое жесткое мясо — отличным постным куском телятины, запеченной в винном соусе с зеленью. Душистый пористый хлеб Мгарс нарезала именно так, как он всегда любил — то есть огромными толстыми ломтями, а свежее масло подала в серебряной вазочке чудесного кхитайского хрустала. Все это король, давно привыкший к изысканной дворцовой кухне, умял с нескрываемым удовольствием и с такой скоростью, что даже не понял, насытился он или нет. Рыгнув, он вытер тыльной стороной ладони рот и припал к губам подруги, таким образом гармонично завершая столь неудачно начавшийся, но великолепно заканчивающийся день. Или, скорее, ночь, так как за окном постепенно светлела черно-серая муть, а тонкая длинная свеча превратилась в крошечный огарок...

* * *

— Мгарс... Мгарс...

С ревом зевнув, Конан нащупал рукой стройную ногу девушки, погладил ее, несколько удивившись чересчур прохладной коже. Обычно Мгарс была горячей нагретых солнцем каменных хаурских стен — не раз она говорила киммерийцу о своей повышенной температуре тела; она словно всегда пылала каким-то неугасимым огнем, что очень привлекало Конана, любившего чувствовать под рукой живое тепло...

— Мгарс!

Он открыл наконец глаза и с улыбкой наклонился над девушкой. Она спала на животе, вытянув руки вдоль тела; волосы ее разметались по шелковой подушке, пухлые губки были чуть приоткрыты, и с уголка стекала тонкая струйка слюны. Розовый свет, льющийся из окна, окрасил ее в свой цвет, и... Кром... У Конана перехватило дыхание и на миг в глазах помутилось. Того, что он увидел, не могло быть! Ведь он спал рядом с ней! Может... Может, в вине было снотворное зелье? Но мысль эта лишь мелькнула и тут же пропала — в привычки варвара никогда не входила способность утешать себя подобным образом. Он скрипнул зубами, не отрывая взгляда от лица девушки. Да, сомнений быть не могло — из уголка рта Мгарс текла кровь. Она умерла совсем недавно... Конан приподнял край покрывала. Меж лопаток ее сверкал золотой рукояткой, усыпанной драгоценными камнями, кинжал работы зембабвейского мастера — собственный кинжал Мгарс! Чья-то рука вонзила его в спину девушки с такой силой, что на нежной коже отпечатался след кулака убийцы...

Король зарычал, с отвращением ощущив свое бессилие. Если бы он мог остаться здесь ненадолго, он выяснил бы, кто отправил Мгарс на Серые Равнины раньше ее срока, да еще под носом самого Конана-киммерийца! Халимса Шестипалый? Только он, насколько

знал его варвар, был способен на такое подлое убийство. Но Халимы уже нет! Или он еще жив? Король совсем запутался во времени — что было, а что случится потом... Но все же Халимы уже нет. Тогда кто же? И другой вопрос, пожалуй, даже более мучительный, чем первый, не давал Конану покоя: почему он ничего не слышал? Не могла же Мгарс подсыпать ему в вино зелье для того, чтобы он не сумел ее защитить! И не в характере этой девушки такие штучки. Нет, здесь что-то иное... Пока на оба вопроса у короля ответа не было, и — что раздражало его неимоверно — не было и гарантии, что когда-нибудь ответы он все же получит. Слишком необычна обстановка, в которой он оказался. Десять лет назад! Он помнил и ухмылку лже-Тарамис, и бой на площади, и шемитов, прибывающих его к кресту, и рано веселящегося Констанция, и Мгарс... Но Мгарс он помнил только живой! Тогда, после боя на площади, он не видел ее больше. Теперь странным поворотом судьбы его забросило в его же прошлое, и там случилось то, чего на самом деле не было! Об этом Конан еще не задумывался. Что сие значит? Проделки меира Кемидо? Или действительно каприз судьбы?

Но долгие размышления также не входили в привычки варвара, так что он, выдернув твердой рукой из тела Мгарс кинжал, прикрыл ее осторожно, словно боясь потревожить, покрывалом, затем оделся и, совершенно не опасаясь шемитов, болтающихся по городу, вышел на улицу.

Глава седьмая

Широкая прямая дорога, залитая солнцем, была утоптана так, что ни колеса, ни копыта уже не оставляли на ней следов. Не счастье караванов, прибывавших по ней в Тарантию и отбывавших из нее, не счастье одиноких странников, жаждущих счастья, славы, богатства в этом великом и пышном городе; теперь же, в преддверье Митрадеса, сюда стекался простой и знатный люд со всех концов жемчужины Запада — Аквилонии, сюда же ехали и шли путники из близлежащих стран, и среди них, дребезжа и поскрипывая, медленно плыли две крытые повозки, запряженные старыми клячами.

Но, хотя стены города давно уже виднелись вдалеке, балаган Леонсо подъехал к южным — главным — воротам Тарантии лишь к вечеру. Разношерстная толпа гудела там, споря с неуступчивыми стражниками, уставшими за день от гостей, кои с огромным трудом расставались со своими монетами и все как один желали пройти в город бесплатно. А в общем, то и дело жалуясь десятнику на тупых козлов, суетящихся у ворот, стражники несколько лукавили, ибо мзда, взимаемая ими, была непомерно велика. Часть ее, конечно, шла в казну, другая же часть (и большая) в толстые кошельки самих блестителей порядка — это было неправильно, но это было, и самые умные гости в конце концов догадывались, что происходит, платили и про-

ходили в город, проклиная в душе алчных стражей... Впрочем, таковы они были везде, во всех странах и у всех, даже невзрачных и жалких городских ворот.

Леонсо поступил по-королевски: ничуть не споря, он кинул несколько золотых, чем немало удивил и толпу и стражников, вследствие чего повозки беспрепятственно проехали в город, провожаемые завистливыми взглядами более жадных или более бедных.

Под красными, почти что багровыми лучами заходящего солнца Тарантия казалась божественно прекрасной. Высокие — в два, а то и в три этажа — дома были построены не только из простого камня, но и из жадеита, гагата и мрамора; окна их, большей частью обращенные на улицу, переливались разными цветами, что казалось особенно красивым именно в это время, а под крышами на узкой и короткой ступени величественно стоял каменный Митра — везде одинаковый — взирая вниз с неизменным благодушием и пряча в бороде свою знаменитую полуулыбку.

Миновав ворота, лицедеи высыпали из повозок и завертели головами, осматривая все это великолепие. Только Сенизонна бывал в Тарантии в далеком прошлом, и сие обстоятельство не могло не испортить настроения его приятелям, ибо красавец незамедлительно надулся как индюк и громко шипел, выражая таким образом презрение к всеобщему глупому, по его мнению, восторгу. «Ну что здесь хорошего, козел?» — ныл он, дергая за полу куртки Енкина. — «Рыжий, чего выпучился, а? Тебе нравится эта развалюха?» — и, заглядывая в лицо Мадо, он небрежно махал тонкой рукой в сторону пирамидального строения, окруженного колоннами цветущих каштанов. Когда наконец Леонсо, потеряв терпение, взял красавца за шиворот и зашвырнул в повозку, радужное настроение лицедеев было окончательно разрушено.

— Хочу в кабак, — мрачно заявил Ксант и вопро-

сительно посмотрел на отца. — Я должен пожрать, иначе при виде этого недоноска меня стошнит.

— Меня тоже, — подтвердил Михер. — Как ты еще терпишь его, Леонсо?

— Ты, что ли, лучше его? — неожиданно вступил за Сенизонну Мадо. — Все вы подонки, смотреть на вас противно.

— Сам подонок! — злобно выкрикнул из повозки наказанный красавец и тут же заскулил, раскаиваясь.

— Ах ты... вонючка! Да я тебя сейчас растерзаю! — взъярился рыжий, сжимая кулаки. В ответ ему раздалось шипение, перемежаемое отборными ругательствами и повизгиваниями: Сенизонна отлично знал, каков Мадо в гневе, и связываться с ним не имел желания.

— Заткнись, Мадо, — устало сказал Леонсо. Он положил тяжелую руку на плечо рыжему и легонько стиснул его, отчего на лице у того сразу побледнели веснушки.

— А почему я? Мадо, Мадо... Первый Ксант начал!

— Заткнись, говорю.

— Посмотри, Леонсо! — робко промолвил Играт, который не выносил ссор, испытывая при этом нечто вроде медвежьей болезни. — Как раз кабак! «Три свиньи и поросенок»... Зайдем?

Леонсо молча кивнул. На яркой вывеске, освещенной изнутри светильником, соблазнительно розовела баранья нога; рядом с ней, кривая на один бок, белела вздыбленной пеной глиняная кружка; под вывеской находилась дверь — крепкая, дубовая, с толстой железной цепью, призванной охранить заведение от воров темной ночью — но сейчас дверь была гостеприимно распахнута, и, хотя тупая рожа исполина вышибалы не способствовала желанию войти, лицедеи гурьбой ввалились в душное нутро переполненного кабака.

Звон кружек и хмельной гомон мгновенно излечили всех от дурного настроения. Расчистив себе место за

длинным столом, они живо уселись и потребовали баранины с бобами и пива — столько, сколько осталось еще в хозяйственном погребе после нашествия нынешних посетителей. Делая столь роскошный заказ, Леонсо не брежным жестом бросил слуге пять золотых, после чего лицедеи из никому не известных оборванцев превратились в самых желанных гостей: слуга ринулся исполнять приказание, и вскоре сочные куски, обмазанные острым ароматным желе, начали исчезать в бездонных глотках голодных шутов, куда рекой заливалось и свежее, на удивление хорошее пиво.

Первым насытился Сенизонна. Рыгнув, он откинулся на спинку скамьи, упер в край стола колено, обтянутое черной кожей штанов, и лениво, с расстановкой сказал:

— Не нравится мне здесь, парни. Дерьмовая забегаловка, да и кормят погано...

— Ну и скотина ты! — с изумлением покачал головой Агрей. — Мадо, ты к нему поближе.. Двинь ему в лоб от меня..

— Заткнись, Агрей! — Леонсо поджал губы, мрачно глядя в стол. — Надоели, Митрой клянусь.. Так надоели!

— Знаешь, отец, — запальчиво начал Енкин, но в тот же миг тяжелая рука Леонсо с размаху врезала ему по шее, и он слетел со скамьи прямо под ноги слуге, с радостной улыбкой спешившему обслужить богатых гостей вторично. Огромный кувшин пива, выскользнув из рук парня, довершил наказание непочтительному сыну, разбившись со звоном о его голову и облив при этом жидкостью, обычно предназначавшейся для иной цели. Обиженно скуля, Енкин поднялся и снова сел рядом с отцом, на этот раз не поднимая глаз от своей тарелки.

Заваривший эту кашу Сенизонна молчал, стараясь не замечать злобных взглядов собратьев по ремеслу. Весь вид его тем не менее говорил о прекрасном на-

строении, и Мадо, не выдержав, сильно ущипнул его за бок, надеясь, что грустный красавец из страха перед Леонсо орать не станет. Так и получилось: Сенизонна позеленел от боли и злости, но не издал ни звука. Удовлетворенный восстановленной им справедливостью, рыжий вернулся к недоеденному куску баранины и вонзил в него мелкие крепкие зубы, в глубине души искренне сожалея, что не может сделать то же самое с носом или ухом грустного красавца.

— Балаган? — вежливо осведомился краснолицый здоровяк, сидящий за соседним столом и потягивающий пиво из огромной кружки.

— Ну? — мрачно ответствовал Ксант.

— Гельде, — представился краснолицый всем, не обратив никакого внимания на старшего сына Леонсо. — Хозяин здешнего балагана. Давно в Тарантии?

— Только приехали, — благодушно сообщил наконец набивший вместительное брюхо толстяк Улино. — А тебе что за дело до нас, бородавка на заднице Нергала?

— Верно, хочет, чтобы мы убрались отсюда, — пробурчал Мадо.

— Пусть сам убирается, — выплюнул Сенизонна, трепеща ноздрями. — Подонок!

— Козел, — покраснев, тихо добавил Играт и перекинулся под удивленным взглядом Леонсо.

— Вы подонки и козлы, — спокойно парировал Гельде, нисколько не обидевшись. — С третьим балаганом толкую.. Чего только не наслушался! Митра свидетель — я вам рад. Я люблю Тарантию, и чем больше шутов будет на Митрадесе, тем лучше. Слышали о Паллантиде? Он капитан Черных Драконов — гвардейцев нашего короля. Так вот он был у меня позапрошлым днем, побеседовали..

Леонсо внимательно слушал краснолицего здоровяка, в душе радуясь возможности хотя на время переселить-

ся под крыло здешнего и, кажется, весьма надежного человека.

— Мы с ним договорились так: как только король заканчивает свою речь, обращенную к гражданам славной Аквилонии, лицедеи из всех балаганов поднимают вверх луки и пускают в небо стрелы с разноцветными лентами. Должно быть очень красиво.

— Про стрелы мы и без тебя знаем, — проворчал Михер. — На великих праздниках это всегда было... Лучше скажи, какое место на площади будет наше?

— Не хуже других.

— А если я не умею стрелять из лука? — поинтересовался Кук. — Тогда как?

— Стреляют пятеро, не больше. Да и не такая уж это наука — оттянул да отпустил.

— Ну, парни, кто будет стрелком? — Леонсо по очереди оглядел каждого, но добровольцев пока не находилось. — Агрей! Ты умеешь, я знаю!

Агрей пожал плечами, кивнул.

— Агрей первый. Кто еще? Сенизонна?

— Ма-агу, — протянул грустный красавец. — И оттяну, и отпущу...

— Тьфу! — в сердцах сплюнул Леонсо и обратился к рыжему. — А ты, Мадо?

— Согласен, — коротко ответил тот.

— Михер?

— Не умею и не хочу.

— Лакук?

— О, не-ет... Прошу тебя, Леонсо, только не я.

— Гуго, Улино, Зазалла? Толстяки дружно замотали головами в знак протesta.

— Ксант?

— А чего ж не пострелять?

— Енкин?

— Нет.

— Играт? Вряд ли... Ладно, пятым буду я, — с досадой заключил Леонсо и, показывая пальцем на каждого стрелка, еще раз перечислил их Гельде: — Сенизонна, Мадо, Агрей, Ксант и я. Устраивает?

— А мне что? — удивился краснолицый. — Ты только запиши всех, если умеешь. Паллантид велел список подать.

— Сделаю.

— Ну, а теперь пойдем, потолкуем? — Гельде подмигнул Леонсо и потянул его за рукав.

— Зачем это? — подозрительно спросил Леонсо, все же поднимаясь со скамьи.

— Не бойся, не съем, — засмеялся краснолицый, встал и, не оглядываясь, неторопливым шагом пошел к выходу, будучи уверенным, что хозяин балагана следует за ним.

* * *

На улице, где фонарщики уже спешили зажечь огни фонарей, было совсем темно. Лишь в свете факела обходчиков Леонсо увидел на несколько мгновений лицо Гельде, неуловимо преобразившееся. Теперь он был подтянут, собран и серьезен; в серых глазах его появился жесткий блеск, а губы подобрались в тонкую нитку, отчего все мускулы лица напряглись, и оно стало похожим на маску. Леонсо невольно поежился, ругая себя за ненаблюдательность — в прежние времена таких промахов он не допускал.

— Ну вот что, приятель. Я точно знаю, что в твоем балагане один ублюдок мечтает направить свою стрелу не в небо, а в грудь нашего короля. И кажется, я даже понял, кто это.

— Что ты мелешь? — пораженно отшатнулся Леонсо. — Мои лицедеи — парни простые. Какое им дело до вашего короля? Они его и в глаза никогда не видали!

— Я знаю, что говорю!

— Врешь, собака!

— Дурень, ты послушай... А, что с тобой толковать! Запомни одно — если стрела ублюдка вонзится в грудь нашего короля — тебя повесят вместе с ним! Теперь я тебя убедил?

— Нет! — твердо сказал Леонсо, повернулся и пошел обратно.

Странные слова Гельде — кто же он такой на самом деле? — поразили его до глубины души. Он и на миг не сомневался, что краснолицый говорил правду. Присев за дверью кабака, Леонсо подпер голову рукой и принял размышлять. Он перебирал в уме всех своих парней, но никак не мог указать на кого-то одного — убийца. Нет! Все они временами бывают глупыми, смешными, злыми и даже подлыми, но... Вся натура Леонсо восставала против обвинения кого бы то ни было в злодейском убийстве. Он понимал, когда люди гибли на поле боя — жизнь есть жизнь, и бой есть бой, — но когда некто брал на себя право бога распоряжаться жизнью, да еще чужой жизнью — этого он понять не мог.

— Леонсо... Где ты? Леонсо...

Знакомый голос... Хозяин балагана поднял голову, силясь разглядеть в ночной мгле человека; тихие, осторожные шаги приблизились, затем снова отдалились...

— Леонсо... — вдруг прошептал кто-то совсем рядом. — Где ты?

Он узнал наконец этот голос. Облегченно вздохнув, он кивнул невидимке и хрипло ответил:

— Я здесь. Иди сюда, помоги мне встать...

Леонсо не ощутил удара. Он лишь почувствовал, как в груди поднимается горячая, обжигающая волна... Потом рот его наполнился соленой влагой, а в глазах вспыхнули яркие красные огоньки... Он удивленно прошептал имя убийцы пересохшими в одно мгновение губами и вдруг внутри его словно что-то разорвалось...

Леонсо качнулся, закатив глаза, и повалился на грязный пол, прямо в собачью лужу... В тот же миг с неба упала яркая серебряная звезда — он мелко задрожал, словно услышав в тишине звенящий ее полет, — и умер.

* * *

Этей едва дождался, когда сухопарый, с редкой козлиной бородкой блонд закончит задавать им свои ублюдочные вопросы. Он смотрел на лицедеев с нескрываемым презрением, и стрелку безумно хотелось направить лезвие своего верного клинка в его тощую шею. И он, может быть, не сумел бы сдержаться, да только кинжал его остался в груди Леонсо... Леонсо... Жаль, что пришлось отправить его на Серые Равнины... Немало дорог прошли они вместе... Но краснорожая скотина наверняка поведала ему нечто такое, отчего великолепный план мести мог сорваться, а сам стрелок оказался бы в руках палача. Этей сразу понял, что этот парень Гельде не только хозяин здешнего балагана, но и — он готов был поклясться бровями Эрлика — доноситель, то есть слуга грязного варвара, что уже заслуживало смерти!

Он тихо засмеялся, припомнив, как забулькал и захрипел краснолицый, когда кинжал Этая быстро и плавно перерезал ему горло. Он мгновенно оказался по щиколотки в крови. А на руках стрелка, на одежде — ничего, ни одного пятнышка! Этому трюку он научился у Пантедра, зуагирского недоумка, который обожал смотреть на кровь, но не выносил ее на себе.

Колени Этая вдруг ослабли; он криво ухмыльнулся дрожащими губами, вцепился пальцами в икры и начал с силой массировать их, надеясь, что судорога отступит. И на сей раз у него получилось. Видимо, два убийства подряд все-таки принесли ему силы, как то бывало и прежде. Откинувшись на грязный ворох соломы, лежащей на дне повозки, он тщательно облизал губы твердым языком, с удовлетворением отмечая, что и дрожь,

подобно судороге, отходит, и глубоко вздохнул. Надо спать. На рассвете — а до этого времени осталось совсем чуть — всю братию вызвали в кабинет блонда, где сухопарая крыса снова задаст им свои ублюдочные вопросы, а угрюмые стражники будут вожделенно ждать подходящего момента, чтобы врезать сапогом по заду поганому шуту.

Но и это можно терпеть, если месть осуществится, если киммериец со стрелой в груди уйдет наконец на Серые Равнины... Этей даже вспотел, представив себе такую великолепную картину — Митрадес, кругом толпа (вонючие свиньи, чтоб их всех к Нергалу в пасть), крики, смех, песни... И вот стрелки из балаганов поднимают к небу свои луки... разноцветные ленты, привязанные к стрелам, трепещут, щекочут лицо... Толпа в ожидании зрелища замирает и... «О, Митра! О, великий и светлый... ("и Эрлик тоже!" — торопливо добавил Этей) Неужели не позволено будет мне испытать подобного восторга?» Он до боли закусил губу, чувствуя, как из глаз потекла влага и, не в силах сдержаться, всхлипнул.

— Не надо... — Мягкая рука провела вдруг ласково по его мокрой от слез щеке. Велина! Смешная девчонка... Она решила, что он горюет о Леонсо!

— Не надо, слышишь? Его уже нельзя вернуть. Я думаю, так хотел Митра... Хотя... Я сама бы загрызла того, кто это сделал!

— Наверняка какой-нибудь бродяга, — отозвался Этей слабым голосом, безумно веселясь в душе. — Их тут столько шатается... Хотят поживиться на Митрадесе...

— Как и мы...

— Как и мы, — равнодушно согласился он.

Велина вытянула из кучи длинную соломину и сунула ее в рот. Задумчиво уставясь в самое ухо стрелку, она помолчала немного, потом тихо и странно произнесла:

— А вдруг это кто-то из нас?

— Да ты что? — возмутился Этей. — Кому нужно? Леонсо был строгий, но справедливый хозяин. Его все любили... Нет, Велина. Мы псы и ублюдки, я знаю, но убийц среди нас нет!

Стрелок сказал последние слова так твердо, так уверенно, что на миг сердце его защемило от гордости за себя и своих собратьев; но со следующим же вздохом он осознал комичность этого чувства и чуть было не расхохотался; крепко зажав рот ладонью, он искося посмотрел на молодую женщину. Вертикальная полоска света — от уличного фонаря — из прорехи в полотнище повозки тускло освещала ее простое, но милое лицо, на котором Этей прочитал отражение своего мимолетного ощущения: карие глаза ее блестели живой слезой, брови были чуть приподняты, а красивые губы сжаты. Сдергивая смех, он провел рукой по ее бедру, что по очереди ласкали все лицедеи их балагана — ему опять захотелось поиграть, и хотя сие, несомненно, могло оказаться весьма пагубно для него, он все же не утерпел.

— Велина, ты не помнишь, кто выходил из кабака следом за Леонсо?

— Когда его позвал этот... Гельде?

— Ну да.

— Мы все вместе вышли, почти сразу...

— А кто первый?

— Не помню... Кажется... Кажется, ты. А почему ты спрашиваешь? Ты начал сомневаться в...

— Нет-нет, просто я подумал... Может, кто-нибудь из нас видел убийцу? Он должен был быть где-то рядом...

— Ты не видел?

— Если бы...

Они снова замолчали, думая каждый о своем. Да, так оно и было на самом деле: только успел стрелок отойти на шаг от тела Леонсо, как на улицу вывалилась

вся братия. Он едва не попался. Во всяком случае, Играт наверняка заметил странное выражение на его лице — их взгляды на мгновение пересеклись, и Этей увидел себя в зрачках ленивого... Блуждающая полуулыбка, дикий блеск в глазах... Он слишком возбудился. Видимо, сказалась болезнь, ослабившая его нервы. Раньше такого с ним не могло случиться... Но Играт — тупица, он явно ничего не понял. Спустя лишь вздох он споткнулся о ногу Леонсо, наклонился над ним и вдруг заверещал, да так пронзительно, что Этей едва не лишился чувств. Проклятый недоумок... Какого Нергала он прицепился к ним? Жил бы в своей дыре... Тьфу!

Стрелок забылся и так смаочно, с сердцем, сплюнул в солому, что Велина вздрогнула и удивленно посмотрела на него.

— Жаль, я не видел его, — пояснил Этей. — Глотку бы перегрыз!

— И я. Но я все-таки не понимаю, зачем кому-то понадобилось убивать Леонсо и Гельде? Денег у них не взяли и... И они же только познакомились!

— Откуда у тебя такая уверенность? Ты знаешь Леонсо года два. А что он делал до того? Где был? С кем? Нет, Велина, вся эта история окутана тайной. И поверь мне, когда все разъяснится, ты будешь очень удивлена...

Он зря сказал эти слова. Велина широко раскрыла глаза и чуть отодвинулась.

— О чём ты? Я не понимаю...

— Вздор! — спохватился стрелок. — Ты знаешь, Велина, иногда я мелю, что попало. Не смотри на меня так, прошу... Лучше иди ко мне...

Этей протянул руки и привлек ее к себе. Велина не сопротивлялась. Простая душа ее, на долю мига угнетенная сомнением, сразу приняла оправдание мужчины; она приникла головой к его плечу и так застыла.

«Прости меня, Белит... Эта женщина тоже нуждается

в ласке... как и я... Но когда она целует мои веки, я представляю, что это ты — прекрасная, словно сотворенная Митрой в блаженные мгновения вдохновенного труда — склонила надо мной голову, и ты шепчешь мне те простые слова любви, что известны и ремесленнику и королю, и крестьянину и нобилю, и честному и бесчестному, и добряку и корыстолюбцу...»

— Мне хорошо с тобой, Велина, — вслух произнес он, гладя ее плечи.

— И мне, — прошептала она.

И в тот короткий и вечный миг, когда их горячие, влажные тела слились в одно, странная гостья возникла за спиной Велины и перед глазами стрелка. Он осторожно убрал со своего лица пахнущие соломой волосы женщины и взглянул в белые пустые глазницы: там он увидел ночь. Ту самую ночь, о которой мечтал; сердце его радостно забилось, и он прошептал: «только потом, после этого... прошу...» Она кивнула — а может, это лишь показалось ему — и исчезла. Этей ощущил еле заметные колебания воздуха, потом прошло и это. Тогда он приподнял над собой Велину, с улыбкой посмотрел в ее раскрасневшееся милое лицо и, поймав ответную улыбку, вновь призвал ее к любви...

* * *

— Кто-нибудь из вас выходил из кабака следом за Леонсо и Гельде?

— Никто, господин... — нестройным хором ответствовали лицедеи.

Они чувствовали себя здесь, в кабинете блонда, весьма и весьма неуютно. У дверей стояли — как и предполагал Этей — угрюмые стражники, кои успели уже поддать под зад Михера и Лакуку и ущипнуть за ту же часть тела Велину. Сам блонд выглядел еще основательнее вчерашнего: одежда его была богата, худые пальцы унизаны великолепными перстнями, а козлиная

бородка вызывающе торчала параллельно длинному, острому носу.

— Я не буду тратить на вас драгоценное время, подонки! Раскройте свои грязные пасти и поведайте мне все по порядку, иначе я велю повесить всех!

— О чем поведать тебе, господин? — выступил вперед побледневший и вроде даже немного усохший толстяк Улино, взявший пока на себя обязанности старшего. — Мы готовы. Но, клянусь Митрой, никто из нас не способен на такое дело. Леонсо любили...

— Хватит! — завизжал блонд. — Говори ты, — он ткнул пальцем в Сенизонну. — Кто вышел первым?

— Я не помню, господин... — дрожащим голосом сказал грустный красавец. — Я не видел...

— Ты! — Палец блонда переехал чуть влево и теперь указывал на Енкина.

— Не видел, — поднял мокрые глаза младший сын Леонсо.

— Ты! — уничтожающе прошипел блонд, тыча в Мадо. Рыжий съежился. Украдкой он бросил затравленный взгляд на собратьев и, увидев на их лицах выражение тех же чувств, что обуревали и его, прошептал:

— Не могу ответить, господин...

— Что-о-о? — взъярился блонд. — Да я тебе покажу, дермо издохшей лошади! Отвечай, кто вышел первым?

— Леонсо...

— За Леонсо! — Блонд, по всей видимости, уже терял терпение.

— Гельде... Или нет, господин, сначала вышел Гельде...

— Сейчас я прикажу дать тебе сотню плетей, а потом бросить в клетку со львами... Как тебе это понравится?

Мадо поперхнулся. Сморшив нос, он опять оглянулся на приятелей, что переминались с ноги на ногу за его

спиной. «Скажи ему хоть что-то», — умоляющее зашептал взмокший от страха Сенизонна. И Мадо сказал:

— Следом вышел я. Теперь уже пришла очередь блонда поперхнуться и в изумлении уставиться на рыжего.

— Ты?

— Я, — подтвердил Мадо.

— Не слушай его, господин, — взволнованно произнес Михер. — Он шел за мной, а я за толстяком. Только не помню, за каким именно...

— Верно, — кивнул Агрей. — Мадо шел за Михером, а тот за чьей-то тушей. Но перед тушей, господин, вышло еще двое.

— Кто? — прошипел блонд.

— Если бы я знал их, господин, — смиренно ответил Агрей. — Но я мог зирть только их спины, и скажу тебе точно: раньше я таких спин не видел.

— В них было что-то особенное? — осведомился чуть успокоившийся блонд.

— Нет, — пожал плечами парень. — Спины как спины.. Но не наши, клянусь Митрой.

— Кто еще поведает мне о сих спинах?

— Я, господин, — пролепетала Велина.

— Ну?

— Одна спина была широкая-широкая и находилась высоко от пола...

— Значит, он большого роста, — глубокомысленно заключил блонд.

— Да, — кивнула Велина и продолжала. — А другая спина была узенькая-узенькая — вот вроде нашего Мадо — и находилась от пола низко.

— А этот маленьского роста, — заверил присутствующих блонд. — Дальше, женщина.

— Все, — потупилась она. — Больше я ничего не видела.

— Тыфу!

Блонд откинулся на спинку кресла, положив одну

руку себе на штаны, а другой поглаживая свою бородку. Он и раньше понимал, что от этих ублюдков толку никакого, кроме вони в кабинете. Они, конечно, не убивали ни Гельде — жаль его, отличный был доноситель, — ни второго, как там его... Бродяг понаехали на Митрадес уйма, теперь покою не будет ни днем ни ночью... Была б его воля, запер бы ворота и не пускал никого. А своим бы давал два раза в луну плетей, чтоб знали свое место, отродье Нергала, бычьи хвосты, дерньмо собаки... Блонд вздохнул тяжело, в глубине души страшно гордясь особой своей миссией, благодушно посмотрел на лицедеев, понуро стоявших перед ним, и по-отечески сказал:

— Ну, что стоите, дурни? Пошли вон.

Глава восьмая

Ночное небо быстро светлело. Бледнели и исчезали звезды, нежный розовый свет на горизонте обещал скорое появление ока благого Митры, а с ним и пробуждение всего сущего, начало жизни — ибо день есть жизнь, что умирает ночь.

Покинув дом Мгарс, Конан вдохнул прохладный, но уже начинавший теплеть воздух; на улице не было никого, только вдоль зданий черной тенью крался ободранный одноухий кот, настороженно кося по сторонам круглым зеленым глазом. Человек шикнулся, и кот, замерев на мгновение, потом стремглав бросился прочь, скрылся в узком переулке, откуда вскоре раздалось утробное «мр-рау!» И это тоже была жизнь.

Запахнувшись в широкую куртку, король двинулся дальше. Пустой город, за вчерашний день пропитавшийся страхом, ненавистью и отчаянием до самых подвалов, лежал перед ним. Конан словно чувствовал беззвучно исторгающиеся из окон и щелей, сочащиеся из стен вопли осиротевших, стоны раненых, но более всего — страшные проклятья, посыпаемые обманутыми, порабощенными людьми тем, кто ступил на их землю так пьяно-весело и кто так бездумно, безжалостно уничтожал все им родное, все близкое.. И хотя король отлично знал, что не так уж долго будет продолжаться сей ужас, порожденный царством Нергала, его сердце наполнялось сходными чувствами, и те же проклятья

Бормотал он сквозь зубы теперь, проходя по пустым улицам Хаурана.

Шемиты появились неожиданно. Конан отскочил в тень, падающую от высокой стены, и подождал, когда они подойдут ближе. Их оказалось пятеро. Порядком нагрузившиеся в одном из многочисленных хауранских кабаков, они подскакивали подобно козлам, но звеня при этом доспехами, заплетающимися языками горланили песню на древнем своем языке и всячески поносили город и его жителей. Все они были высокими, крепкими деревенскими парнями, коих глупость, так часто свойственная молодости, занесла в наемную армию, где работой являлся бой, а ценой каждому — мелкая медная монета, ибо до золотой доживали далеко не все...

Конан убрал ладонь с рукояти меча: есть ли сейчас у него — не капитана гвардии королевы Тарамис, а короля великой Аквилонии — причина и право отнимать жизнь у этих парней? Он усмехнулся сам своим праведным мыслям, пожал плечами, и в этот момент что-то почти забытое шевельнулось в душе, отчего тело покрылось мурашками и взмокло. Он вспомнил... Не нападать первым, не убивать без причины, не поднимать руку на того, кто просит пощады... Да, он помнил. Дар Митры, потерянный так давно и безвозвратно... Жалели он о том? Нет. Но с тех пор слова наставника то и дело вторгались в его мысли, заставляя суровую натуру варвара испытывать священный, хотя и весьма кратковременный трепет. Вот и теперь дыхание его на миг перехватило, но затем он снова усмехнулся, отгоняя прочь все бесполезное и только отвлекающее его от реальности, и, дождавшись, когда шемиты скроются за поворотом, пошел дальше, чувствуя себя лишним в этом городе, что был его приютом десять лет назад.

У храма Митры Конан остановился. Ни души — хотя край солнца уже показался вдали, за домами. Но ныне жизнь Хаурана была иная, не та, что вчера, а потому и привычное течение ее изменилось; люди боя-

лись покинуть свои жилища, а шемиты, утомленные резней и бурной ночью, хранили в казармах, не ощущая никакого смысла в раннем пробуждении — город принадлежал им.

Внезапно какой-то шорох почудился королю за стеною храма. Он пригнулся, снова положил руку на эфес, нырнул за высокое крыльце и там замер.

— Наконец-то я нашел тебя... — ворчливо пробурчал меир Кемидо, вырнувшись к крыльцу. Длинный светлый балахон его волочился по земле и совсем запылился, крокодилья физиономия еще больше вытянулась, а маленькие глазки посветлели и шныряли по сторонам, такие скользкие, словно крошечные рыбки, и так же не способные стоять на месте. В конце концов старик все же сфокусировал взгляд на Конане и, недвусмысленно скривившись, добавил: — Мой господин...

— Где ты был, репейник из хвоста Нергала? — грозно вопросил король, в глубине души радуясь появлению меира — ведь это означало его скорое возвращение домой.

— Скажи лучше, куда занесло тебя... — непочтительно огрызнулся старик. — Ты, именно ты заварил всю кашу. Ну, сдали бы оружие хауранцы.. Тебе-то что за дело? И потом, ты покинул меня одного на площади, среди озверевшей толпы! Меня чуть было не растоптали! Пришлось срочно возвращаться в настоящее, а потом снова за тобой. Задал ты мне хлопот, владыка, ох и задал...

— Хватит дребезжать, — оборвал его король. — Я поступал так, как хотел. А твое дело сопроводить меня теперь обратно. Понял, старая коряга?

— Понял, — смиренно согласился меир Кемидо и со вздохом пригласил Конана к своей руке.

— Нет, погоди... — Киммериец оглянулся назад — туда, где в лучах восходящего солнца блестела крыша дома Мгарс. — Здесь я еще остался должен кое-кому...

— О-о-о, — простонал старик, — только не это, про-

шу тебя. Пойми, долго задерживаться в прошлом нельзя. Это тебе не лес, где ты можешь бродить, сколь угодно твоей неуемной натуре, и не твой дворец, в котором ты живешь. Это прошлое!

— А что будет, если я задержусь? — с интересом осведомился Конан.

— Останешься здесь навсегда! И не молодым, а таким, как сейчас. И весь свой прежний путь повторишь заново, не имея ни малейшей возможности изменить даже вздох! Хочешь ты этого? А твои раны? Они зажили, как я вижу. Так вот, скоро они откроются снова, и ты займешь свое место на кресте близ города. Хочешь ты этого?

Меир Кемидо развелся; его глазки опять забегали, гневно поблескивая, а тонкие губы явно едва сдерживали ругательства в адрес бестолкового клиента. Конан в досаде треснул кулаком о ладонь. Он понимал, конечно, что старик прав и надо незамедлительно возвращаться. Иначе придется остаться в Хауране и начать жизнь сначала. Нет. Это слишком скучно. Но если он вернется в Тарантию... Как же тогда он узнает, кто убил Мгарс!

— Как же тогда я узнаю...

— И не надо тебе этого знать... — проворчал Слуга Прошлого, почесывая кончик носа. — Давай скорее руку, владыка.

Иного выхода не было. Конан ограничился тем, что посмотрел на старика взглядом, способным убить целую армию; затем он отвернулся и сунул ему руку, которую тот жадно схватил цепкими лапками, зашипев себе под нос заклинания, состоящие из междометий и длинных, непонятных слов. Спустя лишь несколько мгновений голова короля закружилась, словно хмельная, тело ослабло, а в глазах покернело. Он глубоко вдохнул и, не успев выдохнуть, провалился во мглу.

* * *

— Позволь мне огведомиться о твоем здоровье, друг мой, — будто сквозь сон рассыпал Конан голос мага, как всегда спокойный, чуть ироничный, хотя на этот раз в нем явно чувствовались несколько тревожные нотки.

Король хотел было разлепить губы и ответить, но вдруг сие показалось ему совсем не важным, и он, не потрудившись даже открыть глаза, промолчал. Наступившая пауза начала накаляться; вот заерзal в кресле тощим задом меир Кемидо, смущенно покашливая под пронзительным взглядом Пелиаса, а вот и сам маг забарабанил пальцами по столу, что обычно означало у него крайнюю степень недовольства.

— Не хочу обижать тебя напрасно, Кемидо, но мне кажется, ты переусердствовал. Король болен? Ему плохо? Или он потерял сознание?

— Сам не понимаю, — хмыкнул старик. — Скорее, сознание мог потерять я. Он так велик и тяжел, а висел на мне целых два с половиной мгновенья. Я совсем запыхался.

Снова наступило молчание. Оба гостя вились немигающими взглядами в короля, словно желая таким образом привести его в чувство, и он, наконец, не выдержал.

— Что уставились? — открывая глаза, раздраженно буркнул Конан. — Лучше скажите мне, то был сон или нет?

— Нет, владыка, — почтительно ответствовал меир Кемидо. Здесь, во дворце, он вновь превратился в покорного, хотя и немногого хамоватого раба. Оно и понятно — тут он был гость, но не хозяин.

— Не знаю почему, — медленно начал Конан, — но, клянусь Кромом, у меня руки чешутся вышвырнуть отсюда вас обоих. Пелиас, может, я заболел?

— Так ты слышал, как я... Что же ты не отзывался,

друг мой? — с укоризной произнес маг. — Я был весьма, весьма обеспокоен..

— Исчезните оба, — махнул рукой король. Он вдруг почувствовал страшную усталость, подобную, может быть, только усталости узника; веки его отяжелели, а мышцы, напротив, словно наполнились пустотой. И хотя вскоре это прошло, снова входить в роль любезного хозяина и возвращать гостей он не желал. Глядя, как украдкой переглянувшись, они встали, низко — как показалось Конану, с долей иронии — поклонились и один за другим бесшумно скрылись за тяжелым пологом, аккуратно прикрыв за собой дверь, он ощутил лишь облегчение, еще усилившееся от того, что в спину гостям он послал весьма разнообразные ругательства.

Наконец король остался один. Он был раздосадован, и пока не мог понять почему. Впрочем, на самом деле поводов находилось предостаточно. Во-первых, он так и не увидел еще раз подарок из Коринфии — гнедого трехлетка с пышной гривой и тонкими крепкими ногами; во-вторых, Мгарс... Кто убил ее? И почему Конан, которого никогда не подводило его варварское полузвериное чутье, ничего не слышал? В-третьих — король только сейчас вспомнил об этом — шут из балагана, вознамерившийся лишить его жизни, да еще во время Митрадеса! Ну, с сим ублюдком разобраться, видимо, не так уж трудно: трухлявый пень Кемидо обещал помочь, и Пелиас здесь, тоже на что-нибудь сгодится.. А вот как разгадать тайну убийства Мгарс?..

Конан задумчиво осмотрел свои покой. Что он может сделать в Хауранде десятилетней давности, сидя здесь? Ничего. Разве что послать туда меира? Но будет ли от него польза? Да и связываться с ним королю очень не хотелось, тем более, что убийство произошло, скорее всего, еще тогда, в те годы.. Видно, все же придется смириться с тем, что тайну эту никогда и никто не разгадает.. Конан умел признавать поражение, а потому лишь пожал плечами и позвал слугу, решив выпить в

память Мгарс кувшин старого хаурандского вина из погребов, в коих еще сохранились запасы прежних властителей Аквилонии.

За этим занятием и застал его Паллантид. Настроение короля поднялось уже после первого глотка, так что капитан Черных Драконов узрил своего повелителя с легкой усмешкой на устах и с блеском в синеве меж черными пушистыми ресницами.

— Не медли, старый пес. Садись скорее, а то, клянусь Кромом, тебе не останется и капли!

Паллантид не заставил себя упрашивать. Повинуясь приглашающему жесту короля, он быстро уселся в кресло, схватил двумя широкими костищами пальцами тонкую у основания ножку кубка и, налив себе до краев белого, с едва уловимым нежным ароматом вина, в два глотка выпил. Глаза его заблестели, он устроился в кресле поудобнее и выжидательно посмотрел на Конана, потом со вздохом перевел взгляд на свой кубок — пустой, как его гробница. С не менее глубоким вздохом король разлил остатки вина, с сожалением понюхал кувшин; подняв кубки, они молча, торжественно допили.

— Ну, Паллантид, — нарушил молчание Конан. — Рассказывай, что тут произошло, пока меня не было.

— А когда тебя не было? — удивленно сдвинул брови капитан Черных Драконов.

На миг Конан смешался. Он провел в Хауранде целый день и целую ночь, а здесь за это время не успело и зайди солнце. Значит, меир Кемидо все же не надул его.. Что ж, тогда вполне можно доверить ему установление личности этого недоумка-лицедея..

— Как идет подготовка к Митрадесу?

— Да все уже готово, владыка, — мотнул головой Паллантид. — Давно готово. Только...

— Ну?

— Не могу забыть твои слова о злоумышленнике.

— Забудь.

— Нет, владыка.. Я послал одного верного челове-

ка — прошвырнуться по приезжим балаганам и записать всех стрелков... Ну, тех, кто будет пускать стрелы с разноцветными лентами после твоей речи. Всех шутов наберется более полусотни, и я отдам свою печень собакам, если мы сможем найти среди них того самого... А стрелков всего-то двадцать! За ними и слежку легче установить, и... Короче говоря, я уверен — тот, кто нам нужен, непременно навязался в стрелки. Ты не согласен, мой господин?

— Делай как знаешь, старый пес, — задумчиво отозвался Конан. Он почти не слышал того, что говорил Паллантид. Неожиданно ему в голову пришла странная мысль: а кто еще мог убить Мгарс, кроме... Машинально он поднес к губам пустой кубок. Нет, этого не могло быть... А если все же?..

Сердце его застучало гулко, тревожно. Как он мог не понять этого еще тогда? Ведь все так просто... И вечное его недоверие к подобным проходимцам всегда себя оправдывало, а тут...

Резким жестом король отоспал недоумевающего капитана Черных Драконов. Он был уже уверен, что все произошло именно так; дикая ярость оглушила его на мгновенье, в глазах потемнело, а кулаки сжались. Он все понял. И только одного не мог понять никак: зачем?

Но отвечать на этот вопрос самостоятельно Конан не собирался. А потому он встал и вышел из комнаты — на первый взгляд спокойный, но лишь на первый... Окаменевшее лицо повелителя заставило слуг отшатнуться к стенам, а гвардейца-охранника, открывшего рот для приветствия владыки, закрыть его снова. Король был в ярости.

Глава девятая

Стрелок плелся в компании своих собратьев по ремеслу к повозкам, оставленным за медную монету на попечение мальчишки из кабака. В тягостном молчании, не глядя друг на друга, лицедеи проходили улицу за улицей, уже не обращая никакого внимания на красоту городских зданий и храмов. Наверное, только теперь, после допроса блонда, они действительно поверили в смерть Леонсо, только теперь до глубины сердца ощутили истинность и невосполнимость потери. Изо всех сил сопротивляясь диктату нужды и течению времени, они желали всегда оставаться детьми — Леонсо позволял им эту малость, взяв на себя обязанность решения всех внешних проблем, попутно примиряя, разнимая и наказывая в кругу семьи. Но его не стало, и теперь — каждый понимал это — им придется взросльеть. Занятия нелепее трудно придумать, тем более что взросление в таком, отнюдь не юном возрасте, обычно означает и очень скорое старение, а сие вполне могло доконать их окончательно.

Сходные чувства испытывал сейчас и Этей — причем совершенно искренне, нисколько не кривя душою. Он горевал о Леонсо, может быть, даже гораздо сильнее, нежели его собратья, ибо — хотя в данный момент он совершенно отстранился от своей сопричастности — убил Леонсо все-таки он. Странная суть его абсолютно (он и не подозревал об этом) отрицала всякое раскаяние

в содеянном, тем не менее самый факт его непосредственного участия в гибели человека умножал смятение и разброд в душе лицедея. Прошлой ночью, когда Велина заснула на его плече, он с легкостью припомнил преступление, порадовался собственной ловкости и удаче, затем, волей-неволей ища оправдания, свалил всю вину на Эрлика, необдуманно требующего от своих адептов обязательного прохождения сквозь всяческого рода лишения и испытания, и погрузился в спокойный сон. Сегодня все было иначе. Выйдя из кабинета блонда, он вдруг, неожиданно для себя самого, заплакал о Леонсо чистыми, искренними слезами; представляя, что никогда больше не услышит он его голоса, не увидит улыбки, что его место в повозке теперь будет пусто либо занято кем-то другим, он явственно ощущал в душе безумную тяжесть, что на самом деле было тем самым камнем, который рано ли, поздно ли, но повлечет его на дно.

Этой вспоминал прошедшее, обращаясь к высоким небесам за подтверждением истинности и правильности своих поступков, но ни там, ни тут не получил ответа. Высокие небеса, по всей видимости, напрочь забыли о существовании такой мелкой твари, как стрелок, прошедшее же давным-давно исключило его (как и всех прочих) из себя, передвинув в будущее и настоящее. А от этих времен он и не ждал ничего — они были ему чужие.

Если бы стрелок имел хотя бы малейшее представление о том, что такое совесть, он несомненно почувствовал бы себя лучше. Когда чему-либо находится объяснение, оно облегчает нравственные страдания — неизмеримо труднее страдать невесть от чего. Но сия материя — совесть — была ему неизвестна, а потому и муки, сотворенные мрачной сущностью Сета, оказались почти непереносимы.

Он едва добрался до повозки. Оттолкнув одного из толстяков, залез в нее, зарылся по обыкновению в со-

лому и, радуясь тому, что все лицедеи пребывали в том же состоянии, не способствующем веселью, провалился в сон, и сон тот был смерть.

Этю явилась Белит, столь часто волновавшая его воображение в действительности, но явилась не так, как прежде. Королева Черного Побережья качалась на рее собственного корабля, повешенная на собственном же ожерелье, камни коего сверкали в сумраке словно капли крови на ее смуглой шее. Стрелку так и не довелось увидеть смерть Белит тогда; сейчас ему предоставилась эта возможность: он облился холодным потом, обозревая ее прекрасное мертвое лицо — так долго оно покачивалось перед ним, так отчетливы были его черты... В мутной желтизне ее глаз он видел свое отражение, и оно, напротив, оказалось расплывчатым, как будто Серые Равнины уже маячили в его недалеком будущем. Стрелок потянулся, намереваясь прикрыть веки Белит, но пальцами ощущил вдруг только склизкую кашицу, обжегшую его кожу. Отдернув руку, он разинул рот, повинуясь инстинктивному желанию орать — увы, ужас сковал его. Ни звука не вырвалось из глотки, и одеревеневшее тело дернулось, словно в петле, как случалось всегда перед судорогой, но наяву, а не во сне. Теперь же, когда пробудиться он не мог, не было и возможности избавить себя от страданий.

Эту боль он отлично чувствовал и во сне. Корчась, Этей нарушил все свои заповеди, посыпая на голову ни в чем неповинного Эрлика страшные проклятия и обещая Нергалу отданье ему со всеми потрохами, лишь бы он помог ему пережить дикую, раздирающую на части муку. Как показало время, Нергал вряд ли нуждался в стрелке и в его потрохах: боль не проходила и даже не утихала. Лицо Белит со странным, торжествующим выражением маячило где-то в глубине, затмленное страданием Этей. А вдали — за Королевой Черного Побережья — была пустота, и вот в этой-то

пустоте — грохотали раскаты грома, и молнии взрывались, ударяясь о землю.. Мечтая о смерти, стрелок невероятным усилием раздвинул губы и вцепился зубами в шальную, почти оторванную ее; кровь тотчас потекла в рот, по подбородку, но инее, но зато он проснулся.

Дрожащими руками он вытащил из воротника булавку, привнесенную прошлым вечером, и вонзил ее в правую ногу. Судорога нехотя начала отступать, изапас ледок вливался в его плоть своими жесткими щупальцами. Не дожидалась, когда она пройдет совсем, Этей выдернул булавку и с силой сунул ее в икру левой ноги. Пощутно он разминал себе плечи, бока, изрыгая проклятья и плача.. Наконец все прекратилось. Всхлипывая, вытирая рукавами слезы и сопли, он повалился в солому, сам не очень-то хорошо соображая, где был сон и где явь. Лицедеи спали — привычный дневной сон, отяжеленный прискорбными обстоятельствами — и не слышали звуков, сопровождающих страдания их собрата. Он покосился на них — равнодушно, без злобы и раздражения, как плененный много лет назад зверь смотрит на своих хозяев — и, чувствуя неминоверную усталость, вдруг снова, почти мгновенно заснул.

И теперь перед ним был Гарет. Истерзанный каким-то чудовищем до неизнаваемости, он лежал в длинных густых камышах у болота, и Этей никак не мог разглядеть его лица: оно было скрыто в зарослях и, по всей вероятности, объедено зверем или птицами, но стрелок все равно знал, кто это. Не по одежде — сохранившиеся тряпки никоим образом не могли указать на личность своего владельца, и не по фигуре — фигуры как таковой уже не было, были только бесформенные куски, серые, покрытые засохшей кровью. Этей узнал Гарета просто потому, что в камышах лежал именно Гарет и никто иной. Колебания духа, исходящие вместе со смрадом болота, ясно ощущимого стрелком, принадлежали ему; сердце Этей доказало истину; все

существо его потянулось туда, трепеща и промывая нежные солоноватые слезы. Но и тут высокие небеса не сожалились над маленькой скрюченной тварью, лежащей в грязной соломе. Путь к телу мертвого Гарета был для него закрыт так же, как всегда была для него закрыта душа Белит. О, он отлично помнил, как весело болтала Королева Черного Побережья с черными ширатами — безмозглыми воинчими животными, и как она смотрела куда-то сквозь него самого: так смотрят в море, силясь разглядеть что-либо на дне и при этом, конечно, совсем не замечая воду. Да, она не была знакома с ним, но и вид его не вызывал в прекрасной Белит даже тени желания узнать его.

Этей забыл о Белит сразу, лишь только увидел огромную мохнатую тушу, подобравшуюся к телу Гарета. Газли! Исполнинский медведь-людоед, не брезгуя ни падалью.. Стрелок всмотрелся в неожиданной мысли: сейчас чудовище начнет грызть и трепать Гарета, и он будет тому свидетелем! Нет, он не хотел. Такую пытку явно не могли выдержать его и без того истощенные нервы. Но высокие небеса — теперь он был уверен, что именно они на пару с жестоким Эрликом придумали для него столь странные испытания — заставили его смотреть и слушать. Он не имел возможности даже закрыть глаза, ибо то был сон, где у спящего нет власти; он смотрел, застыв от ужаса и ощущая внутри сосущую, мелко дрожащую пустоту. И он знал, уже знал, как все это называется.

* * *

Потом, в кабаке, Играт напомнил лицедеям, что стрелков от их балагана на Миградессе должно быть все-таки пять. Услышав это сообщение, все мрачно подняли глаза на Михера, и он, вяло жуя сочный кусок говядины, кивнув, соглашаясь заменить погибшего Ленко.

В небольшом зале было тихо. Четверка солдат в углу да пара ремесленников, занявших стол у крошечного оконца, подозрительно поглядывали на лицедеев, не забывая при этом влиять в себя прямо из бутылей вино неизвестного происхождения и непонятного цвета, каковое обстоятельство понемногу рассеивало их бдительность и настраивало более благодушно. Когда пустой посудой оказалась заставлена почти вся поверхность стола и у тех и у других, интерес к лицедеям пропал совсем. Лишь тусклые мигающие светильники, что едва освещали помещение, бросали равнодушные желтоватые блики на постные физиономии сидящих.

Крепкий сон никому не принес облегчения. Напротив, утяжелил и без того унылое настроение шутов; головы их были пусты, веки красны и раздуты, а в глубине зрачков плыла пьяная муть, хоть никто еще не выпил и глотка. Впрочем, они вскоре исправили положение, заказав если не море пива, то уж озеро точно.

Отхлебнув сразу полкружки, колобок Михер почувствовал себя несколько лучше, да и другие, предвкушая спасительное забвение во хмель, приободрились. Но вести беседы, равно как и шутить и смеяться, им не хотелось. Каждому до такой степени обрыдли остальные, что один лишь взгляд на морду собрата приводил человека в тихое бешенство. А потому за столом лицедеев царило торжественное, хотя и довольно угрюмое молчание.

Зал кабака понемногу наполнялся. Так всегда было здесь с наступлением сумерек — словно люди старались сократить время, оставшееся до ночи, в пьяном угаре и веселой бездумной болтовне либо политических спорах. Какие козни против Аквилонии замыслила Немедия и о чем поведали палачу мятеjhники, заключенные в Железной Башне, какой подарок прислала королю Конану богатая Коринфия и что прошлой луной произошло в Гандерланде... Но сегодня предполагалась тема

поинтереснее, тем более, что непосредственные участники события, случившегося ночью, находились здесь же, в кабаке. Посетителей все прибавлялось; как и те ремесленники и солдаты, что сидели тут с самого начала, все смотрели на шутов с подозрением; поторапливая слуг, сновавших по залу туда-сюда, люди искали глазами знакомых, а находя, подсаживались и заводили беседы пока на совершенно посторонние темы.

Лицедеи ничего не замечали. Кувшины их пустели, глаза наливались мутной влагой, а сердца, становясь все легче и легче, воспаряли к потолку и там плавно кружились, почти освобожденные от ответственности за смерть собрата. Вот уже на жирных щеках толстяков заиграл румянец, и робкая улыбка появилась на устах Велины; по обыкновению заворчал Мадо, надулся обиженный кем-то Сенизонна, зачмокал губами Агрей; Михер возвел очи к болтающемуся на тонкой цепи светильнику, и зашипели друг на друга Кук и Лакук... Жизнь с каждым глотком пива потихоньку вливалась в изможденные тела лицедеев, чemu добрый Играт был очень рад. Он с любовью вглядывался в теперь уже хорошо знакомые физиономии, призывая к шутам мильсть благого Митры, и еле удерживался от того, чтобы не облизаться сейчас слезами и...

К сожалению, Митра был очень занят, а потому не обратил на просьбу Играта должного внимания. Зато Сет не дремал: как решил потом ленивый, именно он (а кто же еще?) наполнил души посетителей кабака черной злобой, затмил их умы и вооружил пустыми бутылями. То один, то другой, то третий вставали с мест и, сдвинув брови к самой переносице, с сумрачным взглядом подходили к столу лицедеев. Вскоре стол был окружен двойным кольцом насупленных мужчин, которые так тяжело дышали, что Мадо наконец обратил на них внимание.

— Чего надо, ублюдки? — задиристо выкрикнул рыжий фальцетом, разворачиваясь.

Лицедеи заволновались. В их кочевой жизни подобные заварушки бывали не раз, и победителями — увы — чаще всего оказывались не они. Иногда дело кончалось лишь синяками и ссадинами, но иногда случалось и кое-что похуже. Например, в Замбуле в одной таверне Зазалле перекибли нос, а Улино надрезали брюхо (слава Мигре, он так обрас жиром, что лезвие не задело внутренностей); в суптапурском кабаке Сенизонне сломали ногу, Леонсо ключицу, а Енкину почти откусили ухо; в Нумалии, в задрипанной харчевенке, чуть не убили Мадо.. Короче говоря, лицедеям совсем не хотелось сейчас связываться с тарантайскими забияками, тем более перед Митрадесом, где они намеревались показать себя в лучшем виде. Поэтому Улино, как самый благоразумный, хлопнул рыжего по плечу и посоветовал:

— Утихни, Мадо.

Но было уже поздно.

— Козлы пога-аные-е-е! — заголосил вдруг лысый худосочный парень с бледно-зеленым цветом вытянутой и приплюснутой физиономии.

— Ублюдки! — подхватил коротышка явно выраженного кхитайского происхождения. — Убийсы!

— Пришлые!

— Клоны вонючие! Подонки!

— Давить их!

— Повесить!

Тут худосочный принадменно задергался и простиг стену, что, во всей видимости, должно было означать начало военных действий. Коротышка, пыхтя, попытался укусить Улино за спину, на что Сенизонна, сидевший рядом с Толстяком и тошниво бубнивший себе под нос очередной вздор, так двинул его ложем в подбородок, что тот с визгом отлетел в толпу задир. В ответ чей-то

кулак засекал Сенизонне прямо в его прекрасный глаз, а в тот же момент худосочный с воем нажинулся на Лаксука и вцепился ему в волосы.

Разъяренные шуты вскочили со своих мест, хватая со стола разного рода предметы, ибо знали по опыту, что в драке пригодится все. Енкин размахивал пустым кувшином из-под шива, то и дело врезая им одному в нос, другому в бровь, третьему в ухо, возле него молча крутился забияк Агрей: он так ловко уклонялся от ударов и так ловко наносил свои, что вскоре его соломенные волосы уже мешкали в самой середине драки. Кук и с трудом отцепившийся от худосочного Лаксук, схватив табуреты, оборонялись ими, и довольно успешно — трое или четверо уже валялись на грязном заплеванном полу, скуля и размазывая по себе кровь.

Толстяки давили противника массой. Рядом с ними сражались Сенизонна и Ксанти. Грустный красавец, казалось, здесь попал в родную стихию: со сверкающей улыбкой он получал по всем частям своего тела и головы, и с той же улыбкой сам раздавал удары направо и налево. Но первой его жертвой стал худосочный, сейчас взлегающий на соседнее столове без чувств и с разбитым лбом. Воодушевленный этой победой Сенизонна уложил еще троих и теперь вместе с Ксантом пробирался к Агрею, которого уже душил какой-то дико визжащий оборванец.

Играт дракой не умел, а потому на пару с Великой кусался, царапался и пинался, что тоже принесло уже свои результаты — трое нападавших на них ремесленников с проклятыми отстуными, ощущая расплосованные лица красными от крови нальцами.

Михер, яростно плюясь, пытался проложить себе дорогу к Мадо — его совсем не было видно за широкими спинами тарантайцев. Отдирая от себя чьи-то руки, рыча и отбиваясь, колобок в ужасе следил за мелькающими в воздухе кулаками, что наверняка опускались

на голову рыжего. Но юркий Мадо с железными кулаками пока еще держался. Окруженный со всех сторон, он вертелся, словно белка; рыжие волосы его уже слиплись от крови, оба глаза были подбиты; злобно ощерившись, он кидался на противников, целя в зубы или в пах, сам почти не замечая их ударов. Наконец Михер встал рядом с ним, в пылу драки едва не получив в ухо от своего же приятеля.

Хозяин кабака стоял у дверей, намереваясь улепетнуть в случае необходимости, и выл. Поломанные столы, табуреты, разбитая и растоптанная посуда — при виде этого разгрома сердце его обливалось кровью. Простирая руки к бузотерам, он призывал их опомниться и разойтись, заплатив ему за ущерб, но слабый голос его тонул в общем крике и гаме, а когда пивная кружка, пущенная чьей-то сильной рукой, пролетела через весь зал и чуть было не угодила ему в лоб, несчастному перепуганному хозяину пришлось ретироваться, что он и сделал, жалобно стеная и плача.

Тем временем битва все же подходила к концу. Лицедеи — оборванные, всклокоченные, покрытые ссадинами и кровоподтеками — уже едва держались на ногах. Перевес тем не менее был на их стороне, ибо они-то все-таки держались, а их противники в основном оказались повержены. Шум стихал, рычание и крики сменились стонами и воплями побежденных; то тут, то там еще слышались смячные шлепки и грохот падающих тел; легкораненые спешили втихаря покинуть помещение. Наконец перед шутами не оказалось ни одного тарантайца, кроме, конечно, тех, кто оглашал воздух прерывистым воем, лежа на полу и стараясь не смотреть на победителей.

— Уходим! — хрипло приказал Улино, правой рукой хватая за шиворот ошелевшего от боя Сенизонну, а левой Мадо, который пострадал больше остальных. Лицо его было залито кровью, глаза заплыли, а из разо-

рванной рубахи проглядывало тощее, сплошь усеянное багровыми пятнами тело.

Молча и быстро лицедеи покинули негостеприимный кабак и окунулись в свежую мглу улицы. Они шли, с наслаждением вдыхая чистый воздух ночи, не спеша и не разговаривая. И только когда заметили в свете фонаря несколько фигур, облаченных в форму королевской гвардии, они дунули через ближайший переулок к своим повозкам, где обрели наконец покой и сон.

Глава десятая

Что там было в далеком прошлом, как это было — должно ли сие волновать Конана теперь, в нынешнем его мире? Каждое утро над великой Аквилонией, жемчужиной Запада, вставало солнце — око светлого бога Митры, и каждый вечер оно скрывалось за горизонтом; небеса не падали, горы не рушились, земля под ногами не лопалась; люди — жили, благословляя ли, проклиная ли своего повелителя, но жили. Так что же еще мог хотеть король, кроме бесконечного покоя, что позволил бы ему наслаждаться и властью, и богатством, и славой? Тем, к чему он стремился всю жизнь... Но Конан и раньше знал, что путь к мечте несравненно важнее ее исполнения...

Он спрыгнул с последней ступени, с силой пнул дверь ногой, обутой в высокий кожаный сапог с кованым носком, и, вытягивая меч из ножен, вошел в темную комнату. Окна ее с прекрасным видом на королевский сад были полностью закрыты тяжелыми занавесями густо-фиолетового, почти черного цвета, так что свет совсем не проникал внутрь. Посередине стоял круглый стол, на коем высился огромный прозрачный кристалл чуть зеленоватого оттенка; тусклые огоньки вспыхивали и сразу угасали в холодной утробе камня, словно замурованные светлячки, рвущиеся на волю.

В глубине комнаты, в роскошном кресле, покрытом тонким ковром, скрючилась маленькая фигурка. Во тьме трудно было угадать не только черты, но и пол суще-

ства, хотя Конан отлично знал, кто поблескивает на него двумя крошечными желтыми шариками. Он подошел, молча приставил клинок к тому месту, где должна была находиться волосатая шея, и легонько ткнул. Короткий всхлип возвестил о том, что его поняли. Тогда король чуть ослабил давление меча, чтобы пленник мог говорить, и, брезгливо морщасть,рыкнул:

— Ну, вонючая ящерица, раскрывай поскорее свою пасть и ведай мне все!

— Что «все», государь? — проскрипел в ответ меир Кемидо, вжимаясь в кресло, только бы подальше от остroго клинка.

— Зачем ты убил ее?

— Кого? Эту грязную девицу?

— Мгарс была во сто раз чище тебя, развалина!

— Не смею спорить с тобой, мой господин.

— Если ты будешь увиливать, клянусь Кромом, я отрублю тебе сначала нос, потом ухо — мне нравится твоя серыга, кривая рожка... А потом ты расстанешься и с головой! Хотя это и небольшая потеря... Ну!

— Она могла нам помешать, государь. Ты застрял у нее и потерял счет времени! Как бы я вытащил тебя обратно?

— И ты убил ее!

— Подумай сам, владыка, что я должен был сделать еще? Такого льва, как ты, — льстиво прошелестел меир, — никакой силой не оторвать от женских рук. Поэтому я проник в ее дом, подсыпал в кувшин с вином одно чудесное снадобье (ведь ты хорошо спал, мой господин?), а после, когда веки ее и твои смежились, я подошел... Вот и все.

— Ты убил ее!

— Да, — согласился Слуга Прошлого и умильно посмотрел на Конана. — А что я должен был сделать еще?

— Не повторяй сказанного однажды!

— Ты сам повторяешь, — буркнул старик, и желтые

шарики глаз его опять забегали, не останавливалась на короле.

— Слушай меня внимательно, протухшее вымя, — Конан смолк на миг, задумчиво глядя сквозь меира. — Слушай. Я не стану судить тебя сам. Есть великий Митра, есть ты, и есть светлая невинная душа тайно заколотой тобой Мгарс... Соверши ты злодеяние в мое время и в моей стране, я повесил бы тебя вниз головой, но прежде отдал бы в руки палача в Железную Башню.. Но теперь пусть Податель Жизни и Хранитель Равновесия решит твою судьбу. Ты понял меня, грязная тварь?

— Понял, — смиренно ответствовал Слуга Прошлого.

По всей видимости, Конан избрал правильную линию беседы с меиром: услыхав про суд Митры, старик явно стушевался. Он никак не ожидал от варвара такой проницательности, а потому взглянул на него сейчас совсем иначе, чем раньше. Огромная фигура аквилонского владыки возвышалась перед ним подобно киммерийской горе, что свысока взирает на холмы, покрывающие равнину. Невероятная сила, исходящая от Конана, ничуть не смущала Слугу Прошлого ни прежде, ни теперь. Но то, что он вдруг увидел в его синих глазах, поразило в самую глубь его существа: мысль! Варвар, о коем вот уже годы ходили легенды как о великом воине, предстал неожиданно совершенно в иной ипостаси. Пожалуй, только в этот момент старик понял, что король действительно мудр. До того он видел в нем силу, суровость и неотесанность; у него были, несомненно, верные слуги, что встречается на деле довольно редко; он правил могущественным государством самостоятельно, что трудно было ожидать от безродного киммерийца — обыкновенно простолюдины, каким-то чудом занявшие престол, окружают себя благородными и искусшенными в управлении страной господами, каковые и являются истинными властителями. И все же мысль, да еще столь глубокую, вряд ли можно было

ожидать в этом варваре. Вздохнув, старик поклонился королю, не вставая с кресла, ибо клинок все еще касался его шеи, и тихо вопросил:

— Ты выгонишь меня, владыка?

— Да, — кивнул Конан, отнимая меч. Он протер лезвие полой куртки, будто опасаясь заразы от Слуги Прошлого, и сунул его в ножны.

— Погоди. Дай мне половину дня, и я укажу тебе злоумышленника. Или ты забыл о нем? — удивленно поднял руки меир, заметив на лице короля мелькнувшее недоумение.

— Нет, не забыл. Но я не нуждаюсь в тебе, крючок. Забирай свое барахло и выметайся из Тарантии как можно скорее.

— Но он убьет тебя!

— А вот это уже не твоя забота.

— Мой господин, позоволь...

— Я не твой господин! И поторопись, к утру я хочу забыть о тебе.

С этими словами Конан толкнул плечом дверь и вышел из комнаты, оставив меира в темноте и недоумении.

* * *

— Вот и все, — закончил король свой короткий рассказ.

Пелиас молча смотрел в противоположную стену, постукивая по полу каблуком сапога. Сердцем он понимал Конана, но разум его отказывался поверить в то, что человек, коего на следующий день должна пронзить стрела, не захотел узнать имя своего убийцы и тем самым спасти себе жизнь. Что это? Гордость? Глупо. Ведь иного способа добиться истины нет. Разве только отменить праздник или не пустить на площадь балаганы.. Но Конан ни за что не согласится заплатить такую цену. Вот тут уже гордость его точно взыграет..

Вздохнув, маг взглянул на короля. Что ж, придется

ему приложить все усилия и все-таки заставить его не выгонять мейра Кемидо прежде, чем тот выложит им правду.

— Послушай, друг мой.. Ты был сегодня в городе?
— Не успел, — помотал головой Конан. — А что?

— Народ ждет Митрадеса с нетерпением. Все смеются, все довольны... А верно ли, что и после праздника гулянья будут продолжаться?

— До следующей луны. Но я не понимаю, к чему ты ведешь, Пелиас?

— Как ты думаешь, владыка, много ли радости принесет людям твоя гибель? Мне кажется, это несколько испортит праздничное настроение горожан и гостей.

— Я похож на дурня?

Пелиас приподнял бровь.

— Нет, друг мой, не похож. Но почему ты об этом спрашиваешь? У тебя есть иной способ узнать имя убийцы?

— Да нет у меня никакого иного способа. Просто я уверен, что твой приятель ни слова не скажет задаром. Золото, камни.. Я бы заплатил ему. Но ведь ему это не нужно? А что нужно? Если ты не знаешь, Пелиас, я тебе скажу. Ему нужно то, что я не смогу ему дать.

— Что?

— Не представляю. Но я отлично знаком с этой поганой братией. Полудемоны, полумаги, полулюди.. Не хочу обидеть тебя — Митра свидетель, дурного я от тебя ничего не видел, — но уж мерзкая тварь Кемидо именно такой. А потому и не нужно ему моей казны. Он потребует...

— Наверное, ты прав, государь, — Пелиас покачал головой. — Но я думаю, все же стоит попробовать? Ты ничем не рискуешь.

— Нет.

— Друг мой, если бы я мог помочь тебе.. Но моей власти и моих знаний не достанет на то, чтобы определить человека. Если бы он был у меня перед глаза-

ми — только он — я бы сказал: «Да, сей шут опасен».. Но из пяти балаганов выбрать один, а из этого одного убийцу.. Не смогу.

— Я и не прошу тебя, Пелиас. Давай оставим все как есть. А мою судьбу пусть решает Митра.

Маг удивленно посмотрел на короля. Что-то не замечал он в нем прежде такой покорности. Варварская неуемная и гордая натура допускала лишь самую малость почтения к богам — всегда и во всем Конан полагался только на себя. Что же случилось с ним теперь?

Словно ощущив растерянность Пелиаса и поняв его немой вопрос, король хмыкнул и после нескольких мгновений молчания ответствовал:

— Когда-то, очень давно, Митра уже судил меня. Я нарушил клятву и убил человека, который просил о пощаде.. Одного человека! И немало времени прошло, прежде чем я искупил свой грех. Но теперь, когда мне уж больше сорока лет.. Я думал об этом, Пелиас. На моих руках столько крови, что ею можно было бы затопить Тарантию! Были или не были среди них невинные и молящие о пощаде — не помню. Но могли и быть. Так может, стрела того убийцы направлена в мою грудь волей Митры?

— Ты удивляешь меня.. Я не подозревал, что ты...

— Думаю? Кром, ты не ошибся. Обычно я этим не занимаюсь, но.. Не могу ответить. Наверное, все дело в прошлом..

— Что ж, владыка, позволь тогда мне расспросить мейра Кемидо. В твоем присутствии, разумеется.

— Пелиас, ты настырен.

— Да, друг мой. Так ты позволяешь?

— Я не хочу видеть эту тварь.

— Ты можешь отвернуться, мой господин, — улыбнулся маг.

Он брякнул в гонг, и тотчас появился вымуштрованный прежними хозяевами слуга, несущий поднос с дву-

мя кубками и кувшином вина. Наполнив кубки, слуга с поклоном удалился.

* * *

Не успел Конан налить себе еще, как в дверях появился меир Кемидо. Он торжествовал. У него и сомнения не возникало, зачем король со своим прихвостнем Пелиасом пригласили его сюда. Имя убийцы! Старик уже знал его. Причем не только прозвище, коим наградили ублюдка зуагиры, но и его настоящее имя — то, что было дано ему при рождении, то, что он носил до сих пор. А жаль, что придется открыть истину! Меиру хотелось бы посмотреть, как вонзится отравленная стрела в грудь варвара... Ему не помогла бы и кольчуга — стрелок слишком хорошо знает свое дело... Вон как ловко управился с двумя шутами, своим и тарантийским. И все за каких-то несколько мгновений. Такое искусство дорогого стоит. Но все же цель Слуги Прошлого многое важнее смерти ничтожного киммерийца, а потому придется все же поведать имя стрелка...

Меир и не думал скрывать торжество; глазки его победно сверкали, рот подъехал к самому подбородку, и из уголка его вытекала тонкая струйка желтой слюны. В руках он держал тот камень, что Конан видел в его комнате. На свету кристалл несколько преобразился: он переливался радугой, вспыхивая ярко то одним, то другим цветом, но сохраняя при этом прежний, зеленоватый оттенок. Король взглянул на сие магическое приспособление презрительно, а на меира Кемидо и вовсе не взглянул. Пелиас же встал, приветствуя Слугу Прошлого, на что тот и не подумал отреагировать. Он плюхнулся в кресло, стоящее рядом с креслом короля, заставив его отодвинуться подальше, и весело (насколько мог быть весел подобный крокодил) скрипнул:

— Ну? Вам назвать его имя?
— Да, — подался вперед Пелиас.

— Что ж... Его зовут... О, я совсем забыл! Мы же не договорились о цене?

— Сколько ты хочешь? — сурово вопросил маг, начиная барабанить пальцами по подлокотнику кресла.

— Только не денег, только не денег.

— Золото? Каменья? Изделия тарантийских ювелиров?

— Фи!

— Что же тебе надобно?

— Жизнь! Я думаю, это будет справедливо: жизнь за жизнь.

Пелиас бросил на короля удивленный взгляд. Он предугадал, что старик запросит непомерную цену!

— И чью ты хочешь жизнь, пес?

— Есть у государя такой незначащий человечишко... Кажется, его кличут Паллантидом.

— Что-о? — взревел Конан, подскакивая. — Да я тебя на куски разорву, отродье Нергала!

До сего мгновенья он молчал, проклиная в душе и меира и Пелиаса за его настойчивость, но от столь явной наглости не утерпел и все же вступил в разговор.

— Поганая тварь! Петлю на шею ты получишь, а не Паллантида!

— Но зачем он тебе сдался, владыка? — невозмутимо спросил старик. — Таких, как он, в твоей стране найдется не меньше сотни!

— А тебе зачем он сдался? — хмуро буркнул Пелиас, который понял уже, что сделка не состоится.

— Через него я проникну в самые глубины прошлого! Туда, куда сейчас даже мне нет дороги! Я все проверил по своему магическому кристаллу. Мне подойдет либо он, либо... ты, государь. Но тебя я не смею и просить об этом.

— Что может сделать для тебя Паллантид? — продолжал допрос маг.

— Живой — ничего.

— Так ты решил его умертвить?

— Ну да, — легко согласился меир. — Иначе нельзя.

Конан, коего уже переполняла ярость, наконец не вытерпел. Он выхватил меч и, большие не желая ничего выяснить, со всего маху опустил его на голову Слуги Прошлого. Тот взмыгнул; пытаясь защититься, он застонался магическим кристаллом, который не выпускал из рук. Клинок со звоном врезался в камень, и осколки посыпались на ковер, сверкая и тотчас угасая. По комнате пронесся темный, полный песка ветер, обдавая людей смертным холодом; меир позеленел; простирая руки к Конану, он силился что-то сказать, но ни звука не вырывалось из его кривого рта. Пелиас, встав рядом с королем, с изумлением наблюдал, как исчезает, растворяется в воздухе нелепая фигура Слуги Прошлого. То же и осколки магического кристалла: они словно капли воды всасывались в ковер, не оставляя после себя и следа. Через несколько мгновений все было кончено. В комнате остались только Конан, опустивший меч, и маг.

— Ты убил его, мой господин... — пробормотал Пелиас, глядя на место, где только что стоял меир Кемидо.

— Я?

— И правильно сделал.

Глава одиннадцатая

Стрелок очнулся на рассвете. Некоторое время он лежал неподвижно, боясь дышать, так как с каждым вздохом грудь его пронзала резкая боль. Затем он приподнялся, оглядел храпящих своих собратьев, лица которых в полутиаре казались серо-желтыми, словно неживыми. Драка в кабаке, если и подорвала их здоровье, то уж никак не поколебала сон: как всегда он был крепок и спокоен, чему Этей давно завидовал. Сам он стал плохо — тени прошлого не оставляли его, мучили всякую ночь; в кошмаре погружался он в забытье и в кошмаре пробуждался. Потом приходила боль. Как сейчас...

Он попытался встать. Истерзанное тело отказывалось повиноваться, к тому же под коленями его вздулись огромные волдыри, кои стрелок, обнаружив только теперь, с проклятьями проколол булавкой, чуть не визжа от боли. Слава Митре, его прежние постоянные посетители — Белит, Гарет и белоглазая — сгинули в неведомых глубинах его памяти, растворились, обратились в прах. Как ни странно, Этей почувствовал искреннее облегчение, избавившись от них. А вот судорога, уходя, возвращалась вновь. Стрелок уже ощущал ее как живую, ибо она мучила его с явным наслаждением — так Пантедр изгаялся над своей жертвой, прежде чем прикончить ее...

Как далёко от него то время, когда он был молод, красив и беспечен! Тело его, тогда еще свободное от

дряных болезней, налитое буйной силой, привлекало немало красавиц — пышных и стройных, юных и не очень... В то время он смотрел на них, смеясь. А ныне? Сила — осталась, внешний вид почти не изменился, разве что, приглядевшись, можно обнаружить сеть тонких морщин, покрывших некогда свежее лицо... Но внутри... Нет, он даже не был болен — скорее, мертв. Что еще держало его на ногах? Что помогало удерживать на губах дурацкую ухмылку, подыгрывая лицедеям? И никто, никто не догадался... ни о чем...

Приступ скрутил стрелка как всегда неожиданно. Но на сей раз, не вытирая слез, ручьем текущих по щекам, он улыбался. Ибо пришел наконец тот день, когда свершится месть, а по сравнению с этим все — вэдор. И корчась на грязной соломе от страшной ломоты в костях и мышцах, и вонзая булавку в раскаленную от муки плоть, и содрогаясь от спазмов в груди, и давясь блевотиной — он улыбался. Глаза его видели сейчас лишь одну картину: стрела с отравленным наконечником со свистом пролетает через площадь и с тихим, хлюпающим звуком, который не услышит никто, кроме убийцы и жертвы, втыкается в мощную шею... Да, он решил целить именно в шею. Варвару вполне может приспичить облачиться в крепкую кольчугу, напялив сверху камзол, и тогда он останется жив, а сие допустить нельзя. Поэтому — в шею. Не забыть бы намазать на наконечник стрелы яд. Здесь, в повозке, под доской, у Этея давно спрятана крошечная склянка со смертельной жидкостью. Варвару повезло — он умрет сразу. Стрелок сам видел, как мгновенно отлетает душа человека на Серые Равнины после того, как этот яд проникнет в поры. Что ж, пусть хотя бы так.

Теперь остается только дождаться, когда повозки отправятся к площади. Там, в суматохе, он и достанет свою склянку... А пока — спать. Вернее, закрыть глаза и ждать пробуждения собратьев. Время есть. Немного, но есть.

* * *

На чистом, ровного голубого цвета небе не было видно ни облачка. Громадный светло-желтый шар поднимался медленно, величаво, озаряя и согревая живыми лучами землю. С юга плыл легкий ветерок, такой теплый и нежный, словно посланный самим Митрой на великий аквилонский праздник.

Улицы гудели. Со всех концов Тарантии, из своих жилищ, из кабаков и постоянных дворов люди шли к площади. Огромное поле за южной стеной города уже было оцеплено гвардейцами; ряды базара по краям его постепенно заполнялись торговцами, коих пропускали по специальным медным дощечкам — к началу праздника их товары должны были быть проверены полностью; балаганы стояли пока в стороне, лицедеи вяло переругивались, позевывали, и то и дело бегали к ручью отпиваться после неумеренных возлияний прошлым вечером.

Дождавшись, когда собратья вылезут из повозки на свежий воздух, Этей достал ворох стрел, к которым Велина уже привязала разноцветные ленты, придиличко перебрал их, и наконец, руководствуясь какими-то лишь ему известными соображениями, вытянул одну. Дрожь пробежала по его телу, но рука была тверда как обычно. Причмокнув, он с одобрением и нежностью провел пальцем по гладкой поверхности стрелы. Потом не спеша просунул в щель между досками самый кончик сабли, что глоталась беспрестанно во время представлений то Куком, то Лакуком, и нашарил там склянку. Плоская, прозрачная, величиной всего в одну фалангу его большого пальца, она оказалась доверху наполнена какой-то темно-коричневой жидкостью. Держа ее в десяти ладонях от себя, он ногтем, с величайшей осторожностью вытащил плотно скрученную, промасленную тряпочку, служившую пробкой; в нос ему сразу ударил пренеприятный запах, и стрелок, выругав себя за за-

бывчивость, а Нергала за коварство, отбросил пробку и свободной рукой зажал нос. Теперь надо намазать ядом наконечник стрелы, но как это сделать? Поставить склянку на пол он не мог — дно было выгнутым, так что ее можно было только положить, а как же положить без пробки?

Этей застонал. Время у него еще было, но совсем немного. Решившись, он отнял руку от лица и схватил приготовленную заранее длинную тонкую щепку. Капнув на нее яд, он, все так же держа склянку на расстоянии, ногой подвинул стрелу поближе; затаив дыхание, Этей осторожно, очень медленно поднес щепку к наконечнику и стал мазать его.

Ему показалось, что это продолжалось вечность. Не только лоб, но и все тело его взмокло, словно он попал под дождь. Пот заливал глаза, щипал прокущенные губы, от запаха яда в груди жгло, да так, будто он проглотил факел. Он щурился, сплевывал пот и горькую слону, не забывая скороговоркой бормотать себе под нос проклятья — как ни странно, это помогало.. Наконец все было кончено. Этей тщательно закрыл склянку и убрал ее на прежнее место, затолкал щепку поглубже в трещину между стеной и полом повозки, вытер ладони о солому, взял в руки стрелу...

— А что это ты делал сейчас?

Он вздрогнул. Из головы его вдруг вылетели все мысли, и она оказалась пуста и легка — на миг Этю даже стало приятно. Он улыбнулся и медленно, медленно начал поворачиваться.

* * *

Много лет назад недалеко от Кутхемеса стрелок попал в лапы Черного Всадника — бандита, кочующего по Турану на могучем вороном коне. Монстр высотою чуть не в полтора человеческих роста, в черном плаще, весь покрытый густой шерстью, с клыками, выступающими

над верхней широкой губой, едва касаясь, почти ласково провел по его груди толстыми желтыми когтями. Немой, косоглазый, с отрубленным наполовину ухом — он был ужасен. О его жестоком и подлом нраве ходили легенды. Караваны, проходящие через Туран, обычно нанимали двойную, а то и тройную охрану, боясь наткнуться в пути на это чудовище. Но от Черного Всадника могла спасти разве что милость Митры. Порождение самого Сета, подобно целому войску налетал он на несчастных, гыгыкая, рубил головы и тела, а после соскачивал с коня и с наслаждением добивал раненых, не брезгя полакомиться мертвичиной.

Но Этю повезло. Монстр был в прекрасном расположении духа, когда по следам обнаружил человека в маленькой пещере недалеко от Кутхемеса, а потому, прежде чем убить, он решил с ним позабавиться. Он подбрасывал стрелка вверх и, хрюкая, смотрел, как тот дергает в воздухе руками и ногами, он зарывал его в песок, а потом, когда жертва уже начинала задыхаться, откалывал, он приставлял к его горлу острый кривой нож и делал аккуратный надрез.. До сих пор на шее стрелка остались короткие тонкие шрамы..

Каждый вздох Этей ждал, когда наконец чудовищу надоест игра. Он и не пытался убежать — злодей перебил ему правую ногу, так что теперь стрелок мог только ползти. Но пока он был с Черным Всадником, ползать ему не приходилось, ибо тот всегда ездил верхом, и, естественно, возил человека с собой, перекинув через седло или, если хотелось немного развлечься, держа его за шиворот.

Видимо, Этей чем-то понравился монстру: проголодавшись, он не тронул его, а поймал у подножия горы парочку влюбленных и сожрал их. Мало того, он даже предложил кусочек от девушки стрелку, и когда тот отказался, был чрезвычайно удивлен и раздосадован. Этей же осмелел и предложил чудищу изловить для

него куропатку, что тот незамедлительно сделал и даже помог человеку набрать сухих ветвей для костра.

Вот тогда-то Этей и решил, что общество Черного Всадника ему наскучило. Дождавшись, когда он уснет, стрелок вытащил из кармана куртки склянку с ядом и не скучая залил смертельную жидкость в ноздри монстра.

Он уже не помнил, как дополз до ближайшего селенья, кто приютил его в маленьком сыром домишке, и как звали врачевателя, что лечил его ногу... Стрелок помнил только одно: именно тогда, после расправы над Черным Всадником, он понял, как легко и приятно так убивать. Именно так. Потом он не раз делал это и тайно, и явно, но всегда один на один. Вот в чем он находил истинное удовольствие — один на один. В бою не может быть такого интереса и такого наслаждения собственными умом и силой. И красоты в потном, воюющем клубке нет никакой. Насколько же красивее и приятнее перебить не кучу неизвестных ублюдков, а одного, того, кто смотрит на тебя и не ожидает смерти. И даже если ожидает! Увидеть в его глазах свои глаза и страх... О, Эрлик... Как сие возбуждает...

Странно лишь, что после убийства Леонсо и Гельде он не испытал привычного наслаждения. Наверное, болезнь не только ослабила его тело, но и притупила чувства, а это плохо... Подобными чувствами Этей жил... Но, возможно, сегодня, когда на Серые Равнины уйдет проклятый варвар, он вновь испытает это? Да, он был уверен. Такого красивого убийства ему еще не доводилось совершать! Митрадес.. Полная площадь народа — зрителей... Солдаты, лицедеи, торговцы... И — в небо летят стрелы, трепеща разноцветными лентами! Как летят! И только одна направлена не в небо — его, смазанная ядом. Она вонзается точно под кадык киммерийца, толпа ахает и...

* * *

Играт стоял перед стрелком, и губы его расползались в ответной улыбке.

— Что ты делал сейчас? — с любопытством спросил он снова.

— Стрелы проверял, — небрежно ответил Этей. — Видишь, одна сломанная оказалась.

— А в запасе нет?

— Нет, только пять... Слушай, ленивый, может, ты починишь?

— Как? Я не умею...

— А ты попробуй.

Не спуская глаз с Играта и по-прежнему улыбаясь, Этей начал подходить к нему ближе. Но ленивый, словно что-то вдруг почувствовав, отшатнулся. В глазах его стрелок увидел — нет, еще не страх — испуг; пытаясь к выходу из повозки, Играт мотал головой. Похоже, до него дошло, кто убил Леонсо и краснолицего тарантийца Гельде...

— Ты что, боишься меня? — мягко спросил Этей. Играт кивнул, потом вновь замотал головой, не переставая пятиться. Вот нога его уже коснулась края повозки, а рука нашупала полог...

— Не бойся, — попросил стрелок. — Зачем?

Он резко метнулся вперед и с силой колпнул ленивого в щеку отравленным наконечником. Сделав шаг назад, он бесстрастно наблюдал, как баэрвеет, а потом синеет лицо Играта, как наливаются мутью и выкатываются из орбит его глаза, как руки, трясясь крупной дрожью, тянутся к воротнику... Странно, но и сейчас Этей не испытывал наслаждения. Удовлетворение? Может быть, самую малость. Но и все! Он подставил ногу под падающее тело ленивого, подхватил его и оттащил в глубь повозки, туда, куда не проникал свет. Затем он забросал его соломой, сверху свалил кучу тряпья, накопившегося в балагане за годы странствий, и, не

забыв пометить и положить на место отравленную стрелу, улыбаясь, вылез на улицу.

* * *

Гвардейцы уже подходили к балаганам. Сурово хмурились, они с подозрением оглядели лицедеев, скривились (видимо, унылый вид и грязная рваная одежда не отвечали их представлениям о том, как должны выглядеть шуты) и предложили старшим познакомить их с лучниками.

Этей стоял в стороне и смотрел на красивые мундиры гвардейцев. Когда-то и он носил похожий, но желто-зеленый, с черной перевязью.. Наемная армия Немедии сплошь была одета в такие мундиры; некоторые франты — Этей не был в их числе — обшивали перевязь золотом, а на грудь вешали железные амулеты в виде кошки, тигра или кабана, так как именно этих животных почитали солдаты. Глупо! Стрелок всегда считал, что это глупо, равно как и вообще ношение каких бы то ни было побрякушек. И при чем тут кошка, от которой, якобы, зависела ловкость? У Этея не было амулетов, а ловкостью он славился всегда. И тигр не прибавит смелости, а кабан силы, если на самом деле солдат труслив и хил.. Стрелок хмыкнул, вспомнив, как громили увшанную железками немедийскую армию акилонцы.. Слава Митре, к концу луны, когда от их тысяч осталось не больше сотни, он уже был далеко, в Карпашских горах..

Пока он стоял, скособочившись, и смотрел на гвардейцев, все стрелки уже выстроились в ряд. Улино, хлопнув его по плечу, сердито велел пошевеливаться и идти к ним. Нехотя Этей повиновался. Он не боялся, конечно, что сейчас вдруг кто-то укажет на него пальцем и крикнет: «Вот он! Это он убил Леонсо и Играта! Это он замышляет вонзить стрелу в великого короля Конана!» Чародеев тут не наблюдалось, а значит, и Этей никто не сможет уличить. Ни в чем. Да он пока

и не убивал варвара.. Встав рядом со своими, он опустил глаза — как это сделали все — и скепил руки за спиной. Как все же просто лицедействовать в жизни! Даже он, кого болезнь источила и обескровила, с легкостью скроил подходящую слухую мину, застыл, чувствуя, как колыхается в груди сдерживаемый смех.. Конечно, гвардейцам пришлось удовольствоваться лишь созерцанием унылых физиономий шутов. А что они хотели? По глазам узнать, не замыслил ли кто дурное? Смешно. Этей в очередной раз удивился людской тупости. Оглядел каждого стрелка, гвардейцы с неудовольствием кивнули старшим и отошли. И это все? Смешно.

Этю даже стало немного обидно. Если бы было хоть чуть риска, насколько бы интереснее развивались события. Сердце ухало бы громко, тяжело; руки дрожали, и ему бы пришлось собрать всю свою волю, чтобы никто ничего не заметил.. А теперь.. Вон, Улино приказывает вернуться и начинать представление. Скучно!

..Повозки выехали на площадь. До начала праздника — а его должен объявить король — еще осталось время. Но люди уже заполнили огромное пространство у южной стены Тарантии, а потому лицедеям пришла пора работать. Этей вздохнул, нацепляя разноцветное тряпье, затем встал на руки и так прошелся по соломе, задевая носками верх повозки. В голове его снова стало пусто и легко. Он вскочил на ноги и засмеялся.

Глава двенадцатая

Огненный шар, накаляя воздух, поднимался над Тарантией. Яркий свет залил всю площадь; ослепительно сверкали праздничные остроконечные шлемы солдат, а на пурпурных одеяниях жрецов Митры переливались всеми цветами радуги мелкие руины и алмазы.

Ловко обегая гуляющих, по площади сновали босоногие водоносы, сыпали веселыми скороговорками и за медную мелочь готовы были напоить чистой холодной водой хоть самого Нергала. Гораздо степеннее вели себя виночерпии: они спокойно стояли каждый на своем месте и со скучающим видом смотрели в небо — жаждущие находили их сами. Кроме ремесленников, крестьян и всякой швали к ним иной раз подплывала и крупная рыба вроде разряженного в пух и прах купца либо вельможи. Эти платили украдкой, пили украдкой, а потом, озираясь и вжимая голову в плечи, удалялись. Откуда взялась такая скромность — виночерпии понять не могли, да и не хотели. Может быть, бедняги просто не привыкли ходить пешком? Ведь на Митрадесе были строго запрещены всякого рода средства передвижения, кроме собственных ног: для лошадей, колесниц и паланкинов въезд на площадь закрыли еще с раннего утра, и нарушителям грозил непомерно большой штраф.

Любители развлечений собирались вокруг балаганов, кои полукругом расположились на середине поля. На одном высилась пирамида из четырех шутов; каждый

из них держал в руках несколько штук ярко-желтых апельсинов и жонглировал ими, время от времени швыряя плоды в самую гущу толпы. На другом смуглый маленький человечек, по виду вендиец, одетый в невообразимое количество красного, белого, синего и черного тряпья, засовывал в высокий ящик пухлову полуобнаженную девицу; она равнодушно смотрела на него сверху вниз огромными рыбьими глазами и с явной неохотой влезала в темницу. Фокусник, завывая нечто вроде заклинаний, тряс руками, шипел и изгибался, затем открывал дверцу, и изумленная публика начинала восхищенно визжать: вместо девицы из ящика выскакивал одиногий старикашка с кучей белой бородкой. Под гром барабанов он скрывался за пологом, а фокусник подмигивал толпе, обещая показать кое-что поинтереснее, но за отдельную плату.

В третьем балагане резвились акробаты. Они расстелили потускневшие от пыли и времени, разрисованные разноцветными звездами полотна прямо на земле и демонстрировали зрителям свое искусство, обдавая их крепким запахом пота.

На повозке четвертого балагана три толстяка занимались глотанием разного рода предметов — от кинжалов и мечей до кожаных поясов, с благодарностью принимая от публики дары повкуснее: куски хлеба и мяса, сладкие плоды и корни, даже целого жареного петуха, преподнесенного им жирной румяной торговкой.

Пятый балаган показывал сценки из жизни купцов. Зрители хохотали до слез, наблюдая, как тощий крестьянин лупит палкой незадачливого кругленького купчишку, отирает у него кошелек с деньгами и затем отправляется в кабак с явным намерением там свою добычу пропить.

Возле торговых рядов гудела толпа, хотя в любой другой день люди могли купить на обычном базаре все то же самое по более низкой цене. Гвардейцы парами и тройками бродили по площади, следя за порядком.

Но люди просто гуляли, веселились, и лишь время от времени какой-нибудь разъяренный муж подтаскивал к гвардейцам вора, коего застиг в своем, либо в чужом кармане.

Но все же, несмотря на ясную погоду, хорошее настроение и веселую гульбу, головы аквилонцев и гостей то и дело поворачивались в сторону помоста, на который вот-вот должен был взойти король и трижды ударить в медный гонг, объявляя истинное открытие Митрадеса. Тогда на площадь вывезут бочонки с бесплатным пивом, красивые девушки начнут раздачу свежих булок, а спустя некоторое время повелитель произнесет небольшую речь и в небо полетят стрелы с разноцветными лентами — предвестники мира и отличного урожая. Но солнце уже приближалось к зениту, когда наконец по полю пронеслась весть, что владыка вышел из дворца.

* * *

— Капитан, еще одно убийство... В том же балагане...

Паллантид вздрогнул. Сцепив руки за спиной, он стоял возле помоста, в доски которого вбивались последние гвозди, и ждал появления Конана. Там, за спинами его парней, суетился разноликий, разношерстный люд; гул, то и дело взрывавшийся возгласами, хохотом, назойливо звенел в ушах; по небу плыли, трепеща, лики Митры, нарисованные на тонких, привязанных к шнуркам, полотнах.

Холодные бледно-голубые глаза капитана Черных Драконов побелели. Он никак не ожидал подобного известия, и, хотя оно еще раз подтверждало его догадку, пришел в ярость. Гвардеец, от волнения весь пошедший красными пятнами, переминался с ноги на ногу, вопросительно смотрел на него. Но что мог сделать Паллантид? Конан, коего он все утро убеждал не появляться на площади или хотя бы упрятать весь балаган в темницу, упрямо молчал. Он даже не захотел надеть

кольчугу под камзол, словно игра со смертью казалась ему необходимым условием жизни...

— Что делать, капитан?

— Кто убит?

— Тот парень, у которого балаган останавливался в Пуантене... Мы согнали всех стрелков в кучу, якобы для проверки, а за это время осмотрели повозки. В одной из них, под соломой, труп...

— Это он... Клянусь Митрой, он.

— Кто?

— Тот, что зарезал Гельде... и своего...

— Да, капитан.

— Ну вот что, Лимус. Если наш король не хочет сам позаботиться о себе, мы сделаем это за него. — Паллантид понизил голос и продолжал. — Возьми пятерых своих парней — только без шума — и поменяй их на стрелков... Да не забудь переодеть их в те же тряпки.

— Я понял, капитан, — повеселел гвардеец, с восхищением глядя на Паллантида. — А куда деть лицеев?

— Пусть сидят пока в повозке... Под присмотром.

Приняв такое решение, капитан Черных Драконов незаметно вздохнул, чувствуя, как впервые за последние дни напряжение начинает оставлять его. Но только тогда, когда блестящий оранжевый шар — око светлого Митры — уйдет за горизонт, только тогда, когда люди разойдутся по своим домам, а король отправится во дворец в сопровождении гвардейцев, он сможет вздохнуть действительно спокойно. Позже, ночью, он лично проведет дознание и вытрясет из этих проклятых шутов все...

— О чем задумался, старый пес?

Паллантид резко обернулся. У помоста, ухмыляясь, стоял Конан; он держал под уздцы гнедого трехлетка — подарок из Коринфии — и явно находился в прекрасном расположении духа, о чем капитану поведали ве-

селье огоньки в его синих как штормовая морская волна глазах. Рядом с ним, бледный и мрачный, сползая с пегой кобылки Пелиас, облаченный в серебристо-серую длинную хламиду, ради праздника украшенную золотой цепью с овальным онексом величиной с перепелиное яйцо. Даже не посмотрев в сторону Паллантида (который приготовил для него взгляд, полный презрения, ибо маг, чьи силы не достало найти убийцу, иного не заслуживал), Пелиас что-то шепнул королю, и тот, кивнув, начал подниматься на помост, жестом велев капитану следовать за ним.

Толпа встретила Конана восторженным воем. Балаганы прекратили представление, торговцы оборвали споры с покупателями, радуясь небольшой передышке, а гвардейцы выстроились в шеренги, готовые по первому же знаку капитана начать шествие.

Король взял в правую руку медный молоточек и небрежно, безо всякой торжественности, ударил им в тонкую медную же тарелку; потом еще раз, и еще — толпа взревела, швыряя в воздух куртки, пояса, туфли и сумки; гвардия, чеканя шаг, пошла перед помостом; с юга, востока, севера и запада площади появились телеги, на которых стояли бочонки с пивом, и для них в плотной людской массе тотчас образовались узкие проходы. Вот теперь начался настоящий праздник.

Пелиас, с помоста грустно взирающий на всеобщее веселье, обернулся к Конану.

— Так ты по-прежнему тверд в своем решении, государь?

— По-прежнему, — пожал плечами король, свесившись вниз и принимая из рук виночерпия огромный кубок с душистым брандом.

— И все же не откажи мне в одной скромной просьбе, друг мой...

Маг замялся, чувствуя мгновенную перемену в настроении Конана. И точно: раздраженно сплюнув, ко-

роль открыл рот, намереваясь в подробностях рассказать Пелиасу все, что он думает о нем и его чародейском искусстве, но сдержался, смолчал. Лишь хмыкнул и вновь повернулся к площади, тихо рыча себе под нос всевозможные проклятья.

Пелиас угрюмо взглянул на Паллантида, что посвистывал негромко и равнодушно смотрел куда-то вдаль. Маг покачал головой: вот тебе и верный слуга! Не успеет солнце склониться к горизонту, как его повелиителя убьют, а он знай себе качается с пятки на носок да свистит глупую аквилонскую песенку... Сам Пелиас тяжело переживал свой позор. Он обещал Конану отыскать злоумышленника в балагане, но у него ничего не вышло. Не одна ночь прошла в бесплодных усилиях — маг перерыл несколько десятков древних папирусов и свитков, попробовал пару заклинаний, вызывавших на мгновение лиц нужного, но еще не известного человека, пытался даже проникнуть в мозг убийцы — все зря. Тот словно был закрыт со всех сторон чьими-то могущественными чарами, и хотя на самом деле это оказалось не так (Пелиас проверил: злоумышленник существовал сам по себе, без посторонней помощи и прикрытия), имя и внешность его остались для мага тайной. Поэтому и настроение его сейчас было более чем печальное. Он смотрел и не видел, слушал и не слышал, и особенно его почему-то задевало то, что Конан ни единственным словом не упомянул о невыполнном обещании.

Между тем веселье на площади разгоралось. Бесплатное пиво сделало свое дело, и теперь не просто гул — самый настоящий ор заполнил пространство. Орали все: лицедеи, что с самого начала пытались переманить друг у друга публику, теперь затеяли перебранку, грозящую вылиться в драку; торговцы, коим и полагалось иметь зычный голос, охрипли, в алчном экстазе все повышая цену; горожане и гости орали без всякой причины, не забывая набивать желудки горячей

булкой, а булку потом орошать крепким ароматным пивом. Все было хорошо. Всем было хорошо. Или почти всем...

* * *

Когда к балагану быстрым шагом подошли гвардейцы и приказали стрелкам снять их красные куртки и короткие синие штаны, затем скинули мундиры и, брезгливо морщась, натянули на себя чужую одежду, в глазах у Этая помутилось от бешенства. Он никак не мог предполагать, что его месть сорвется вот так, в самый последний момент. Он попытался, скривив лицо, канючить, но его попросту отшвырнули в сторону как шелудивого пса. Гвардейцы вообще ни с кем из балагана не разговаривали. Изумленные и перепуганные лицедеи с ужасом смотрели, как они выносят из их повозки труп Играта жуткого сизого цвета с распятым ртом и скрюченными пальцами, как накрывают его вонючей лошадиной попоной и оттаскивают за поле, как пинками собирают их стрелков и загоняют в ту же повозку... Никто, кроме Этая, не понимал, что происходит. Пожалуй, только Велина бросила на него странный недоумевающий взгляд, но его это уже не волновало. Сидя в грязной соломе с остальными, ошарашенными и потому молчащими лучниками, он думал только об одном: что теперь делать. Времени оставалось совсем чуть, скоро на площадь явится варвар и начнет праздник, а тогда...

Мысль его работала столь лихорадочно, что он вдруг забыл, куда дел отравленную стрелу. Потом, вздрогнув всем телом, вспомнил — влезая в повозку, он успел схватить ее незаметно, обмотать чьими-то штанами, валявшимися на полу, и сунуть за пазуху. Сейчас сия проделка казалась ему безумием: любой мог увидеть, а увидев, понять, кто здесь виновен и в чем. Да и яд у самого живота... Нет, об этом он старался не думать.

Гвардеец, стоящий на страже у входа в повозку, уже несколько раз заглядывал к ним и подозрительно всматривался в физиономии лицедеев. Этому приходилось держать тот же вид — угрюмый, но не более, — что и у его собратьев, а это было нелегко, ибо все нутро его сотрясалось от спазмов и в голове словно поселился рой пчел, которые жужжали и жалили его мозг, пытаясь вырваться на волю. О, он с превеликим удовольствием отпустил бы их, но он и сам был теперь пленником... Этой поймал себя на том, что мысль его приобрела несколько странный характер... Пчелы? Вздор! Если немедленно не взять себя в руки, все может прерваться — и месть, и его жизнь, — но тогда уже окончательно. Пока же, считал он, надежда еще есть.

Он напрягся, пробуя собраться, но лишь покраснел как мак-сонник, растущий в полях Стигии. Гвардеец, в этот момент сунувший голову в повозку, задержал на нем взгляд — стрелок ответил кривой ухмылкой и покал плечами.

— Пусти на волю, приятель, — просипел он, хватаясь за зад. — А то воздух испорчу.

— Порти, — коротко ответил парень и исчез за пологом повозки.

— Потерпи! — хором приказали шуты.

Этей выругался, затем втянул голову в плечи и смолк. Так он сидел, нахочлившиесь, из последних сил сохраняя то же выражение лица, что и у собратьев. Внутри его все содрогалось; казалось, он чувствовал в своем животе чей-то жестокий клинок, медленно проворачивающийся в горячих мокрых кишках. В панике стрелок решил действовать иначе и хладнокровнее. Он мысленно поделил свое тело на сто шестьдесят шесть (для ровного счета он округлил до ста семидесяти) ладоней и, начиная со ступней, стал успокаиваться. Этому трюку научил его в свое время сам Гарет. Для того, чтобы добиться успеха и привести-таки тело в

порядок, достаточно было только иметь ясную голову — когда-то для Этей это было наиболее трудным условием, — а тогда уже все получалось быстро.

Когда стрелок дошел до коленей, в животе его вдруг что-то хлюпнуло, совсем тихо и почти не больно, но вслед за тем дикая резь обожгла внутренности и скрутила его уже по-настоящему. Он выпучил глаза и упал в солому, прямо под ноги лицедеям. Корчась, он так страшно стонал, что соратья, в панике отшатнувшись от него в первый момент, заорали, призывая гвардейца и остальных на помощь.

Стрелок не кричал — от боли у него перехватило дыхание. Но он слышал все, что происходило рядом. И тогда в воспаленном и истерзанном мозгу его вновь появилась дикая мысль: бежать. И опять, извиваясь на полу, рыча от мучительной рези, он почувствовал на губах своих улыбку.. Шуты визжали и плакали, волоча его по шершавому грязному полу, молодой розовощекий гвардец в растерянности оглядывался на площадь, где был, как видно, его капитан, а Этей, оскалившись, невидящими глазами смотрел вверх — на Митру, на Эрлика, на высокие небеса, что обрекли его на столь жуткий и позорный конец, позволив только приблизиться к цели, но не достичь ее...

* * *

Фокусник уже изнемогал. Он показал ненасытной публике все свои трюки, а она требовала еще и еще. Все лица перед повозкой слились для него в одну огромную, красную, рычащую рожу, из пасти которой изрыгались всякого рода непристойности и ругательства. Соратья пытались заменить его, но обычных лицеев на площади было полным-полно, а вот фокусник-вендиец — единственный, так что приходилось снова и снова выходить к этим недоумкам и дурить их, что не составляло особого труда, но утомляло однообразием.

Он и впрямь умел творить чудеса — вот на его ладони вспыхивал крошечный костер, куда он другой рукой начинал бросать тонкие щепки, разжигая пламя; вот он доставал изо рта золотую статуэтку Иштар с огромным животом — такие делают в Шеме — и та вдруг, к священному ужасу и восторгу публики, гнусавым голосом умоляла их: «Денег, денег дайте! Монет! Много! Дайте!» Зрители ревели, словно стадо слонов, но денег не давали, отчего Иштар, по всей видимости, становилось очень грустно, и она замолкала, не произнося более ни слова. А вот вендиец швырял в небо свой длинный шелковый пояс — на миг загораясь в солнечном луче всеми цветами, он падал вниз, в руки фокусника, уже змеей, что блестела холодной кожей и высывала жало, извиваясь и злобно глядя на человека маленькими глазками.

Время от времени спрыгивая с повозки на землю, фокусник хватал приготовленную для него кружку с водой (через раз там было пиво), быстро опустошал ее, и опять залезал наверх, проклиная в душе своего отца, научившего его столь прибыльному ремеслу, а также себя самого, десять лет назад собравшего в Туране балаган. Не лучше ли было заняться чем-либо иным? Впрочем, он давно привык к тому, что его искусство вызывает у простого люда такой неизменный интерес. Главное — чтобы платили деньги! А поскольку платили они безропотно, он был готов показать им все фокусы, что знал. Но, разумеется, не целый день!

На сей раз дела обстояли совсем неважно: денег публика уже не платила, а зрелища требовала, угрожающе потрясая пустыми глиняными кружками. Вендиец понимал, что если он позволит себе бездельничать, эти снаряды полетят в его голову, а потому довольствовался тем, что тихо поносил зрителей со всем их потомством, не забывая при этом чарующе улыбаться

им, и вновь взмахивал платком, начиная очередной фокус.

Но силы были на исходе. Обливаясь потом, чувствуя, как в глазах начинает двоиться и троиться, он с нетерпением ждал, когда наконец король соизволит произнести приветственную речь — за это время он мог бы отдохнуть, а после, пустив в небо стрелу, под шумок убраться отсюда.

— Хадж Матхаралла, — запинаясь, позвал его акробат Янго. За шесть лет недоумок так и не смог научиться произносить его имя быстро и четко.

Вендиец спрыгнул с повозки, хватая из рук Янго кружку с водой; улыбка тут же исчезла с его лица, сменившись злобной гримасой. Шипя и скрежеща зубами, фокусник выпил воду, от всей души желая публике немедленно провалиться в царство Нергала, и полез было снова наверх, но акробат остановил его.

— Хадж Матка... Матра... харакка... — пробормотал он, со страхом глядя на хозяина, чей угрюмый и вспыльчивый нрав не на шутку пугал его. — Там пришел... лицедей... Чужой...

— Какой еще чужой лицедей? — Вендиец поднял маленькие кулачки и поднес их к носу парня, который был гораздо выше и здоровее его. — Что ты несешь, ублюдок?

— Он сказал... Ему сказали... Стрелять...

— Куда стрелять? — Фокусник обернулся к рычащей публике и послал ей свою самую очаровательную улыбку.

— В небо.

— Зачем?

— Как положено... Хозяин, он... Из другого балагана. Говорят, гвардейцы короля послали его к нам — заменить того, кто плохо стреляет. Я подумал... Ты же плохо стреляешь?

— Плохо, — оживился Хадж Матхаралла. Если чу-

жой действительно встанет в ряд лучников вместо него, он сможет ускользнуть с площади незаметно! — Давай его сюда! Скорее!

Янго свистнул. Брезгливо морщась, вендиец смотрел, как из-за повозки выходит тощий лицедей, одетый в невообразимое тряпье; он был так жалок, что Хадж Матхаралла хотел было отослать его прочь, но в этот момент монотонный шум вокруг неожиданно смолк, и с помоста раздался сильный, чуть хрипловатый голос аквилонского короля.

Глава тринадцатая

аквилонцы!

Аквилонцы! При первых звуках сильного, чуть хрипловатого голоса Конана, что разнесся по площади, эхом отозвавшись со всех ее концов, народ притих. Головы повернулись к помосту, на коем возвышалась огромная фигура короля; в черной гриве повелителя Аквилонии сверкал тонкий золотой обруч, могучие плечи обтягивал темно-синий бархатный камзол, а ноги — того же цвета бархатные штаны, заправленные в высокие сапоги; на кожаном широком поясе в ножнах, усыпанных дорогими каменьями, висел булатный клинок — недавний подарок графа Троцера Пуантенского.

Рядом с Конаном стояли Пелиас и капитан Черных Драконов. Маг, посеревший от волнения, рыскал глазами по площади, словно надеясь, что в последний момент ему все же удастся увидеть злоумышленника и остановить его. Паллантид, успокоенный своей хитростью, напротив, был уверен, что убийца сидит в своей повозке, а потому с королем ничего не случится. Но на Пелиаса он то и дело бросал презрительные взгляды, хотя тот и не думал смотреть в его сторону. Занятые своими мыслями, оба не слушали, что говорит владыка. А говорил он совсем не то, что ожидали они и народ на площади.

— Я знаю, что войнам и мятежам еще не конец. Не раз на Аквилонию волей богов обрушится беда, ибо

в мире должно быть Равновесие, и добро должно сменяться злом. Но, клянусь Кромом, и зло не бывает вечным! Пока есть отважные сердца, ясные головы и сильные руки, Сет и Нергал не станут властителями мира! И я хочу, чтобы вы запомнили, аквилонцы: Митрадес — праздник начала, но не завершения...

— Что он несет? — удивленно помотал головой вендиец и, с ненавистью посмотрев на стрелка, шепотом обратился к Янго. — Нам что, еще и одеть его надо?

— Оденем, — ответил акробат и незаметно подмигнул Этю. — Барахла полно, сейчас найду что-нибудь подходящее...

Он нырнул куда-то вниз, за повозку, и вскоре появился с огромным тюком в длинных мускулистых руках.

— Иди сюда, приятель, — вытряхнув из тюка целую кучу всевозможного тряпья, он начал примеривать к Этю куртки и штаны, покрытые пылью и изъеденные тканеядными насекомыми. Наконец Янго выбрал подходящую по цвету и размеру одежду, швырнул ее стрелку и отправил его за повозку, переодеваться.

Гневно шипя, фокусник проводил его взглядом, продолжая вслушиваться в слова короля. Он и сам не понимал, чем он недоволен теперь. Денег за Митрадес он насобирал больше, чем за всю прошедшую луну, так что через пару дней можно будет осуществить давнюю мечту — отправиться в Вендию со всем балаганом и там, если повезет, остаться. Впрочем, в Вендии таких фокусников, как он, столько, сколько в поле колосьев...

Король заканчивал свою речь. Пора было выставлять на повозку лучников, а самому незаметно смещаться с толпой, что разинула пасть, внимая каждому слову повелителя, и потихоньку скрыться. Какая удача, что появился этот парень... Он встанет в ряд стрелков вместо него.

— Янго! Янго, собачий сын! — зашептал фокусник, потрясая кулачками.

Акробат подбежал, преданно уставился в глаза хозяину.

— Гони парней на повозку. Сейчас будет гонг, сразу после него надо стрелять.

— Я знаю. Ты уходишь?

— Да. Найдете меня в харчевне «Золотое бревно».

— Когда?

— Не раньше сумерек. Подергайтесь еще, может, что и перепадет...

Последние слова он произнес, исчезая в толпе. Янго посмотрел ему вслед, сплюнул, подавляя желание догнать вендиюца и врезать ему под зад ногой, и быстро пошел за повозку. Там тихо ржали лучники, пугая друг друга стрелами и пинаясь. Акробат внимательно оглядел каждого, особенно новичка, который веселился больше всех, и сделал знак подниматься на повозку. Затем он подхватил свой лук, проверил, хорошо ли привязаны к стреле разноцветные ленты, и вслед за остальными запрыгнул наверх.

* * *

— Трудитесь во имя жизни, воюйте во имя жизни, и тогда Митра не оставит нас!

Этими словами король закончил свою речь. Затем он замер на миг и, не двигаясь с места, хотя должен был сделать шаг назад, махнул рукой. Паллантид, вдруг побледневший, словно осеннее небо, схватил молоточек и резко ударил в гонг. Пелиас отвернулся.

На повозках пяти балаганов лучники вскинули вверх свое оружие, и стрелы, трепеща в воздухе длинными, широкими, разноцветными лентами, полетели к небесам, дабы напомнить светлому Митре об Аквилонии, что зовется жемчужиной Запада и желает мира и благодеяния...

Толпа взревела. Тысячи глаз следили за полетом стрел, что, минуя лики Митры, плавающие над пло-

щадью, скнули в голубой выси. И только акробат Янго из турецкого балагана не смотрел вверх. Встав на одно колено, он наклонился над парнем, которого прислали гвардейцы, и удивленно взглядался в его лицо.

Как только ударили гонг, этот рыжий, подобно остальным, вскинул свой лук, но в тот же миг коротко всхлипнул и, так и не пустив стрелу, рухнул на деревянный пол повозки. Глаза его закатились, обнажив покрытые мутной пленкой белки; на углах рта пузырилась пена, а руки и ноги мелко и как-то прерывисто дрожали.

Янго поднял голову и растерянно оглянулся. Со всех сторон к нему бежали гвардейцы, и на их лицах он увидел отражение собственных чувств. Следом неуклюже поспешал какой-то толстяк в шутовском тряпье; плача и что-то крича, он расталкивал народ, а за его широкой спиной сюда же устремлялись смуглая женщина и несколько парней.

Гвардейцы оттолкнули Янго и окружили тело рыжего. Тот уже не двигался. Блекло-голубые глаза его в красных ресницах мертвого смотрели в небо, а из-под приоткрытых бледных, уже посиневших губ, виднелись мелкие ровные зубы.

— Мадо... — прошептал толстяк, опускаясь на колени рядом с телом рыжего. — Зачем...

Он приподнял его, на мгновение прижал к себе. Затем, взревев, швырнул его под ноги гвардейцам, прикрыл лицо пухлой рукой и тяжело поднялся.

— Улино, это сделал он? — тихо спросил его соломенноволосый красавец.

В полном молчании шуты смотрели на маленькое, тощее, покрытое побледневшими кровоподтеками от недавней драки тело Мадо. Губы его, искривленные то ли смертью, то ли жуткой улыбкой, застыли так на всегда. Скрюченные пальцы правой руки крепко держали стрелу, которую осторожно, стараясь не коснуться

наконечника, вынимал сейчас молодой розовощекий гвардеец.

— За мной, псы... — не ответив красавчику, хрюплю пробормотал толстяк, грузно переваливаясь через край повозки.

Лицедеи, опустив глаза, словно боясь увидеть последний раз мертвое тело собрата, друг за другом скосчили на землю. Посмотрев им вслед, рослый гвардеец пожал плечами, ногой скинул шута вниз, потом спрыгнул сам и, ухватившись за рыжие волосы, поволок труп через толпу, в ужасе расступавшуюся перед ним.

Янго, который так ничего и не понял, глубоко вздохнул: пора продолжать представление, хотя теперь уже вряд ли удастся что-нибудь заработать...

* * *

— Ты видел его, владыка? — возбужденно спросил Конана Пелиас.

— Видел..

— И узнал?

— Нет. Я мог бы поклясться бородой Крома, что никогда не встречался с этим парнем. Но если он хотел отправить меня на Серые Равнины... Не знаю, Пелиас... Я его не помню...

В любимых покоях короля был полумрак. Лишь в одном светильнике тускло поблескивал огонек, почти не освещая комнату. Тишина, особенно приятная после монотонного, ни на миг не прекращающегося гула Митрадеса, успокаивала, убаюкивала. Паллантид, усаживаясь рядом с королем и демонстративно вполоборота к магу, взял со стола кубок, наполненный красным огирским, и негромко произнес:

— Я думаю, государь, он и не был знаком с тобой. Просто ему нравилось убивать...

— Но причем тут я?

— Ты король!

— Мало ли королей... Пелиас был прав, скорее всего, когда-то я перешел ему дорогу, и он ждал подходящего случая, чтобы отомстить.

— Ублюдок, — проворчал капитан. — Нашел подходящий случай — Митрадес!

Все замолчали, наслаждаясь вкусом и ароматом старого вина. Но, может быть, причиной молчания троих мужчин за одним столом было не вино... Конан, все возвращаясь мыслями в прошлое, вспоминал голоса и лица, и чаще почему-то Королеву Черного Побережья — темноглазую Белит, да сурового мунгана Гарета, когда-то снявшего его с креста... Ему виделись и другие, но туманно, призрачно... Эти же — так ясно, будто сидели здесь же, с ним, как сидят сейчас Паллантид и Пелиас.

Капитан Черных Драконов, сердце которого все еще громыхало в груди — узнав, что убийца сбежал и лишь каким-то чудом король остался жив, он едва не умер сам, — Паллантид не уставал проклинать собственную глупость, чуть не погубившую Конана. Он должен был сам, сам пойти к этому балагану! Уж он бы глаз не спустил с недоносков! И пусть бы рыжий хоть сгорел дотла на его глазах — он бы остался стеречь его кости...

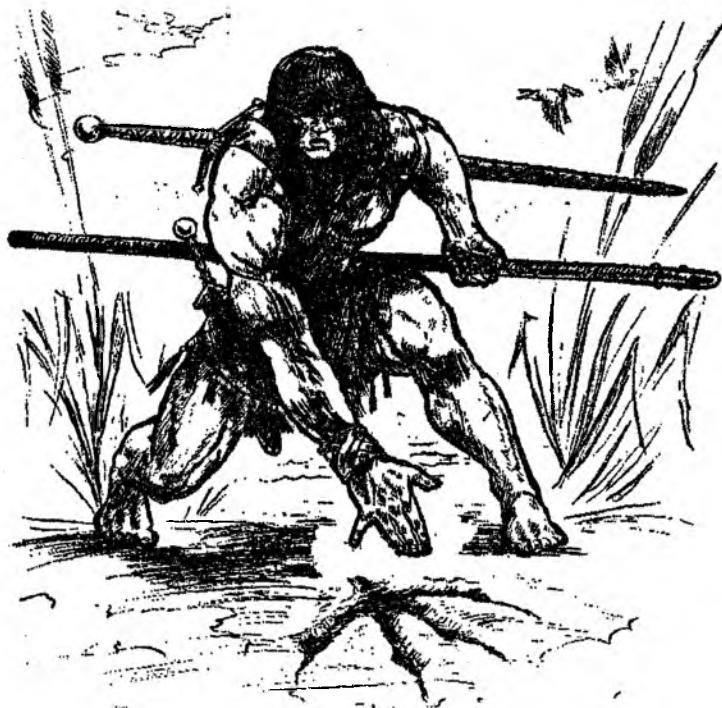
Пелиас задумчиво смотрел на свои холеные руки, словно в них надеясь найти разгадку. Кто был сей щут... кажется, Мадо? Откуда он? Что скрыло его от магического искусства? Вряд ли на эти вопросы когда-нибудь найдется ответ.. Но то, что где-то там, далеко, в неведомых мирах, существует сила, несравнимая ни с какой магией — это он знал теперь совершенно точно. Впрочем, он и раньше был в той силе уверен, только не имел случая убедиться... Как странно, что он, маг, открывает для себя эту простую истину только сейчас и таким сложным путем, а для варвара, в жизни своей не прочитавшего и трех слов, она была непреложна. Недаром доверился суду Митры, порывшись в

своем прошлом и, видимо, что-то там обнаружив... Но Пелиас был рад, искренне рад тому, что Конан остался жив. Почему-то ему нравился этот могучий синеглазый великан, беспрестанно поминающий Крома и даже на королевском престоле не оставивший своих прежних, не слишком-то милых привычек. Драться, браниться, пить... О, Митра, и за что ты любишь Конана-варвара?

Солнце за окном уже клонилось к горизонту, озаряя комнату сквозь светло-красную занавесь багровым светом. Прищурившись, маг долго вглядывался в упывающий шар, пока в глазах его не зарябили красные искорки. Тогда он обратил взгляд к Конану, улыбнулся ему и сказал:

— ...Митра любит тебя, друг мой. Клянусь Кромом.

Глава первая Костер в ночи

«Милостью Митры Жизнеподателя король и властелин Зингары Кратиос Гретий — единокровному брату своему, благородному принцу Римъеросу, герцогу Лара. Брат мой! Сим письмом отрываю тебя от беспечных забав в твоем домене и призываю в столицу по делам государственной важности. Единственному тебе могу я доверить исполнение задуманной мною затеи, ибо кроме явных целей будут у нее и тайные, о коих никто, кроме нас с тобой, знать не должен. Знаю я, что, проводя время за охотами и балами, не слишком зникал ты в дела нашего государства, но сие не заботило и не огорчало меня, покуда ты был молод. Нынешним же летом исполнилось тебе двадцать три года, и потому решил я, что настала тебе пора оправдать высокий титул герцога Лара и принца крови. Вспомни, как трепетало твое сердце, когда Ориадо, благородный Магистр Ордена Воителей Света вручил тебе рыцарские шпоры. Какой отвагой дышало лицо твое, — а ведь тебе было всего двенадцать лет! И я подумал тогда: “Вот стоит передо мною сын моего отца, истинный принц и ры-

царя!" Но до сих пор Судьба не предоставила тебе возможности облагородить тот дар никаким подвигом во славу Ордена и лучезарного Митры. Но теперь наконец сыскалась цель, достойная тебя, твоего титула и имени..."

Таков был стиль его братца. Пространнейшее послание, полное туманных намеков и красивых фраз — и ничего о сути. Уясни он еще из письма, что его ожидает, принц, вероятно, тянул бы с ответом, как мог, или вовсе отказался бы приехать в Кордаву. Римьерос сплюнул в сердцах. Иногда на беду, иногда на счастье, но юный принц Зингары обладал превосходной памятью на все, что когда-либо увидел записанным на бумаге или пергаменте. Уже не менее года прошло с того дня, как получил он это письмо, но до сих пор помнил каждое его слово — как помнил все письма, записочки, свитки и книги, прочитанные им. Последних, впрочем, было не много — принц Римьерос не был поклонником литературы — ни духовной, ни светской. Вырвавшаяся из руки ветка хлестнула его по лицу, и он грязно выругался. Нергал раздери его братца, светлейшего короля Зингары и Карских островов! Но королям не говорят «нет», будь они хоть трижды братья. Даже когда они отсылают тебя с «делом государственной важности», а по сути — удаляют от двора на два с лишним года. Что он почувствовал, и почувствовал ли что-то, когда избрал именно Римьероса для этого похода? Хотя поход и в самом деле можно было приравнять к подвигу: отвезти императору Кхитая ценный дар, пройдя Великим Путем Шелка и Нефрита, через внутреннее море, степи и джунгли. Самые отважные из купцов Запада водили караваны в страны сказочных богатств, что лежат за морем Вилайет, но ни разу не бывало в тех краях королевских послов.

По правде сказать, прежде в том и нужды особой не было — ну кому какое дело при дворе до тех дальних

краев, рассказы о которых напоминают скорее сказки, какими балуют няньки на ночь детей, краев столь далеких, что и поверить в их существование было бы трудно, когда бы ни товары, что привозили порой купцы. Тончайшие шелка, расшитые диковинными птицами и драконами, лаковые шкатулки и украшения, ценившиеся куда выше того золота, что пошло на их изготовление. Но то дело торговцев — и женщин, радующихся подобным безделицам. Для короля же дальняя держава, на которую ивойной идти бессмысленно, и союз заключать особого проку нет, никогда не представляла интереса.

Так было всегда. До недавнего времени.

Но теперь новый правитель Зингары пожелал отметить и возвысить свое королевство в глазах правителей востока. Так, по крайней мере, объяснил он брату при встрече.

«Возглавлять посольство должен непременно принц крови, — возбужденно рассуждал Кратиос Третий, расхаживая по огромному, пустому и потому гулкому тронному залу. — Такой случай выпадает раз в сто лет. Ты пойдешь не как проситель к государю, а как член королевского дома к равному себе, с даром не столько ценным, сколько значимым. Мы нашли эту редкость случайно, советники наши утверждают, что Император Кхитая будет рад подарку. А если вручит этот подарок не кто-нибудь, а брат короля, он будет не только рад, но и польщен. Ты понимаешь? И караваны потянутся не куда-нибудь, а в Кордаву. О, мы поставим наконец на место этих проныр-аквилонцев, всюду желающих сунуться первыми! Да и аргосские бандиты искусят себе все локти...»

Римьерос хорошо знал своего царственного брата. Когда тот начинал говорить вот так — слишком воодушевленно и громко, — это, как правило, означало, что имеется увенчено некая тайная мыслишка. И высиренние речи были призваны утаить истину от невнимательного слушателя.

Принца, однако, при всем желании едва ли можно было счесть наивным и неискушенным придворным. Слишком долго он жил при дворе, слишком долго варился в бурлящем котле интриг. И, наконец, слишком хорошо изучил зингарского венценосца. К тому же, был он отнюдь не без греха — и потому, едва заслышав о предстоящем ему пути на край света, облился холодным потом: что могла означать эта ссылка на несколько лет? Неужели братец и в самом деле разнюхал что-то? Но готовящийся заговор только-только начал обретать форму, в планы герцога Лара было посвящено от силы трое человек, и за каждого из них принц мог ручаться как за самое себя.. Или и впрямь правдивы слухи, что король Зингары не гнушается и черной магией, если хочет добить интересующие его сведения? Не зря же отирался при дворе тот стигиет-изгнаник...

Камешки с грохотом посыпались у него из-под ног, и Римьерос поднял голову. Побледнев, он отскочил назад: под ногами у него внезапно разверзлась пропасть. В задумчивости он не заметил, как подошел к краю обрыва. Сделай Римьерос еще шаг, и Зингара никогда бы больше не увидела своего возлюбленного младшего принца.

— Однако темнеет, пора возвращаться, — сказал он вслух, когда сердце снова забилось более или менее ровно. Свернуть себе шею в здешних диких местах отнюдь ему не улыбалось.

Какие бы планы ни питал в отношении брата Кратиос, принц отнюдь не собирался облегчать ему задачу.

Впрочем, несмотря на то, что король явно не опечалился бы, если бы Римьерос и в самом деле не вернулся домой, он не мог отправить брата на верную смерть. К тому же младший был любимцем королевы-матери, и уж она постаралась проследить, чтобы ее отпрыск в пути ни в чем не испытывал недостатка — в том числе и в мудрых советах опытного воина.

Поэтому принц Римьерос, герцог Лара, лишь возглавлял посольство, а войском на марше командовал барон Марко да Ронно, старый воин и бывалый путешественник. Он распоряжался припасами, снаряжением, высыпал людей вперед на поиски стоянок и просто разведать местность, распределял обязанности на каждый день и при этом умудрялся присматривать за своеольным, заносчивым юношей не хуже, чем за собственным сыном.

Обычно он не отпускал принца охотиться без свиты, но иногда на Римьероса что-то словно находило, он становился угрюм и сумрачен. В таком настроении он мог велеть выпороть пажа только за то, что тот не долил вина в кубок, боясь расплескать его, подавая принцу.

Барон выжидал день, а затем наутро небрежно говорил Римьеросу: «Вчера на озере, купая лошадей, конюшие видели стаю голубых цапель — они полетели к северному берегу. Какие прекрасные, должно быть, это птицы!» Или: «Говорят, в здешних лесах водятся летающие белки. Можно ли верить таким глупостям? Я до сих пор не видел ни одной, а вы, сударь?» И Римьерос брал лук и кинжал, велел седлать коня и уезжал в лес или на озеро — на весь день до позднего вечера. Возвращался он с пышным голубым плюмажем на шляпе или тушкой диковинного зверька. Принц недаром славился как самый искусный охотник во всей Зингаре.

Пробродив в одиночестве день, он обычно успокаивался — на какое-то время.

...Римьерос взобрался на каменистый холм, вздымающий лысую макушку над морем деревьев — но ничего не увидел. В этот день неудачи преследовали его одна за другой: подстреленная оленуха свалилась в пропасть, принц в азарте погнал за ней коня — и едва не сорвался сам. Наверное, не стоило так рисковать, но он преследовал добычу с полудня до заката, пока наконец не ранил, и ему жаль было бросать трофей, доставшийся с таким трудом. Лесная королева была белой, словно свежайшее

молоко или снег на вершине горы, и Римьерос уже предвкушал, как привезет ее в лагерь под восхищенные взоры молодых дворян и челяди. Но белая оленуха не желала даваться в руки — ни живой, ни мертвой.

Рухнувшего наземь коня принцу пришлось добить: он охромел на обе передние ноги и только захрипел, когда Римьерос попытался заставить его подняться. Проклиная свое неизменное невезенье — упустить такую добычу! — принц кое-как выбрался из ущелья и пошел в сторону лагеря, вспомнив, что устал и голоден.

Невеселые мысли сменяли одна другую в его темноволосой голове; весь во власти своих дум, он шел почти наугад, руководствуясь чутьем охотника, никогда прежде него не подводившим. Но то ли он слишком увлекся погоней, то ли попал в заколдованное место — даже с холма не мог разглядеть он излучины неширокой реки и дымки лагерных костров. Во все стороны, сколько хватало глаз, простиралось зеленое море джунглей с редкими островками таких же холмов. Римьерос понял, что заблудился. Небо было еще светлым, но с заходом солнца под пологом леса густели сумерки, и каждая лиана стала казаться притаившейся в листве змеей, а каждый резкий крик обезьян, устраивающихся на ночь, — воплем неведомого и невидимого в чаще существа.

Римьерос, бранясь и поминая всех демонов Кхитая, пробирался сквозь заросли. Не то чтобы он боялся остаться один ночью в лесу, хоть и был почти безоружен, вовсе нет. Просто даже в походе он предпочитал спать на пуховиках и вкушать пищу, приготовленную лучшим поваром, специально прихваченным с собой из дома.

— В конце концов, есть же тут поблизости деревушки этих узкоглазых, — пробормотал он. — Только вчера мы проехали две или три. За любой из моих перстней они зарежут собственных детей мне на ужин...

Небо темнело, внизу, под пологом леса, становилось душно от аромата цветов. Зингарское войско уже не

первый день шло сквозь джунгли, и Римьерос знал, что можно себе позволить в этих лесах, а что нельзя. Он знал, что опасно пробовать съедобные на вид и ароматные плоды, и что чем сильнее запах цветка, тем вероятнее, что он окажется ядовитым.

Один из оруженосцев уже поплатился жизнью за свое любопытство: он пожелал поближе рассмотреть венчик гигантского соцветия — его даже нельзя было назвать цветком, скорее это было какое-то пышное алое облако, спустившееся на землю. Но едва человек оказался рядом, облако словно всосало его в себя, скжалось и скрылось за множеством плотных, мясистых зеленых лепестков.

На приглушенные вопли товарища сбежалось трое или четверо мечников из свиты. Обнаружив с изумлением, что крики исходят из огромного бутона на толстом стебле, они принялись рубить его мечами. Но когда они наконец справились с хищным растением, из раскрывшегося бутона вывалились только безобразные обглоданные останки, облепленные какой-то желто-зеленой слизью с резким тошнотворным запахом. Слизь задымилась, испаряясь, и зингарцы в ужасе бежали от страшного места, даже не забрав тела.

Держась едва заметной в темноте звериной тропы, Римьерос вскоре вышел к новому безлесому холму. Поднявшись на вершину, он огляделся в надежде увидеть огни если не лагеря, то хотя бы деревни.

Он судил о Кхитее, западную границу которого их войско миновало два или три дня назад, по своей стране, и полагал, что между селениями, раз уж они начались, не может быть больше дня пути. На самом же деле в той гористой, поросшей лесами, а местами заболоченной местности, в которой они оказались, спустившись с гор, отдельных селений не было. Деревушки жались друг к другу по две, три или четыре, и до следующего такого очага человеческого жилья можно было идти и три дня, и неделю.

Великая Поднебесная Империя была несравненно больше маленькой Зингары.

Щуря темные глаза, Римьерос вглядывался в мерно колышущееся море деревьев. Быть может, ему только почудилась тонкая белесая ниточка дыма, поднимающаяся из долины у реки? Но порыв ветра донес до него слабый запах дыма, и зингарец, просветлев, зашагал в ту сторону.

Костер означал человека, пусть даже желтолицего и узкоглазого. Это могли быть ночующие в чащне лесорубы или странствующие монахи, которых его войско уже не раз встречало на дороге — пестрые стайки улыбчивых бритоголовых кхитайцев, чье сходство с диковинными птицами усиливалось отрывистой, то ли щебечущей, то ли мяукающей речью.

Но кто бы ни были хозяева ночного костра, принц был уверен, что сможет с ними договориться. Как он уже сумел заметить, уважение к важным osobам граничило здесь с поклонением: едва завидев на дороге пышную процессию посольства — лошадей в разноцветных попонах с яркими гербами, сияющую на солнце сталь и позолоту оружия и лат, окрашенные в алый цвет перья и конские хвосты на шлемах — едва завидев все это великолепие, местные жители останавливались и принимались усиленно кланяться, а если к ним обращались с просьбой, — выраженной, чаще всего, на языке мычания и жестов, поскольку ни одного из западных наречий эти крестьяне не понимали — они со всех ног бежали исполнять ее, даже толком не уяснив, в чем она состояла.

До костра оказалось несколько дальше, чем он предполагал, глядя на него с высоты холма. Но вот наконец, злой и исцарапанный, он вырвался из кустарника на небольшую прогалину.

Посреди поляны горел костер. У костра, спиной к Римьеросу, сидел человек. Один. Больше, насколько сумел разглядеть в темноте принц, на поляне не было никого.

Это было бы только к лучшему, если бы не одно загадочное обстоятельство. Сидящий у костра был хайборицем, а не уроженцем Востока — достаточно было взглянуть на его широченные плечи и маслянисто поблескивающую в свете костра бронзовую кожу обнаженных рук, длинных и мускулистых. Что он мог делать здесь, один, в этих чуждых краях вдали от обжитых мест? Это было более чем странно — а потому Римьеросу невольно чудилась в безмятежно устроившейся у огня фигуре скрытая угроза.

Пользуясь тем, что незнакомец, похоже, не заметил гостя, ибо даже не обернулся на шум в кустах, зингарец с жадностью разглядывал его, пытаясь понять, что за человек перед ним, а еще больше — приюхиваясь к доносящимся от костра восхитительным запахам жаркого. Римьерос невольно слегка открыл рот, чтобы не откажется в приюте почти соотечественнику...

От костра внезапно донесся смешок.

— Если хочешь есть — подходи и садись, а не бурчи животом в зарослях бамбука, словно двуцветный медведь пан-да, — услышал Римьерос веселый низкий голос, говоривший по-аквилонски.

Справившись с первоначальным изумлением, принц недовольно нахмурился: мало того, что его появление заметили, незнакомец каким-то образом тут же вычислил, что его гость — не кхитаец, раз заговорил с ним на самом распространеннном на западе языке.

Между тем чужак не только не вскочил на ноги, но даже не обернулся, по-прежнему сидя к принцу спиной. Римьерос горделиво выпрямился и подошел к костру с достоинством, какое присуще всем истинным царедворцам. Обидные слова о медведе он решил пропустить мимо ушей.

— Да пребудет с тобой милость Митры Жизнеподателя, незнакомец, — церемонно произнес он с кивком, означающим приветствие. — Я и в самом деле пробродил в лесу весь день и проголодался. И если...

Хозяин костра поднял на него смеющиеся синие глаза.

— Ну конечно, зингарец, Кром меня разбери! Кто же еще будет так многословно отвечать на простое приглашение поесть? Садись, садись, не криви губы. Кто ты таков и как здесь оказался?

Говоря все это, он нагнулся вперед и принялся поворачивать над жаркими угольями несколько тонких вертелов с насыженными частями какой-то дичи.

— Ты ведь не побрезгуюешь козлятиной? Малыш был еще совсем сосунок, мать его завалило камнями, он мыкался вокруг, так что пришлось их добить... Знай я, что нынче у меня будут гости, зажарил бы обоих.

Римьерос, несколько шокированный в первый миг таким запанибратским приемом, оправился и, усмехаясь, проговорил:

— Сойдет и козлятина. Незваному гостю не пристало привередничать. Хотя, конечно, будь я во дворце моего отца, покойного короля Зингары, я велел бы выпороть на конюшне того, кто предложил бы мне отведать этой пищи черни.

Он ожидал немедленной смены тона, быть может, даже смущенных извинений, но черноволосый синеглазый гигант только вздернул брови.

— Ого, да ты важная птица? Нынешнего короля Зингары, Кратиоса, я знаю; ты, верно, его брат? Который же из трех?

— Я — принц Римьерос, герцог Лара, — веско сказал Римьерос и наконец сел, решив, что после объявления его титула ему уж вовсе не пристало стоять в присутствии этого человека.

— А-а, Римьерос Безземельный! — отозвался хозяин со смехом. — Что ж, а я — Конан из Киммерии, и земли у меня еще меньше, чем у тебя, принц. Вот этот кусок, пожалуй, уже готов.. Бери, не стесняйся. Здесь на всех хватит!

Принц вспыхнул, залившись краской до самых корней

волос, рука его метнулась к клинку у бедра. Прозвище Безземельный он получил за то, что был четвертым ребенком в семье. До тех пор самое большое количество наследников мужского пола в семьях королей Зингары исчерпывалось тремя детьми, и то обычно двое из них не доживали до совершеннолетия — либо в силу частых болезней, либо благодаря клинку и яду, на кои не скучились придворные доброхоты. И потому когда родился четвертый сын, принц Римьерос, король был вынужден откупить у своих баронов хотя бы небольшой домен, ибо владения короны были уже распределены между тремя старшими братьями.

Майоратами поступились только двое — дела их были так плачевны, что легче было продать отчие земли, чем содержать их. То, что получилось в результате объединения этих двух поместий, могло именоваться герцогством только в указе короля.

Вскоре, однако, отважный Родерго, третий брат, погиб в стычке с аргосскими пиратами, и Римьерос уже предвкушал, что будет отныне именоваться «герцог Каррьяло», но нашлась девица, причем знатного рода, которая утверждала, что беременна от погибшего принца. И в результате долгого разбирательства герцогство, не уступавшее домену Гурралид, которым наделялся при рождении наследный принц, отшло какому-то трехмесячному младенцу и его ловкой матери. Она стала богатейшей женщиной в Зингаре, ибо старый король не мог нарадоваться на внука и всячески отмечал и задаривал невестку. И даже после смерти отца Кратиос, воссев на золоченый трон в Верхнем дворце Кордавы, отказался оспаривать решение Единого Духовного и Светского суда.

Над Римьеросом, упустившим земли брата, потешалась вся страна.. И стоило проехать тысячи бесконечных лиг, чтобы первый встречный у костра бросил тебе в лицо обидную кличку! Принц был уже готов затеять ссору, но тут вдруг рассыпал имя, которым назывался его обидчик.

— Конан из Киммерии? — повторил он и наконец пригляделся к незнакомцу.

На вид хозяину ночного костра было лет двадцать семь-двадцать восемь, но прищуренные синие глаза могли принадлежать и сорокалетнему мужчине, и семнадцатилетнему юноше, в зависимости от того, смеялись они или смотрели с пристальным вниманием. Густые черные волосы беспорядочной копной лежали на плечах, лицо и руки гиганта пестрели старыми шрамами, что говорило об опыте многих сражений. Мышицы под загорелой кожей были так выпуклы, что казалось, будто шевелятся клубки змей. Сопоставив все увиденное с произнесенным именем, Римьерос от любопытства вмиг забыл о нанесенной обиде и выпалил:

— Не тот ли ты Конан, что под именем Амры-Льва держал в страхе все южное побережье Материка? Помнишь, за голову этого разбойника была назначена изрядная сумма...

— Пять полных мер золотых песет, — не без удовольствия кивнул означенный разбойник. — Но, как видишь, голова моя все еще при мне, хотя с годами иные назначают за нее все больше и больше.

— Уж не от рвения ли жаждущих таких наград бежал ты на восток? — усмехнулся Римьерос. — Но здесь нет морей, где бы мог ты проявить свой гений разбойника и мародера.

Синие глаза на миг недобро сощурились, изучающе глядя на принца. Римьерос уже решил, что вот теперь ссоры не миновать, но варвар широко и дружелюбно ухмыльнулся.

— Когда я был таким же мальчишкой, как ты, молодой петушок, я тоже готов был вцепиться в глотку всякому, кто избирал меня мишенью для насмешек, — миролюбиво заметил Конан. — Таких, впрочем, со временем находилось все меньше.

Поворотив уголья, он снял с костра один из вертелов

и принялся за дымящееся, ароматное мясо. Видя, что Римьерос сидит неподвижно, напряженно выпрямив спину и уставив голые злые глаза в землю, он с хорошо разыгранным недоумением поинтересовался:

— Ты не хочешь есть? Хочешь? Тогда почему не ешь?

— Благодарю, — сдержанно отозвался Римьерос и потянулся к себе другой вертел.

Мясо оказалось мягким и сочным, хоть и с душком, как показалось принцу, никогда раньше не пробовавшему козлятины, но зналому с чужих слов, что это — еда самой низкой черни. Впрочем, неприятный запах почти перебивался запахом дыма и смолы, шипящей на полусырых дровах.

Конан украдкой следил за тем, как зингарец, стараясь сохранять на лице маску равнодушия, жадно кусает мясо, обжигая язык и губы.

Киммериец искренне забавлялся, поддразнивая молодого задибу. И в то же время был рад увидеть на другом краю света человека из своего мира. Он был уже по горло сыт круглыми лицами с кожей всех оттенков желтого цвета.

Утолив первый голод, зингарец, видимо, из чувства благодарности, стал чуть менее спесив и более словохотлив. На вопрос Конана, что же все-таки делает зингарский принц крови в этих оставленных Митрой землях, Римьерос, кривя губы, ответил:

— Везу драгоценный дар повелителю сказочного Кхитая. Если ты бродишь здесь поблизости, то уже слышал, наверное, о моем посольстве: отряд из трехсот человек не может пройти незамеченным.

— Это тот, что стоит нынче ночью выше по реке? — отозвался Конан. — Так это твои воины? Не слишком ли много мечей у вас для мирного посольства?

Едва в голосе ночного хозяина снова послышалась насмешка, Римьерос выпрямился и сделался надменен.

— Если ты не долетел сюда по воздуху, варвар, то

должен знать, что путь через пустыни, степи и горы небезопасен. Я потерял в дороге всего пятнадцать человек, но мог потерять гораздо больше.

— Не сомневаюсь, — весело кивнул Конан. — Мне самому приходится постоянно одергивать своих приятелей, чтобы не лезли на рожон. Особенно Силлу — девочку строптивую, вроде тебя. Сагратиусу же все море по колено — особенно, если полна его фляга. Мы уж всякого тут перевидали — и змей, и хищных цветов, и черного лотоса.

Римьерос обеспокоенно огляделся.

— Мы? А мне показалось, что ты один? Ты упомянул по меньшей мере двоих — где же они?

— Я их как раз здесь дожидаюсь, — отозвался, зевая, Конан. — Мы разминулись у горного озера, и я их, похоже, немного опередил.

Он встал, потянулся всем телом, прогнав волну по затекшим мышцам. В жестах его была естественность большой дикой кошки, он не менял позу, а словно перетекал из одного положения в другое.

— Не пора ли нам устраиваться на ночь? Или ты предпочтишь добраться до своих? — спросил Конан принца. — Здесь не слишком далеко, не успеет сесть луна, как ты уже будешь в своем шатре нежиться на шелковых пуховиках.

Не добившись внятного ответа, он потянулся к сумкам и принял вытаскивать из самой дальней плотно скатанное одеяло из верблюжьей шерсти — стояла та ранняя весна, когда солнце уже припекает, но земля еще не прогрелась, и ночью становится холоднее льда.

В Римьеросе волной вскипала злоба. У него выдался неудачный день. Этот неожиданный ужин у костра — вонючая козлятина, запитая домашним некрепким вином — казался принцу самой большой из всех неудач, выпавших ему сегодня. Мало того, что к нему отнеслись как к бродячему псу: сунули кость и снисходительно

потрепали по загривку. За одно это гораздо более знатные люди лишились бы жизни если не на плахе, то в поединке. Но больше снисходительно-добродушного отношения язвили зингарца насмешки, язвили тем горше, что произносились с уверенным спокойствием. Неужели этот дикарь и в самом деле думает, что если рядом с ним на земле лежит длинный меч, он может безнаказанно глумиться над принцем крови?

— Нет, благодарю, — ответил Римьерос, вставая. — Я лучше вернусь в лагерь, не то они обеспокоятся и вышлют на поиски солдат. — Он потянулся к поясному кошелью, словно за деньги. — Козлятина была превосходна, хоть и попахивала. Добрый ужин стоит добрых денег.

Конан, уже улегшийся у костра, приподнялся на локте.

— Прах и пепел! — сплюнул он. — Можешь съесть свои деньги на сладкое, Римьерос Гордец. Или ты задумал принести-таки в Кордаву мою голову, что платишь золотом за гостеприимство?

Римьерос промолчал, поджав губы и радуясь, что в темноте не видно, как он краснеет — уже второй раз за очень недолгое время, что ему было совсем не свойственно. «И за это ты мне заплатишь», — подумал он, а вслух сказал:

— Прощай. Еще раз благодарю.

Конан буркнул что-то невнятное. Похоже, он уже спал. Поднявшись на сотню шагов вверх по реке, принц ополоснул в воде пылающее лицо. Ярости его не было предела. Никто еще никогда не смел разговаривать с ним таким тоном — даже его венценосный братец! На ум ему снова пришло сравнение с заблудившейся собакой, которую, накормив, гонят прочь, и он разозлился еще больше.

— Меч его лежит рядом с ним в ножнах, — бормотал принц, щуря на полную луну темные глаза. — Если тихонько подкрасться, отшвырнуть ножны пинком и одновременно ударить...

Принести в Кордаву голову Конана-киммерийца! Хо! Римьерос — победитель Амры! Того самого Амры, что держал в непрестанном страхе все Черное побережье! Ола, Йерро, ты сумасшедший, разве не слышал ты, что он может ударом кулака свалить буйвола? Но ведь у страха глаза велики...

У страха глаза велики, но втрое велик был соблазн вернуться на родину победителем легендарного короля разбойников. Вольно ж ему было насмехаться над принцем крови! Конечно, убийство во сне — это не совсем по законам чести, но разве не был он приговорен к смерти еще отцом Римьероса? И варвары спят ночами, и, как говорят, спят крепко. Не так уж сложно было бы убить его, лишь бы ударить прежде, чем он доберется до меча. Задача осложнялась тем, что иного оружия, кроме длинного кинжала, при Римьеросе не было, потому что стрелы он растратил, преследуя белую оленуху.

«Но ведь тебе случалось выходить и на волка с одним только кинжалом, — ободрил он себя. — Этот здоровяк не страшнее вожака-ветерана, которого вы, сударь, уложили прошлой зимой под испуганный визг, а затем рукооплесканье дам». Римьерос и в самом деле справился тогда в одиночку с матерым хищником, но совершенно забыл, что до того этого волка егеря трое суток гоняли по лесу, не давая ему прилечь ни на миг, — чтобы под конец выгнать по тоннелю, огороженному сеткой и красными флагами, на большую арену, где поджидал его принц — в кольчуге и при оружии. Шкуру этого волка он потом преподнес домье Ревглене, и ее прелестное лицо стало еще прелестнее от густого румянца, залившего щеки...

Он решил подобраться к Конану по воде, рассудив, что даже чуткий слух варвара обманет непрестанное журчание струй и шорох ветра в густых зарослях тростника.

Римьерос выждал, пока луна не скрылась за вершинами деревьев, а затем начал осторожно спускаться.

...Следуя правилу всех noctуящих в лесу, Конан, прежде чем ложиться, сунул в костер огромное полено — половину ствола упавшего дерева. Ствол горел медленно, от середины к концам, и бесформенная глыба, какой казался киммериец, завернувшись с головой в одеяло, была хорошо видна в свете угольев. Принц подобрался ближе и замер в тростнике, вытянувшись, словно выпь.

Проверяя, крепок ли сон варвара, Римьерос кинул в тростник несколько камешков, они прошуршили юркими зверьками в прошлогодних высохших стеблях. Но бурое одеяло даже не вздрогнуло. Рукоять меча и край ножен, высовывавшиеся из-под него, красновато отблескивали в свете костра. Крадучись, как кот по черепичной крыше, шаг за шагом, Римьерос подходил все ближе и ближе к костру. Ему не впервые приходилось вот так подбираться к добыче, словно сливаюсь с травой, землей и кустами.

Это был тяжкий труд, но принц знал по опыту, что, продвигаясь незаметными шагами, можно провести самую пугливую дичь. А варвар, услышавший его еще в бамбуках, был, несомненно, пугливой дичью.

Склонившись над спящим, Римьерос сосчитал до десяти, чтобы унять азартную дрожь в руках. Киммериец спал. Даже посыпал тихонько. Принц правой рукой бесшумно вытащил из ножен кинжал, а левую руку протянул к мечу варвара. Нашарив, не глядя, холодную рукоять меча, он одним жестом отшвырнул его прочь, одновременно замахиваясь.

Кинжал его целил киммерийцу прямо под левую лопатку.

С быстрой вскидывающейся вверх змеи, да что там — с быстрой белой молнии Митры метнулась из-под одеяла рука и двумя пальцами сжала правое запястье зингарца. Римьерос, взвыв от нечеловеческой боли, выпустил кинжал. Миг — и рука его была уже завернута за спину,

а сам он, завывая, словно на дыбе, клонился лицом к земле, едва не касаясь ее губами.

— Так-то теперь платят в Зингаре за постой? — раздался над ним знакомый голос. Теперь в нем не было и тени дружелюбия. Но и злобы, против ожидания, тоже не было в нем — одно лишь безграничное презрение. — И если таковы нынче в Кордаве принцы, каковы же ваши разбойники?

— Пус-сти... — прохрипел, выгибаясь, Римьерос. От боли у него все плыло перед глазами, он явственно слышал, как хрустят, выворачиваясь из суставов, его кости.

Конан выпустил его руку и от души пнул в тощий оттопыренный зад, обтянутый лиловыми бархатными штанами.

Принц кубарем покатился по траве. Киммериец сделал шаг в сторону и подобрал свой меч.

— Ты и в самом деле думал, что я буду хрестить и ждать, пока ты соизволишь отправить меня прямиком на Серые Равнины? — поинтересовался он.

Принц, стоя на четвереньках, молчал, тяжело дыша. Рот его был черен, лицо перепачкано.

— Если ты вернешь мне нож, я буду драться с тобой ножом, если не вернешь — перегрызу горло! — сказал он наконец, все еще хрипя.

— Дра-аться? — искренне удивился Конан. — Мне — с тобой?

Недобрая улыбка искривила его губы, когда он шагнул ближе к принцу. Сталь тонкого палаша с шипением вылетела из ножен, и Римьерос отшатнулся, ожидая, что его сейчас попросту зарубят на месте, но еще нашел в себе силы выкрикнуть:

— Ублюдок! Киммерийский козел, жрущий вонючую козлятину! Дай мне оружие, и я...

— Обойдешься, щенок, — прощедил сквозь зубы Конан и наотмашь хлестнул его гибким клинком по спине. — Убирайся! Убирайся с глаз моих, не то, клянусь Кромом,

я тебя так разукрашу, что не узнает родная мать-королева!

И сталь снова опустилась на спину принца, срезав на лету прядь всклоченных длинных волос.

— Прочь!

Пунцовы от стыда и злости, Римьерос еле увернулся от нового удара, перекатился через плечо и скрылся в кустах. Там он вскочил на ноги и, отбежав на почтиительное расстояние, крикнул, потрясая кулаками:

— Ты мне за это заплатишь, пожиратель козлятины! Моя плоть священна, за меня отомстит сам Митра, покровитель нашего рода! Тебя пожрет зловонная пасть Нергала, ты..

Конан сплюнул и сделал шаг в сторону Римьероса. Тот незамедлительно повернулся и исчез за деревьями.

— Ну и мокрица, — пробормотал киммериец, снова укладываясь у костра. — Надо было распороть ему рот от уха до уха, чтобы разевал его еще шире... Сразу видно, что никогда не спал на голой земле — не то знал бы, что каждый шаг отдается громом...

Он не слышал, как зингарец подкрадывался по реке, но едва тот вылез на берег, Конан проснулся от гула его осторожных шагов и довольно долго лежал, выжидал, когда учащенное дыхание охотника раздастся над самым его ухом.

До рассвета оставалось еще немного времени, и Конан, следя мудрой повадке крупных хищников каждую свободную минуту использовать для сна, свернулся под одеялом и заснул, едва успел закрыть глаза.

Глава вторая В пути

Голубь Тридцать Второй:

«Высокородный принц Римьерос, герцог Лара — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зингари и правителю Карских островов. Государю и брату моему сообщаю, что мы наконец, после долгих и трудных странствий, вступили в земли Китайской Империи. Погибло еще трое, среди них — достойный рыцарь Роккье да Вейзар. Они упали в пропасть, оступившись на жутком мосту — я еще дивлюсь, как сумели мы переправиться по нему, зыбкой паутиной висящему над пропастью. Сделан он из особого тростника, растущего только здесь, тростник этот на диво прочен, так что, завязав лошадям глаза, мы без труда перевели их по этому шаткому мостику. Но стоило кому-нибудь из людей глянуть вниз, балансируя на краю, как он падал ничком, не чувствуя ни рук, ни ног, и так сорвались мой оруженосец и помощник негодника Алонно, моего повара. О последнем я не пожалел бы, а ныне желаю ему вечно корчиться в когтях Нергала, ибо, пытаясь его удержать, сорвался и добрый Роккье. Мы не сумели поднять тела со дна пропасти — но сложили на краю

ущелья высокое надгробие в память о славном рыцаре. Да упокоит Солнцеликий его отважную душу!

В осталом же путешествие наше проходит день ото дня успешнее, ибо начали уже попадаться на пути селения, возделанные земли, а с ними — дороги. Мы оставили горы и болота позади, ныне перед нами лежат бесконечные джунгли, полные уже испытанных и новых, неизвестных опасностей.

Нам по-прежнему не везет с проводниками — негодли сбегают ночью в страхе, едва услышат в зарослях свирепый рык тигра. Но эти благородные хищники еще ни разу не нападали на лагерь.

Еще одна забавная мелочь, которая, льщу себя надеждой, способна вызвать у тебя, брат мой, недоверчивую улыбку: можешь себе представить, не в Аргосе и не в Зингаре, а здесь, на самом краю света, я наконец встретился с Конаном из Киммерии, известным у Черного Побережья под именем Амры. Встреча наша не была мирной, я столкнулся с ним в лесу случайно, почти безоружный. И все же он едва не поплатился жизнью за все свои бесчинства у наших берегов. Ему удалось улизнуть от меня, и с тех пор он рыщет вокруг нашего войска, надеясь застать меня врасплох — мы неоднократно натыкались на следы его стоянок. Я в ответ усилил ночные посты и еще не отчаялся заполучить его и привезти в Зингару тебе на потеху — если не всего, то хотя бы голову.

Голубей в клетке осталось не более десятка, и потому я не рискну выпустить птицу, поскольку мы идем под удущливой сенью здешних

лесов. Едва я достигну хоть мало-мальски приличного города, я снова дам знать о себе.

За сим остаюсь, преданный тебе принцу Римьерос, герцог Лара».

Тщательно запечатав тончайшую рисовую бумагу в два слоя кожи, Римьерос вынул из клетки голубя и приладил письмо на лапку птице. Здравый смысл подсказывал ему, что из пяти выпущенных голубей до Кордавы добирался в лучшем случае лишь один, но все же время от времени он отправлял новое письмо — не столько для брата, сколько для матери.

Королева Теодорис была одной из тех троих, кого принц посвятил в свои честолюбивые замыслы свержения брата с королевского престола. Ради своего младшего сына она готова была перевернуть землю и небо, он же отвечал ей снисходительной привязанностью, позволяя обожать себя, лишь бы это не слишком ему докучало. Материнская любовь может оказаться весьма полезной вещью, если мать эта — вдовствующая королева Зингары.

Узнав, что король посыпает младшего брата с дарами к Императору Кхитая, королева сначала пришла в ужас, но, будучи женщиной мудрой, скоро рассудила, что если дать принцу надежный эскорт, ничто не помешает ему вернуться на родину живым и невредимым не позднее, чем через два года. К тому времени подозрения правящего брата — если у него таковые и возникли — скорее всего рассеются, а принц Римьерос вернется народным героем, отважным рыцарем, побывавшим на краю света и преодолевшим несказанные опасности ради славы и процветания родной Зингары. Она изложила все это сыну, и он, хоть и нехотя, но сделал вид, что воодушевлен предстоящей поездкой и гордится возложенной на него миссией.

Итак, королева осталась в самом сердце вражеского

лагеря, но не преминула отправить с принцем второго участника заговора — барона Марко. У старого воина были свои счеты с нынешним королем Зингары: в самом начале правления тот дважды, отступая, провел неприятельские войска через земли барона. Заманивая аквилюнцев в глубь страны и одновременно лишая их добычи, зингарские полководцы распорядились жечь за собою все поселки и деревушки. Аквилюнцы, разозлившиеся, доверили разорение, равняя с землей все, что еще оставалось. Их небольшое войско удалось после этого разбить сравнительно легко, и король был в восторге от подобного метода изматывания противника.

Однако старый воин, ветеран многих битв и походов, барон Марко открыто возмутился подобным безжалостным обращением правителя с собственным народом, а более всего — с принадлежащими лично ему землями... и тут же попал в немилость. После чего королеве, ценившему по достоинству его поистине собачью преданность, не стоило большого труда постепенно внушить опальному царедворцу мысль, что несправедливо обиженный Римьерос — настоящее воплощение всех заветных чаяний народа.

В этом был тонкий расчет: убедить барона Марко в том, что для Зингары наилучшим королем будет Римьерос, означало убедить почти всю армию. Авторитет старого воина среди простых солдат был огромен, и если бы королю вздумалось поднять против баронетства Ронно свои войска, он сначала столкнулся бы с бунтом окрестных мелких дворян, чьи владения находились под протекторатом баронства, а затем был бы вынужден подавлять если не восстание, то по меньшей мере недовольство собственной армии.

Окажись король на одном холме, Ронно на другом, а зингарская армия посередине — больше двух третей пошли бы за бароном. Он умел быть и хозяином, и отцом, и полководцем, и верным псом.

У благородного рыцаря Марко да Ронно был только один недостаток: в голове его, серебристой от седины, не могло уместиться более одной мысли за раз. Единоажды уверовав в то, что Римьерос — будущий благодетель Зингары, он более не думал об этом, и никакие вздорные выходки принца не могли разубедить его. Он приписывал их горячности, молодости, излишней любви к риску и опасности. Он порой даже называл принца «государь», ничуть не стесняясь чужих ушей, и такова была сила его веры, что он заразил ею и тех, кем распоряжался.

И если сам Римьерос был равнодушен к цели похода, то молодые дворяне немало гордились возложенной на них высокой миссией.

Мать-королева с детства приучила сына никогда не вымешивать дурное настроение на тех, кто тебе нужен или может оказаться полезен, и большая часть отряда не знала о его резких припадках ярости и раздражения. А в хорошем расположении духа принц был и великодушен, и щедр, и остроумен. Поход, столь бессмысленный и бесцельный с его точки зрения в начале, оборачивался неожиданной стороной: по завершении миссии Римьерос возвращался в Зингару с сотней рыцарей, закалившихся в нелегком походе и преданных ему до мозга костей.

Третым же из заговорщиков был Светлейший Распорядитель Двора, герцог Пастрелья. Этот ловкий и хитрый царедворец с давних пор был влюблён в королеву. В молодости слыла она женщиной редкой красоты, а зрелость придала ее облику истинное величие. Старый герцог боготворил ее — как она боготворила своего сына. Его обожание было тем сильнее, чем несбыточнее мечта обладать когда-нибудь предметом своей страсти. Королева дарила его своей дружбой и даже любовью, но ни разу не изменила мужу — ни до, ни после его смерти.

Ей казалось — и казалось вполне справедливо, — что после ночи любви герцог может охладеть к ней, как только убедится, что возлюбленная его оказалась не бо-

гиней, но обычной смертной женщиной. Распорядитель Двора был третьей по значимости фигурой в государстве — после короля и Верховного Жреца Митры. Королева не раз убеждалась в том, сколь полезной может оказаться дружба герцога Пастрелья — и не хотела ее терять.

Словом, как ни мал был круг заговорщиков, он включал в себя и членов королевской фамилии, и армию, и казну. Сам Римьерос не рассчитывал всерьез на успех, по крайней мере, в ближайшие годы. Но мать его придерживалась другого мнения и в отсутствие обожаемого сына продолжала готовить почву для переворота — причем небезуспешно.

...Принц вышел из своего шатра, держа птицу в руках. Послушал, как бьется ему в пальцы крошечное сердце, и выпустил голубя, чуть подкинув его вверх.

Лагерь расположился на ночь на небольшом плоскогорье. Эта возвышенность была лишь краткой передышкой, скалистым островом в море деревьев. За ним вновь начинались бесконечные леса, поделенные узкой ниточкой дороги, и наутро отряду опять предстояло погрузиться во влажную духоту и полумрак джунглей.

— Неправда ли, жаль, государь, что до нас не могут добираться вот так же вести с родины, — раздался за спиной принца голос барона Марко. — Иногда я сожалею, что несведущ в магии. Вот уже год, как я не видел жену и дочь, и даже не могу узнать, все ли у них благополучно...

Он с тоской следил за тем, как, набирая высоту, голубь кругами поднимается в небо и растворяется в свете заходящего солнца.

— Чужой край, чужое небо, — пробормотал барон. — Скоро наступит ночь, и мы увидим чужие звезды...

— Мне кажется, мой добрый друг, вы нынче не в духе? — с улыбкой обернулся к нему Римьерос. Сам он пребывал в великолепном настроении. За три дня пути встреча в лесу переплавилась в его воображении в славный подвиг, который не подтверждался трофеем лишь

потому, что принц оказался перед разбойником безоружным.

Добравшись до лагеря, он наорал на часовых, преградивших ему дорогу, не раздеваясь, бросился на постель и проспал почти до полудня. О своей встрече с Конаном он не рассказывал никому, пока воины не наткнулись в лесу на свежее кострище у лесного ручья. Земля вокруг воды была испещрена следами такого размера, что не оставалось никаких сомнений, что побывал здесь не щуплый малорослый хитрец, а чистокровный хайбориец. Тем более что следы оставлены были сапогами, а не плетенными или деревянными сандалиями, в каких здесь разгуливали все — от нищего монаха до жены деревенского старейшины.

Барон Марко потребовал подробного рассказа, и Риммерос преподнес ему встречу у костра в таком свете, что старый воин счел нужным усилитьочные караулы и взял с принца слово, что тот больше не будет уходить в лес один, без собак. Вот и в этот вечер, прежде чем устраиваться на ночь, барон выслал несколько небольших отрядов прочесать местность вокруг лагеря — на всякий случай.

— Вернулся отряд Ринальдо, — сказал мрачно да Ронно. — Они нашли еще следы стоянки того человека. Ринальдо утверждает, что варвар идет не один. Хотите посмотреть, мой принц?

— Он говорил, что поджидает товарищей — вероятно, таких же разбойников, как и он сам, — отозвался Риммерос. — Давняя ли это стоянка?

— Не более двух дней.

— Тогда не стоит трудов. Что мы там увидим? Я подожду, пока он не окажется рядом — чтобы можно было спустить собак по его следу и затравить как матерого кабана... Полно хмуриться, барон, пойдемте лучше ко мне и выпьем вина — за то, чтобы этот голубь добрался до Кордавы живым и невредимым!

Барон Марко просветлел и подкрутит седой ус.

— Благодарю за честь, государь!

Войдя в шатер, Риммерос почти силой усадил старого воина в складное кресло и, не обращая внимания на бурные протесты, собственноручно разлил по двум кубкам темно-красное аргосское вино.

— Запасы наши подходят к концу, — с сожалением заметил принц, выливая последние капли из оплетенной бутыли толстого темного стекла. — В этом краю, как видно, не знают, что такое настоящий виноград. Правда, та штука — так и не помню, как они ее называли — ну, которую мы пили во второй деревне, сразу за перевалом, была весьма недурна, хоть и крепковата.

— Принц говорит о сакве? Похоже на то, что наши крестьяне делают из пшеницы. Неплохо, но, конечно, с настоящим вином это зелье не сравнить. Когда мы вернемся, я велю выкатить из наших замковых подвалов бочку с золотыми обручами. Ее зарыл в землю еще мой прапрадед, завещав отпраздновать вино через сто лет после своей смерти.

— Оно должно быть божественно, — отозвался Риммерос, жмурясь, как кот. — Я могу надеяться присутствовать при вскрытии этого сокровища? Нет, нет, друг мой, не вскакивайте с места, мне довольно одного вашего кивка. Вступив наконец в земли Кхитая, я вдруг осознал, что миссия наша близится к завершению. Мне казалось совершенно бесконечным это странствие через весь материк, но ведь путь домой всегда втрое короче. Нам осталось лишь добиться приема у Императора и вручить ему вот это. — Он похлопал ладонью по крышке огромного сундука, в котором хранился ларец с даром правителью Кхитая.

На стоянках сундук всегда помещался в шатер принца, а днем его везли в специально сооруженной для этих целей повозке. Повозка представляла собой еще один ларец из резного темного ореха, сложное ажурное со-

ружение на колесах, высотой в рост человека, и сама по себе являлась также немалой ценностью.

— Я тоже буду рад завершить наше дело и повернуть домой, — кивнул барон. — Но я рад этому испытанию, ибо на родине нас ждут испытания и свершения, куда более грозные.

— Тс-с, — приложил Римьерос палец к губам, — об этом ни слова. Сначала нужно вернуться. Итак, за благополучное возвращение — и нашего пернатого посланца, и наше.

* * *

— Эй, эй, эй, смотрите-ка, что я добыла!

Силла бежала вприпрыжку сквозь заросли, воздев над головой свою добычу. Темные ее глаза сияли восторгом и гордостью.

— Горлица! И какая жирная! Вы только гляньте — словно ее специально откармливали нам на ужин! — Она кинула на траву окровавленную тушку.

— Горлица? В этих джунглях? — изумился Конан. Он взял в руки еще теплое птичье тело. — И впрямь жирная. Неужто сбежала из клетки? Что нам — привычно, здешним в диковинку, могли держать как редкую птицу.. Что ты наделала, дрянная девчонка!

В окровавленном комке взъерошенных перьев трудно было что-то различить, но острый глаз киммерийца мгновенно заметил темное кожаное кольцо, плотно облегавшее лапку птицы. Нашупав тонкую бечевку, он отвязал кожу, и на ладони у него оказался крошечный конверт с листом почти прозрачной, мелко исписанной бумаги.

Силла дернула смуглым плечом.

— А что такого? Подумаешь, чей-то голубь. Следить надо было получше, — надувши губы, ответила она.

Сагратиус заглянул Конану через плечо и пробасил:

— Великий грех, дочь моя! Но как бывший жрец

Митры могу отпустить тебе его, ибо не знала ты, что творила.

— Да в чем дело-то? — уже по-настоящему сердясь, топнула ногой девушка. — С каких это пор запрещено бить птицу в лесах?

Конан, щуря глаза, разбирал убористый витиеватый почерк. Письмо было написано на одном из хайборийских языков, но с таким количеством росчерков, завитушек и прочих ненужных украшений, что у киммерийца, и без того не слишком складно разбирающего буквы, вскоре зарябило в глазах. Кинда, хоть и вовсе не умел читать, тоже с любопытством разглядывал находку. Тем временем Сагратиус, наставительно тыча в мертвого голубя толстым пальцем, пояснял:

— Это не просто горлица, это почтовый голубь. Оннес кому-то важное письмо за тысячу лиг, а ты его подстрелила. Теперь письмо никогда не дойдет — не возьмемся же мы сами доставлять его!

Конан, разобрав наконец первые несколько слов, оглушительно расхохотался.

— «Высокородный принц Римьерос, герцог Лара — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зингары...»! — Нет, не возьмемся, клянусь Кромом! Пусть его послания сами о себе заботятся.. — По-прежнему щурясь, он продолжал читать по складам, приговаривая: — И как же идут дела у нашего несравненного принца? Судя по всему, скверно. Когда идешь по висячему мосту, нужно смотреть вверх, а не вниз.. О, а это что еще такое? «..мелочь.. способна вызвать улыбку..» Клянусь Белом, покровителем всех обманщиков! Да это же он обо мне! «..Встретился с Конаном из Киммерии, известным у Черных Берегов еще под именем Амры. Встреча наша не была мирной, я столкнулся с ним в лесу случайно, почти безоружный. И все же он едва не поплатился жизнью за все свои бесчинства в наших морях. Ему удалось улизнуть от меня, и с тех пор он рыщет вокруг моего войска, надеясь

застать меня врасплох — мы неоднократно натыкались на следы его стоянок. Я в ответ усилил ночные посты и еще не отчаялся заполучить его и привезти в Зингару тебе на потеху — если не всего, то хотя бы голову...» Вот ведь шакалий выродок! Ну, с меня хватит!

Взяв письмо брезгливо, как дохлое насекомое, двумя пальцами, он бросил его в костер. Тонкий листок взвился вверх в потоке горячего воздуха, вспыхнул — и мгновенно рассыпался в прах. Конан обернулся к Силле.

— Напрасно я банил тебя, малышка. И в самом деле, знатная добыча! Значит, он где-то поблизости, этот несчастный слизняк!

— Это ты о ком? — поинтересовался Сагратиус.

Конан сел, скрестив ноги, и принял ловко оципывать птицу.

— На всех, конечно, не хватит, но ты, моя смуглая охотница, полакомишься всласть! — приговаривал он. — Я не стал рассказывать, а со мной, между прочим, приключилась забавная история, пока я дожидался вас за перевалом. По здешним дорогам идет зингарское войско — сотня молодых головорезов, именующих себя рыцарями, а к ним — еще два раза по столько оруженосцев, конюших и слуг. Едут они в столицу, с каким-то драгоценным даром Императору...

Киммериец говорил, а пальцы его проворно трудились над тушкой. Трое его товарищей уселись было вокруг послушать интересную историю, но Конан живо призвал их к порядку:

— Вы чего расселись? Займитесь пока костром и ужином. Слушать-то можно и так.

— Ты рассказываешь, не отвлекайся, — отозвался Сагратиус, но все же поднялся с места и, подвесив котелок, принял раздувать уголья. Силла задумчиво остругивала прутки.

— У реки я просидел несколько дней, дожидалась вас, и вконец извелся от безделья. И как-то вечером вывалился

к моему костру из бамбуков зингарец — тощий, скучастый и носатый. А мне так надоели эти желтые рожи, что я был рад даже и зингарцу. У меня как раз козленок пекся на угольях, хватило бы на троих. Подошел зингарец к костру, сел. И смотрит на меня так, как будто я его собирался поджарить. Ты кто таков, спрашиваю я. А он мне — принц, мол, зингарский, возглавляю посольство брата-короля к Императору Поднебесной. Ну принц так принц. Я его накормил. Он поел и к своим засобирался — я ему сказал, что видел лагерь выше по реке. Ушел он, вроде бы даже поблагодарил. Луна еще не села, как он вернулся — воткнуть мне нож в спину...

— А что это он так? — с неудовольствием поинтересовался Сагратиус. — Или ты обидел его чем?

— Да вроде бы нет, — пожал плечами Конан. — Чем я мог его обидеть? Просто за мою голову в Зингаре и Аргосе хорошие деньги назначены. Видно, принц решил прославиться. А вместо славы получил хорошего пинка от меня на прощанье... А вот и голубок-то наш зингарский готов! — Он приподнял за ногу оципанную тушку. Силла протянула ему заостренный прут, Конан насадил на него птицу и подвесил на распорках над костром — сбоку, где пламя потише, а уголья пожарче. — В общем, вытянул я его клинком пониже спины на прощание, да благородный принц и был таков. Думал, на том дело и кончится — а оно смотри как обернулось!

Суровое, точно из камня высеченное лицо киммерийцаказалось в этот миг обиженно недоуменным, точно он и сам в толк не мог взять, с чего так оскорбился его непрошенный гость. Он, разумеется, был отнюдь не столь наивен, сколь хотел казаться сейчас — но в такие минуты, в компании приятелей, за шутками-прибаутками, в ожидании сытного ужина, да еще в обществе славной малышки, варвар не прочь был подурочиться немножко, скинув с плеч груз прожитых лет, кровавых боев, чужой

подлости и предательства. В такие минуты мир казался совсем юным и чистым, и ему хотелось смеяться.

Спутники его, однако, думали каждый о своем.

— Драгоценный дар Императору, говоришь? — задумчиво протянул Сагратиус. — Хотелось бы знать поточнее, что это за дар такой. Клянусь милостивым Митрой, зингарский король не пошлет триста человек охранять какую-нибудь безделицу!

— И думать забудь! — оборвал его мечтания Конан. — Ни за какие сокровища не пойду я вчетвером на хорошо обученное войско в триста человек. Я смотрел за ними потом весь следующий день. У них толковый начальник. И острые мечи. А нас ждут сундуки столичных ротозеев, и не пристало нам уподобляться аквилонским сокольничим, которые, едва выехав, набрасываются на первую же добычу, будь это хоть годовалый заяц. — Он, ухмыляясь, посмотрел на аквилонца.

Сагратиус покраснел, набрал в грудь побольше воздуха и начал:

— Древнее искусство аквилонской соколиной охоты...

— Сколько это — триста? — спросил вдруг Кинда. Он смотрел на свои растопыренные пальцы, пытаясь, видимо, соотнести впервые услышанную цифру с чем-то знакомым.

— Сколько у твоей матери было детей? — спросил в ответ Сагратиус, слегка раздраженный тем, как беспрерывно прервали его едва начавшуюся речь.

— Вот, — показал птулькут две руки — пять пальцев, и еще три.

— Вот если бы их было два раза по столько, то у них на ногах и руках было бы пальцев... нет, ровно на одного человека меньше. Ну, в общем, почти столько, сколько людей у Римьероса.

— Много! — отозвался Кинда и покачал головой. — Вчетвером — никак.

— Кинда дело говорит, Сагратиус! — рассмеялся Ко-

нан. — И потом — откуда такая страсть к наживе? Где же твой обет нестыжательства, нерадивый жрец Митры?

Сагратиус Мейл, изгнанный из святой обители отшельников за слишком большую податливость зову плоти, чревоугодие и просто веселый нрав, горделиво выпрямился.

— Истинный слуга Солнцеликого везде найдет себе достойное поприще. Помимо сбора средств к существованию, я свершаю богоугодное дело, путешествуя с вами, дети греха! Я еще не отчаялся обратить в истинную веру эту вот поклонницу лжепророка турецкого Эрлика, чью бороду она поминает слишком часто! — заявил он. — А равно как и вот этого сына степей, низкого ростом, но высокого духом, который верует, что весь его род пошел от демона песчаной бури..

— Великого бога Ша-Трокка, — сурово поправил его Кинда. — Каждая песчинка, которую он несет с собой, — один из нас, вернувшийся к отцу, — добавил он нараспев, на своем языке, однако поскольку эти слова он произносил довольно часто, все его поняли.

— Вот-вот, — продолжал несостоявшийся монах. — Я уже не говорю о тебе, Конан.

— А что я? — весело поинтересовался киммериец.

Такие разговоры возникали у них довольно часто и успели превратиться в некое подобие игры, где Сагратиус был многотерпеливым пастырем, а остальные — упрямыми еретиками.

— Я чту Солнцеликого Митру. Но у каждого народа — свой бог. Поди разбери, какой сильнее и лучше.

Сагратиус уже воздел вверх указательный палец и раскрыл рот для очередного веселого поучения, но тут Силла задумчиво сказала:

— А по-моему, главное, с чьим именем на устах ты родился, и с чьим умрешь. А кому молились все остальное время — совсем неважно. Уж как-нибудь боги разберутся между собой.

Конан взглянул на девушку с искренним восхищением.
— Как она тебя, а? Поди-ка, возрази что-нибудь! Меня при рождении встретил Кром, и после смерти примет Кром, на чьи бы алтари не возлагал я приношения! Молодец девчонка, даром что в кости выиграна!

Это тоже была игра, и Силла, в полном соответствии со своей ролью, зашипела на киммерийца, словно змея, которой наступили на хвост:

— Да лучше бы меня продали в рабство стигийцам! Или тому богатому купцу из Шема! Уж у него бы мне не пришлось бегать полуоголой по лесам и самой добывать себе пропитание!

Сагратиус был прав: каждый из них чтил своего бога, и разные боги вели каждого из них. Но похоже, на сей раз боги сговорились меж собой свести четверых своих детей для каких-то непостижимых для смертного целей. Ибо странными и запутанными путями шли эти четверо, чтобы в конце концов оказаться вместе.

Силлу, своюнравную и непокорную, но в то же время наивно-доверчивую девочку, родом из горной деревушки на окраине Турана, Конан и в самом деле выиграл в кости в трактире Агралура. Родители ее, не в силах прокормить всех пятерых детей, продали двух дочерей в рабство. Коре, старшей, повезло: ее купил заезжий нобиль из Немедии. А Силла, девушка дерзкая и своюнравная, ни у одних хозяев не задерживалась подолгу. Ее передавали с рук на руки, пока наконец последний хозяин не проиграл ее в кости заезжему северянину — причем, как подозревал Конан, проиграл вполне намеренно.

В бесконечных странствиях Конану редко нужны были спутники, а уж двадцатилетняя девчонка, озлобленная и несдержанная на язык, была и вовсе обузой. В первый же день она наговорила новому хозяину столько, что менее терпеливый к женским выходкам человек наутро постарался бы сбить ее с рук. Но ночью, свернувшись в клубочек под одеялом Конана, она превратилась в ма-

ленького, напуганного и несчастного ребенка. Она вздрагивала и всхлипывала во сне, прижимаясь к боку варвара, так что он почти не спал ни в эту, ни в следующую ночь.

Силла не поверила своим ушам, когда северянин объявил ей, что они отправляются на восток добывать ей приданое. Сначала она подумала, что новый хозяин шутит. Но очень скоро поняла, что он и в самом деле решил устроить ее судьбу.

«Придется потрудиться, раз уж иначе мне от тебя никак не избавиться», — прибавил он со смеком. После этого в ближайшую же ночь, проведенную не под открытым небом, а в постели — это было приблизительно на десятый день их путешествия — она постаралась выразить ему свою признательность тем единственным способом, что был ей доступен.

Конан почти засыпал, и потому не сразу понял, что вытворяет его новая собственность. А когда понял, остановиться уже не мог. Девчонка, такая молоденькая и хрупкая с виду, оказалась выносливой, умелой и изобретательной любовницей. Ее ничуть не смущала их разница в десять лет, более того, она умела обратить себе на пользу по-отцовски покровительственное отношение Конана.

Длинное и звучное ее имя — Дартомарика — киммериец быстро заменил прозвищем Силла — «козочка» в переводе с туранского языка.

Вдвоем они направились в Вендию, и по дороге Конан учил девушку всему, что считал необходимым: умению подолгу оставаться без пищи и воды, стрелять из лука и метать ножи, прятаться в густой траве и врачевать раны. Силла, словно стараясь оправдать новое имя, день ото дня прыгала все резвее. Иногда она с ужасом думала о том часе, когда Конан вручит ей мешочек драгоценностей, выкраденных из сундука какого-нибудь вендейского либо кхитайского богача, и скажет: «Возьми и будь сча-

стлива, а у меня своя дорога.» Но золото и драгоценности, попав в их руки, словно растворялись в воздухе. Это немного утешало Силлу, ибо давало надежду, что на приданое ей они наберут не скоро. Втайне она мечтала, что Конан, восхитившись ее талантами разбойницы и искушенной любовницы, оставит ее при себе навсегда. Но в то же время что-то подсказывало ей, что, вздумай она сказать ему об этом, он рассмеется ей в лицо.

Сагратиуса Мейла, аквилонца, они подобрали на восточной границе Вендии. Причем подобрали в буквальном смысле слова, потому что бывший смиренный служитель Митры валялся на дороге мертвецки пьян.

Какими путями он попал в Вендию, Сагратиус вспоминать не мог. Помнил только, что когда Верховный Наставник, наскучив его бесконечными нарушениями устава, выгнал нерадивого собрата из Обители, Мейл направил стопы к друзьям — ученикам Королевской Школы Ремесел — и пил беспробудно десять или двадцать дней, заливая свое горе.

Очнулся он в цепях, в караване невольников, следовавшем в Стигию. По словам его хозяина, продать его не было никакой возможности — едва Сагратиус трезвел, он становился буен. А пока был пьян — не интересовал никого, несмотря на гигантский рост и большую силу. Поэтому работоговец избавился от него, сбив за бесценок скупщикам жертв Сету, Великому Змею Ночи. И предупредил, что аквилонца надо постоянно подпаивать, иначе убытки будут неисчислимые. Те не вняли совету. И напрасно: сообразив, что действовать надо быстро, Сагратиус выждал подходящий миг, порвал цепи, разметал обрывками сторожей, вскочил на спину ближайшей кобыле и был таков. Но на юге рисунок созвездий совсем иной, чем на севере, и потому, пытаясь попасть на северо-запад, Мейл после долгих блужданий оказался в Вендию. По его словам, правда, выходило, что он отправился в Вендию нарочно, задумав отыскать в горах легендарную Долину

Лунного Света. Правда, Долины так и не нашел — да и мудрено было отыскать ее, странствуя от кабака к таверне, а от таверны к трактиру.

Конан взял Сагратиуса с собой, предполагая за хорошее вознаграждение пристроить его к какому-нибудь каравану, идущему на запад. Но вскоре обнаружилось, что несостоявшийся жрец Митры, обладатель бездонногоечно голодного чрева и вечно пересохшего горла, задира и весельчак, — спутник полезный и приятный. Силла ворчала несколько дней, но быстро успокоилась — после того, как в результате их с Конаном совместной вылазки оказалась с ног до головы увшана золотыми украшениями. Сагратиус добыл ей полный свадебный наряд рани Саватери, младшей дочери князя тех земель.

И последний их спутник, Кинда, оказался в маленьком отряде так же случайно, как и все остальные. Конан и Сагратиус отбили карлика у его соплеменников. На границе гирканских пустошей и поросших лесом предгорий все еще обитал древний народ птулькутов, Людей Степи.

Мужчины и женщины этого племени были некрасивы, низкорослы, с длинными, чуть ли не до колен руками, с плоскими, но очень выразительными лицами. Несмотря на маленький рост, в руках их таилась невиданная сила. Позже, когда Кинда оправился от побоев, Конан дважды боролся с ним под азартные вопли и свист Сагратиуса и Силлы. И оба раза ни один из них не одержал верха — а киммериец был чуть ли не на две головы выше пулькута.

Карлик провинился в том, что не позволил своему брату, вождю Людей Степи, взять в жены собственную дочь. Не потому, что это было не принято, как раз наоборот, считалось, что родственная кровь, умножаясь, порождает все более сильное потомство. Но девочке было всего шесть зим от роду, она никак не годилась ни в жены, ни тем более в матери. На стороне Кинды был здравый смысл, но на стороне вождя — древние обычай.

А они гласили, что если жена вождя умерла, не дав потомства мужского пола, он должен во благо племени взять в жены свою старшую дочь и как можно скорее зачать ребенка.

Девочка умерла наутро после брачной ночи, и Кинду обвинили в том, что он из злобы навел порчу на свою же кровь. Все мужчины племени собрались у его земляного дома, выволокли его наверх и погнали в степь, забивая камнями.

Конан с друзьями прибыли как раз вовремя: особенно меткий камень попал Кинде в висок, он упал лицом в траву и замер, ожидая смерти.

Появление верховых, из которых двое были хорошо вооруженными гигантами, вмиг разогнало толпу. Конан не стал их преследовать, только Силла послала вдогонку несколько стрел.

Пульткун пришел в себя только к закату. Долго сидел у костра, молча раскачиваясь из стороны в сторону. По всем законам привычной ему жизни он должен был умереть, и то, что этого не случилось, вызывало у Кинды глубокое недоумение и даже разочарование.

Но рано утром он встал лицом к восходящему солнцу и пропел что-то надрывно-протяжное, похожее на вой белых волков заснеженного Ванахейма. После чего на скверном туранском объявили, что нежданные спасители, пришедшие со стороны пустыни, должно быть, посланцы его отца, бога Песчаного Смерча, который живет там, где души умерших громоздят бархан на бархан, а живым бывать запрещено.

— Кинда умер в Мире Степи, ему туда больше нельзя, — заявил он. — Он родился в новом Мире, который начинается от другого края Обители Отца. Теперь Кинда пойдет в этот Мир и узнает, каков он.

Так Север, Юг, Запад и Восток объединились в этой четверке. После недолгого обсуждения новые друзья ре-

шили идти еще дальше на восток, до самого Кхитая, и узнать, на что на самом деле похож Край Мира.

Все, кроме, пожалуй, одного Кинды, были с детства наслышаны о сказочных сокровищах Империи Нефрита и Шелка. Конан давно мечтал побывать в Городе Тысячи Драконов и проверить, правда ли хоть сотая доля того, что рассказывают о тех краях праздные глупцы.

А болтали, и впрямь, всякое. И о ломящихся от золота сундуках богачей, и о храмовых идолах, самодовольных и пузатых, с глазами из черных агатов и полной пастью зубов-аметистов. О нефrite, который так обилен в тех краях, что из него делают даже ночные горшки. О струящихся шелках, легких, точно крыло бабочки, и ярких, словно радуга. Об огромных опахалах, сделанных из перьев сказочной птицы Рух, гнездящейся на краю света, опахалах столь тяжелых, что требовалось двое рабов, чтобы обмахивать им скучающего вельможу.. Последнее, впрочем, Конана интересовало мало — едва ли подобную диковину удалось бы запросто унести — но одна только мысль о прочих богатствах таинственного края заставляла сердце бывшего шадизарского вора учащенно биться.

Четверо охотников за праздными сокровищами подходили все ближе к сладко дремлющей в аромате цветущих вишен столице, а та и не подозревала, какая страшная угроза нависла над ее многоярусными храмами и высокими дворцами с покатыми красными крышами.

...Принц Римьерос, герцог Лара, также двигался к столице, и его приближением — вернее, приближением чужого закованного в латы войска, о мощи и слаженности действий которого ежедневно доносили во дворец соглядатаи, — при дворе Императора были обеспокоены гораздо больше, чем какими-то оборванцами, бродящими по лесам у западных границ.

Глава третья Радушный прием

«Небеснорожденному владыке, чей трон висится над тронами иных государей, как возвышается гора над холмами, и чей небесный свет затмевает солнце, луну и звезды, божественному Повелителю Поднебесной Империи — недостойный слуга его, наместник провинции Уэй, Сен Бо Пхунг.

Спешу уведомить тебя, Повелитель Звезд, что по сведеньям моих соглядатаев, денно и нощно следящих за продвижением воинства чужаков, вторгшихся в наши пределы в начале месяца Крысы, либо завтра, либо на второй день они достигнут города Чжанцзяку, что лежит первым в ожерелье кхитайских жемчужин, нанизанных на Великий Городской Путь Шелка и Нефрита.

Градоправитель, высокочтимый сэй Тхикон Фэн, получив от меня уведомление, со всей приличествующей его возрасту и положению рассудительностью, начал готовиться к приему незваных гостей.

И тут обнаружили мы, Милосердный, что во всей провинции не существует ни одного человека, который говорил бы на языке меднокожих пришельцев. Один турецкий купец, человек

весъма почтенный и достойный всяческого доверия, просветил меня, что на Западе все знают или хотя бы понимают язык одной страны, называемой Аквилония.

Так не сыщется ли при дворе всемилостивого Императора какого-нибудь сведущего в языках человека, который мог бы объясниться с пришельцами? Мои шпионы донесли мне, что люди эти не в силах терпеливо добиваться, чтобы их поняли, а предпочитают действовать сразу мечом. Посему выбранный Дваждырожденным человек должен быть молод, давы не могли западные люди унизить его старость, и многоотреплив, ибо терпение воистину ему подобится.

Что же до той цели, с которой они прибыли в Кхитай, то опасения Императора оказались напрасны, ибо это — посольство. Донесения моих шпионов подтверждают предположение мудрейшего Верховного Саккея, ибо идут пришельцы по дороге, грабежом и разбоем не занимаются, и направляются прямо в столицу, о местоположении которой неоднократно пытались расспрашивать крестьян. После одного из таких расспросов двое лучших заговорщиков риса полей Северных Окраин скончались от ран, ибо решив, что их вознамерились убить, вытащили оружие. Узнав об этом случае, я оповестил деревенских старост и велел им наложить временный запрет на ношение оружия даже тем из крестьян, кому это позволено...»

— Вот они, — уверенно произнес Ян Шань, Верховный Саккей, маг и ближайший советник императора. Титул его дословно означал «левая рука», ибо кхитайцы почти-

тали левую сторону важнее правой, ведь слева у человека находится сердце.

Император отложил в сторону послание наместника и подошел к возвышению, на котором стоял Ян Шань.

— Если Повелитель Звезд соблаговолит заглянуть сюда, он их тоже увидит.

Едва весть о приближающемся войске достигла столицы, император велел расставить на Западной дороге несколько Магических шаров, чтобы увидеть чужаков задолго до того, как они вступят в самое сердце Кхитая. Всего в стране было двенадцать таких шаров, их триста лет назад выточил из цельных кусков горного хрусталия какой-то неизвестный мастер. Вэй Линг, бывший тогда Главой Алого Кольца, повинуясь воле правителя, наложил на них вечные чары, и с тех пор то, что отражалось в одиннадцати малых, собиралось в двенадцатом большом. Если же изображение приходило сразу с нескольких шаров, специальным заклятием можно было выбрать нужный.

Предпоследний император династии Мун распорядился расставить одиннадцать шаров в одиннадцати городах Кхитая, а двенадцатый установить в большом зале, который с тех пор получил название Дворца Хрустального Шара. Специальные чиновники день и ночь, сменяя друг друга, бодрствовали у нефритового возвышения с круглым гнездом, в котором покоился большой шар. За триста лет четыре шара из одиннадцати были разбиты или раскололись сами, но остальные продолжали служить.

В этот ранний час во Дворце Хрустального Шара кроме императора и Ян Шаня не было ни души. Личная стража Императора — рослые хайбэи с застывшими лицами, в зеленых одеждах Вестников Высшей Воли — выпроводили из зала чиновников и замерли у дверей, дабы никто не помешал беседе повелителя со своим советником.

Облокотившись на холодный камень гнезда, правитель Кхитая какое-то время созергал смуглых высоких солдат, закованных в сверкающую броню. Отрадно было знать, что это — мирное посольство, а не вторжение. Армия императора была достаточно сильна, чтобы справиться с пятижды пятью такими отрядами, но это означало спешное переформирование войска, отсып людей, беспокойство и суету. А Повелитель Звезд, хоть и именовался придворными льстецами Божественным, был уже стар.

В юности он много воевал, в сущности, к власти он тоже пришел войной, три года назад сбросив с Нефритового Трона собственного племянника, правителя беспокойного и неумелого.

В юности, еще наследным принцем, покойный император был обвинен в измене и изгнан. Обвинение оказалось ложным, виновные были наказаны, а изгнаник возвратился в столицу и был восстановлен отцом во всех правах и титулах. Но, проведя пятнадцать лет в отдаленной провинции, он, видимо, так и не смог вновь прижиться при дворе. Правление его закончилось под сенью безумия.

И видя, что страну, с таким трудом собранную воедино прежним правителем, опять разрывает на части, что власть в державе становится лишь пустым звуком, что вновь поднимают голову удельные князья, силою огня и меча приведенные к покорности, тот, чье имя прежде было Итанг Чжи, младший брат старого Императора, принял решение. В одну ночь стал он Божественным и Дваждырожденным. Но это было лишь первым шагом на долгом и тернистом пути.

Немалых усилий стоило ему восстановить порядок в отбившихся от рук провинциях и дать понять алчным соседям, что Кхитай — по-прежнему неприступная твердыня. И теперь, достигнув наконец высшей власти для себя и покоя для уставшей от межусобиц страны, он хотел сохранить как можно дольше и то, и другое.

В туманной дымке кристалла воинство пришельцев было видно до последней пряжки на ремнях, скрепляющих латы. Верховые ехали первыми, за ними угромые быки тянули повозки с шатрами и прочим походным снаряжением, замыкали шествие оруженосцы и слуги.

Последними шли конюшие, шестеро из них вели на крепких плетеных ошейниках больших пятнистых собак.

— Пожалуй, вы правы оба — и ты, Ян Шань, и наместник — это действительно мирное шествие, — сказал наконец император, когда войско миновало первый шаг и пропало из виду. — Только безумец пойдет на войну с охотничей сворой в обозе.

— Не меньшим безумцем надо быть, чтобы тащить за собою охотничью свору на другой конец света, — отозвался Ян Шань. — Безумцем — или зингарцем.

— А как по-твоему — это безумцы или зингарцы? — рассмеялся император. Смех его звучал отрывисто и хрипло.

— Скорее — зингарцы, — серьезно ответил Ян Шань. — Повелителю известно, что я немало странствовал по свету и видел, наверное, все народы мира. Судя по доспехам и надменному выражению лиц, это действительно зингарцы. А если я правильно понимаю все эти знаки на щитах и попонах лошадей — это к тому же очень знатные зингарцы. Опасный народ. Нетерпеливый, гневный и вспыльчивый.. Император уже решил, кого выслать им навстречу?

— Да, нужно это сделать, и как можно скорее. — Правитель Кхитая, поморщившись, расправил затекшую спину. — Пойдем со мной. Ты поможешь мне подготовить для этих чужестранцев ответное шествие. Оно должно не уступать им ни в богатстве, ни в праздничности, и в то же время состоять из людей выдержанных и мудрых, я ведь правильно понял твои слова о злом и вспыльчивом нраве?

Ян Шань поклонился, что означало одновременно и готовность к немедленным действиям, и согласие со сло-

вами императора. Эти двое были очень разными людьми, даже внешность их составляла разительный контраст — сухой тонкий Ян Шань с острым взглядом темных, сверкающих, как у Духа Лисицы, глаз, и грузный, мучимый отышкой император, чьи глаза давно спрятались в складках и морщинах опухших век. Движения императора были сдержаны и плавны от тучности и лени, в жестах же мага сквозило напряжение сжатой пружины. Один был похож на стареющего льва, другой — на вечно голодного тощего красного волка. Но несмотря на все эти различия, император и его саккей понимали друг друга почти без слов.

Каждый из них хорошо знал, что оказался там, где он есть, только потому, что помог другому достичь желанного места.

Бывший военачальник кхитайской армии стал императором не без помощи мага-ренегата, проклявшего в свое время изуверские обряды Алого Кольца и променявшего бесконечные поиски древнего знания, одиночество холодной башни и плесень кхарийских манускриптов на придворную жизнь, также не лишенную опасностей, однако куда более соответствующую истинным устремлениям своей натуры. Он не оставил чернокнижие — о нет! — и тем оставался полезен императору, уверенный, что, покуда услуги его необходимы, он останется при дворе, при должностях и почестях, до которых был так жаден. Но утонченная роскошь столицы, тонкий аромат интриг и легкий флер полунаемеков были куда дороже и приятнее Ян Шаню, нежели удущливая вонь святилищ и дымящаяся кровь на алтарях забытых богов.

Он служил своему императору — и служил себе самому, и два эти служения были переплетены в его душе настолько тесно, что он и сам не знал, где заканчивается одно и начинается другое. Если не считать одного-единственного. Той тени страха, от которой даже владыка империи, со всей своей армией и преданными хайбэями

не в силах был избавить верного саккея. О которой он даже не знал.

Но о страхе можно было если и не забыть совсем — то хотя бы на время отогнать прочь, заслониться от него повседневными заботами, ничтожными тревогами и радостями. Ощущать его присутствие, как рыщущего в сумерках волка — но не думать о нем. И придворные заботы и хлопоты годились для этих нужд как нельзя лучше.

До самого полудня Император и маг отбирали из царедворцев, чиновников и просто слуг людей, которые смогли бы достойно встретить зингарцев. Это действительно оказалось нелегкой задачей.

Под конец Ян Шань лично проверил, смогут ли избранные более того времени, что требуется обезьяне, чтобы вскарабкаться на дерево, выносить резкие жесты и угрожающий голос. В итоге получилось около тридцати человек, две трети которых составляли старики, умудренные жизненным опытом и знаяшие, что далеко не все народы в этом мире одинаковы. Оставалось найти одного только переводчика.

В посольской канцелярии сыскались двое, утверждавших, что владеют языками запада: один аквилонским, а второй — зингарским. Послушав обоих, Ян Шань велел их высечь и отослать прочь из столицы. Прегрешение их было тем тяжелее, что мошенников долго держали на жалованье ради подобного редкого случая. Маг уже подумывал, не пойти ли ему самому, но тут один из придворных вспомнил о юноше-хайбэе, говорящем на каком-то западном языке — каком именно, царедворец не знал. Слышал только, как молодой телохранитель Императора читал одной из принцесс стихи на чужом языке, не вендиjsком и не туранском.

— Превосходно! — обрадовался Ян Шань. — Если он благородного происхождения, это еще лучше!

Немедленно все молодые воины, бывшие тогда во дворце, были созваны в тронный зал, и на вопрос мага: «Говорит ли кто-нибудь из вас по-аквилонски?» — из длинного ряда зеленого расшитого шелка вышел совсем еще юноша и молча склонился перед саккеем.

— Как твое имя?

— Моу Па, Бессмертный, — ответил юноша, не поднимая головы.

— Откуда ты знаешь язык? — Эти слова Ян Шань произнес по-аквилонски и был рад услышать ответ на том же языке:

— Я сбежал из озорства из дома, Бессмертный, и два года странствовал с туранским караваном.

— Хорошо, подойди сюда. Остальные могут удалиться.

Поманив за собой жестом Моу Па, Ян Шань провел его во Дворец Хрустального Шара. Было уже далеко за полдень, и по расчетам мага пришельцы вот-вот должны были появиться во втором шаре.

— Посмотри на них, — велел он юноше, когда в шаре засияло солнце, пляшущее на доспехах и оружии. — Ты видишь эти лица? Они посмотрели на наших крестьян и теперь полагают, что мы все до единого повалимся им в ноги, как только увидим. Не разочаровывай их пока. Твой аквилонский безупречен — настолько, насколько может быть безупречен чужой язык. Испорти его. Говори бессвязно и неловко, как двухлетний ребенок. Ты понял меня?

— Да, сэй Ян Шань.

— Тогда иди собирайся. Вы отправитесь в путь сегодня же, потому что зингарцы, несомненно, уже войдут в город, когда вы будете только на попуть к нему.

Выходя, Ян Шань мельком обернулся на туманную сферу шара — и невольно вздрогнул: оттуда смотрели на него огромные, неестественно круглые темные глаза. Повинуясь безотчетному порыву, маг подхватил с пола темный плат, которым накрывали шар, если где-то про-

ходила гроза — иначе бы наблюдающие слепли один за другим — и накинул его на Всевидящее Око.

По ту сторону хрустала стоявший перед шаром Римьерос, хмурясь, разглядывал диковинку. Неужели ему по-мерещилось какое-то движение внутри этого огромного слитка? Словно что-то черное мелькнуло перед глазами и исчезло.

— Барон Марко, подойдите сюда! — крикнул он, не оборачиваясь. Когда да Ронно приблизился, принц указал ему на шар и спросил: — Что это может быть, как по-вашему? Я готов биться об заклад, что точь-в-точь такой же шар мы видели у дороги сегодня рано утром.

Барон задумался.

— Надо подождать, не появится ли третий, — сказал он наконец.

— Митра милосердный! — на манер деревенского говора воскликнул Римьерос и в притворном ужасе всплеснул руками. — Еще и третий! Зачем вам их столько, друг мой? Или вы думаете, что, не поняв, для чего предназначены первые два, мы все поймем, увидев третий?

— Да, мой государь, — ответил Марко со всей серьезностью.

— А если третий не появится?

— Это тоже будет ответом, — пожал плечами старый воин. — Посмотрим.

Когда к концу дня они увидели третий шар, как и первые два стоящий у дороги на массивной колонне в рост человека, Римьерос соскочил с коня и торопливо подошел ближе, надеясь здесь разглядеть то, что не успел увидеть во втором. Но на этот раз хрусталь был незамутненно-чист, закатное солнце расцветило его яркими радужными бликами.

— Так каков же ответ? Вы обещали мне ответ, барон. Что такого вы видите в третьем, чего не было в первых двух?

— Расстояние, государь. Два шара — первый и третий — расположены примерно на одинаковом расстоянии от второго. Это значит, что либо мы вышли на дорогу, ведущую прямиком в Пайканг, и шары обозначают какую-то меру длины; либо эти шары установлены вдоль дороги для какого-то магического действия.

Римьерос задумчиво выпятил нижнюю губу.

— Ну хорошо, а если бы третьего не было? — спросил он наконец.

— Тогда я уверился бы в том, что этих шаров здесь всего два и, вероятнее всего, разбил бы, ибо для чего они еще тогда могут быть кроме, как для черного колдовства? — невозмутимо ответил старый воин.

— А что мешает им всем трем быть для чьего-нибудь черного колдовства? — рассмеялся Римьерос.

— Все те же расстояния, государь. Если здесь есть колдун, власть которого распространяется на всю страну, то он, вероятнее всего, ею и правит. А в этом случае вмешиваться неразумно. Я предам духовному суду богохульника, я прогоню прочь от своего порога ведьму, но страна сама должна решать, какой правитель для нее годится, а какой нет.

Римьерос вспомнил мелькнувшую в шаре черную тень и поежился.

— Быть может, это и в самом деле лишь отсчет лиг или в чем они тут измеряют расстояния, — сказал он. — Но мне не нравятся эти шары. Они словно следят за мной, и у второго мне на миг показалось...

— Что, мой принц?

— Ничего. Так, наваждение. А слыхали вы, барон, про магов Красного Кольца? Говорят, кое в чем они превосходят даже стигийцев, поклонников Сета!

Услыхав про «наваждение», да Ронно потянул принца прочь от шара, не слушая дальнейших разглагольствований о магах и магии. Не существовало в мире вещи, к которой он относился с большей подозрительностью —

исключая, быть может, только женщин. В них, был уверен барон да Ронно, еще более, чем в колдовстве, кроется корень всемирного зла.

— На всякий случай, отойдите от него подальше, государь. К тому же становится поздно. На поляне уже, наверное, разбили шатры, и я даже здесь слышу запах жаркого, идущий от костров. Пойдемте в лагерь, государь.

Шатер принца и в самом деле уже высился среди поляны на берегу реки, что текла недалеко от дороги. Римьерос пригласил да Ронно к себе и оставил ужинать, непрестанно болтая о различных магических трюках и вещицах. Барон отвечал сдержанно, но под конец трапезы тоже разговорился, и тут принц с изумлением обнаружил, что да Ронно, в отличие от него самого, знает о магии и колдунах отнюдь не понаслышке.

Ни за ужином, ни после Римьерос больше не вспоминал о таинственных шарах. Но среди ночи он вдруг проснулся и вышел, едва накинув плащ поверх рубашки. Он долго стоял перед мерцающей сферой, пытаясь восстановить ощущение пребывания в двух местах одновременно, которое посетило его в тот миг, когда перед глазами мелькнула тень. Но шар просто тихо светился в ночи, отражая и преломляя лунный и звездный свет, дробя его в своей прозрачной утробе на тончайшие лучики... Римьерос зябко передернув плечами и ушел к себе в шатер. Остаток ночи он спал на диво спокойно, и если и снилось ему что-нибудь, то наутро он об этом не помнил.

Двинувшись с рассветом в дальнейший путь, посольство не проехало и нескольких лиг, как джунгли, теснившие дорогу с обеих сторон, вдруг кончились. Прямо за ними, похожие на пестрое лоскутное одеяло, какими зингарские крестьяне занавешивают стены в земляных хижинах, началились поля.

Последние несколько дней дорога плавно шла вниз, спускаясь с предгорий. Долина лежала еще ниже, и из леса открывался на нее великолепный вид. Подобно до-

роге, с гор сбегала в долину и река, вдоль которой, то приближаясь, то удаляясь, они двигались все это время.

В долине река замедляла бег, ширилась и разливалась на множество узких рукавов. Над ней, прочно вцепившись в дно и берега мостами, стоял небольшой город, со стороны суши обнесенный стеной. Вокруг, как цыплята вокруг наседки, ютились домишкы землепашцев. Первая зелень, едва пробившаяся на свежераспаханных полях, напоминала пушок, покрывающий щеки юноши, дома по самые крыши тонули в бело-розовом цветении.

— Что скажете, мой принц? — обернулся к Римьеросу барон, но тот уже двинул коня вперед и вниз по дороге.

— Туда! — коротко велел принц и первым пустил коня рысью.

Их словно ждали. На огромном горбатом мосту, по которому, словно нить сквозь бусину, проходила через город дорога, стояла толпа желтолицых людей. Римьерос, не ожидавший ничего подобного, резко осадил коня, но тут взвыли трубы, ударили гонги и барабаны, словом, поднялся невообразимый шум. Лошади зингарцев, немотя на то, что были привычны и к черной бране конюших, и к лязгу железа, едва не кинулись врассыпную от этой какофонии.

— Это в нашу честь! — понял наконец Римьерос и расхохотался, закинув голову. С ним засмеялись и остальные. Встречающие гостей растерянно застыли, ибо такой откровенный смех в Кхитае выражал презрение, насмешку и вообще считался крайне оскорбительным. Музыка стихла.

— Да, если можно, больше не гремите так, — снова рассмеялся Римьерос.

Его ничуть не смущало, что все эти люди, по-видимому, не понимали ни слова из того, что он говорил. Увидев, что теперь он улыбается, толпа музыкантов облегченно вздохнула. Несколько старцев с жесткими и тонкими, как волокна непряденного льна бородами, шагнули вперед

и низко поклонились принцу, справедливо рассудив, что он — главный в отряде. В ответ на это Римьерос соскочил с коня и отдал церемонный изящный поклон, положив руку на эфес меча.

Снова повисла напряженная пауза. Старики переглянулись, и барон да Ронно, почувствовав неладное, заступил принца.

Но тут из толпы встречающих вышла, как показалось Римьеросу, девочка лет пятнадцати. (Позже выяснилось, что это — жена градоправителя, и что прошлой весной ей исполнилось двадцать пять.) В руках у нее был поднос, полный душистых нежно-розовых лепестков. Онасыпала ими Римьероса с головы до ног, и тому очень понравился такой обряд встречи. Он улыбнулся и высипал оставшуюся на подносе последнюю горсть лепестков на нее. Она рассмеялась — смех этот прозвучал иначе, чем иной когда-либо слышанный Римьеросом женский смех — и прищекнула пальцами. Толпа расступилась, пропуская стайку диковинных птиц — а, быть может, бабочек. Во всяком случае, на людей эти девушки походили мало, скорее уж — на небожительниц. Их было много, по трое на каждого рыцаря. Градоправитель, высокочтимый сэй Тхикон Фэн, специально набрал достаточное их количество в окрестных поселениях. Если бы зингарцы меньше истосковались по женскому обществу, они бы, наверное, задумались над тем, откуда градоправителю стало известно точное число рыцарей в отряде. Обратил на это внимание только барон Марко, и то много времени спустя. А в тот миг они, не заботясь о менее насущных делаах, оставили лошадей и повозки на слуг, а сами вошли вслед за девушками в низкий длинный дом без окон, из двери которого, едва ее открыли, повалил пар.

Девушки знали свое дело. Не успели еще слуги разместиться в указанном им крыле Гостевого Дома, как вымуштрованный самим Марко да Ронно отряд можно было бы взять голыми руками. Каждый город из Оже-

релья Великого Пути на площади перед дворцом градоправителя имел специально устроенный дом, который мог принять одновременно три-четыре каравана. Такой Гостевой Дом включал в себя множество различных построек, от конюшен и стойл для быков и верблюдов до огромных бань, в чьих каменных печах день и ночь полыхал огонь. За банями шел трапезный зал высотой в «две крыши», самое большое помещение Гостевого Дома, далее, соединенные между собой галереями, размещались дворы с навесами — общие спальни слуг — и двухэтажные небольшие домики с плоскими крышами-террасами. Комнаты в этих домиках могли быть как дешевым ночлегом для двоих бедных влюбленных, так и пышными апартаментами для какого-нибудь заезжего богача. Мужчин в этом доме обслуживали исключительно юные девушки, а женщин — мальчики с чистой, еще нетронутой бритвой кожей. И те, и другие жили здесь же, при Гостевом Доме, ровно три года — с тринадцати до шестнадцати лет. Здесь их обучали танцам, науке любви, музыке и живописи. Пребывание в Гостевом Доме считалось пре-восходным воспитанием, и не каждый отец мог позволить себе роскошь отправить ребенка в такую школу.

Вымыв и доведя мужчин до полного изнеможения, девушки оставили их отдыхать в бассейнах с прохладной ароматной водой, а сами взялись собирать на стол в огромном зале с резными потолочными балками. Пол в нем был застелен множеством слоев пружинящих плетенных циновок, так что те, кто находил в себе еще силы, мог продолжить любовные забавы.

После трапезы, длившейся довольно долго, ибо разносившие кушанья и вина прелестницы были одеты лишь в собственную кожу, гостей проводили на отдых в приготовленные для них комнаты. Римьерос, пребывавший от такого приема в совершеннейшем изумлении и восторге, расположился в своих комнатах на подушках и велел

одному из пажей пригласить к нему барона Марко, если тот еще не заснул, как собирался.

Барон не замедлил явиться, хоть вид у него и был несколько заспанный.

— Что угодно моему государю? — спросил он с порога.

— Общества друга! — весело отозвался принц. — Надеюсь, вас не слишком утомили эти жрицы полногрудой Иштар? Клянусь ее милостями, я и забыл, как истосковался за год по подобным вещам! Не хотите ли распить со мной бутыль аргосского вина, барон? Это — последняя.

Он смеялся, покуда паж разливал вино по кубкам, после чего принц махнул ему рукой, разрешая удалиться. Это означало, что речь пойдет не о пустяках, и барон Марко, хоть и с трудом, но выпрямился в кресле.

— Что вы думаете обо всем этом, друг мой? — спросил принц совершенно другим тоном, серьезным и даже немного мрачным. — Что вы думаете о том, что первый же город, в который мы вступили, принял нас как желанных гостей? Я проследил, чтобы от всех кушаний, которые мне подавали, сначала пробовала какая-нибудь из девушек. Я не понимаю этого радушия. Или, увидев наше яркое шествие, они приняли нас за богачей и теперь надеются, что мы хорошо заплатим?

— Нет, — покачал головой да Ронно. — Это как раз обычай. Здесь, я думаю, так встречают каждого, кто пришел из-за гор. Я слыхал от туранских и вендийских купцов, что в Кхитае принято встречать чужестранцев как королей — но только первые три дня. По истечении их гость обязан за все расплачиваться золотом — и многие, единожды вкусив от этого плода, платят... — Он помолчал, прихлебывая вино, затем продолжил: — Нет, меня настораживает иное. Они не попытались выяснить, кто мы такие, не попытались найти человека, который мог бы с нами объясняться, они не задали ни одного вопроса! И в то же время мгновенно отдалили слуг от господ, хотя ваши пажи, мой принц, одеты не хуже, чем

любой рыцарь в нашем отряде. Откуда они знают, кто мы такие? Откуда знали, что мы придем этим утром? Ведь они уже стояли на мосту, когда мы выехали из джунглей. Вот что настораживает меня, государь. Очень плохо, что никто из них, по-видимому, не знает ни слова по-зингарски...

Ширма, каким-то образом передвигавшаяся вдоль стены и служившая в комнате дверью, отодвинулась, и паж с поклоном доложил:

— К вам люди, мой принц. Кажется, это здешние власти. Один из них говорит по-аквилонски. Прикажете впустить?

— Вот оно! — заявил барон с неожиданной мрачностью. — Почему именно по-аквилонски, а не по-турански? За все это время они не услышали от нас ни слова!

— Полно, дорогой друг, ваша подозрительность становится чрезмерной, — отозвался принц. — То, что мы — не туранцы и не вендийцы, видно, я полагаю, всякому. Ваш рассказ о том, как здесь вытягивают деньги из чужестранцев, совершенно меня успокоил. Это просто прекрасно, что они потрудились добыть нам переводчика. Ну, сами посудите, где бы мы его искали?

Барон покачал головой, но промолчал.

— Пусть войдут, — разрешил принц.

В просторную комнату вошло пятеро или шестеро кхитайцев, одетых причудливо и богато. Римьерос уже заметил, что на Востоке принято одеваться так, чтобы ткань ниспадала мягкими складками. В Туране и Вендинии богачи щеголяли парчой и расшитым бархатом, чьи краски были столь ярки, что болели глаза. Здесь же главным украшением ткани была вышивка — и долгополые халаты позволяли любоваться целыми картинами, вышитыми разноцветным шелком и золотом. Если по подолу такого халата были вышиты играющие тигры, то на ходу казалось, будто картинки движутся.

Вошедшие были преклонного возраста — кроме одного, совсем юноши. Один из посетителей, в высокой черной шапке, поклонился и нараспев сказал что-то высоким, чуть дребезжащим голосом. Он умолк, и зингарцы услышали другой голос, с теми же интонациями и неестественно высокими нотами. В первый миг они не поняли ни слова, а во второй — расхохотались. Потому что перевод юноши звучал так:

— Начальника горотьских стен и мостов радусся видеть высоки гости.

— Клянусь Митрой! А я так долго придумывал приветственную речь! — вскричал Римьерос, едва не плача от хохота. — До чего же, наверное, глупо мы выглядим! Ну, что мне ему сказать? Надеюсь, по-кхитайски он говорит лучше, и мои слова не будут звучать для них так же ужасно?

— Возьмите себя в руки, государь, — отозвался барон Марко, уже успокоившийся. — Помните, что вы сейчас — вся Зингара.

Римьерос перестал смеяться и со всей серьезностью поклонился старику в высокой шапке:

— Я рад, господа, что первый город, который я увидел в Кхитае, был именно этот. Я — принц Римьерос, герцог Лара, брат короля Зингары. Мой государь послал меня с дарами и приветствием к вашему императору, дабы две наши великие державы стали немного ближе друг к другу.

Юноша перевел. Римьерос остался вполне доволен — по-кхитайски его речь прозвучала с приличествующей слушаю торжественностью и важностью. Но едва молодой кхитаец заговорил по-аквилонски, принц снова еле удержался от смеха.

— Моя есть Моу Па. Императора послала моя проводить гости ситолища. Моя есть мала-мала хайбай Императора, но лишила гости, и моя будити казать за гости. Начальника горотьских стен и мостов типей звать зингасски княси и свита во двоесси.

— Это бесподобно, — пробормотал Римьерос. А вслух спросил: — А что такое «хайбай»?

Юноша задумался. Из последовавшего объяснения принц не понял ничего, уяснив лишь, что это нечто очень близкое к Императору — и удовлетворился таким ответом.

Предложение отужинать во дворце градоправителя было встречено с благосклонностью. Римьерос и его рыцари во всем блеске появились в огромном с низким потолком зале. Кхитайцы были в среднем на голову ниже любого из гостей, и молодые гранды выглядели среди них парусниками в окружении маленьких баркасов.

Римьерос, сидевший по левую руку от градоправителя — от Моу Па он уже знал, что это самое почетное место за столом, — довольно быстро привык к несколько странной речи переводчика. Произнося свою несуразицу, юноша был невероятно серьезен. Для него это был настоящий труд — строить фразы так, чтобы они казались зингарцу забавными и неправильными. С каким бы облегчением перешел он с ломаного языка на настоящий! Но он утешал себя тем, что витиеватые фразы Римьероса, который, разумеется, и не подумал упростить свою речь ради плохого переводчика, звучали в его изложении не менее красиво, чем по-аквилонски.

Сэй Тхикон Фэн расспрашивал принца о том, хорошо ли прошло путешествие, много ли человек погибло в пути и можно ли добраться до Зингары морем; Римьерос отвечал сдержанно, боясь сказать лишнее. Когда речь зашла о разбойниках, часто тревожащих караваны, он, улыбаясь, ответил, что вряд ли сырьется разбойник, — или даже шайка — который отважится напасть на отряд в триста человек.

— Король Зингары, посылая меня к вашем повелителю, предусмотрел возможность нападения, — заметил он. — Мы проходили по очень опасным местам. Но доставили дар короля в целости и сохранности.

На это градоправитель со вздохом заметил, что бывают разбойники не столько сильные, сколько ловкие. Вот, к примеру, не далее как вчера кто-то забрался в городскую сокровищницу и вынес оттуда все, что считал ценным. Причем разбойник, как видно, был из-за гор, поскольку действительно ценных вещей — двадцати свитков живописи, предназначенных в дар Императрице на грядущем Празднике Весенней Луны — не тронул, забрав только золотые безделушки. Заинтересованный, Римьерос начал расспрашивать, но ему мало что могли рассказать. Известно лишь, что этот вор очень ловок и обладает поистине чудовищной силой, пожаловался градоправитель. Ибо прутья клетки, ограждавшей сокровищницу, были отогнуты, а тигр, охранявший ее, — пойман удавкой и привязан к прутьям, едва ли не задушенный.

Римьерос прикусил губу, вспомнив чудовищные бутры мыши киммерийца, и спросил:

— А не видали вы здесь человека с запада, синеглазого, черноволосого и очень высокого? Он, быть может, странствует не один, но с такими же чужестранцами, как и он. Не думаете ли вы, что это — его рук дело? У меня на родине он известен как самый отпетый разбойник и вор.

Да, последовал ответ, два или три дня назад здесь проходило четверо чужестранцев: трое мужчин и одна женщина. И один из мужчин действительно был синеглаз и черноволос. Неизвестно, с запада он или с севера, но и синеглазый, и его девушка неплохо говорят по-кхитайски, так что вероятнее всего они не издалека. К тому же, они не задержались здесь и дня, проследовав дальше к столице, а кража совершена этой ночью. Так что это никак не могут быть те четверо. Ведь тогда им пришлось бы возвращаться и ночевать в джунглях, а ни один человек, воин он или землепашец, не может отважиться на такое.

Римьерос только головой покачал на подобную наивность.

Глава четвертая Дворец Ста Десяти Красных Крыш

Голубь Тридцать Четвертый:

«Высокородный принц Римьерос, герцог Лара — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зингары и правителю Каррских островов.

Милостью милосердного Митры мы наконец завершили то, ради чего отправились в столь далекий путь.

Сегодня утром наше высокое посольство было милостиво принято Императором Тысячи Городов, как именуют здесь владыку. Еще его именуют Божественным, Дваждырожденным — ибо, как я узнал, со вступлением на престол Император теряет имя и как бы рождается заново. Прежнее его имя запрещено вспоминать, новое — если только оно существует — не знает никто. Таким образом, ни один маг не может причинить вреда Повелителю Звезд, ибо, не зная имени, не можешь навести ни порчу, ни сглаз.

Ты видишь, брат, я стал весьма просвещен в местных обычаях. Это — всецело заслуга нашего Моу Па, существа невероятно смешного и терпеливого. Его приставили к нам потому, что он, кажется, единственный во всей столице, кто говорит по-аквилонски. Впрочем,

нет, есть еще один человек, — Верховный Саккей, как здесь называют главного советника короля. Его имя Ян Шань, он был весьма любезен с нами при встрече, и что интересно, манеры его скорее напоминают зингарские. В нем нет и тени этой постоянной угодливости, которая начинает так раздражать в остальных узкоглазых. Но саккей — чрезвычайно занятой человек, как нам объяснили. Так что у него, конечно, нет времени сопровождать нас повсюду, уродя аквилонский язык, как это делает наш добрейший Моу Па.

Всемилостивый Митра, если бы ты слышал, как он говорит! — Моу Па, кому посвящен вон тот высокий храм? — Мала-мала Бо Си Раствакому-то (язык можно сломать, пытаясь выговорить имена их богов), осинъ грозни бога ести. Она насылает мора, чума и болесна на бедны кхитайцы. — Мы не поняли, Моу Па, это бог или богиня? — Эта бога ести. Осинъ грозни бога. Она носить ожерело ис челепов миотвых. От нее тьми тысси лет насат принсесса Такая-то понес сына, и та сына стала перва Императора Кхитая ести.

Ты не выдержал бы с ним и дня, я выдерживаю все это уже не менее пяти дней — с последнего моего письма тебе из города на реке, не помню, как они его мне называли.

Но бедный малый старается, как может, у него вечно мученически-напряженное выражение лица. Наш язык дается ему с трудом, я же так и не могу понять по-кхитайски ни слова, даже само название страны они произносят как-то иначе.

Но оставим пока в стороне восторги путешевственника. Голуби дохнут один за другим, у меня осталось их всего трое, и одного я сейчас пошилю к тебе. Вернемся к моему визиту во

дворец. Кратко, если тебе кто-нибудь еще начнет рассказывать про чудеса и богатства Кхитая, отошли его прочь. Ни один язык не в силах описать великолепия и пышности императорского дворца. По секрету скажу тебе, что наш дворец в Кордаве рядом с ним — просто лачуга. Хорошо, что немногие хайборийцы бывали в Кхитая — короли разорили бы свои народы, пытаясь выстроить себе с их слов что-либо подобное.

Прежде всего: дворец этот огромен. Его называют Дворцом Сты Десяти Красных Крыш — брат мой, это не преувеличение. Он находится не совсем в городе, а как бы в своем государстве — на островах посреди реки, на которой стоит столица. Это действительно больше сотни домов, один другого краше. Здесь живет сам император, его семья, его слуги и некоторые сановники. Во дворце же находится и множество государственных служб, как-то: суды, торговая палата и прочее. От дома к дому через острова тянутся бесконечные мостики и галереи, выкрашенные в яркие цвета, а иногда сделанные из ценных пород дерева. Арки ворот этих мостиков высечены из глыб нефрита, бирюзы и яшмы, и всюду — драконы. Этот город недаром называют Городом Тысячи Драконов. Как друиды пиктов верят, что каждое дерево имеет душу, так здесь жрецы Падды каждой живой твари дарят дракона-покровителя. Есть драконы огня, земли, воздуха и воды, каждая из этих разновидностей делится еще на сотни. Во всяком случае, я уже сталкивался с Драконами Травы и Драконами Облаков.

Драконом, кстати, называют здесь и моего нового знакомца, Конана. Он прибыл в столицу чуть раньше меня, и теперь только и слышно,

что о Сияющем Полуночном Драконе, чья шайка уже совершила несколько ограблений, немыслимых по дерзости и изобретательности. Представь себе только, что он сделал, чтобы обокрасть дом Верховного Жреца: как ни мало у меня осталось голубей, я все же расскажу тебе об этом. Дело в том, что они тут все весной просто сходят с ума — что ни день, то у них по весне какой-нибудь праздник. Праздник Первой Травы, праздник Урожайной Луны, праздник Солнцестояния. Есть среди этого и праздник, посвященный прилету птиц. Первые соловьи появляются в Кхитасе рано, гораздо раньше, чем у нас. Сейчас здесь цветут миндаль и вишня, город удивительно наряден в этом уборе. Я и представить себе раньше не мог, что можно объединить город и плодовый сад, ведь у нас города — один лишь камень, а здесь все просто утопает в зелени. И вот где-то на ближайшие десять дней приходится праздник Птичьего Прилета — если я правильно понял Моу Па. Так вот Конан со своей шайкой выбрался за город, наловил три десятка соловьев и выпустил в саду Верховного Жреца.

И вся прислуга, все домочадцы, весь дом от мала до велика вылез в сад и ночь напролет восхищенно внимал их свисту и чириканью. А знаменитый Амра тем временем прескокойно вынес из дома все, что смог унести.

Я чуть не умер от хохота, когда наш смешной Моу Па, скривив постную мину, рассказывал мне об этом. Надо же было додуматься до такого, да еще иметь терпение изловить столько птиц! Право же, я начинаю восхищаться этим человеком. Но еще удивительнее показалось мне то, что Верховный Жрец, узнав об ограблении, будто бы пожал плечами и ска-

зал: "Что с того, зато какая это была ночь!" По-моему, это уже легенда, но если это — правда, тогда он либо величайший мудрец, либо величайший болван. Я, кстати, постоянно сталкиваюсь здесь с тем, что не знаю, как воспринимать слова и поступки этих людей — как слова и поступки небожителей, уже почти не принадлежащих нашему суетному миру, или как детский лепет. Право же, любой бы на моем месте растерялся...

Римьерос отложил перо и принялся перечитывать написанное. Затем скомкал лист и бросил в угол. Отправлять брату подобное письмо означало вызвать его в лучшем случае недоумение, а в худшем — настоящий гнев. Вовсе не за цветущими вишнями и городскими сплетнями посыпал он в Кхитай младшего брата. Он ждал рассказа о том, как встретили дар, как восприняли появление зингарского посольства.

Но при всем желании не смог бы Римьерос рассказать ему об этом. Странное чувство раздвоенности, поселившееся в нем с той ночи, когда он смотрел в хрустальный шар и видел в нем опрокинутые в бездонность неба звезды, не оставляло его теперь ни на миг.

Сам прием прошел великолепно. Три дня дороги Моу Па без умолку болтал на своем жутком аквилюнском, рассказывая о Кхитасе, столице, обычаях и нравах отдельных провинций и прочем. Большая часть сведений о торговле, армии, городах и прочем была выужжена именно из этих его рассказов. Но иногда Римьерос задавал себе вопрос: а есть ли хоть слово правды во всех его историях? И в то же время все жесты и слова переводчика были так искренни и даже немного наивны..

Как видно, он и впрямь был в милости у Императора, потому что, сопровождая Римьероса, как отметил барон Марко, был «вхож решительно повсюду». И это тоже ни

с чем не вязалось, пока зингарец не узнал наконец, кто такие эти юноши в одеждах цвета первой зелени. Личная охрана, послы и слуги Императора, дети знатнейших семей, воины и поэты. Узнав об этом, Римьерос как следует пригляделся к переводчику — и окончательно уверился в том, что тот далеко не так прост, как хочет казаться.

В который раз повторял себе принц, что миссия его исполнена блестяще, что большего почета, вероятно, не был удостоен никто из чужестранцев: его и барона Марко поселили непосредственно во дворце Императора, вернее, одном из его дворцов. Им отвели роскошные покой, светлые, с огромными окнами, в которые лезли цветущими ветвями персики и вишни. Их слуги расположились здесь же, на втором этаже; вместе с ними, в отдельной маленькой каморке под самой крышей, поселился Моу Па — чтобы быть всегда под рукой. Остальных зингарцев разместили немного скромнее, но тоже на Островах.

В столицу они вступили под вечер второго дня пути, и следующий день ушел на то, чтобы отмыться и привести себя в порядок перед посещением Императора. Наутро он проснулся необычайно рано и уже не мог уснуть, маясь бездельем до самого полудня, пока не явились чиновники и царедворцы — сопровождать послов во дворец.

Обойдя накануне в сопровождении Моу Па небольшую часть острова, Римьерос уже был несколько подготовлен к тому, что он увидит в парадных залах. И все же он был уничтожен, сражен и раздавлен, хотя по словам да Ронно держался великолепно. Принц не знал, как это выглядело со стороны, но он постоянно одергивал себя, стараясь не крутив головой в тщетной попытке разглядеть все разом. Дворец Приемов более всего походил на немыслимо увеличенную драгоценную игрушку какой-нибудь принцессы: сказочный домик, искусное творение ювелиров. Повсюду здесь было золото, слоновая кость и яшма. В самом тронном зале наборной мозаикой был выложен пол, рисунок изображал все тех же драконов, но синим

цветом служила здесь бирюза, желтым — золото, а белым — слоновая кость. Глаза извижающиеся в вечном танце немыслимых тварей были сделаны из крупных рубинов и изумрудов, и по всему этому ходили люди, ходили каждый день, и не в мягких кожаных туфлях, а в деревянных или плетеных сандалиях. А в тот день, день приема послов с другого края света, из далекой Зингары, мозаичный рисунок лишь угадывался, на две трети скрытый длинными подолами расшитых накидок чиновников и придворных всех рангов и возрастов.

Оставалось только одно: принять скучающий вид и идти прямо по этим плиткам, словно дома он только тем и занимался, что топтал драгоценности.

Римьерос, вспомнив, что он сын и брат королей, выпрямил спину, закинул назад голову и весь прием сохранил на лице надменно-спокойное выражение, хотя Митра свидетель, давалось это ему с трудом. Он как раз с беспокойством думал, сможет ли удержаться от улыбки при каком-нибудь очередном особенно удачном выражении Моу Па, как в зал вошел сам Император и под звон большого гонга воссел на нефритовый трон.

Римьерос сдержанно поклонился.

— Король Зингары в знак дружбы и доброго расположения посыпает великому императору Кхитая дар, который, я надеюсь, будет в глазах владыки ценнее золота и сверкающих камней, — он еще раз склонил голову и махнул рукой четверым слугам, тащившим за ним ларец.

Те поставили его перед тронным возвышением и поспешно удалились. Римьерос, в окружении десяти своих рыцарей, ждал ответа.

Император молча поднялся с трона и подошел к ларцу. Подбежали двое слуг и откинули крышку. Римьерос с замирающим сердцем следил за выражением лица Повелителя Звезд, но оно было непроницаемо, как восковая маска. Человек, стоявший слева от трона владыки, издал какое-то восклицание и тоже подошел к ларцу.

— Ян Шань, саккей Императора и великий маг, — прошептал принцу в самое ухо Моу Па.

Император наконец оторвался от созерцания привезенного сокровища и заговорил.

Римьерос вопросительно обернулся к переводчику, но тот только молча указал взглядом на Ян Шаня, уже доставшего из ларца один из свитков, словно ему нетерпелось рассмотреть их поближе.

— Дваждырожденный благодарит вас, взявших на себя труд вернуть нам давно потерянное сокровище, — чистым и звучным голосом возвестил Ян Шань на пре восходном аквилонском языке, и по его горящим глазам было видно, что о потере этого сокровища он сокрушился больше, чем сам император. — И тем ценнее этот дар в наших глазах, что ради него вы проделали долгий путь с самого края Мира. Поистине далеко должны видеть глаза короля, который так внимателен к вещи, для него, вероятно, не имеющей никакой ценности. Мы благодарны вам за тот долг, который вы на нас таким образом наложили, ибо долг вежливости и дружеского отношения всегда приятен. Отдыхайте теперь после тягот и трудов пути. Император выражает надежду, что вы побудете нашими гостями — хотя бы недолгое время.

На этом прием был окончен. Римьерос чувствовал себя немного отомщенным. От короля Зингары явно не ожидали такого дара. Кратиос был прав — ни камнями, ни золотом невозможно было удивить этих людей. Но древняя кхитайская рукопись, один лишь Митра знает как попавшая в обширные подвалы Старого замка и пролежавшая там по меньшей мере сотню лет, могла заинтересовать их — если не ценностью и редкостью, то хотя бы необычностью и широтой жеста.

Они поразили его, он поразил их.

Позже Моу Па с улыбкой пояснил ему, что большой тронный зал делался специально для того, чтобы поражать. Дворец Приемов строился не один десяток лет, а

на то, чтобы достойно украсить его залы, ушла жизнь не одного поколения мастеров. Сами же жилые покои императора выглядели точь-в-точь так же, как те комнаты, в которых поселили принца — ничего лишнего, раздвижные окна и двери, пестрые циновки и шелка на стенах.

Римьерос выглянул в окно. Царил жаркий весенний день, даже, пожалуй, слишком жаркий для этого времени года. Острова словно плыли в золотистой ароматной дымке. Где-то там, за густой ее завесой, было такое же раскрытое настежь окно, и в него сейчас, быть может, тоже кто-то смотрел на сад и неспешно текущие воды реки...

Ян Шань поспешил отвернуться. Он слишком хорошо знал это чувство — словно наползающая тяжкая туча, накатывало оно на него с того дня, как зингарец пересек границу Кхитая. Что-то было связано с этим человеком, какие-то силы плели вокруг него свою сеть, и в этой сети Ян Шань мог оказаться как пауком, так и мухой. Не случайно же он который раз сталкивается мысленным взором с этим юношем, наивно полагающим, что это он движет событиями, а не события им. Но дело могло обернуться и так, что события эти подхватят и увлекут не только зингарца, но и самого Ян Шаня, а этого допускать было ни в коем случае нельзя.

— Раз уж ты здесь, Моу Па, разотри мне палочку туши, — обратился Император к юноше, пришедшему доложить том, что поделывают гости. — Я редко тебя теперь вижу, но ты ведь все-таки еще мой хайбэй, не так ли?

Моу Па низко склонил голову.

— Я буду счастлив избавиться от этих людей и снова служить Повелителю Звезд, — сказал он тихо, находясь на привычном месте шкатулку с кистями и тушью. — Не прошло и пяти дней, как я хожу среди них, и с того

времени у меня такое чувство, что я живу в душном и плохом сне.

Ян Шань посмотрел искоса на склонившегося над лаковым столиком юношей. «Этот мальчик недаром любимец Императора, — подумал он. — Вот сейчас он дал название тому, что я ощущаю уже с новолуния, но никак не могу верно определить». Он спрятал зябнущие руки в рукавах халата и повторил свой вопрос:

— Так как же все-таки хочет Император наградить послов?

Император, полуприкрыв веки, следил за тем, как Моу Па старательно растирает тушь.

— Эти свитки и в самом деле представляют такую ценность? — негромко спросил он.

— О да, — с жаром ответил Ян Шань. — Даже если не все в них принадлежит великой кисти Кан Фу Ци, то, что я успел разобрать, совершенно бесценно. Но наши знатоки рукописей осмотрят эти свитки и скажут точно. Хотел бы я знать, как этот ларец попал в Зингару?

— К чему гадать? — отозвался Император. — Главное, что он теперь здесь. Вы оба, побывавшие на западе, скажите мне, что столь же ценно в глазах человека того мира?

— Золото, — криво усмехнувшись, ответил Ян Шань и глубже засунул руки в рукава. — Как-то мне нынче зябко.. Золото и драгоценные камни.

Моу Па подождал еще немного, желая удостовериться, что старший закончил свою мысль, и только после этого кивнул:

— Да, золото и камни. Зингарец едва не обезумел в тронном зале, мне казалось, дай ему волю, и он выковыряет каждый кусочек, не думая о том, что тем самым совершенно обесценит его. Для них в золоте существует лишь вес, а в камнях — лишь величина. Красоты они не видят. Этот человек сокрушается о том, что при разделе земли — если я правильно его понял — ему досталось

слишком мало. А между тем это «мало» являет собою пусть небольшое, но княжество. Я едва сдержался, чтобы не сказать ему, что в конце концов ему не понадобится земли больше, чем всего лишь три дэ в длину и один — в ширину.

Старики невольно улыбнулись. Отрадно было видеть, что новое поколение впитало то понятие о ценностях, которое в их глазах отличало кхитайцев от всех остальных народов.

— Хорошо сказано, — одобрительно отозвался Ян Шань. Он помолчал, потом вымолвил, причем недобрая улыбка исказила его губы. — Жаль, что мы не можем отдать ему княжество Тай Цзон — он был бы счастлив увезти его, а мы — избавиться от обузы и вечного соблазна.

Обузой маленькое княжество, или кайбо, чье название Тай Цзон означало «Благословенный Край», было для императора, а вечным соблазном — для Ян Шаня. Княжество исправно платило все подати, но существовало само по себе, словно отдельное маленькое государство. Его жители не чтили грозных богов Кхитая, а поклонялись Святому Падде, которого называли Учителем и Пророком. Учение Падды запрещало убивать всякую живую тварь, поэтому тайцзонцы не ели ни мяса, ни рыбы, а птицу разводили только ради яркого оперения. Из-за табу на убийство ни один тайцзонец не был пригоден к воинской повинности. Один-единственный раз попытался Владыка Кхитая набрать рекрутов в Тай Чанре, столице княжества — и был сильно разгневан. Никакие уговоры и побои не действовали. Юноши, с виду прекрасные воины, хорошо сложенные, сильные, наотрез отказывались брать в руки оружие. Двоих из них забили насмерть, остальных пришлось вернуть родным — в весьма плачевном состоянии.

Кроме непригодности к военной службе, которую император почитал первейшим долгом каждого вернопод-

данного, тайцзонцы вообще были непригодны к каким-либо службам. Своего кайбона они почитали чуть ли не богом, и когда бы ни пытался император переманить в столицу кого-либо из искусников Тай Цзона — а их шелка, изделия из серебра и фарфора славились далеко за пределами Китая, — ему неизменно отвечали отказом, ссылаясь на то, что не могут уйти от своего князя.

У Ян Шаня же были свои виды на это княжество. В джунглях, к югу и юго-востоку от Тай Чанры, все еще сохранились руины двух древнейших городов. О народе, населявшем эти города, было почти ничего не известно, кроме того, что правители их, как и кайбон Тай Цзона, объединяли в себе власть и духовную, и светскую. Еще сумел Ян Шань разузнать, что поклонялся этот народ не какому-то конкретному богу, а Великому Равновесию, и жрецы этого культа были самыми искусными магами мира.

Ян Шань несколько раз пытался проникнуть в эти города и разыскать храмы, и однажды ему даже удалось вскрыть один из них. Но путь к сокровищнице ему преградили силы, противоборствовавшие которым он не смог. Из тьмы древности поднялись жрецы культа и едва не уничтожили дерзкого мага. Все, что ему удалось сделать, это усыпить их на сорок лет — и срок этому сну уже подходил к концу.

А виной этому всему — и неприступности храмов, и дерзости тайцзонцев — была династия князей Тай, вот уже тринадцать поколений правившая в этом княжестве. От отца к сыну переходил в династии некий магический дар — и справиться с непокорным княжеством и его владыками не было никакой возможности.

— Очень жаль, — повторил Ян Шань. — Лучше бы его не было вовсе, чем так.

Император, до того лежавший на подушках, внезапно сел с видом человека, осененного великолепной идеей,

— Почему же не можем? — с расстановкой сказал он. — Отдать нетрудно, пусть возьмет — если только сумеет. Сто воинов, закованных в тяжелые латы — это немалая сила. А ради того, чтобы покорить наконец этих строптивых, я добавил бы ему еще сотню, а то и две.

Ян Шань икоса посмотрел на Моу Па — тот с отсутствующим видом возился с кистями.

— О чём это говорит мой Повелитель? — негромко молвил маг. — Чем нам прельстить зингарца, чтобы заставить его двинуть своих воинов на Благословенную Землю? Нет там ни золота, ни камней. Земля щедра, это правда, но что ему до того? Не останется же он здесь жить?

— А мы ему скажем про храмы в джунглях, — все так же неспешно, даже нараспев проговорил Император. — Помнится, ключ от ловушки одного из них у тебя, Ян Шань, где-то был. Одного ему хватит с лихвой, остальные же три будут наши. Равно как и серебряный рудник в их горах.

— Покойный кайбон, отец Тай Юэя, уже выстоял против одного похода, — возразил Ян Шань, сам принимавший участие в той бесславной битве. — За его родом стоит древняя сила Благословенной Земли. Чудом тогда удалось мне усыпить Четверых, я едва не погиб в том противоборстве.

— Ты был тогда молод и неопытен, — заметил Император. — Сам же Тай Юэнь сейчас слаб, болезнь подорвала его силы, а сын его слишком мал. Что мы потеряем, если попробуем еще раз?

Ян Шань задумчиво хмурил брови.

— Воистину, ничего, Повелитель. Но если зингарец не вернется, что мы скажем его брату, королю?

— Что же он за воин, если не сможет взять с тремя сотнями маленький клочок земли, жителям которого запрещено убивать? — лукаво улыбнулся Император. — К тому же, если их и вправду трое братьев, король

Зингары будет только рад смерти возможного убийцы его сыновей. Дай мне кисть и бумагу, Моу Па. Близится вечер, а я еще не отправил письма госпоже Старшой Жрице. Она будет рада, если его доставишь именно ты, она всегда тебя отмечала...

Он начертал несколько строк на листе и, свернув его, отдал юноше.

— Вложи в него цветущую ветку, когда пойдешь мимо той вишни, что растет здесь под окнами. А зингарскому принцу скажи, что Император будет ждать его завтра во Дворце Приемов. Я все равно пришлю за ним утром — ему нравятся пышные шествия, — но обрадовать ты можешь его уже сегодня. Что с тобой? Ты краснеешь, словно мальчик.

Моу Па смущенно улыбнулся.

— Я очень давно не видел госпожу Старшую Жрицу, — пробормотал он.

— Ну так ступай повидай ее, — рассмеялся Император. — Иди. Но если будет ответ, непременно принеси его еще сегодня, даже если она будет сочинять его до полуночи.

Юноша с почтительным поклоном принял письмо и, пятаясь, вышел из покоеv Императора. Щеки его и в самом деле пылали, но вовсе не от того, что ему сейчас предстояла встреча с нареченной матерью.

Император собирается отдать зингарцу Тай Цзон!

Он повторял эту фразу про себя, пока она не утрастила смысла, а сам он, оступившись на мостице, едва не свалился в воду. Тогда он спустился к реке, ополоснул лицо и напился.

Император собирается отдать зингарцу Тай Цзон.

Полное имя юноши было Тай Моу Па, и зная об этом Ян Шань и Император, он не только не присутствовал бы при их беседе, но и, вероятно, никогда не стал бы хайбэем. Госпожа Старшая Жрица, усыновив-

шая его после смерти матери, с которой была дружна с детства, вводя приемного сына во дворец, благородно умолчала о том, откуда родом красивый юноша. А ее протекции было достаточно, чтобы никто его об этом не спросил.

Тай Моу Па, в полном смятении чувств, отнес Старшой Жрице письмо, дождался ответа, доставил его Императору вкупе с приложенным даром к празднику Весенней Луны — тонкой тростниковой флейтой, и лишь после этого смог отправиться к себе.

Время было уже за полночь. Из своей шкатулки с письменными принадлежностями он достал кисть и тушь, разложил на крышке шкатулки лист бумаги и принялся быстро писать. Но тут снизу до него донесся какой-то невнятный шум, он насторожился и поспешил убрал начатое письмо.

Шум внизу объяснялся просто: незадолго до возвращения Моу Па к Римьеросу пришел гонец с посланием от Ян Шаня. В послании коротко говорилось о том, что Император намерен подарить принцу за принесенное сокровище целое княжество, с которым принц может поступить по своему усмотрению. Но сперва это княжество надо будет завоевать, и потому принцу при завтрашнем визите следует настаивать, чтобы Божественный дал ему в придачу к его рыцарям еще две сотни лучников. После того, как Император даст на это согласие, Ян Шань будет ждать принца в храме Во Лян богини войны и охоты, куда вечером тайно проводит его Моу Па, ибо будет лучше, если об этом визите никто не будет знать.

Прочтя это письмо, Римьерос в отрешенной задумчивости уставился в угол, пытаясь из нескольких скучных строк понять, не злая ли это шутка придворного мага. Взгляд его зацепился за скомканный и брошенный лист. Он уже забыл о своей утренней неудачной попытке

описать брату прием и потому с некоторым недоумением разгладил бумагу и прочел, словно не его рука выводила эти строки:

«Высокородный принц Римьерос, герцог Лара — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зингары и правителю Карских островов.

Милостью милосердного Митры мы наконец завершили то, ради чего отправились в столь далекий путь...»

Принц оглушительно расхохотался и, выкрикивая: «Брат мой король!» — подскочил к клетке с голубями, которую распорядился поставить в своих комнатах. Вытащив из клетки отчаянно бьющуюся птицу — она была предпоследней из пестрых — он в каком-то диком упоении одним движением руки свернул ей шею.

Глава пятая Щедрость Императора и бескорыстие мага

«Тай Моу Па — саккою Тринадцатого кайбона княжества Тай Цзон, Тай Кин Бо.

Нынче вечером я получил известие, повергшее меня в ужас и смятение.

Ко двору Императора прибыл недавно чужестранец, знатный, но бедный землями. Он привез Повелителю Звезд в дар некую редкость, весьма ценную, за каковую редкость Император хочет пожаловать чужестранцу наше княжество, Тай Цзон. Узнал я об этом случайно, но из первых рук, и спешу уведомить об этом князя нашего, Тай Юэня и тебя, высокочтимый. Будучи постоянно на виду, я не могу сам спешно исчезнуть из столицы и потому призываю тебя сюда. У зингарца сотни своих мечников, весьма искусных, и Повелитель намерен дать ему еще две сотни лучников из кхитайской армии. Выйдут они не ранее, как через несколько дней. Торопись так, как только возможно».

Выведя последний знак неровно, волнуясь и пачкаясь в туши, он оттиснул вверху свой перстень-печатку, сложил лист голубком и, подойдя к окну, тихонько свистнул.

Из темноты послышался ответный негромкий свист. Мой Па запустил голубка, и снизу вынырнула на свет грязная мальчишечья рожица.

— Скорее, Чу! — шепотом крикнул Мой Па. — Возьми моего жеребца в конюшне, ты знаешь, где. Чтобы через два дня ты был уже в Тай Чанре!

Мальчишка радостно кивнул и исчез.

Едва Мой Па успел отойти от окна, как с лестницы послышались шаги, и голос Римьероса позвал из-за двери:

— Мой Па, ты не спишь еще?

— Ниэт, — ответил Мой Па как мог ленивее, изображая сонливость и потягивание.

— Тогда спустись к нам. Только тихо, чтобы тебя никто не видел и не слышал.

Соблюдая все предосторожности, Мой Па проскользнул в покой принца и замер у порога, чуть склонившись.

— Ты хорошо знаешь Кхитай? — спросил принц. Он нервно вышагивал по комнате, не подозревая, что очень похож сейчас на собственного брата.

— Мала-мала знаесси, — ответил переводчик.

— Что такое княжество Тай Цэ.. Дз.. Ну, то, что вы переводите как «страна благословенного покоя»?

Надежда затеплилась в душе Мой Па. Быть может, если убедить принца, что княжество мало и бедно, он не захочет принимать такой дар?

От волнения он едва не забыл про свой ломаный аквилонский.

— Тай Цзон — кайбо мала-мала ести. Люди самешные — тарава едят.

— Как это — траву едят? — не понял зингарец. — Лотосоеды, что ли?

Видя искреннее изумление переводчика, Римьерос пояснил:

— Я не знаю, как это у вас называется. Те, которые едят илинюают черный лотос и грезят от этого наяву.

— Ниэт, ниэт, — замотал головой Мой Па. — Тарава, которая растет. Жука, личинка, жаба. Птица — ниэт, мяса — ниэт, одна тарава.

— Кажется, я понял, — вмешался барон Марко, неизменный вечерний гость принца. — У них запрет на мясную пищу. Верно? Это значит, что они не разводят ни скота, ни птицы — скверно, мой принц.

Мой Па, на мгновение забывшись, обиделся:

— Разводят, все разводят! Карасивы пиро любиэт. Малака любиэт. Осинь червя любиэт.

— Какого еще червя, что ты несешь?

— Селка червя. Карасивы селка.

— Ах, шелковичного червя! Пресветлый Митра, я уж подумал, что они его себе разводят на еду. А почему они не едят мяса?

— Свята Падда кази ниэт. Мяса исти — ниэт, зверя резати — ниэт, людя — този ниэт.

— Ну и местечко! — покачал головой Римьерос. — Вы слышите, да Ронно? Просто какая-то святая обитель, а не княжество! На что оно нам тогда сдалось?

— Подождите до завтра, мой принц. Кажется, вам хотел сказать что-то важное сам Ян Шань? Я уверен, не все здесь так просто, как видится на первый взгляд. Ступай к себе, Мой Па. Ты больше не нужен.

Едва за кхитайцем закрылась дверь, барон Марко заговорил:

— Государь мой, зачем вы так легковерны? Вы и в самом деле считаете, что эта рукопись — или что бы это ни было — стоит целого княжества? А если это спорные земли, и, войдя в них, мы окажемся меж двух огней? Император произвел на меня впечатление человека скорее мудрого и хитрого, чем щедрого.

— Все верно, вы же и сами слышали те ужасы, которые рассказывает Мой Па, — отзвался принц. — Но как бы ни было бедно княжество, в нем всегда найдется, что взять. Судя по всему, что я тут до сих пор видел, у

нас и кхитайцев мнение о том, что имеет ценность, а что — нет, иногда расходится до прямо противоположного. Впрочем, — тут он зевнул, — в одном вы правы, мой дорогой друг. Надо дождаться завтрашнего приема и послушать, что скажет нам Ян Шань.

Барон одобрил это в высшей степени мудрое решение, и зингарцы разошлись каждый в свои покои.

Наутро принца разбудила пестрая свита, присланная ему императором. Римьероса ожидали все в том же Дворце Приемов.

Второй прием был обставлен еще пышнее первого. В присутствии множества мудрецов и просто ценителей искусства свитки были вынуты из ларца и во всеуслышанье прозвучали имена, чье несомненное авторство подтверждалось личными печатями. В найденном королем Зингары ларце, как оказалось, была собрана небольшая библиотека. То и дело раздавались восхищенные ахи и охи, и Моу Па пояснял Римьеросу, что сейчас речь идет об утраченном еще в древности трактате великого кхитайского мудреца, постигшего суть вещей, а сейчас — о безымянном повествовании древнейшего автора о великой войне между Северным Кхитаем и Южным. Война эта длилась не дни и даже не луны, а многие годы, пока наконец оба королевства не объединились в одну Поднебесную Империю посредством брака между двумя домами.

Для каждого свитка выносился отдельный футляр — лаковый или деревянный, и ветхий манускрипт со всею осторожностью помещался в него, как стигийские мумии — в свои каменные саркофаги. Римьерос следил за этой церемонией со все возрастающей скучкой, как вдруг она неожиданно кончилась.

Император поднялся со своего места. Ударил огромный медный гонг. Ян Шань возвестил волю Владыки Небесных Полей:

— Дар, доставленный нашими гостями, — бесценен. После смерти нашей от этого источника вкусят наши

дети и дети наших детей, и так далее. Посему нашли мы уместным подарить высокому гостю нечто, что также могло бы служить после него его детям и детям их детей. Династия Тай в княжестве Тай Цзон клонится к закату. Тринадцатый кайбон Благословенной Земли медленно умирает. Императору было бы жаль увидеть жемчужину наших северных провинций в запустении и унынии, и потому отныне передает он право распоряжаться и княжеством, и жителями его, и всем, что есть в нем, нашему высокому гостю, потомку королей, не уступающему кайбонам Тай Цзона ни знатностью, ни древностью рода. Вступает он в это право с того дня, как не менее луны проживет в Доме-на-Вершине-Горы, что находится в столице Тай Цзона, городе Тай Чанре.

Моу Па, искусно подавив легкий кашлем ехидный смешок, пояснил:

— Императора хосит казать, сто нова кайбона должны увидеть в Доме всеи людя Тай Цзон. За одна луна людя пройдет вся.

Римьерос кивнул, — и давая понять, что услышал объяснение, и соглашаясь со здравостью этого довода.

Объявив свою высочайшую волю, Император простился с принцем, пожелал ему удачи в новой земле и сказал, что уже распорядился предоставить Римьеросу две сотни лучших своих лучников, чтобы достойно вступить в новые владения. Ян Шань, следуя за ним к большим черепаховым дверям, шепнул по-аквилонски, проходя мимо принца:

— Я жду сегодня в храме. Не ходите без оружия.

И Римьерос почему-то снова почувствовал себя одурченным.

Быть может, если бы не это ощущение беспомощности перед волной событий, накатывающей на него с неотвратимостью Предопределения, он вел бы себя и осмотрительнее, и осторожнее. У себя на родине он слыл человеком скрытым и хитрым, здесь же ему постоянно казалось, что его выставили нагишом напоказ перед глумящейся

толпой. Это чувство, вкусне с беспомощностью, порождало дерзкое желание делать глупости всем назло. К тому же у него было ощущение, что до развязки событий еще далеко.

Поэтому, препоручив себя милосердию Митры и прихоти Случая, он, в сопровождении одного только Моу Па, без которого не нашел бы нужного храма в огромном городе, едва стемнело, отправился к Ян Шаню.

Благополучно миновав несколько весьма подозрительных мест, они подошли к темной громаде храма. Им отворил сгорбленный старик с трясущимися руками и лысой веснушчатой головой. Он сказал что-то Моу Па и взглянул искоса на принца. В остром, пронзительном взгляде урода Римьеросу почудилась насмешка. Он расправил спину и откинулся назад голову, говоря себе: «Представь, что сейчас на твоем челе — корона Зингары.» Такие мысли ему очень помогали время от времени.

— Она говорит, что моя останется здесь, а гостя пойдет дальше, — пояснил Моу Па, от волнения не в силах поддерживать на должном уровне неправильность речи. Но Римьерос, сам крайне взволнованный, не заметил этого.

Он только сухо кивнул и пошел по темной галерее вслед за своим провожатым.

Они миновали несколько залов, свернули во множество коридоров и, как показалось принцу, два или три раза прошли мимо одного и того же зала. Если целью этих блужданий было сбить его с толку, то она была достигнута.

Наконец карлик резко свернул куда-то вбок и помчался вверх по ступеням винтовой лестницы. Лесенка вела в круглую башню, где находилось гнездо Красного Коршуна, как иногда называли при дворе Ян Шана.

Он любил эту башню. Еще будучи учеником великого Лян Фея, он часто сидел здесь у ног учителя, глядя на огни города внизу. Иногда в такие минуты он действительно воображал себя птицей на высокой скале, возне-

сенной над миром. Но за смертью учителя последовал разрыв с Алым Кольцом, стоявший ему множества томительных бессонных ночей, а затем ссылка, ожесточившая его сердце и иссушившая разум. Ничего не осталось в нем от мечтательного ребенка, грезившего о веке мудрости и всеобщей любви. С годами он понял, что и мудрость, и любовь каждый понимает по-своему, и потому выбрал себе свою любовь и мудрость. И ни разу не пожалел об этом.

Карлик вбежал в круглую комнатку башни, раздул огонь в очаге, кинул на уголья щепоть ароматной смолы.

— Я рад наконец приветствовать вас от своего имени, принц, а не с чужих слов, — сказал маг вошедшему вслед за карликом Римьеросу. — Располагайтесь. Вон то кресло должно быть вам привычно.

Римьерос сел, с наслаждением вытянувшись и свесив руки с подлокотников.

— У вас прекрасный аквилонский язык, — небрежно заметил он.

— Я владею довольно большим количеством языков и наречий, — тонко усмехнувшись, ответил хозяин. — Повторяю, я рад. Но час уже поздний, лучше, наверное, перейти сразу к делу. Скажите, как вам понравился ответный дар Императора?

— Я еще не знаю, нравится он мне или нет, — уклончиво ответил принц. — Я немного расспрашивал о нем, и мне сообщили, что это княжество бедно и слабо. Я не вижу для себя ни удовольствия, ни выгоды в том, чтобы владеть им.

Он говорил, немного растягивая слова, как это вошло с недавнего времени в моду у молодых аристократов. Ян Шань посмотрел на него несколько странным взглядом.

— Но ведь в каждом княжестве, как бы ни было оно бедно, есть чем поживиться, не так ли? Княжество и в самом деле небогато, но не потому, что в нем нет

сокровищ. Едва вы приблизитесь к Тай Чанре, вы еще издали увидите золотую крышу княжеского дворца. Но они покрыли ее золотом не потому, что это — признак богатства или роскоши. Существует поверье, что таким образом в страну притягивается солнце.

Римьерос недоверчиво покривил губы.

— Поверье? А что на деле? Я знаю множество случаев, когда поверье придумывалось специально ради того, чтобы придать вес чьей-нибудь прихоти.

— Из собственной прихоти вы можете вызолотить весь город.

— Благодарю за ценный совет. Теперь еще остается выяснить, где достать потребное для этого количество золота.

— Ну-ну, — загадочно улыбнулся маг, — золото подчас берется неведомо откуда. Нельзя сказать, что тайцонцы купаются в роскоши, но живут вполне достойно.

— Как я понимаю, вы и мне предлагаете зажить там вполне достойно?

— Сказать вам правду, мой принц, я уверен, что вы там не останетесь и на год.

— Почему?

— Потому что такая жизнь — размеренная, с маленькими достойными радостями, маленькими, но тоже достойными бедами — не для вас. Вы созданы для иного, более высокого жребия.

Это была лесть, причем лесть самая грубая, и не видеть этого Римьерос не мог. Но все равно покраснел от удовольствия и пробормотал:

— Вы мне льстите, сэй Ян Шань.

— Ничуть, — со скрипучим смехом отозвался старый маг. — Пусть другие говорят, что им вздумается, но я, тоже постранствовавший на своем веку, знаю, что такое путь от Зингары до Кхитая.

Римьерос несколько оттаял.

— Но если вы так уверены, что я не задержусь в том «Благословенном Краю» надолго, то зачем хотели, чтобы я принял этот дар и затем пришел к вам?

Ян Шань откинулся в своем кресле.

— Когда-то, когда я был значительно моложе, то есть в вашем возрасте, я попытался пробраться в один из заброшенных храмов в джунглях. Дело в том, что в джунглях к юго-востоку от Тай Чанры все еще высятся древние храмы, посвященные богам, которые были стоящище тогда, когда Сэт не вылупился из своего Изначального Яйца.

Римьерос слушал мага со все возрастающим вниманием.

— Тогда я был молод и верил в свою удачу — так, как сейчас вы верите в свою. А всякая вера, как известно, бывает вознаграждена. И вот я пробрался в древний храм и обнаружил там нечто, чему до сих пор не могу найти названия. Думаю, его просто нет ни в одном из человеческих языков. Исполняющий Желания — звучит слишком грубо, к тому же, это не совсем так. Помощник в Любых Замыслах? Тоже не то. Словом, в том храме до сих пор лежит нечто, и, если я правильно понял один древний манускрипт, для каждого это нечто — разное.

— Не понимаю.

— Ну, представьте, что перед вами сундук, и вы говорите: «Хочу, чтобы он был полон золота». И он полон золота. А потом приходит, скажем, некто маг и говорит: «Хочу, чтобы в нем лежал эликсир Вечной Молодости». И в нем лежит эликсир.

Римьерос недоверчиво усмехнулся.

— А что будет, если подойдут сразу двое?

Ян Шань снова скрипуче рассмеялся.

— Хороший вопрос, но я как-то никогда об этом не думал... Видимо, победит тот, чье желание сильнее.

— Кому что нужнее, да?

— Совершенно верно!

— Так вы не добрались тогда до волшебного сундучка?

— Нет, не добрался, хотя теперь у меня есть ключ. Видите ли, мой принц, с возрастом желания утрачивают силу. Только пылкость юности способна завершить задуманное.. К тому же, отец нынешнего кайбона прознал, что я хожаю в его сокровищницах, и я еле ноги унес. А дважды туда ходить нельзя. Вы это, кстати, учтите.

— Вы хотите сказать, что я туда пойду?

— А почему бы и нет? Разве нет у вас заветного желания?

Римьерос задумался. Затем вскинул на хозяина темные глаза. На миг Ян Шаню снова стало не по себе, как тогда, когда они увидели друг друга в шаре.

— А что я буду должен за это сделать?

Маг рассмеялся — правда, с некоторым усилием.

— Почему же вы непременно должны за это что-то сделать? Я уже сказал вам — дважды туда войти нельзя. Для меня этот путь закрыт, а между тем ключ от саркофагов находится тоже у меня. В этом есть некая несправедливость.

— Впервые встречаю в этой стране человека, который предлагает мне что-то даром, — покачал головой Римьерос. Недобродушие полной невластиности над событиями снова зашевелилось в нем. Он пытался продолжить эту мысль, проникнуть за занавес тайны, разгадать тайные помыслы мага — но что-то противилось этому, точно хрустальная стена выросла в его сознании, разгородив его пополам. Он пытался думать — и не мог. Волю его точно высасывала зияющая черная воронка. Сил Римьероса оставалось лишь на то, чтобы слушать струящийся завораживающий голос — и соглашаться с каждым словом саккса.

— Вы, кажется подозреваете меня в недобром умысле? — Тонкие губы растянулись в усмешке. — Полноте, принц. Ну, сами подумайте, какая мне польза от скро-

вища, если я не могу его вынести из храма? Ларец, конечно, красив...

— Какой ларец? — насторожился принц. Слабость охватывала его все сильнее, и ему показалось, что он окончательно потерял нить разговора.

— Ларец-ключ. Не такой, которым отпирают обычные замки, а ключ магический. Его я добыл случайно, гораздо позже, чем все это случилось.

Римьерос по-прежнему был полон подозрений, но сомнения его по-прежнему оставались за хрустальной стеной. Он чувствовал неладное, но поделать ничего не мог.

— И вы даже не просите, чтобы я вернулся с сокровищем сюда? — сделал он последнюю попытку.

— Нет, не прошу.

— И не хотите от него даже части?

— Нет, уверяю вас, принц. Богатства мне не интересны. Я хотел лишь помочь вам. А если сам я и получу какую-то выгоду от того, что вы войдете в храм, — вам все равно не понять, что именно я получу. Это тайна, скрытая от непосвященных, и в вашем языке не найдется даже слов, чтобы описать ее. Так что каждый из нас получит нечто, что будет ему полезно — и никто не заступит другому дорогу. — Маг задумался ненадолго, затем поднялся с места. — Ладно, что спорить попусту. Давайте, я лучше принесу вам ларец. Уверяю, увидев его, вы и сами не пожелаете отказаться.

— Несите. — У принца больше не было сил сопротивляться. — Хотя я по-прежнему не понимаю, что вы затеяли..

Ему показалось, лицо мага озарило недоброй усмешкой, но тот стремительно развернулся и исчез за занавеской, отделявшей стенную нишу, так что, возможно, это лишь почудилось Римьеросу. Покопавшись в нише, Ян Шань извлек на свет шкатулку темного дерева с торчащим в замочной скважине ключом с головкой в виде человеческого черепа.

— Вот, посмотрите, только ни в коем случае не открывайте.

Шкатулка действительно была очень красива. По деревянной полированной поверхности шел неуловимый и подвижный узор волокон. Римьерос взгляделся — и ему показалось, что темная вода подхватила его и тянет прочь, на глубину, в черные омыты забвения...

— Осторожнее, — быстро сказал Ян Шань, дотрагиваясь до его плеча. Принц вздрогнул и очнулся. — Больше не делайте так. Это опасно.

Зингарец с трудом перевел дыхание.

— Ну, по крайней мере, я убедился, что эта вещь — действительно магическая. А где находится тот храм?

— Если в полдень встать на вершине холма Тай Чанры, то идти надо прямо на солнце. Иных указаний, к сожалению, нет. Это еще одна причина, по которой я хотел бы отдать вам шкатулку. Тогда я отыскал ее именно в канун солнцестояния. Я не уверен, получится ли его найти в другое время года. Ну что, вы решились?

Римьерос, старательно глядя в сторону, провел пальцами по прохладному дереву. Пожалуй, даже слишком прохладному...

— Я подумаю над этим, — пообещал он. — Но я предпочел бы, чтобы сокровище ждало меня в княжестве.

— Что ж, — улыбнулся Ян Шань, показывая белоснежные зубы хищника под тонкой полоской усов. — Быть может, оно вас и ждет...

— Но вы же сами только что сказали...

— Что в Тай Цзоне нет сокровищ? Верно. И все же, одно, по меньшей мере, имеется наверняка. Тай Юань умирает. И его жена, женщина редкой красоты, остается одна...

Римьерос всхихнул, вскочил на ноги и схватился за меч.

— Разве я сказал что-то обидное? — мягко спросил Ян Шань. — У нас принято, что вдова либо очень быстро выходит замуж, либо кончает с собой. Было бы жаль,

если бы ей, чужой нам по крови, пришлось исполнять наши обычаи.

— Чужой по крови? Она не кхитаянка?

— Нет, она из Турана. И при этом самая прекрасная женщина из всех, каких я когда-либо видел — а видел я немало. Разве это не сокровище?

— Мне еще.. очень трудно разбираться в ваших обычаях, — пробормотал Римьерос, совершенно сбитый с толку.

Голос мага лился в уши расплавленным золотом:

— Все это стоит того, чтобы хотя бы увидеть. Ведь мы живем один раз, и жизнь коротка...

— Да, — пробормотал Римьерос зачарованно, словно снова смотрел на текущее дерево шкатулки. — Да, конечно.

— Вы обещали мне подумать. И назавтра дать согласие в присутствии Императора.

— Да, конечно.

— А теперь идите, ибо час уже поздний. Я распорядился привезти сюда вашего барона Марко, он ждет вас внизу, чтобы проводить ко дворцу. Идите.

Принц кивнул, явно не понимая, что делает.

— Вот, возьмите ее. — Ян Шань втиснул в бесчувственные руки принца шкатулку. — Слушайте внимательно, и пусть каждое слово мое пребудет с вами. Вы войдете в дальний зал, самый дальний, там стоят вдоль стен четыре саркофага. Вы откроете шкатулку посреди этого зала. Только тогда, не раньше и не позднее. Запомнили?

— Я запомнил.

— Уна, проводи его, — негромко велел маг, и страшный старик, вынырнув как из-под земли, подхватил Римьероса под руки и повел вниз.

Принц шел, не чувствуя собственного тела. Но к концу витой лестницы колдовской туман почти весь выветрился из его головы. Увидев у себя в руках шка-

тулку, он недоуменно повертел ее в руках и, пожав плечами, чуть слышно пробормотал: «Посмотрим».

У входа в храм его и в самом деле ждал барон Марко — с двумя лошадьми. Он сказал, что Моу Па пришел и сказал, что не знает, долго ли пробудет принц у мага, а ему, Моу Па, нужно появиться до полуночи во дворце.

— Прекрасно, — отозвался Римьерос. — Превосходно. Я все решил. Мы поедем в это княжество, барон, и посмотрим, так ли оно никому не нужно, как нам пытаются внушить. Как вы относитесь к красивым вдовам, а? Кстати, который час?

— Светает, мой принц. Скоро рассвет. Вы просидели у этого человека всю ночь.

Пораженный, Римьерос придержал коня.

— Как всю ночь? Я пробыл у него не дольше часа.

Теперь настала очередь барона изумленно вскидывать брови.

— Вы пробыли у него всю ночь, мой принц. Взгляните на небо.

Звезды тускнели. На востоке небо становилось грязно-серым, теряя бархатную глубину ночи. Римьерос сглотнул.

— Не следовало мне забывать, с кем я имею дело, — пробормотал он. — Видно, я задремал у него в кресле. Что ж, в конце концов я жив, и слава Митре. Но эти его послы исполнения чего-то сокровенного...

Он оглянулся на узкое окно в башне, венчающей купол храма, похожего на турецкий шлем, чья спица торчит, прямая, как стрела, из складок чалмы.

Снова взгляды их встретились, и снова Ян Шань, хоть и знал, что зингарец, скорее всего, его не увидел, поспешно отвернулся.

— Пусть идет, — устало пробормотал он. — Пусть идет со своими рыцарями на верную смерть. Лишь бы он додел до храма и открыл шкатулку.

— Небеснорожденный даст зингарцу еще две сотни, и от Тай Чанры останутся одни дымящиеся развалины, — проскрежетал откуда-то снизу Уна.

— Да? — тонким и гневным голосом переспросил Ян Шань. — Если все так просто, как ты говоришь — тогда почему же вся императорская армия не в силах справиться с династией Тай уже тринадцать поколений? Что ты знаешь о Тай Цзоне и его князьях, глупец! Пусть этот напыщенный мальчишка хотя бы избавит меня от Четырех Спящих. Проклятый Тай Юэнь, хоть и трижды болен, так или иначе вынудит его отступить, и зингарец уведет Четверых далеко на запад. Они пойдут за ним, не сомневайся! — Маг бормотал торопливо, задыхаясь, точно спешил договорить, покуда голос его не прервался, и карлик-слуга, хорошо знавший, как опасен бывает его хозяин в таком состоянии, испуганно сжался в комок, ожидая, когда пройдет гроза. — Да, так будет! Они пойдут за ним, жаждущие крови, как пошли бы за мной, не останови я их своими чарами. Пойдут и будут преследовать вечно, до самой смерти и за ее порогом! Зингарский глупец снимет проклятие, тяготеющее надо мной. Он уведет за собою Страх! Быть может, после этого я смогу наконец пробраться к подземелью храма... Ради одного этого стоило расстаться со всеми сокровищами мира — что перед этим какая-то шкатулка! Что перед этим Тай Цзон и все его мнимые богатства! Что перед этим вся империя! Мальчишка заберет с собой мой Страх...

Глава шестая Серебряный колокольчик

«Конану из Киммерии — князь и духовный хранитель Тай Цзона.

Молю тебя и заклинаю именем твоего супротивного бога Крома, Владыки Могильных Курганов, приди на помощь мне и моему народу. Прошу тебя об этом если не в память о нашей давней дружбе — ибо вряд ли можно назвать дружбой несколько дней, проведенных под одной крышей, — то в память о выпитом вместе вине и съеденном вместе хлебе. И я, и семья моя, и беззащитный народ мой ныне волею Императора Кхитая свергнуты в наихудшую беду, которую только можно измыслить.

Прошу тебя, приезжай как можно скорее, потому что даже выехав наутро от получения этого письма, ты опередишь захватчиков на три дня, не более.

Доставившему письмо можешь доверять вполне: это старейший мой советник. Пусть не беспокоит тебя та легкость, с какой он нашел вас: он немного маг и весьма искусен во всем, что касается нахождения нужных людей и сведений».

Писано в Доме-на-Вершине-Горы, в ночь Солнцестояния, год правления Династии Минь сто третий. Тай Юэнь Чжанг из династии Тай.

«Письмо это доставьте недавно прибывшему в страну огромному северянину, синеглазому и черноволосому. Он путешествует с девушкой-туранкой, еще одним высоким и светлокожим человеком с запада и карликом из гирканских степей. Они должны были остановиться на каком-нибудь постоялом дворе на окраине города.

Северянин этот грозен с виду и в столице скорее всего промышляет разбоем, но никогда не откажет в помощи, если его как следует попросить, и потому вы заставьте его прочесть это письмо, как бы он не отпирался. Скажите, что я велю дать вам по пяткам сто ударов бамбуковой палкой или сдеру с живых шкуру — словом, придумайте что-нибудь пострашнее. Если станет упрямиться — суните камни, золото. Если откажется даже после этого, скажите ему, что за спасение нашего княжества я предреку ему жизнь на десять лет спереди.

Тай Юэнь Чжанг»

Моу Па недоумевающе смотрел на оба письма, и вид у него был при этом самый потешный. Если бы его мог сейчас видеть Римьерос, он, наверное, умер бы от рези в животе.

— Я не понимаю, — сказал он наконец склонно. — Я отправил Чу только вчера поздно ночью, как мог он домчаться до Тай Чанры так быстро, что сегодня утром я уже увидел тебя, мой господин?

Старый Тай Кин Бо улыбнулся, отчего все морщинки на его лице сбежались к уголкам глаз и рта.

— Ты слишком давно не был дома, — сказал он. — И отвык. Кайбону вовсе не нужно было твое письмо. Я отправился в путь пять дней назад, едва зингарец прибыл

в столицу. Почему же лицо твое помрачнело? Ты ведь так и хотел, чтобы я оказался здесь побыстрее, разве нет?

Моу Па опустил голову так низко, что тонкая косица его, перевязанная шелковым шнуром, задралась вверх.

— Я и в самом деле отвык. Зачем же я тогда здесь? Теперь я понимаю, почему он так улыбался, когда я пылко объяснял ему, на что нам может понадобиться свое ухо при дворе. Я забыл, что он сам — глаза и уши всего мира...

Старик чуть качнулся седой головой и дотронулся двумя сложенными пальцами до склоненного лба юноши.

— Я знаю, чему он улыбался. Уговаривая его отпустить тебя в столицу, ты пекся ведь не только о благе нашего маленького княжества, правда? Тебе хотелось пожить здесь, среди вельмож, богачей и поэтов, увидеть цветение хризантем и пионов в саду Императора. И ничего постыдного или злого нет в юношеском любопытстве, а Тай Юэнь, слава богам всех Четырех Миров, еще достаточно молод, чтобы помнить неуемное хотение знать все на свете, которое тянет таких, как ты, прочь из родительского дома. Подумай лучше вот о чем: при всем умении нашего князя пророчества будущее, к кому бы я пришел сегодня, не будь здесь тебя? А так я могу называться твоим богатым родичем из какой-нибудь отдаленной провинции. И мы вместе поищем этого северянина, как того хочет кайбон.

Моу Па снова посмотрел на свитки — один из них был написан тонкими, словно следы множества птиц на снегу, кхитайскими иероглифами, второй — прихотливой вязью знаков турецкого языка.

— Воля кайбона священна, и я займусь поисками немедленно.. — сказал наконец он, еще раз прочтя оба послания и аккуратно сложив в ларец черного лака то, которое предназначалось чужаку. — Мне кажется, я знаю, о ком здесь идет речь. Не так давно здесь появилась

новая невиданная шайка воров — одного из них, говорят, просто можно показывать ради наживы за деньги, так похож он на огромную обезьянку. Но разыскать в столице нужного человека и так нелегко, что же говорить о том, кто нарочно прячется?

— А вот как раз для этой цели государь дал мне одну вещицу, — улыбнулся Тай Кин Бо. — Очень полезную вещицу.

Он огляделся по сторонам и вдруг жестом вендинского файкъя раскрыл ладонь, в которой — Моу Па мог поклясться в этом всеми Десятью Святынями — за миг до того не было даже медной монетки. А теперь в его выгнутых лодочкой пальцах стоял маленький изящный колокольчик, вроде тех, что привязывают на праздничное шествие к ошейникам и попонкам придворных псов. Осторожно, словно редкостную бабочку за кончики крыльышек, Кин Бо приподнял его и еле заметно тряхнул рукой.

По комнатке раскатился звук, напоминающий звук храмового гонга — только в тысячи раз тише и нежнее. Эхо, заметавшись от стены к стене, стихало медленно, словно не хотело расставаться с этим чарующим звоном.

— Серебряный колокольчик императрицы Утан Мин Ла! — в благоговейном изумлении вскричал Моу Па. — А я слыхал, что он исчез из нашего мира еще при прежней династии! Ведь говорили, что тот вендинский принц выкрад отца и бросил в море, чтобы отец его возлюбленной никогда больше не смог найти дочь. Какое чудо! Я никогда не видел его даже издали! Тогда нам достаточно будет подойти к дому Верховного Жреца — именно там он побывал в последний раз. И еще до темноты мы отыщем его!

Его восторги могли бы, вероятно, продолжаться бесконечно, но тут к нему в каморку — разумеется, не стучась, — почти бегом ворвался Римьерос, а вслед за ним, тут же заполнив собою всю комнату, вошел барон Марко.

— Да у тебя гости! — несколько преувеличенно изумился принц вместо приветствия. — Гони его прочь, мне нужно с тобой поговорить.

— Говоитти? — переспросил Моу Па, выгнув и без того округлые брови. — Не боисся. Она нисего не поимет. Она — моя брата оцца. Она не знает аквилонски.

— Да? — Принц оглядел подозрительно невесту откуда взявшегося «дядю», но Кин Бо сохранял на лице столь безмятежное выражение, что зингарец счел его и в самом деле вполне безобидным. — Скажи-ка мне, знаком проинций, правда, что жена того князя — туранка? И к тому же красавица?

Моу Па растерянно взглянул на Тай Кин Бо. Тот еле заметно мигнул.

— Пиравда, — ответил юноша. — Осинь карасива.

— А что за столицей в джунглях стоят древние храмы с сокровищами — тоже правда?

— Пиравда, пиравда, — усиленно закивал Моу Па. — Ян Шань хотела взятти, мала-мала не смогла. Давно иссе. Сила нузно. Воиско нузно. Мага — ниэт, никак.

— Ну разумеется, — мрачно вставил барон Марко. — Сам не справился, теперь нас посыпает.

— А мы в столицу возвращаться не будем, — весело отозвался Римьерос. — Он сам сказал, что ничего оттуда не хочет. Может, и собирался он как-то заставить нас вернуться, но как он это сделает теперь, когда у меня пятьсот человек войска? Глупец! Моу Па, ты знаешь, как туда добраться, чтобы нам не брать провожатого у Ян Шаня?

— Моя зинаети, — снова закивал Моу Па. — Две дни — дорога, патом две дни — тязело, но коротоко.

— А длиннее, но все время по дороге? — быстро спросил Римьерос.

— Пяти дни.

— Превосходно! Пусть Ян Шань думает, что я, как дурак, поволоку сундук к нему. Мы уж как-нибудь раз-

беремся с его сокровищем сами. Прекрасно! Как только Император наберет лучников, мы тронемся в путь. Что ж, больше мне от тебя ничего не нужно.

Он величественно кивнул кхитайцам и вышел. Вслед за ним с озабоченным видом вышел барон Марко. Более всего эта странная военная кампания доставляла хлопот именно ему.

Моу Па низко поклонился им вслед, пряча перекошенное от злобы и гнева лицо.

— Набери побольше воздуха в грудь, сын мой, и медленно выдохни, — улыбаясь, сказал ему Тай Кин Бо. — Сейчас не время предаваться гневу, нас ждут дела гораздо более важные и срочные.

* * *

— Да не прогневается на ничтожнейшего из слуг Падды Сияющий Полуночный Дракон, Разящий без Промаха, Носящий Два Меча...

— Короче! — рявкнул Конан. Маленький кхитаец, желтый, как спелый лимон, бормотал бесконечную свою скороговорку и никак не мог добраться до сути. Киммериец уже жалел, что не вытолкал его взашей сразу, едва этот узкоглазый появился на пороге. Но любопытство взяло верх: стоило узнать, что заставило вельможу заплатить полный кошель золота за то, чтобы выяснить, где именно скрывается шайка гиганта-северянина, вот уже пол-луны безнаказанно опустошающая богатые дома и храмы столицы Поднебесной Империи.

Мудрый владелец постоянного двора «Золотая Крыша» сначала донес Конану, что его желает видеть «по важному делу» какой-то небедный господин, а уж потом разрешил своему мальчишке сообщить господину, где разместилась шайка Конана из Киммерии. Судя по затканному золотом шелковому халату поверх множества иных одеяний, господин, разыскивающий северянина, и в самом деле был небеден.

— Говори внятно, старик, зачем пришел, не то, клянусь Кромом, за дверь ты вылетишь еще проворнее, чем болтаешь языком! Ну, что тебе от меня понадобилось?

Кхитаец, видимо, только начавший перечислять все мыслимые и немыслимые титулы, коих заслуживал в его глазах Полуночный Дракон, осекся на полуслове и растерянно заморгал. Но вскоре снова обрел дар речи:

— У меня к тебе дело, о несравненный воин, равный отвагой и искусством одному лишь...

— Золотому Дракону непобедимого Бо-Цай, трехголового бога войны, я знаю, — закончил Конан и в сердцах так грохнул кулаком по столу, что подскочили и зазвенели фарфоровые плошки. — Так выкладывай свое дело наконец, Нергал тебя побери!

Ночной посетитель, ожидая, что следующий удар придется по нему, испуганно втянул голову в плечи, прикусив язык. Его маленькая лысая головка утонула в бесчисленных воротах многослойных одежд, и старик сразу стал похож на большую черепаху. Выглядело это так забавно, что Конан не выдержал и расхохотался. Несколько приободрившись, кхитаец неловко улыбнулся ему в ответ и вынул из рукава халата узкий футляр. Киммериец опасливо раскрыл лаковую коробочку, сжидая любого подвоха — но в футляре был всего лишь небольшой свиток. Развернув его на столе, Конан прочел, щуря глаза в тусклом свете масляной лампы:

«Конану из Киммерии — князь и духовный хранитель Тай Цзона.

Молю тебя и заклинаю именем твоего сурового бога Крома, Властителя Могильных Курганов, приди на помочь мне и моему народу. Прошу тебя об этом если не в память о нашей давней дружбе — ибо вряд ли можно назвать дружбой несколько дней, проведенных под одной крышей, — то в память о выпитом вместе вине и съеденном вместе хлебе. И я, и семья моя, и беззащитный

народ мой ныне волею Императора ввергнуты в наихудшую беду, которую только можно измыслить.

Прошу тебя, приезжай как можно скорее, потому что даже выехав наутро от получения сего письма, ты опередишь захватчиков на три дня, не более... Тай Юэн Чжант из династии Тай».

— Ну, и что все это значит? — спросил Конан, прочитав письмо. Самое удивительное в этом послании было не то, что какой-то кхитайский князь просил его о помощи, ссылаясь на давнее знакомство, а то, что письмо было написано на туранском языке — изящной, легкочитаемой вязью, как будто писавший знал, что кхитайские знаки варвару понятны не более, чем темные иероглифы Стигии.

— Пусть позволит Солнцеподобный объяснить, — быстро, словно боясь, что его тут же перебьют, заговорил старик. — Недавно ко двору Императора прибыли иноземные послы. Знатный князь из Зингары привез Императору драгоценный дар, и Повелитель Звезд отдал ему за это наше маленькое княжество, Тай Цзон. Кайбон наш, Тай Юэн, да снизойдет на него милость Падды, уже много лет болен, сыну его едва сравнялось десять зим. И потому Дваждырожденный решил поставить над княжеством иноземного правителя, коль скоро, как он думает, власть ныне в нетвердых руках. Но нам не нужен чужестранец! — Личико кхитайца сморщилось, словно из его головы-лимиона разом отжали сок. — Мы любим нашего государя и скорее будем дожидаться вступления в Мужской Возраст юного принца, чем покоримся тому темному, с лицом хищной птицы!

Конан хмыкнул: зингарец, по его мнению, больше смахивал на спесивого петуха, чем на хищную птицу. Но старик, несомненно, говорил именно о герцоге Лара. Так вот он, оказывается, зачем прибыл в Кхитай! Римьерос Безземельный решил отвоевать себе на стороне собственное королевство — с благословения Императора.

— Ну ладно, а я-то вам на что? У вашего князя, как бы стар и болен он ни был, должна быть армия, должны быть люди... Что я сделаю один? У зингарца сотня своих мечников, да Император ему даст еще две сотни!

— Мой кайбон сказал мне, что ты один можешь разгромить целую армию, о могучий! — Стараясь придать больше убедительности своим словам, ххитаец прижал к груди сплетенные пальцы. — Скажи, что ты хочешь за свою службу — и, хоть и бедно наше княжество, мы отплатим тебе щедро!

Конан впервые за весь разговор взглянул на старика с некоторой заинтересованностью.

— Щедро, вот как? Что же это у вас за страна такая — княжество бедно, правитель стар и немощен, наследник — едва ходить научился... Что с вас взять?

Ххитаец обиделся.

— Правитель наш, святостью близкий к Великому Учителю Падде, не стар и не немощен! — Голос вельможи сорвался на высокую ноту. — Ему передалась часть Божественной Силы всех государей Тай Цона! Жалея нас, недостойных, он исцелял всех, кто приходил к нему. Все, кто хотел, получали его благословение и предсказание, шла ли речь о рождении ребенка или урожае риса! И вот однажды мы подобрали в горах путника — израненного, еле живого. Наш князь принял чужестранца в своем Доме-на-Вершине-Горы, вылечил его. Вскоре тот ушел. Но свою болезнь он оставил государю, и вот уже три года мучают нашего князя боль в груди и кашель. И не исцелить их ни травами, ни постом и молитвой... — Старик говорил все тише, тонкий его голос был уже еле слышен, как бывает еле слышен голос сказителя, когда он то ли поет, то ли говорит в сумерках у очага. — А последние месяцы начал он кашлять кровью, и очень боимся мы, что Учитель Падда заберет его к себе, столь велика сила и святость его... Мы теперь стараемся его не беспокоить, и приходим за предсказаниями только в слу-

чае крайней необходимости — когда засуха или мор на скотину и птицу...

Киммериец слушал старику сдвинув брови.

— Он что же у вас — колдун?

— Нет, он — святой, — с убежденностью ребенка заявил ххитаец. — В его руках — Изначальная Сила Падды.

Конан мельком взглянул на свои руки. В них тоже таилась когда-то Сила. Год потратил он на то, чтобы обрести ее: год ученичества у святого старца, год мучений, неудач, проб и ошибок. Но в конце концов ему удалось вызвать дремлющую в нем до поры искру ясного голубого пламени — так что ладони его превращались в чашу, полную живого огня. Год понадобился ему, чтобы понять: эта Сила — не для него. Но Конан не считал этот год потраченным зря. Помимо умения метать молнии из ладоней, старец научил его искусству владения клинком, Искусству Убивать. И, быть может, не так уж и не прав этот таинственный князь, заявляя, что Конан один стоит целой армии. Вот только откуда он об этом знает? Или слава о Конане-с-двумя-мечами докатилась уже до самого Края Мира?

— Предсказание, — хмыкнул Конан. — И сбываются они, эти его предсказания?

— За все тринадцать поколений ни один кайбон Благословенной Земли не ошибался еще ни разу, — с гордостью заявил старик. — Все, что говорит наш князь, исполняется в точности. Только на глупые вопросы никогда не дает он ответа. — Тут посланник святого кайбона посмотрел на Конана почти сурово. — Поэтому если есть у тебя вопрос, ты получишь на него ответ — если этот ответ существует.

— А какие это вопросы — глупые? — сощурился киммериец.

— Никогда не спрашивай, в какой день умрешь, никогда не спрашивай, что есть горе, а что счастье, —

нараспив ответил кхитаец, словно повторял наизусть свод правил. — Никогда не проверяй сплетен, никогда не спрашивай о том, что тебе запретили знать... Однажды — это было триста лет назад — к кайбону Тай Цзон пришел глупый человек и спросил: «В чем смысл жизни?» Кайбон не может отказать никому из своего народа, и он попытался узнать ответ на этот вопрос...

— Ну и?

— Он ушел в горы и не возвращался тридцать лет. А когда вернулся — он был уже не человек, он был Бог. Он принес ответ на глупый вопрос, но к тому времени спрашивавшего уже не было в живых. — Кхитаец посмотрел на Конана, как тому показалось, лукаво. — Поэтому лучше всего задавать вопросы, на которые можно просто ответить «да» или «нет».

— А лучше всего — не задавать вовсе, — понимающе усмехнулся киммериец. Перед глазами у него, как живое, встало смуглое узкое лицо с тонкими чертами и темными, чуть раскосыми глазами. «Умение задать правильный вопрос — это искусство. Сам я никогда не испрашивал себе предсказания в Храме Огня».

«Интересно, где сейчас Юлдуз со своей милашкой? — подумал вдруг Конан. Давно он не вспоминал о старом приятеле — а тут вдруг... — Ведь должен жить где-то здесь, в Кхитae. Может даже, в этом самом Тай Цзоне. При дворе у тамошнего князя. Иначе откуда бы тому знать обо мне — да и туранский выучить откуда?»

И Конан погрузился в воспоминания.

Десять лет назад киммериец служил в войсках Повелителя Турана — тогда еще Илдиза, а не Ездигерда. Когда его отряд стоял под Хоарезмом, охраняя в дни Весеннего Гадания священный свиток, к Конану пришел юноша лет восемнадцати, красавец-полукровка. Он назывался сыном ткача, но владел мечом и держался в седле лучше иных опытных воинов.

Позже выяснилось, что Юлдуз — сын кхитайского

вельможи-изгнанника, а в дом почтенного Бахрама, где происходило Весеннее Гадание, он пришел не за тем, чтобы наняться в войско Илдиза Туранского, а выкрасть свою невесту, несравненную Фейру. Конан, отчасти из озорства, отчасти из дружеского расположения к влюбленным, помог им тайно пожениться и бежать в Кхитай, но до того Юлдуз успел спасти ему если не жизнь, то по крайней мере свободу.

К тому времени с отца его уже было снято обвинение в измене, и Юлдуза на родине должно было ждать богатое наследство, но кто знает, что стало в конце концов с влюбленной парочкой.

Три года назад к власти в Кхитae пришел новый Император — то ли дядя, то ли двоюродный брат старого. При нем, как был уже наслышан Конан, многое переменилось. Головы знатнейших сановников вскоре красовались на пиках на Мосту Двенадцати Драконов, а их княжества отошли новым владельцам, подчас не имеющим не только множества поколений благородных предков, но и смены одежды. Вот и снова приходит со стороны чужак — мало того, чужестранец — и ему позволяют силой взять княжество, слишком бедное и слабое, чтобы достойно постоять за себя.

— Ладно, — сказал Конан, хлопнув ладонью по столу. — Так и быть, попробую вам помочь.

Лицо кхитайца расплылось в довольной улыбке.

— Значит, у Дракона с Двумя Мечами есть заветный вопрос к нашему кайбону. Я так и думал, что великий воин захочет узнать, что ждет его впереди. Твой недостойный слуга даст тебе провожатого, и через четыре дня...

Конан предупреждающе вскинул руку:

— Стой, старик! Со мною мои люди, и их вряд ли заинтересует простое предсказание. С ними нужно будет расплатиться по-настоящему, понимаешь?

Тай Кин Бо усиленно закивал.

— Мы наслышаны о подвигах Полуночных Гостей. Золото, камни — вот что прельщает их взоры. То, что переходит из рук в руки, но не становится от этого теплее. Если ты считаешь, что такой награды довольно твоим людям, да будет так.

— Что ж, по-твоему, предсказание ценнее? — Конан испытующе посмотрел на кхитайца. Но тот был серьезен, как изваяние Падды.

— Нет ничего ценнее знания о том, что было, — ответил он. — За это знание Император подарил иноземному принцу наше княжество. Но знание о том, что будет — дар поистине бесценный. И только великой щедростью своей расточал его наш кайбон на наши ничтожные нужды. Но таков обычай. Если бы пришел через горы чужестранец и представал перед кайбоном с просьбой: «Предскажи мне судьбу мою», — он заплатил бы ту цену, какую назначил бы кайбон. Даже если бы эта была его жизнь.

Глава седьмая Дом на вершине горы

Голубь Тридцать Пятый:

«Высокородный принц Римьерос, герцог Лара — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зингары и правителю Карских островов.

Брат мой, сим извещаю тебя, что возвращение мое в Кордасу откладывается весьма надолго, если не навсегда. Император Кхитая подарил мне мое собственное королевство, и я буду сидеть в нем, покуда не изловлю Конана-киммерийца — если не всего, то хотя бы голову. Или пока не поседею и не лишусь всех зубов — в зависимости от того, что произойдет ранее.

Принц Римьерос, герцог Лара».

— Да тихо ты! — еле слышно шипел снизу Конан на Силлу. — Что ты хихикаешь, как больная обезьяна? Он же сейчас проснется!

Принц и в самом деле заворочался во сне, и Силла, влезавшая с плеч Конана в окно его спальни, замерла посреди комнаты на одной ноге.

Римьерос пробормотал что-то бранное и перевернулся на другой бок. Силла перевела дыхание. Прокравшись к

клетке с голубями, где оставалось только две птицы — белая и пестрая, она осторожно протянула руку к той, что сидела ближе. Молниеносно выхватив пестрого голубя из клетки, она замотала ошеломленную птицу в темную шаль. Голубь замер. Второй, оставшийся в клетке, даже не заметил исчезновения товарища.

Было раннее утро, от реки поднимался туман, располагаясь белыми прядями меж черных влажных стволов. Силла притопывала на месте от нетерпения, сдержанно хихикая. Конан деловито приложив письмо к лапке перепуганной птицы.

— Да не бейся же ты так, глупая, ведь если я сломаю тебе крыло, как ты полетишь? Ну вот, готово!

— Дай я, дай я! — тянула к голубю руки Силла.

— Держи.

Она несильно сжала птицу меж ладоней, на миг приложила ее к своей щеке — и вдруг резко подбросила в воздух. Посланец почти тотчас же исчез в густом тумане.

— Ну вот, можно сказать, грех мы твой искупили, — с удовлетворением заявил Конан. — Король Зингары получит-таки весточку от нашего принца! Теперь — едемте!

Моу Па проводил их до городских ворот — сейчас он не мог ехать с ними, но собирался незаметно улизнуть от Риммероса где-нибудь по дороге.

Торопясь в Тай Чанру, Кин Бо избрал самый короткий, но и самый глухой путь. И все же дорога через джунгли и предгорья отняла у них меньше времени и сил, чем если бы они путешествовали как все, по общему тракту.

В дороге Тай Кин Бо рассказал им все, что знал сам. Что Сила переходит от отца к сыну: наследник принимает ее с последним вздохом родителя. Что именно поэтому много веков в княжестве нет межусобиц и войн, нет надобности в оружии и армии. Все, что нужно жителям, они добывают для себя сами, и потому связей с окрестными крупными городами тоже почти нет. Налоги в казну

княжество всегда платило исправно, ничего другого Императоры Кхитая никогда с него не требовали. Но пришел к власти нынешний правитель и начал забирать людей воевать. Тайцзонцы отказались сражаться, отказались и признать Императора верховным владыкой. И тот затаил злобу...

Наутро третьего дня пути они выехали из-под полога леса в огромную горную долину. Горы здесь были невысокие, слоистые и древние. Залежи меловых пород давно размыло водой, и скалы были просто испещрены сложными ходами и лабиринтами — наполовину природного, наполовину искусственного происхождения.

Над долиной, упираясь в отвесный высокий склон, полого поднимался зеленый холм — словно пышный пирог пытались разрезать каменным ножом. По склону холма террасами взбирался город, и мощеные улицы продолжались входами во внутренние пещеры. На самой вершине холма стоял большой многоярусный дом, его золотые крыши, ярко сияющие на солнце, были хорошо видны отовсюду. Задней его стеной опять-таки служила отвесная скала.

— Это и есть ваш Дом-на-Вершине-Горы? — полюбопытствовал Конан.

— Да, это Тай Чанру и дворец кайбона, — ответил Кин Бо. — Вон там справа — городские ворота. Лошадей надо будет оставить внизу, им тяжело карабкаться в гору — да и незачем.

Городские террасы соединялись меж собой множеством прихотливых лестниц, тогда как сами террасы представляли собой сужающуюся спираль. Лошадям действительно пришлось бы обходить весь город, чтобы подняться к вершине.

От предпоследней террасы наверх ко дворцу вела широчайшая лестница в несколько больших пролетов. Широкие площадки между пролетами были украшены каменными драконами и львами, у которых были почему-то

не львиные, а собачьи морды, так что Силла прыскала в кулак, глядя на их улыбающиеся пасти и задорно вздернутые хвосты.

На второй площадке еще издали была видна пестрая толпа царедворцев, встречающих будущего избавителя княжества. Они держались большим полукругом, разомкнутым в центре, где стоял сам князь — в просторных черных с красным исподом одеждах, шитых золотым шелком. Белые нижние одежды красиво оттеняли его бронзовую кожу и густые иссиня-черные волосы.

Едва маленький отряд достиг середины второго проleta, князь — и в самом деле еще совсем молодой — кинулся навстречу Конану вниз по ступеням.

— Наконец-то! — воскликнул он по-турански, и киммериец, хмурясь, остановился, не дойдя до площадки.

Князь был смугл, тонок в кости и немыслимо красив. Подчеркнутые скулы и прямой, точеный нос выдавали в нем примесь какой-то иной, скорее всего туранской или иранистанской крови. Разглядывая его, Конан заметил, что правитель Тай Цона не просто худ, а действительно изнурен долгой болезнью — слишком ясно видна была каждая косточка его тонких, изящных, как у женщины, рук, слишком ярким, лихорадочным блеском горели темные, чуть раскосые большие глаза.

Если бы не эта худоба, Конан, наверное, сразу узнал бы его. Но ему понадобилось еще раз услышать мягкий, глубокий голос, чтобы окончательно удостовериться:

— Что же ты молчишь, мой ун-бashi, мрачен и суров, словно тебя коснулся крылом Дух Серых Равнин? Ты не узнал меня?

— Юлдуз!! — во весь голос заорал Конан и, не церемонясь, сгреб святейшего князя в свои медвежьи объятия. — Похититель пленников и невест! Вот уж не думал, что это письмо — от тебя! А как поживает прекрасная Фейра?

— Ты увидишь ее сегодня — если, конечно, выпустишь меня и дашь вздохнуть, — отозвался Юлдуз, ныне именуемый Тай Юэнь, князь и духовный хранитель Благословенного Края. — Но, может, ты сначала познакомишь меня со своими спутниками? До нас долго доходят новости из столицы, но о том разорении, что учинила ваша шайка, я уже наслышан! Это, несомненно, краса всего Турана Силла, — он с улыбкой поклонился покрасневшей девушки.

Та только дернула плечом, не зная, как ответить на такое приветствие.

— Ну, это — Кинда, — Конан вытолкнул вперед карлика, который с достоинством варвара, сознавшего, что род его идет от богов, коротко кивнул и снова отошел назад. — Воин редкого умения и силы, он из гирканских степей. А это — Сагратиус Мейл, наш духовный наставник и исповедник. Охотнее всего он ведет спасительные беседы с молодыми девками и бочонками доброго вина. Митра велел ему бродить по свету и увещевать заблудших, а я, как ты знаешь, самая заблудшая душа во всей Хайбории! — со смехом заключил Конан, хлопая гиганта по плечу, за что в ответ получил дружеского тычка под ребра.

— Если вера твоя неправедна, князь, или черные сомнения грызут твою душу, — пробасил Мейл, — приходи ко мне вечерком, и я поведаю тебе, как прекрасен все-благой Митра! Он добр ко всем своим детям, не оставит он и тебя своей милостью!

— Я непременно воспользуюсь когда-нибудь твоим любезным приглашением, — отозвался, улыбаясь, Тай Юэнь. — Но сейчас — вы мои гости, и, наверное, устали с дороги. Идемте. У нас в запасе еще не менее четырех дней — я постоянно слежу за войском зингарского принца, и потому знаю каждый его шаг. После обеда я расскажу тебе, какими силами здесь располагаю, и ты убедишься, сколь они ничтожны...

Говоря это, кайбон сделал приглашающий жест и начал неспешно подниматься по ступеням к дому; Конан с товарищами последовал за ним. Поравнявшись с придворными, застывшими в поклонах на площадке, Тай Юэнь махнул им рукой, что, видимо, означало разрешение удалиться. И все же не менее десятка человек, держась на почтительном расстоянии, пошли вслед за князем и его гостями.

— Ты и в самом деле болен, Юлдуз? — негромко спросил Конан, глядя на изможденное лицо друга. — Твой смешной старик — кажется, его зовут Кин Бо — сказал, что у тебя чахотка. Тебе нужно больше охотиться и есть не траву и листья, а мясо, причем лучше всего сырое.

— Учение Святого Падды запрещает убивать, Конан, — отозвался Тай Юэнь. — Мы не охотимся и не едим ни мяса, ни птицы, ни даже рыбы. Но тебе никто не запретит бить дичь в моих землях. Я еще не сошел с ума, чтобы заставлять Конана-киммерийца питаться одной зеленью! — рассмеялся он.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сдержанно напомнил Конан.

Смех Тай Юэня сразу стих.

— Да, я болен, — ответил он. — И потому Император полагает, что династии правителей Тай Цзона будет полезно добавить немного свежей крови. Но посланный им зингарец просто выжмет из моей земли все соки, перебьет за неповиновение половину жителей и уедет. После чего Императору, конечно же, легко будет прибрать Тай Цзон к рукам!

— А на что ему твое княжество? Тай Кин Бо говорил, что вы небогаты...

— Небогаты, потому что не стремимся к этому. Но в наших горах находится самый большой серебряный рудник Кхитая. Жила едва почата, потому что мы не добываем серебро на продажу, разве что для своих нужд,

а они невелики. В джунглях все еще стоят древние храмы, полные сокровищ — мои предки вывезли драгоценности только из двух. Но пока здесь правлю я или мои дети, никому не удастся проникнуть в подземелья храмов. Митра даровал нашему роду магическую силу, а Учитель Падда показал, как ею пользоваться...

— Мне казалось, твой народ поклоняется богу Падде, — перебил его изумленный Конан. — А ты поминаешь Митру как верховного бога. Как это понимать?

Юлдуз скосил на него темный смеющийся глаз.

— Но ведь и ты чтишь пресветлого Митру как верховного бога, раз носишь два меча? — улыбаясь, сказал он. — А Святой Падда — не бог, а Учитель. Ты ведь знаешь разницу между Богом и Учителем, Конан? Или я ошибаюсь, и ты не был в прекрасном саду, что чудесным образом цветет посреди пустыни?

Глаза Конана расширились, затем он рассмеялся.

— Я совсем забыл, с кем имею дело! А ты и впрямь пророк! И многое ты можешь так увидеть?

— Почти все, что есть, кое-что из того, что было, и уж совсем немногое — из того, что будет. Но об этом после. Сейчас нас ждет обед. — Тай Юэнь лукаво посмотрел на Конана. — И Фейра.

Киммериец улыбнулся, собираясь спросить, сильно ли изменилась строптивая девчонка, став знатной дамой, но тут Тай Юэнь вдруг согнулся, словно его ударили в живот, и зашелся хриплым, тяжелым кашлем. Сзади подбежал один из придворных, подхватил князя под руки. Тай еще мгновение постоял, согнувшись, потом выпрямился, медленно переводя дыхание и комкая отнятый от рта платок в красных пятнах. Придворный осторожно вынул платок у него из пальцев и спрятал в рукаве своего просторного одеяния. Князь что-то сказал ему по-кхитайски и вымучено улыбнулся Конану.

— Извини. Со мной это теперь часто случается. Пойдемте в дом.

— Погоди, возьмусь я за тебя, — проворчал себе под нос киммериец. — Ишь чего выдумал — от таких пустяков подыхать.

Тай Юэнь сделал вид, что не рассыпал. Но про себя с улыбкой подумал, что его грозный ун-бashi ничуть не изменился за прошедшие десять лет. Когда-то он взял на себя ответственность за восемнадцатилетнего мальчишку, оставшегося после смерти отца без родных и крова над головой. Что с того, что теперь его бывший наемник сделался князем? Он позвал на помощь, и Конан снова полагал себя ответственным за него, как десять лет назад. «Будет так, как ты скажешь, мой ун-бashi», — говорил когда-то юный сын кхитайского князя гиганту-киммерийцу. «Будет так, как ты скажешь, Конан, — молвил негромко ныне владыка и провидец, ведя гиганта-киммерийца в свой дом. — Всегда и везде будет так, как ты скажешь».

Фейра мало изменилась за прошедшие десять лет. Во всяком случае, встретила она Конана так же, как с ним рассталась — с визгом кинувшись на шею. Сняв ее на конец с себя, киммериец оглядел княгиню с ног до головы и молчал так долго, что она забеспокоилась:

— Почему ты так смотришь? Я подурнела?

— Ты просто прекрасна, — искренне выдохнул Конан, вызвав у Силлы вопль негодования.

Киммериец со смехом обернулся к подружке:

— Умение восхищаться чужой женой — не порок, а добродетель. Вон спроси у Сагратиуса. К тому же у нее на свадьбе я, за неимением никого другого, изображал брата невесты, так что с этой стороны тебе опасаться нечего. Смотри лучше не влюбись в Юлдуза!

— Вот еще! — обиженно фыркнула Силла.

За трапезой Тай Юэнь рассказал Конану, как в княжестве обстоят дела в армии и оружием.

— Все, что у нас есть, — это пятьдесят наемников-вендинцев, несущих стражу при дворце и храме Падды.

Обычай наемных воинов очень стар, уже никто и не помнит, зачем это делалось. Однако все они очень неплохие воины. Но все упирается в то, что тайцоны не оскверняют себя ношением оружия. Мы могли бы на время осады уйти в скальные лабиринты и по ним выйти в другие долины, а оттуда напасть с тыла, но для этого надо, чтобы оружием владел хотя бы каждый третий. Можно было бы сформировать отряды, которые осторожно тревожили бы зингарца еще на подходах, — но наша вера запрещает убийство, даже ради спасения собственной жизни.

— Что-нибудь придумаем, — отозвался Конан. — А как ты следишь за продвижением зингарца?

— Просто вижу, — отозвался Тай Юэнь, пожав плечами. — Стоит мне о них подумать, как эти воины встают у меня прямо перед глазами. Сейчас они еще далеко.

— Много ли у нас времени? — спросил Конан.

— Дня три, — отозвался Юлдуз.

— Есть ли у вас в пещерах запасы еды и питья?

— Да, конечно. Как только я понял, что происходит — вернее, скоро произойдет, — я распорядился начинать скапливать на ледниках и просто так все, что возможно. А вчера оповестил всех, чтобы свозили в пещеры все ценности, какие им жаль потерять. Там можно высидеть и полгода, и год — а можно вообще уйти на ту сторону гор.

— Ты не потерял сноровки, клянусь Кромом! — рассмеялся киммериец. — Что ж, пусть идут, мы устроим им достойную встречу!

Три последующих дня Конан занимался муштрой вендинцев. Они и в самом деле оказались хорошими воинами — и послушными и восприимчивыми учениками.

— Если заткнуть все дыры хотя бы парами, — сказал Конан к вечеру третьего дня, — и навалить камней,

что бы в лаг зингарцы могли проникаться только по одному...

Они с Тай Юэнем, Сагратиусом и Киндой сидели на теплой плоской крыше дворца. Золото остыпало медленно, нехотя отдавая ночи тепло, ветер едва шевелил первую листву у них над головами.

— Это нетрудно сделать, — отозвался князь. — Мне тут в голову пришла одна мысль... Только не смейтесь, хорошо?

Он негромко сказал что-то одному из вендиjsких воинов, стоявших в дозоре на крыше. Тот широко ухмыльнулся и скрылся в доме.

Конан, продолжавший прикидывать завтрашнюю расстановку сил, успел забыть о нем в тот же миг, и потому едва не вскочил с места, когда вендиец вернулся.

В первый миг киммериец схватился за оружие — во второй расхохотался.

— Нергал меня побери! Прекрасная мысль, Юлдуз! А еще у вас есть такие маски?

На голове у смуглого воина красовалась жуткая личина демона-ракши — с огромными зубами, с выпучеными глазами, со всклокоченными волосами из конской гривы. В темноте зрелище было довольно жуткое — недаром Конан так подскочил, увидев это страшилище.

— Такая маска есть у каждого воина — для Долгой Пляски в один из летних праздников, — ответил Тай Юэнь, очень довольный произведенным впечатлением. — Ручаюсь, что зингарцы никогда не видывали ничего подобного. Если подействовало даже на тебя...

— Еще как подействовало! — отозвался Конан. — Завтра мы все это пустим в ход.

На рассвете четвертого дня Юлдуз сказал Конану:

— Что ж, они идут и будут здесь после полудня.

Он легко поднялся с циновки, сбросил расшитую нацидку, и Конан заметил, что князь сменил просторные придворные одежды на простые брюки и куртку черного

плотного шелка. На ногах у него были мягкие плетеные сандалии, их ремни плотно оплетали щиколотку поверх тонкого короткого вязаного чулка, где большой палец отстоял от остальных, чтобы пропустить крепящий ремень. Еще Конан увидел за спиной у Тай Юэня два меча. Один из них был ему знаком — с этой катаной, наследством таинственного отца-ткача, пришел в отряд к киммерийцу юноша Юлдуз. Второй меч был словно братом-близнецом первого, и на гарде его так же переплетались в вечной схватке два драконьих тела.

«Настоящий воин дерется двумя мечами и носит их за спиной», — всплыл в памяти Конана скрипучий голос Учителя. — Если ты встретишь кого-нибудь с двумя мечами, скорее всего, это будет один из моих Учеников. Ты узнаешь его».

Но Юлдуз носил меч за спиной и владел им не хуже самого Конана еще десять лет назад, и потому киммериец лишь спросил не без зависти в голосе:

— Где ты умудрился раздобыть вторую точь-в-точь такую же катану? Это ради нее ты вскрывал древний храм, чтобы его сокровищами расплатиться с купцами, припльывающими раз в сто лет?

Тай Юэнь посмотрел на него чуть удивленно.

— Я думал, ты уже понял, — ответил он, и в словах его Конану послышалась укоризна. — Она оттуда же, откуда и ты когда-то вынес свои клиники из оружейни старого Учителя, что живет в садах среди пустынь.

Конан, шагавший рядом с ним по пустым залам дворца к потайному ходу в скальный лабиринт, замер на месте и взорвался на друга.

— Так ты был там! — выкрикнул он наконец, едва к нему вернулся дар речи.

— Был, — ответил Тай Юэнь. — Правда, недолго.

— Почему же не сказал сразу?

— Думал, ты сам уже догадался.

— Думал! — передразнил его Конан. — То же мне, пророк! Зингарца видишь за два дня пути, а что перед самым носом.. Давно ты был там?

— Лет за пять до тебя. Не стой на месте, пойдем. — Князь потянул киммерийца за рукав. — Нам еще нужно успеть всех расставить. Я расскажу, пойдем.

— Видишь ли, — начал Тай Юэнь, как обычно, издалека, — я шел туда совсем не учиться. Я шел вслед за своим сном. Вернее, за снами. Несколько лун подряд повторялось мне одно и то же видение: я иду по пустыне, не чувствуя ни жажды, ни усталости, я лечу, как пущенная стрела, а передо мной маячат горы и пышный сад у самого их подножия. И в этом саду встречает меня человек, подобный богу, и что-то говорит мне — самое важное, самое сокровенное. И лицо его сурово и исполнено света. А потом я просыпался и не помнил ни слова.

Так повторялось изо дня в день, вернее, из ночи в ночь, пока однажды на рассвете я не разбудил жену и своего саккея, сказал им, что ухожу на несколько лун или полгода и оставляю на них княжество. Я знал, что вернусь, а потому не особенно беспокоился, тем более, что на Тай Кин Бо — ты ведь с ним уже знаком — вполне можно положиться.

Я оседлал коня, взял с собою пятерых спутников и поскакал туда, куда вел меня мой глаз Падды..

— Талисман? — озабоченно спросил Конан.

— Нет, глазом Падды мы называем третий глаз человека. Он расположен вот здесь, — Тай Юэнь постучал себя пальцем по лбу над переносицей, — и есть у всех, только не у всех он открыт.. У тебя, например, я знаю, он открывается в миг сильной опасности.

— Это не глаз, это чутье, — возразил киммериец.

— Называй как хочешь, но это больше чем просто чутье, ты наверняка и сам не раз так думал. В тебе живет Сила, хоть ты и редко ею пользуешься.. Наш маленький отряд без приключений добрался до пустыни,

но, едва мы оставили позади первые барханы, поднялась сильнейшая песчаная буря. Видно, это была непростая буря, потому что она зашвырнула меня в одну сторону, а всех моих спутников — в противоположную. Когда я очнулся, мой Ночной Ветер, дрожа, стоял надо мной, а вокруг, сколько хватало глаз, были одни пески. Я вознес молитву Митре и пошел наугад. Двое суток шли мы с Ветром, я отдал ему всю воду, которая чудом уцелела в мехах, притороченных к седлу. И все же он едва представлял ноги, ты же знаешь, как слабеют лошади, если хотя бы день не попьют вволю. Я утешал его, как мог, и уже подумывал о том, что милосерднее было бы просто убить его, но наутро мы увидели горы и взбодрились.

Ты, я думаю, подходил к обители Учителя с другой стороны, и потому, наверное, не знаешь о неглубоком ущелье, что в полудне пути от нее, если идти прямо на восток. По дну этого ущелья бежит мутный ручеек, еле живая струйка, но каким даром небес казалась нам каждая капля, когда мы с Ветром наконец добрались до воды!

Напившись, он начал шарить вокруг меж камней, выискивая жалкие кустики травы, а я упал, где стоял, и проспал до самого вечера.

Проснулся я от пристального взгляда. И, открыв глаза, не сразу понял, что проснулся, потому что надо мной стоял тот самый человек, подобный богу, что так часто посещал мои сны.

Но на этот раз он заговорил внятно и отчетливо, я до сих пор помню первые его слова, обращенные ко мне.

«Сын мой, не проспиши ли ты так все на свете?» — сказал он, и голос его был суров и добр одновременно.

«Последнее время я живу во сне, отец мой, — ответил я. — Сон распоряжается мною, сон уводит меня в пустынию, сон приводит ко мне тебя. Или меня к тебе — в зависимости от того, кто из нас сейчас спит».

«Возможно, что оба. Поймай своего коня и следуй за мной».

Я подозревал Ветра и пошел вслед за хозяином моих снов. Я прожил у него три с половиной луны, то есть всю зиму. Это были самые ясные дни моей жизни..

Тай Юэнь замолчал, и Конан спросил:

— И что же?

— Ровным счетом ничего, — светло улыбнулся князь, — Он подарил мне вторую катану и велел приходить, когда я буду свободен — когда смогу выйти в путь без оружия, слуг, лошадей и прочей ерунды. Пока я князь в этой земле, я не могу уйти и бросить мой народ на произвол судьбы. Но когда вырастет мой сын, я оставлю ему княжеский престол и вернусь в те сады, чтобы снова слушать Его — и весь мир.. Если, конечно, еще буду жив к тому времени, — добавил он, помрачнев.

— И какое же имя дал тебе Учитель? — очень тихо спросил Конан. — Или ты не можешь сказать?

— Он назвал меня Свет, — просто ответил Тай Юэнь.

Они были уже у самого входа в пещеры. Конан на миг остановился перед низкой дверью, занавешенной узорной циновкой. Вынул из ножен оба клинка и, скрестив перед собой остриями вниз, произнес торжественно, как клятву:

— Брат мой, я не уеду отсюда никуда, пока не увижу, что ты здоров.

Глава восьмая Четверо Спящих

Голубь Тридцать Шестой и последний:

«Высокородный принц Римьерос, герцог Лара — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зингары и правителю Каррских островов.

Как ни прискорбно мне сообщить тебе об этом, но моя миссия окончена, и я направляюсь домой.

Это означает еще год скитаний, но ведь известно, что дорога обратно кажется втрое короче дороги туда. Я сделал все, что было в моих силах, я устал, мне надоели лица цвета переспелого лимона. Могу сказать тебе, что твои честолюбивые планы потерпели полный крах. Стоило, впрочем, добраться сюда, чтобы убедиться в этом.

Прежде всего: мы им не нужны. Ты можешь прийти к ним с уверениями в дружбе, с дарами, кои они признают необычайно цепными, ты будешь петь перед ними соловьем — и что же? Они охотно послушают и похвалят, но и палец о палец не ударят, чтобы вызволить тебя из когтей кошки. Кратиос, если я когда-нибудь еще раз скажу при тебе, что зингарцы — самый хитрый и подлый народ в

мире, шепни мне тихонько "Кхитай", — и я покраснею, право.

Хитрее и двуличнее народа я не встречал никогда в жизни, даже стигийцы — и те лучше, ибо они — известное, а потому не такое страшное зло. Но эти — будут тебе лгать с медовой улыбкой на устах, они будут тебе улыбаться, даже если придут зарезать в постели. Они лживы, лживы до мозга костей. Ни одному слову их нельзя верить. Если мы попытаемся завязать с ними торговый союз, то и не заметим, как эти радушные и щедрые люди нас вымажут в смоле, затем вывалют в первых, а потом выставят на посмешище всему миру. Если ты снова найдешь в подвале замка сундук с кхитайскими манускриптами, отдаи их королю Аквилонии — а потом можешь с легкой душой смотреть, как он будет корчиться.

Каждый мой шаг, каждое слово использовал кто-то в своих, неведомых мне целях. Император, его маг, князья и царедворцы — все получили с моего недолгого пребывания с твоим посольством в Кхитае свою выгоду. Мы — младенцы рядом с ними, и лучше нам сюда больше не соваться.

Надеюсь, что до встречи дома.
Твой брат Йерро».

Римьерос выпустил голубя и долго еще смотрел, как белая тень мечется в небе, таком синем, что было больно глазам. Возможно, он был пристрастен и несправедлив к этой стране, возможно, сейчас в нем говорили обида и гнев, а не трезвый рассудок — но он так не думал. И спроси его кто хоть через тысячу зим, Римьерос повторил бы сегодняшние свои слова, не изменив ни буквы.

Он стоял на самой вершине холма Тай Чанры. За ним вздымались горы, под ногами расстилались джунгли.

Город, уступами поднимающийся на холм, был прекрасен, как сказочный город добрых фей на острове Вечной Молодости. Широкая белая лестница с добродушными львами и нестрашными драконами сбегала вниз от дворца. Вишни отцветали, и мошеные улицы были усеяны нежно-розовыми и белыми лепестками. Впечатление заколдованных сна или сказки усиливалось тем, что город был пуст. То есть совершенно пуст. Ни единого человека не застало Римьероса на улицах, ни даже кошки или собаки.

Жители попрятались в катакомбы, что тянулись бесконечным лабиринтом в этих древних горах. Они унесли с собою все до последней нитки, оставив лишь стены да крыши, самой яркой из которых была золотая крыша дворца кайбона.

Первой реакцией Римьероса на это запустение и тишину была бессильная ярость.

Он разослал солдат и рыцарей обшарить каждую щель, но единственное, что они обнаружили, было множество ходов, ветвящихся и путающихся, уходящих в бездонную глубь горы, к самым корням мира. Но даже в состоянии крайней злобы не мог позволить себе герцог Лара распорядиться обыскивать этот лабиринт. И теперь бесновался от глухого бессмыслия.

— Что вы скажете на это? — кривя белые от ярости губы, спросил он барона, стоявшего рядом с ним. — Как это все понимать?

— Государь...

— Довольно! — закричал Римьерос почти визгливо. — Довольно с меня этого маскарада! Мой братец сильно поплатится за то, что втравил меня в эту историю! Сначала мы идем по дороге, а потом этот мерзавец Моу Па заявляет, что вон та тропа срежет нам путь, и мы, как бараны на бойне, идем вслед за ним! На стоянке он

исчезает, а мы остаемся посреди джунглей неизвестно где!..

— Я говорил вам, государь, что нельзя верить ни одному из этих прохвостов, — попытался было вставить хоть слово барон, но принц его не слушал. Казалось, у него вот-вот повалит изо рта пена, как у одержимого.

— День мы тратим на то, чтобы выбраться на дорогу, и на первой же ночевке у нас бесследно исчезают все караульные! За эти пять дней пути мы потеряли людей больше, чем за все путешествие через материк! На что это, я спрошу, похоже? Да не стойте же вы передо мной столбом, сделайте что-нибудь!

— Что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил барон Марко да Ронно уже устало. — Мы только деревянные фишкы в чьей-то игре, мой принц. Не лучше ли будет попытаться с достоинством уйти, покуда это еще возможно?

Римьерос вдруг успокоился.

— Это было возможно, когда мы пересекли перевал, — горько сказал он. — Это, быть может, было еще возможно, когда мы отдали императору эти проклятые свитки. Но теперь любой наш уход будет бесславен и жалок. Надо бы распорядиться поджечь город на прощанье, но мне жаль его — здесь и так уже облетели все вишни..

Какие-то новые нотки появились в его голосе, и барон взглянул на принца с удивлением и почти с восхищением — такого он от него не ожидал.

— Велите на всякий случай обыскать еще дворец кайбона, — устало сказал Римьерос. — Хотя, конечно же, мы и там ничего не найдем. Митра отвернулся от нас, друг мой, когда мы затеяли это неправедное дело: воцариться в чужом доме, даже не зная его языка. Мне до сих пор жутко вспоминать тех женщин, сейчас я, кажется, бросился бы перед ними на колени, если бы так вымолил себе прощение. Но все равно они теперь вечно будут являться мне вочных кошмарах..

Он говорил о трех молодых девушках, которых, забредя по своему обыкновению в глушь от стоянки, встретил у лесного ручья.

Это были невинные, изящные создания, в той поре очарования юности, когда даже уродливая черточка красит женщину, потому что дышит свежестью и простотой.

Римьерос попытался с ними заговорить, но девушки прятались друг за друга, страшась бежать и еще более страшась остаться. На вкус принца, их одеяние больше подошло бы мальчикам, ибо состояло из белоснежных брюк и рубашки самого простого покроя, какой только можно придумать.

Он сам не знал, чего хотел от них добиться. Быть может, просто приветливого слова. Но глаза его сверкали так грозно, а вид был так устрашающ, что девушки, тихонько вдруг заплакав, одна за другой разделись и легли у его ног лицами прямо в дорожную пыль.

Ему не понадобилось знать кхитайский язык, чтобы понять, что они хотели сказать ему этим. В ужасе от того, что все и везде в этой стране будут воспринимать его как насильника и захватчика, он бежал от них, плачущих и покорных. Он знал, что теперь никогда не сможет поднять руку на женщину, и из этого следовало, что раньше — мог, просто ни разу этим не воспользовался.

Позже, когда подобную пантомиму ему разыграла целая деревня, он отнесся к этому гораздо спокойнее. Найдя среди лежащих тел деревенского старейшину, он попытался заговорить с ним сперва по-зингарски, затем по-аквилонски и наконец, отчаявшись, по-турански — и, к собственному изумлению, добился ответа. Старик сел прямо посреди дороги и, покачиваясь в такт своим словам, тонко пропел:

— Наш кайбон гибнет, значит, пришла пора и нам гибнуть вместе с ним. Пройди по нашим телам, чужестранец. Иначе ты не пройдешь через нашу деревню. Мы не можем противостоять тебе, но, чтобы добраться

до Тай Чанры, твоим воинам придется ступать по головам детей, стариков и женщин — или искать другую дорогу.

Пройти было и в самом деле невозможно. Принц попытался было применить плети, но долго не смог выдержать — уж слишком это походило на истязание. Он свернулся с дороги и повел армию через джунгли.

Он был почти уверен, что, придя в Тай Чанру, застанет то же зрелище — ряды неподвижных тел. Что бы он тогда сделал, он так и не смог придумать, а потому, после первой вспышки ярости, даже вздохнул с некоторым облегчением.

Полуденное солнце нагревало золотую крышу, воздух столбами поднимался от нее, так что казалось, будто золото плавится и медленно отекает вниз. Но даже этого явного сокровища Римьерос не тронул.

Теперь он хотел только одного: понять. Что такого особого в этом человеке, их кайбоне, за которого они все готовы лечь лицом в пыль, только бы чужестранец до него не добрался? Какую силу надо иметь правителью, чтобы вызывать такую любовь?

При дворе императора говорили, что он много лет болен, что магия его, если и была когда-то, ныне иссякла.

«Какой бы силой он ни обладал, призрачной или реальной, — думал теперь Римьерос, — но кайбон Тай Цона достоин восхищения, как достоин восхищения и тот варвар-киммериец — хотя, конечно, плахи и палача он достоин куда больше».

— Дворец пуст, государь, — доложил один из рыцарей.

— Вот и хорошо, — задумчиво отозвался Римьерос и, заметив устремленный на него недоумевающий взгляд, ответил с печальной улыбкой: — Ну, посудите

сами, Родерго, что бы мы стали делать с ними, даже если бы нашли кого-нибудь?

Рыцарь воспринял его слова как удачную шутку и потом весь вечер пересказывал ее у костров. А принц поднялся с места и разыскал Марко да Ронно.

— Барон, — сказал он старому солдату, совершенно сбитому с толку и обескураженному всем происходящим, и от этого даже словно бы разом состарившегося на добрых десять лет. — Я беру две повозки и дюжину рыцарей и отправляюсь к тому храму, про который мне говорил Ян Шань. Если я и там ничего не найду — что ж, значит, такова воля Митры. Вы здесь дожидайтесь меня три дня, если не вернусь — уходите. И смотрите, будьте осторожны. Этот город все-таки обитаем, хоть и кажется опустевшим.

Да Ронно, окончательно переставший узнавать своего взбалмошного принца, который за последние несколько дней менялся прямо на глазах, молча и почтительно поклонился. Римьерос же, и не подумав объяснить ничего больше, взял людей и направился на юго-восток.

Храм они нашли только к вечеру, изрядно проплутав. Лианы и кустарники так густо заплели его стены, что дверной проем пришлось прорубать мечами. Изнутри в лицо принцу пахнуло затхлой сыростью.

Заготовив факелов, они начали спускаться по широким замшелым ступеням. Всюду царила гниль и плесень, прямо из камней росли мерзкие, бесцветные грибы. Но чем дальше они продвигались в глубь низкого коридора, тем ярче горели факелы и сущее становился воздух.

Они шли, казалось, целую вечность. Странно, но Римьерос был уверен, что снаружи храм казался гораздо меньше.

Коридор оборвался внезапно, и только по исчезнувшей вдруг плажке теней по стенам они поняли, что вступили в какой-то огромный зал, где тщедушный свет факелов

не мог разогнать тьму так же, как не может дюжина людей насытиться крошкой хлеба.

— Потушите факелы, — распорядился Римьерос. — Мне кажется, я вижу свет, он идет откуда-то сверху.

Свита подумала, что принц их, похоже, лишился рассудка, но возражать не посмела. Какое-то время никто не мог различить даже собственных рук в кромешной тьме. Но потом все едва ли не одновременно подняли глаза вверх, к невидимому куполу — и увидели звезды.

Это были не просто созвездия чужого, незнакомого неба, нет, это было что-то гораздо большее.

Герцог Лара вспомнил, как, услышав мальчишкой, что со дна колодца можно даже среди бела дня увидеть звезды, едва не погиб, спустившись в замковый источник, дна которому никто не знал. Его тогда еле вытащили — мокрого, промерзшего до мозга костей. В тот же вечер он свалился с жесточайшей лихорадкой — и бредил звездами, что мерцают на дне колодца.

И вот теперь он стоял на дне, наверное, самого глубокого колодца на свете. Гигантская труба башни с проломившимся куполом была невидима в темноте, и край ее угадывался только по тому, что ограничивал звездный круг, раскинувшийся над головой ошеломленных людей. Они стояли, онемев, подавленные этим величием и бесконечностью, словно никогда раньше не видели звездного неба.

О, нет, сказал себе Римьерос, такого звездного неба не видел еще никто и никогда. Словно сверкающая алмазная пыль вихрилась у него над головой. Звезд было неисчислимое множество, даже летней ночью в кордавской гавани невозможно было увидеть столько звезд. Самые крупные сияли, как огромные бриллианты, переливаясь каждая собственным светом — красным, зеленым, лиловым. Присмотревшись, Римьерос увидел, что рисунок созвездий и сияющих туманностей непрестанно движется, меняясь, но движется не так, как обычное звездное небо — вокруг

Полярной звезды, — а так, как движутся и меняются облака, когда ветер несет их по небу. Эта звездная река была живая, она текла, она несла свои воды в какие-то иные миры.

— Хотел бы я знать имя того бога, которому был посвящен этот храм, — пробормотал Римьерос. Оглянувшись, он увидел застывших вокруг в немой неподвижности людей и разбил чары, крикнув: — Ола! Очнитесь! Это дивное место, но не можем же мы стоять тут всю жизнь!

Рыцари и оруженосцы зашевелились, выходя из оцепенения, Римьерос, ошарашенный, но от того старавшийся выглядеть еще более деловитым и собранным, чтобы не дать повода к панике, сухо раздавал приказания:

— Зажгите факелы, или мы ничего здесь не сможем найти. Найдите, где кончается этот зал, и идите вдоль стен. Оглядывайте каждую нишу. Мне нужна дверь или проход или что-то в этом роде.

Дверей и проходов оказалось даже несколько, и Римьерос осмотрел каждый из них, но ни один не вел в анфиладу уменьшающихся залов, о которой говорил ему Ян Шань. «...Дальний зал, самый дальний, там стоят вдоль стен четыре саркофага. Вы откроете шкатулку посреди этого зала». Римьерос откуда-то знал, как они должны были выглядеть.

Наконец отыскалась еще одна дверь, заваленная грудами мусора, камнями и невесть откуда взявшимися здесь ветками. Римьерос велел расчищать проход, и вскоре, еще до того, как дверь открылась, уже ясно видел это то, что он искал. Ощущение было схоже с полузабытым воспоминанием или сном — что-то неуловимое, как выдохшийся запах или эхо музыки.

После недолгих совместных усилий подход к двери был расчищен. После этого на нее, поплевав на ладони, навалилось трое самых дюжих оруженосцев — и едва

не упало внутрь открывшегося зала, потому что дверь подалась с неожиданной легкостью.

— Ждите меня здесь, — велел Римьерос и достал из заплечного мешка ларец.

— Но принц, — попробовал возразить кто-то. — Там же может быть опасно... Позвольте, кто-нибудь пройдет первым или хотя бы разрешите идти с вами! Мы не пустим вас одного!

— Я пойду один, — холодно возразил герцог Лара. — А вы останетесь здесь, и горе будет тому, кого я, возвращаясь, увижу по эту сторону двери!

Он произнес это «возвращаясь» с такой уверенностью, что рыцари отступили. Взяв в одну руку шкатулку, а в другую — факел, Римьерос шагнул через порог. Свита его с тревогой наблюдала за тем, как удаляется пятно света и все ближе подступают к смельчаку тени и блики, пляшущие по стенам.

Римьерос насчитал пять залов, последний из которых, похоже, был ровно в два раза меньше первого. Здесь правильным квадратом, по-видимому, соотнесенным со сторонами света, стояли простые каменные плиты, напоминавшие саркофаги лишь формой и материалом.

Римьерос последовательно осмотрел каждую плиту и убедился, что это — монолиты, без всяких признаков щелей или крышек. Выйдя на середину комнаты, он воткнул факел в щель в полу и еще раз осмотрелся. Теперь он видел, что все плиты вытесаны из разного камня. Здесь был зеленый, с темными прожилками нефрит, пестрая, похожая на узоры лишайника на камнях, яшма, был белоснежный мрамор, словно светящийся в темноте собственным светом, и черный и прозрачный, как прозрачен подтаивший лед, обсидиан. Все плиты были одинакового размера, и размер этот действительно в точности совпадал с размерами могилы. В высоту они доходили Римьеросу чуть выше колена.

— Что ж, попробуем, — проговорил он, бодрясь. Нель-

зя сказать что ему было страшно — нет, скорее — немного зябко.

Он повернулся к ларцу.

В первый миг ему показалось, что ничего не произошло. Свет факела не дрогнул, гром не прокатился по подземелью, каменный пол не сдвинулся, уходя из-под ног. Сама шкатулка была пуста. Римьерос уже хотел рассмеяться, обозвать себя легковерным идиотом и уйти, как вдруг увидел голубоватый дымок, густеющий над плитами.

На всякий случай он поставил шкатулку на пол, взял в руки факел и отошел к порогу.

Дымок колыхался, свирился и плотнел, и вскоре над камнями повисло по туманной фигуре, закутанной в прозрачный плащ. Привидения становились все реальнее: можно было сказать, что они на глазах обрастили плотью. Уже возможно было различить старческие иссохшие лица и руки, бессильно свисающие вдоль тел. Принц следил за этими чудесами со спокойным любопытством.

И вдруг внезапно, как в кошмарном сне, все переменилось. Призраки открыли глаза — и больше Римьерос ничего не мог видеть. Словно восемь тонких игл-лучей, холодных, как лед, пронзили его беспомощное тело. Он превратился в бабочку, пойманную и насаженную на восемь булавок разом.

«Ты — не тот», — прозвучало наконец у него в голове, и лучи отпустили его.

Он перевел дыхание. Лоб, спина и руки его были мокры от липкого, противного пота.

— Вот так сокровище, — пробормотал он в полнейшем изумлении.

«Не кричи», — услышал он в себе с четырех сторон разом.

«Зачем ты здесь», — прозвучало справа и почти одновременно с этим слева послышалось: «Он молод и пришел издалека».

«Они изучают меня», — подумал он и усилием воли унял дрожь в коленях.

«Значительно лучше, — тут же отозвались в нем. — Так зачем же ты здесь? Лучше думай, а не говори вслух».

— Я, — растерянно вымолвил Римьерос. Никто еще не пытался разговаривать с ним мысленно, и его попытки думать готовыми фразами немедленно просились на язык. — Мне сулил здесь сокровище кхитайский колдун. Он сказал.. что-то про исполнение заветного желания.

«Какое же у тебя заветное желание, смертный?»

— Я надеялся узнать это здесь, — честно ответил принц. — Он сказал — появится то, чего ты больше всего желаешь.

«Но с тех пор ты желаешь иного».

— Да. — Принц опустил голову. — Ведь я уже был в Звездном Колодце. А до того я видел людей, о которых никогда больше не хочу вспоминать — но, боюсь, буду помнить вечно. И теперь я совсем не знаю, чего хочу. Знаю только, что это не золото. И не корона в чужом краю, ни обычаев, ни языка которого я не знаю, и где даже дети смотрят на меня с ненавистью. Теперь я хочу другого...

«Это хорошо», — заметили все четверо разом. Римьерос так и ощущил это «хорошо» — сразу с четырех сторон.

— Наверное, — с силой выдохнул он, собравшись с мыслями, ибо внезапно все сделалось для него кристально ясным, и он не понимал теперь, как мог не видеть этого раньше. — Больше всего я хотел бы иметь свое маленькое королевство. Но мне не нужно чужого, не нужно большое королевство брата — мне бы что-нибудь поменьше. И свое. И чтобы меня любили в нем так же, как эти наверху любят своего кайбона.

«На это нужно тринадцать поколений», — ответили они со смехом.

— Пусть я буду первым, — упрямко тряхнул головой юный принц.

«Да будет так, — отозвались они. — Возвращайся в свой домен и сделай из него такое королевство. Однако не жди, что на этом все закончится. Хочешь ты того или нет, но престол Зингары ждет тебя. От судьбы не уйти даже бессмертным — не противясь ее воле».

— Я не стану братоубийцей, — сердито отозвался Римьерос. — Такой ценой мне ничего не надо. Я не стану добиваться короны, даже если того пожелают все боги мира! И вам меня не переубедить.

Настало недолгое молчание. Казалось, зал застыл, точно само время остановилось в нем, и Римьерос невольно поежился. Он внезапно пожалел о сказанных словах — точно почувствовал, что могли они пробудить неведомых богов, о которых он только что отзывался с таким преизбранием, и теперь пронизывающие взгляды их устремлены прямо на него.

Бесплотные голоса разрушили чары. Принц вздрогнул.

«Он не может знать, — произнес один укоризненно. — Не может знать о том, чего не видят его глаза».

«Письмо, — подтвердил другой голос. — Он не может знать о письме. Но король уже получил его».

«И готовит достойную встречу изменнику. У него не останется другого выхода, кроме как принять бой...»

«С судьбой не поспоришь».

В этой последней фразе была окончательность смертного приговора, и, вконец сбитый с толку и перепуганный, Римьерос вскричал:

— Стойте! О каком еще письме вы говорите? Я не писал брату ничего такого, что могло бы вызвать его гнев. Почему он должен ополчиться на меня?

Но голоса молчали. И фигуры во мраке колыхались почти смущенно, точно выдали нечто такое, о чем не имели права говорить, и, обескураженный, принц осознал, что больше ничего не добьется от загадочных призраков.

— Но если вы говорите, что меня ждет престол, значит, я все же одержу победу? — сделал он последнюю попытку

проникнуть за плотную завесу будущего, которую на такой краткий и томящий миг приоткрыли для него подземные стражи.

Они по-прежнему молчали.

В сердцах принц сплюнул и развернулся, чтобы уйти.

— Ну так и спите дальше в своих могилах! К чему вы нужны тогда, таинственные духи, если все, что вы можете, это смущать человеческий ум загадками, кормить его пустыми обещаниями и несбыточными надеждами, или наполнять его душу ядовитым страхом. Мне не нужно ни то, ни другое!

Он был уже готов покинуть зал, уверенный, что стражи и впрямь погрузились в вековой сон, из которого вырвало их его появление, — как вдруг бесплотный голос, в котором, однако, явственно угадывалась улыбка, послышался у него в сознании.

«Мы никогда не спим. А что до страхов, обещаний и надежд — мы каждому даем лишь то, чего он на самом деле хочет. Тот маг, что приходил до тебя, думал, что желает власти. Он желал внушать страх, ибо обида и зависть точила его. И мы дали ему страх, но страх оказался сильнее и пожрал его самого. Теперь мы вечно с ним, и с каждым годом он боится все больше. Видишь, он послал тебя, хотя мог бы прийти и сам».

— Но он сказал мне, что сюда можно прийти лишь однажды, — припомнил Римьерос. — Он прочел в каком-то древнем манускрипте...

«Он обманывал сам себя — ибо боялся признать истину. Просто обычно второй раз сюда приходить незачем, смертный. С каждым мы пребудем вечно. Теперь ты всегда сможешь чувствовать наше присутствие. Звездный колодец будет в твоей душе, и свет его озарит твою жизнь».

— Это будет очень неудобно, — отозвался Римьерос без восторга. — Как же я тогда смогу лгать?

В ответ в нем что-то тихонько зазвенело, и он понял, что это — смех.

«Ступай теперь. Твое королевство ждет тебя. И тот, другой, он также найдет свое. Вы будете рядом. Еще ближе, чем тогда у костра. А мы будем с вами. И вам незачем будет лгать, — звон повторился. — Ступай».

Этих прощальных слов Римьерос не понял, но в них были обещание и надежда — ему этого было достаточно. Видя, что плоть снова превращается в туман, Римьерос крикнул:

— Стойте! А этот, который правит наверху, он был здесь у вас?

«Конечно, — отзовались они, но уже словно издалека. — Но ведь дело даже не в нас, принц. Неужели ты до сих пор этого не понял?»

Принц Римьерос, герцог Лара, ощутил внутри себя пустоту и понял, что Четверо исчезли. Ларец на полу он забирать не стал.

Прихватив с собой факел, он вернулся к своим спутникам и на вопросительные взгляды ответил лишь:

— Ян Шань обманул меня. Но гораздо раньше он обманул сам себя. Здесь нет сокровищ, нет ничего, что можно было бы взять в руки и унести. Пойдемте наверх. — И, не оглядываясь, двинулся вперед.

Когда они вышли наконец из храма, было уже далеко за полночь. И в эту ночь Римьерос впервые в жизни спал на голой земле, укрывшись одним только собственным плащом.

Ранним утром он поднял еще сонных воинов и велел собираться. Волы, уверенные, что на обратной дороге их нагрусят сверх всякой меры, весело потащили нехитрую утварь свернутого лагеря.

Процессия уже приближалась к Тай Чанре, когда навстречу им со стороны города вылетел из-за деревьев взмыленный всадник.

— Принц! — закричал он еще издали. — Принц!

Римьерос дождался, когда гонец поравняется с ним и соскочит с коня, и только после этого ровно спросил:

— Что случилось?

— Принц, барон Марко послал меня немедленно разыскать вас, ибо он очень боялся, как бы с вами чего не приключилось. Этой ночью на нас напали демоны!

— Демоны? — недоверчиво переспросил принц. — Откуда?

— Из пещер, что за городом! Их там сотни, а, может, и тысячи! И у самых страшных по четыре руки, и в каждой — изогнутый меч, острый, как бритва!

Римьерос нахмурился.

— Я же велел не соваться в пещеры. Зачем вы туда полезли, Нергал вас побери? Не могли просто дождаться моего возвращения?

Гонец прижал стиснутые руки к груди — от усердия говорить как можно более убедительно.

— Мы не прошли и десяти шагов, клянусь Пресветлым! Они выскочили на нас — черные, как сама тьма! Мы не успели даже вытащить мечи из ножен, как двое из наших были обезглавлены, а двое — разрублены пополам! Барон Марко был ранен стрелой в бок, мы еле вытащили его оттуда, а стрелы так и сыпались со всех сторон!

Лицо принца потемнело от гнева, и гонец в ужасе отшатнулся, ожидая оплеухи. Но Римьерос этого даже не заметил.

— В лагерь! — скомандовал он. — Четверо остаются при повозках, остальные едут вперед и помогают сворачиваться. Отсюда надо уходить.

В лагере, расположившемся под самыми городскими стенами, ему навстречу вышел, хромая, да Ронно с лицом бледным от потери крови и бессильной ярости.

— Вы ранены, друг мой, и сейчас я вам ничего не скажу, — сдержанно заявил ему Римьерос. — Велите начинать сворачивать лагерь. Мы тотчас же уезжаем домой.

Барон пытался что-то возразить, но принц даже не слушал его возражений. Ни загадочное горное княжество,

ни вся эта страна, такая огромная и полная тайн, больше не интересовали его. Может быть, когда-нибудь позже, в окружении придворных дам и рыцарей, он с наслаждением послушает цветистую балладу об этих краях и о собственных подвигах, где, скорее всего, не будет ни слова правды, и вздох сожаления незаметно сорвется с уст... Но сейчас, помимо воли, взор его устремлялся на запад.

— На запад, — произнес он вполголоса, не сознавая даже, что говорит вслух, и да Ронно подивился, как уверенно и сурово звучит голос его повелителя. — В Зингару. Довольно мы странствовали по свету — на родине нас ждут великие дела.

Эпилог

Наутро, увидев, что зингарец спешно уводит своих, кхитайские лучники, в страхе, что теперь гнев святого кайбона и его демонов падет на их головы, бежали. Жители Тай Чанры вышли из пещер и как ни в чем не бывало взялись за обычные ежедневные труды. Точно и не было ни пережитого страха, ни давящей тьмы пещер, ни ожидания в томительной неизвестности. «Падда не оставил своих детей!» — восклицали они, и в словах их не было ни удивления, ни страха, а лишь бесконечная уверенность, что все именно так и должно было случиться. Падда не оставил своих детей.

А на оплетенной зеленью террасе дворца Конан собрал своих приятелей, ставших ему еще более близкими в этом чужом краю. Совместные вылазки, звон оружия и пролитая кровь сплотили их сильнее, чем все золото, украченное из сокровищниц кхитайских богачей — но теперь Тай Цзон был в безопасности, они с честью справились с возложенной на них миссией, и четверым искателям приключений предстояло решить, что им делать дальше.

С добродушной усмешкой Конан подтолкнул в бок Сагратиуса, грузно развалившегося в кресле с бутылью самого крепкого вина, какое только удалось отыскать в подвалах дворца. Боевые вылазки последних дней ничуть не утомили толстяка, однако, когда все кончилось, он в ужасе объявил, что, кажется, похудел и осунулся от пережитых волнений, и теперь ему грозит страшная ги-

бель от недоедания — так что теперь он спешно наверстывал упущенное, с утра до вечера почти не покидая стола.

Глядя на лоснящуюся от жира физиономию гиганта, в нездоровье его верилось лишь с большим трудом, однако любому, кто осмелился бы отнести к жалобам его без должного доверия, пришлось бы познакомиться с дубинкой толстяка... а на это, особенно после того, как в подземельях Тай Цзона он показал свое искусство, желающих не находилось.

— Что, жрец, по вкусу тебе пришло здешнее гостеприимство?

Не утруждая себя ответом, Сагратиус довольно хрюкнул и вновь приложился к бутылке. Затем тяжело, всем корпусом повернулся к киммерийцу.

— Уж не почудилось ли мне, о блудный сын Крома, или я и вправь уловил скрытый смысл в твоих словах?

Уловив его настороженность, Кинда с Силлой, до того негромко переговаривавшиеся о чем-то, стоя у балюстрады, настороженно обернулись. Силла тревожным жестом поправила повязку на предплечье — она настояла, чтобы и ей позволили, наравне с мужчинами, участвовать в обороне подземной галереи, и зингарский клинок зацепил ее. Кинда, по счастью, оказался рядом и сумел вытащить отважную красавицу из гущи сражения. Правда, не раньше, чем она метким броском кинжала уложила нападавшего.

— О чём вы говорите, Сагратиус? — спросила девушка тревожно. На сердце у нее последние дни было неспокойно — и потому любая мелочь воспринималась как угроза.

— Да вот, — с лукавой усмешкой пояснил бывший жрец, похлопывая Конана по плечу, — нашему командиру что-то опять не сидится на месте. Он ведь у нас из тех, кто норовит сбежать в самом начале шири!

Киммериец выглядел смущенным. Он не думал, что

Сагратиус так легко раскусит его. А ведь он и сам еще толком ничего не успел решить. К тому же, прежде чем покинуть Тай Цзон, у него оставалось еще одно дело, не решив которое, об отъезде нечего было и думать.

— С чего ты взял, что я собираюсь куда-то уходить?

Аквилонец расхохотался.

— Неужели я мог бы хоть на миг поверить, что ты и впрямь решишься принять предложение нашего хозяина и останешься навсегда в этих благословенных краях? Хотя слов нет, предложение заманчивое...

Было в его интонации что-то такое, что заставило варвара мгновенно насторожиться.

— Э-э.. — протянул он, пораженный. — Вот оно что, оказывается! — И обернулся к Силле с Киндой, не упуская ни слова из разговора, почувствовав внезапную досаду.

Неужели и эти вот так запросто предадут его? Неужто и им сладкая жизнь покажется приятнее? Он и себе не решался признаться, насколько это задело его. До сих пор Конан даже не допускал подобной возможности. Как ни привык он странствовать в одиночку, но с этой троицей сжился, как с родными, и одна мысль о том, что он мог потерять их, наполняла его болью.

— Так что же? — обратился он к ним. — Вы-то что решили?

К его великому облегчению, Кинда отозвался почти мгновенно, без колебаний.

— Ветер Пустыни несет Кинду, — объявил карлик торжественно. — На восток несет Вечный Ветер своего сына — и на восток я пойду, до самого края мира. Там Великая Пустыня поглотит сына. Там Кинда найдет покой.

Слова его звучали торжественно и уверенно, словно этот невысокий жилистый человечек с далеким взглядом черных глаз не испытывал и тени неуверенности в том, что все будет именно так, и обещанный покой уже ждет

его — только руку протяни. Это казалось Конану странным, он не понимал огня, горевшего в душе жителя степей, но не мог не проникнуться уважением к его непоколебимой решимости. И, главное, теперь он знал, что Кинда продолжит путь вместе с ним. На душе у него стало чуть полегче.

— Вот видишь, — обернулся он к Сагратиусу. — Не все такие, как ты, толстый обжора. — И, неожиданно сам для себя, с надеждой добавил: — А может, передумаешь? Что, в других краях, в конце концов, девок и вина тебе не найдется?

Лоснящееся лицо бывшего жреца обрело неожиданно задумчивое выражение.

— Боюсь, друг мой, ты превратно понял мои намерения. Поверь, не еда и не утехи плоти привлекли меня в этих благословенных краях. Я скажу тебе то, в чем не осмеливался признаться прежде никому.. — Толстяк вздохнул, собираясь с мыслями. — Видишь ли, Конан, и вы, друзья мои, здесь, в этом крохотном княжестве на краю света мне впервые открылось нечто такое, о чем прежде я не смел даже мечтать. Называйте это Богом, Истиной, Красотой наконец.. я искал это всю жизнь. И заливал разочарование вином, ибо был уверен, что поиски мои бесплодны, бессмысленны и навсегда останутся таковыми. Ибо Истина не живет в нашем грешном мире, и людям не дано зацепить даже краешек ее плаща. Но здесь...

— Ты думаешь, что нашел это нечто?

Четверо на террасе вздрогнули. Это подал голос показавшийся в дверях Тай Юэнь. Сагратиус обернулся к нему.

— Мне кажется, да, — произнес он неуверенно.

Кайбон Тай Цзона задумчиво кивнул.

— Ты станешь для нас желанным гостем, аквилонец. Но неожиданно жрец Митры покачал головой.

— Я благодарен тебе за эти слова, князь. Более того,

я льшу себя надеждой, что когда-нибудь мне позволено будет воспользоваться твоей щедростью. Когда-нибудь. Но не сейчас.

Тай Юэнь не сказал ничего. В чуть раскосых темных глазах его отразилось понимание и сочувствие. Конан подал голос вместо него.

— Как тебя понимать, приятель? То ты остаешься, то нет... Ты хоть сам-то знаешь, чего хочешь?

— Конечно! — И неожиданно Сагратиус Мейл расхохотался заливишко и громко, и от смеха его остальные почувствовали неожиданное облегчение. Такой Сагратиус, шумный и веселый, был им куда понятнее и ближе задумчивого философа. — Конечно, друзья мои, я знаю, чего хочу! Бродить по свету, дойти вместе с Кинной до самого края земли и плюнуть вниз — и распить там, на краю, бутылочку доброго винца! Вот чего я хочу. А уж потом, к старости... вернуться сюда и постигать истину. Что еще мне тогда останется?

— Отлично сказано, дружище! — Конан хлопнул его по плечу. — До старости еще целая жизнь — кто же станет растрачивать ее на пустые раздумья! — Он перевел дух и счастливым взглядом обвел приятелей. Ничто так не пробуждало дух киммерийца, как предвкушение новых странствий. — Вот и отлично! Значит, решено. Передохнем здесь немного, я одно дело закончу — и в путь.

Он поднялся на ноги.

И в этот миг тоненький девичий голосок, почти на грани слез, произнес:

— Только без меня.

Силлы хватило только на эти три коротких слова — и она разрыдалась безутешно и горько. Киммериец, обеспокоенный, сжал ее в объятиях. Он и сам замечал, что последние несколько дней с девушкой творится неладное, но не обращал на это внимания, надеясь, что само как-нибудь обойдется... И вот на тебе.

— Что такое? — Неловкой, непривычной к ласке ладонью он гладил ее по плечам. — Кто тебя обидел, малышка?

Силла покачала головой. Слезы уже не катились у нее по щекам, но взор, упорно избегавший киммерийца, был устремлен куда-то вдаль, в глубь парка, начинавшегося чуть ниже террасы.

Проследив за ее взглядом, Конан, к своему изумлению, увидел там, на берегунского озера, стройного, как тростинка, юношу в шелковых одеждах, не сводившего жадных глаз с их террасы.

Мау Па, всплыло неожиданно в памяти имя. Бывший придворный императора. То-то он все эти дни крутился поблизости... Но кто бы мог подумать!

Ревность острой иголочкой колнула сердце Конана, но он поспешил изгнать ее. С самого начала он относился с Силле скорее по-приятельски, покровительственно, и ласки ее принимал с удовольствием, но без испепеляющей страсти. Да и в ее отношении было больше благодарности забитого зверька, попавшего вдруг к добому хозяину, чем настоящей любви. И когда она встретила юного кхитайца, должно быть, вся жизнь для нее перевернулась. Так что он будет искренне рад ее счастью.

— Что ж, — варвар нерешительно обернулся к кайбону, подошедшему ближе и смотревшему вниз, как и Конан. — Ты здесь главный, тебе и решать, парень...

Тай Юэнь рассмеялся — и тут же смех его сменился кашлем. Киммериец с тревогой взглянул на друга.

— Мау Па только сегодня утром признался мне, что полюбил твою сестричку, как только увидел ее. — Конан усмехнулся, отметив слова «сестричка». Но, должно быть, так и вправду будет лучше для всех. — Собственно, я и затем пришел сюда сейчас, чтобы просить за него. — Кайбон улыбнулся, больше не решаясь смеяться. — Впрочем, не сомневаюсь, что даже вздумай я возражать, ты, мой бесстрашный ун-баши, должно быть, выкрад бы их

обоих и слишком отправил под венец. Как когда-то нас с Фейрой. Так что не мне противиться твоей воле!

Варвар заулыбался, и на сердце у него потеплело. И даже сияющее личико Силлы не могло омрачить его хорошего настроения. Ладно! Будут у него еще женщины. Да и что все они стоят перед истинной мужской дружбой!

— Значит, решено. Но не думай, что ты от нас так скоро отделаешься. Я же сказал — перед отъездом мне надо завершить еще одно дело.

— Еще одно?! — В притворном ужасе закатил глаза Тай Юэнь. — Ты уже в одиночку обратил в бегство армию императора, о мой не ведающий сомнений друг. Неужто и этого тебе мало? Какого же врага, достойного своей стойкости и отваги избрал ты себе на сей раз?

— Врага? — С неожиданной серьезностью киммериец взглянул другу в глаза. — Достойного врага, ты прав. Этот враг — сама смерть.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да ничего. Просто запомни, не зваться мне больше Конаном, сыном Крома, если я не сумею вырвать тебя из когтей этой проклятой болячки!

И, видя, что тот в растерянности, уверенно скомандовал князю:

— Собирайся. Никаких празднеств и чествований больше не будет, пока ты не перестанешь кашлять кровью. Обещанные предсказания тоже подождут.

— И что ты намерен со мной делать? — с улыбкой спросил Тай Юэнь. — А что до предсказаний, то ты и сам все знаешь не хуже меня. Тебе ведь уже как-то предсказывали судьбу.

— Предсказывали, — мрачно буркнул Конан. — Что королем стану. Ну, лишь бы не ошиблись... Но ты напрасно думаешь, что отвертишься. Нечего мне уши заговаривать глупостями! Ты слышал, что я сказал: собирайся. Кроме ножа никакого оружия не бери.

— Скажи все же, что ты хочешь делать?

— Гонять тебя взад-вперед по джунглям и горам, питаясь тем, что мы сами добудем. Лучшее средство от чахотки — ваша рисовая отрава вперемешку с сырым мясом. Вон, и Сагратиус то же самое говорит. А жрецы Митры в этих делах смыслят поболее ваших местных коновалов.

Толстый аквилонец согласно закивал. Это он первым подал Конану мысль о том, как попробовать излечить его друга. И присоветовал даже кое-какие травы, которые видел в здешних местах. Но дальше все уже зависело только от самого кайбона.

Тай Юэнь смотрел на него, по-прежнему улыбаясь.

— Я же говорил тебе, что мы не едим мяса.

— А ты — будешь, упрямец несчастный, — заявил Конан, медленно закипая. Но князь улыбался весело и понимающе. На него невозможно было долго сердиться.

Киммериец хмыкнул и поднял глаза к небу, оценивая погоду.

— Послушай, ты тури разогнать сможешь, если захочешь? — спросил он вдруг.

— Никогда не пробовал, — ответил Тай Юэнь, тоже невольно поднимая глаза. — Но наверное смогу, если понадобится.

— И при этом собираешься умирать от крови в легких? Да ты просто сошел с ума со своей дурацкой идеей неотвратимости судьбы. Скажи мне лучше вот что: если бы ты встретил в лесу тигра, подыхающего в ловушке, что бы ты сделал? Прошел бы мимо? Добил бы? Или взялся бы лечить?

— Тигры у нас в горах редки, — рассудительно заметил Тай Юэнь. — Так что, наверное, стал бы лечить.

— Ага. — Теперь Конан глядел прямо на него, чуть сожурив синие глаза. — А чем бы ты его кормил? Ведь пришлось бы убивать.

— Значит, пришлось бы.

— А если бы он царапался и кусался?

— Перестань говорить загадками. К чему ты все это ведешь?

— К тому, что теперь ты — мой тигр. И если ты будешь кусаться и царапаться, я связжу тебя по рукам и ногам, так и знай. Но своего все равно добьюсь. Когда мы уедем отсюда — ты будешь здоровее жеребчика-трехлетки. И думать забудешь о всяких глупостях. В конце концов, не для того я искал твоей Фейре мужа, чтобы она осталась вдовой во цвете лет. Ну что? — Варвар с деланой угрозой сдвинул брови. — Своей волей пойдешь или веревку брат?

Тай Юэнь посмотрел на преисполненное мрачной решимости лицо киммерийца и понял, что это не пустые угрозы. Свяжет по рукам и ногам и потащит за собой, сколько бы он ни брыкался. И тогда он рассмеялся — как показалось Конану, с облегчением — и негромко откликнулся:

— Не беспокойся, дружище, связывать меня не придется. В горы человек должен идти сам.

РОКОВОЕ УХО

1

Звук, родившийся в темных недрах развалин, был ужасен: словно простонали разом, томясь неизбывной тоской, десятки потерянных душ на Серых Равнинах, и вопль их вырвался из недр земли сквозь множество жестяных труб.

Человек на дорожке запущенного сада застыл, положив ладонь на рукоять кинжала и напряженно глядываясь в полумрак ночи. Черные стены кустов тянулись с двух сторон, а впереди, в неясном свете молодой луны, зловеще темнел фасад давно покинутого людьми дома. Небо затянули облака, оставив лишь небольшое черное озерцо, посреди которого плавал серебряный серп ночного светила; в саду было сырое, и пару раз незваный гость чуть было не наступил на змей, чувствовавших себя хозяевами посреди разора и запустения усадьбы, принадлежавшей некогда звездочету и чернокнижнику Фларенгаству.

Чародей сей, как болтали в духанах, стяжал богатства великие, занимаясь предсказаниями, бывшими часто столь туманными и расплывчатыми, что каждый мог толковать их к своему удовольствию. Многочисленным желающим узнать судьбу свою он говорил обычно так:

— Моя наука помогает прочитать то, что предначертано богами. Вы не должны слишком радоваться, если мое предсказание благоприятно, как и не должны расстраиваться, если оно неблагоприятно. Нужно всегда помнить, что помимо звезд постоянных, слагающих на небесах аст-

рологические фигуры, есть множество светил бродячих, кои также влияют на ход событий. И если радость ваша будет омрачена печалью, а печаль сменится радостью, знайте, что причиной тому — гуляющая по небесам звезда...

Впрочем, он действительно кое-что понимал в астрологии, и, бывало, звезды более ясно открывали Фларенгасту будущее. Один подобный случай и позволил звездочету переселиться из предместий в шикарный особняк возле Восточных Врат.

В те давние времена наместником Шадизара был некий Субаши-Хаш, человек вспыльчивый, но справедливый. Весною, когда деревья были в цвету, родился у него сын. Субаши-Хаш тут же послал за астрологом, чтобы тот предсказал наследнику будущее, надеясь, что будущее окажется блестящим.

Случилось так, что в то же время у некоего водоноса тоже родился сын. Когда слуги наместника вели чародея через предместье, сей бедняк ухватил его за полу халата и взмолился погадать своему отприску.

— Не видишь, спешу, — отмахнулся Фларенгаст, но водонос вцепился в халат, словно клещ, плакал, размазывая по лицу грязь и сопли, и обещал отдать звездочету накопленные за долгие годы восемь золотых и еще шесть медных монет.

Дело было вечером, звезды уже светили над Шадизаром. Чтобы отвязаться от бедняка, у которого явно не все были дома, Фларенгаст взглянул на небо, что-то пошептал и буркнулся:

— Звезды открыли мне, что твой сын станет королем...

Тут он понял, что переборщил, и поспешно добавил:

— Правда, ненадолго. Деньги оставь себе, да купи губку, чтобы помыться.

Когда Фларенгаст явился во дворец, он без лишних разговоров расстелил на полу квадратный кусок материи, испещренный изображением звезд и магических знаков, уселся подле и принялся бросать на ткань пригоршни

пустых ракушек, важно надувая при этом щеки. Потом он долго вычислял что-то на вошеной дощечке, чесал бороду, снова бросал ракушки и снова вычислял.

— Да, все правильно, — сказал он наконец в некоторой растерянности. — У твоего сына благоприятные знаки, его ожидает большое будущее. Только... — тут он запнулся. — Только ему суждено стать нищим — на недолгое время.

— Что за глупости! — вскричала мать наследника. — Считай снова, старик, да получше!

Больше всего Фларенгаст не любил, когда его называют стариком. Тем более женщины. Поэтому он упрямо пожевывал губами и объявил:

— Ничего не поделаешь, ханума! Жизнь — это вращающееся колесо, никто не может избежать предначертаний судьбы. Твоему сыну суждено стать нищим, и будет он просить милостыню, пока не сгорит вот такая свеча.

С этими словами звездочет не без тайного злорадства указал на довольно толстую свечу в серебряном подсвечнике.

Вспыльчивый Субаши-Хаш тут же велел бросить астролога на съедение голодным львам, содержавшимся специально для подобных случаев в дворцовом вольере, но справедливость взяла верх в душе его, и мучительная смерть была заменена чародею длительным заточением.

Милостью наместника его не бросили в темницу, а заперли в дворцовой башне и позволили даже принести из дома свитки и инструменты, так что Фларенгаст мог продолжать свои ученые изыскания. Каждый год, в день рождения сына в башню поднималась жена наместника и, уперев в полные бока не менее полные руки, грозно вопрошала, не изменилось ли что в небесах. Старого звездочета так и подмывало сослаться на какую-нибудь блуждающую звезду и отменить роковое пророчество, но всякий раз при виде сварливой женщины, не питавшей никакого уважения к его науке, упрямство его брало верх, и он подтверждал свое прежнее предсказание.

Прошло пятнадцать лет. Сын наместника вырос и превратился в умного пригожего юношу. Отпрыск же водоноса выбился в люди и даже попал ко двору наместника и стал другом молодого его наследника, ибо Субаши-Хаш придерживался того мнения, что будущему вельможе следует подбирать себе соратников с младых ногтей, дабы узнать их истинное лицо и помыслы. Сына своего он ни на шаг не отпускал из дворца, опасаясь предсказания звездочета и того позора, который мог пасть на всю семью, если таковое, не дай бог, сбудется. Впрочем, в своих покоях и огромном саду, окружавшем дворец наместника, его наследник пользовался полной свободой и не раз тайком от папаши отлучался в город.

Однажды городской глашатай объявил под барабанный бой: там-то и там-то будет разыграно представление, на которое приглашаются все желающие.

В назначенный час простолюдины и знать валом повалили на рыночную площадь. Наместник тоже отправился туда и воссел на возвышении, окруженный своими женами, служами и телохранителями. Он считал себя человеком просвещенным и был охоч до разных забавных зрелищ.

Стемнело; вдоль крытого навесом помоста, на котором актерам предстояло разыграть представление, зажгли толстые витые свечи. Появился фигляр, поприветствовал публику и прокричал:

Представлена для вас, честной народ,
История про пламень и про лед,
О короле из западной страны
Сейчас для вас игру затеем мы!

Потом он попросил присутствующих узнавать актеров по ходу действия, ибо все они были, как оказалось, из местных.

Взвился полог, и все увидели короля в горностаевой мантии, который держал совет со своими приближенными. На его юном лице сажей были нарисованы усы и бородка.

— Да это же мой сын! — раздался вдруг среди простолюдинов дребезжащий голос.

— Верно, — подхватили другие, — короля-то играет сын водоноса!

Представление длилось долго. Актеры разыграли историю тирана, который получил урок мудрости от простого нищего и стал отшельником. Публика узнала всех исполнителей, кроме одного: нищий был загrimирован очень искусно, а игра его была выше всяких похвал.

Только к концу действия, когда почти догорели толстые свечи на краю помоста, наместник узнал в «нищем» своего сына.

Он хотел было немедленно и публично проклясть отпрыска и лишить его наследства за то, что юноша унился до постыдного актерского ремесла. Но справедливость и на этот раз взяла верх, и Субаши-Хаш вместе со всеми поапплодировал, выразил свое удовольствие и даже наградил игравших, выдав каждому по золотому. Он надеялся, что никто не узнал в «нищем» его сына, а если и узнал у наместника были свои способы укоротить излишне длинные языки.

Субаши-Хаш испытывал огромное облегчение: пророчество Фларенгаста наконец сбылось, и сбылось самым невинным образом. Звездочет немедленно получил свободу и был пожалован богатым особняком и крупной денежной суммой.

Злые языки утверждают, что Фларенгаст больше всех изумился точности своего предсказания — настолько, что никогда больше не гадал по звездам. Он уединился в своем большом мрачном доме возле восточной стены и предался неким тайным занятиям, суть коих тщательно скрывал. По ночам над двумя огромными трубами, торчавшими по бокам фасада, валил желтый дым, взметались зеленоватые искры, а из глубин дома доносился какой-то скрежет, уханье и подозрительные стоны, смущавшие покой почтенных шадизарцев. Поговаривали, что чернокнижник наладился вызывать духов Нижнего Мира, таскавших ему из преисподней золото. Впрочем, до поры до времени его не

трагали, ибо чародей пользовался покровительством наместника.

Вспомнив все эти рассказы, человек на дорожке сада поправил притороченный за спиной прямой аквилонский меч и ухмыльнулся. Духов ли вызывал Фларенгаст или нет, но старишка был баснословно богат, а покинул Шадизар гол и бос, в одной набедренной повязке. Это случилось после того, как сын наместника в сопровождении нескольких товарищей тайно бежал из дома и отправился в неведомые края на поиски приключений. Через год дошли слухи, что юноша сей сложил голову, сражаясь на стороне одного из вендийский князей — кажется, его затоптал слон..

Это известие уложило Субаши-Хаша в постель. Он призвал к себе звездочета и слабеющим голосом осведомился насчет блестящего будущего, предсказанного некогда его сыну.

— Величие жизни человеческой не всегда предполагает ее продолжительность, — промямлил Фларенгаст, — кроме того, блуждающие звезды...

Тогда Субаши-Хаш вспылил в последний раз в своей жизни. Он приказал в три дня изгнать чародея из города, дом его разрушить, а имя предать забвению. Справедливость на сей раз не успела взять верх: душа наместника отлетела к Митре.

Три ночи кряду стены особняка сотрясали неведомые силы, а на третью утро Фларенгаст явил народу свои старческие мослы, едва прикрытые повязкой из верблюжьей шерсти, вышел через Восточные Врата и гордо удалился в пустыню. Его дальнейшая судьба неведома.

Что же касаемо повеления наместника относительно дома, то оно было исполнено лишь частично. После исхода чародея в особняк устремились городские стражники во главе с ретивыми сотниками, кои лелеяли надежду набить под шумок карманы из сокровищниц звездочета. Они принялись ломать мебель и крошить стены, но ничего интересного, кроме двух невесть чьих полуистлевших скелетов,

замурованных в глубоких нишах, так и не обнаружили. Пусто было и в обширных подвалах, где во множестве гнездились летучие мыши и стояли какие-то чаны, доверху наполненные бурой вонючей массой.

Сколько ни простукивали кладку, так ничего и не обнаружили: богатства чернокнижника словно сквозь землю провалились, да может, так оно и было. Когда же рухнувшая неожиданно стена погребла под собой десятерых стражников и одного вельможу, а обвалившийся балкон чуть было не раздавил прибывшего на место действия нового шадизарского наместника, особняк был объявлен проклятым местом, обнесен глухой оградой, а подвалы его на всякий случай залиты водой.

Относительно забвения чародейского имени и вовсе вышла промашка. История Фларенгаста стала притчей во языцах, и каждый вновь прибывший в Шадизар непременно выслушивал ее в духанах, причем каждый раз с новыми подробностями. Находились отчаянные головы, которые, несмотря на зловещие слухи и строжайший запрет властей, проникали за ограду, пытаясь разыскать сокровища. Но ничего ценного в излаженном вдоль и поперек многочисленными ворами доме не ссыпалось, если, конечно, не считать обломков мебели, клочков занавесей и огромных клубков паутины, в изобилии висевших по всем углам. Правда, некоторые боялись, что видели зеленоватую фигуру голого старика, бродившего с ворчанием среди запустения и грозившего длинным полупрозрачным пальцем, но мало ли что можно болтать за чаркой вина и бараньей ножкой...

Так и стояли развалины, обнесенные высокой оградой, немые и зловещие. Немые до самого последнего времени. Недавно дом ожила.

Узнали о том соседи, не преминувшие тут же подать жалобу начальнику городской стражи, светлейшему Эдарту. В петиции утверждалось, что среди развалин замечен был зеленоватый свет, слышались какие-то удары, словно

колотили по медному тазу, и некие тени возникали возле единственной уцелевшей трубы на фоне звезд.

Светлейший тут же отрядил проверяющих во главе с десятником Урубом, прославленным по всему Шадизару длинной своего острого носа, но сколько ни совал его десятник во все щели, так ничего и не обнаружил. Только в комнате с большим очагом посередине замечен был хорошо сохранившийся оловянный чан, доверху наполненный пылью, но стоял ли он там раньше или принес кто, сказать было трудно.

Обо всем этом ночной гость, пробиравшийся сейчас к дому Фларенгаста, узнал давеча от духанщика Абулетеса, который повсюду имел свои глаза и уши и был осведомлен о всех городских новостях. Человеку с аквилонским мечом за спиной не свойственны были колебания: как только взошла луна, он с помощью веревки с железным крюком на конце легко преодолел ограду и, крадучись, двинулся по дорожкам сада к полуразрушенному строению. Духи ли шалили за его стенами или кто-то прознал наконец тайну сокровищ и пришел, чтобы завладеть золотом, ему, в общем-то, было все равно, хотя он и склонялся к последнему варианту. Против духов хороши кинжал с серебряным лезвием и выдолбленная тыква с камфорным маслом, приложенная у пояса, а против людей сгодятся его кулаки и меч.

Человек был молод и отважен. Обликом он никак не походил на низкорослых заморцев: лунный свет играл на буграх его могучих мускулов, искрился в гриве черных волос, а синие глаза, видевшие в полумраке, легко отыскивали дорогу. Он был подобен зверю в лесной чаще, чуткому сильному зверю, явившемуся из-за северных гор поискать добычи среди богатства и нищеты славного Шадизара.

Таясь в тени кустов, человек достиг заваленной обломками рухнувшего балкона площадки, отделявшей сад от парадного входа особняка, и застыл, удивленно прислушиваясь.

Возле дверей разговаривали.

— Не надо, почтенный, — долетал из-за груды камней гнусавый старческий голос, — мне уже расхотелось туда идти.. Звуки были столь ужасны, что в желудке моем произошло коловоротение, чреватое постыдной неприятностью. Я весь дрожжу, и глаза мои застилает туман..

— Не стоит тебе бояться, уважаемый Агизар, — отвечал кто-то помоложе, — вспомни, что предсказал магический плат... Ты можешь упустить единственную возможность обрести истинное богатство! Ну же, входи без трепета и помни — я с тобой.

Из-за обломков выступила под лунный свет согбенная старческая фигура, заблестел мясистый нос, и притаившийся в кустах человек узнал ювелира с Алмазной улицы, дававшего также деньги в рост. Агизар прошаркал к дверям и неуверенно взялся за медную ручку.

Вслед за ним взошел на крыльце плотный голоногий мужчина в добротной коричневой тунике и сандалиях, ремешки которых охватывали его голени аж до колена. Он огляделся по сторонам, положил руку на плечо своего спутника и уверенно молвил:

— Подумай о выгодах сего предприятия, уважаемый, и забудь свой страх.

Ювелир надавил на ручку двери, и створка со скрипом подалась внутрь. Двое исчезли в мрачных глубинах дома.

Выждав некоторое время, человек с мечом за спиной мягко перебежал открытое место и бесшумно последовал за ними.

Он оказался в обширном вестибюле, некогда пышном и великолепном. На мраморных плитах валялись осколки каменных ваз, в нишах вдоль стен темнели статуи с отбитыми руками и головами. На всем лежал толстый слой пыли, испещренный на полу следами приходивших недавно стражников. Человек с мечом присел на корточки и легко высмотрел среди отпечатков салог узкие следы мягких туфель и другие, оставленные сандалиями с веревочной подошвой. Он двинулся по этим следам, миновал большой зал с рухнувшей правой стеной, свернул налево, про-

шел через темный коридор и вскоре достиг сводчатой комнаты, посреди которой темнел огромный очаг.

Очаг имел круглое, шагов в пять основание и представлял собой каменный купол не менее десяти локтей в высоту. От него к потолку тянулась сложенная из больших валунов труба, очевидно, та самая, из которой Фларенгаст некогда пускал свой желтый дым.

Комната, озаренная неярким светом, льющимся сквозь узкие окна под потолком, была пуста.

Черноволосый бесшумно двинулось было вдоль закруглявшейся стены помещения, но тут же застыл, услышав доносившиеся из коридора звуки шагов. Проклиная себя за то, что неглядел в темном проходе дверь, за которой, как видно, ненадолго скрылись Агизар и его спутник, человек с мечом метнулся к очагу и укрылся в его темном чреве.

Под каменным куполом воняло застарелой сажей и еще чем-то непонятным. Искатель сокровищ провел ладонью по внутренней стене очага, вымазал себе лицо, после чего осторожно выглянул из-за края проема, через который некогда подкладывали дрова. Дрова, видимо, были огромны: в арку печи легко мог бы въехать всадник.

Агизар и голоногий мужчина стояли шагах в десяти; ювелир судорожно цеплялся за плащ своего проводника.

Да, на нем теперь был плащ, черный, с огненным подбоем и дыбом стоявшим воротником, а голову украшала черная же корона, блестевшая зелеными камешками. Изменился и наряд ювелира: плечи его прикрывала темно-красная накидка с капюшоном, из-под которого торчал толстый лоснящийся нос.

Голоногий толкнул старика вперед и властно приказал ему опуститься на колени. Икая от страха, Агизар повиновался — слышно было, как трещат его старческие суставы.

Человек в черном плаще очертил мелом круг, присовокупив с его внешней стороны какие-то непонятные фигуры, потом распрямился и возгласил:

— Именем Змееголового! Треглавый Пес, стерегущий вход, отринь огненный камень! Верх стань низом, а низ верхом! Дамбаллах!

Ювелир громко икал, дрожа всем телом.

И вдруг откуда-то из трубы, прямо над головой спрятавшегося в очаге, раздался ужасный рев, словно сотни трубачей разом возвестили наступление неведомого войска. Искатель сокровищ зажал уши и замотал головой, готовой расколоться от этого звука.

Агизар повалился ниц, но его провожатый резво ухватил старика за шиворот и вернул в исходное положение. Он что-то кричал, широко открывая рот, и, когда рев внезапно оборвался, стали слышны его слова:

— ...и все темные силы, мне подвластны! Вы, мои азы и чектеры мои, приблизьтесь, отворите врата! Явись нам, дух Фларенгаста! Дамбаллах! Тьма! Тьма!

Что-то посыпалось из отверстия печной трубы, и, глянув вверх, таившийся под каменным куполом очага увидел стремительно приближающийся зеленый свет. Человек не стал медлить: он выхватил кинжал с серебряным лезвием и поспешно отцепил с пояса тыкву, приготовившись встретить нежить как следует.

И нежить явилась: зеленый клубок, скатившись вниз по трубе, развернулся, приобретая очертания полупрозрачной фигуры с длинной седой бородой и горящими красными глазами. Видение заплясало под каменным куполом, опускаясь, а из отверстия вновь долетел заунывный рев, на этот раз тосклиwyй и жалобный.

Черноволосый искатель сокровищ швырнул себе под ноги тыкву. Та лопнула, брызнув камфорным маслом, запах которого, как утверждают сведущие люди, более всего ненавистен для призраков. Оскальзываясь сапогами, ночной гость кинулся вперед и принялся разить колеблющуюся фигуру серебряным лезвием. Клинок не встретил сопротивления, и его обладатель нанес еще удар и еще... Он почувствовал, что рука его запуталась в чем-то, подобном крепкой сети, в тот же миг призрак задергался и опал,

накрыв человека с головой холодным зеленым сиянием. Тот отпрянул, запутался в светящихся нитях и вывалился из отверстия очага, не переставая орудовать кинжалом, изрыгая при этом страшные проклятия и разрывая явившегося из преисподней на куски, словно гигантская акула рыбачий невод.

Два вопля заставили его опомниться: басовитый, изданный исчезающим в дверях коридора Агизаром (ювелир улепетывал с ревностью юноши, забыв о больных суставах), и тоненький, донесшийся из очага. Поняв, что призрак больше не думает его душить, черноволосый отбросил в сторону тлеющие зеленым ключья, сел и глянул в проем печи.

Там, раскачиваясь и жалобно скуля, вниз головой висел щуплый человечек в рваных штанах, с ног до головы пемазанный сажей.

— Все пропало, — скулил он, — о Бел, все пропало! Да снимите же меня отсюда кто-нибудь!

— Кром, — взревел искатель сокровищ, вскакивая, — да это же Ловкач Ши! Что ты делал в трубе, крыса?!

— Он выполнял мое поручение, — раздался у него за спиной спокойный голос и, обернувшись, поминавший Крома увидел, как проводник Агизара снимает свой плащ и корону.

— Кто ты? — растерянно спросил человек с мечом.

— Меня зовут Шейх Чилли, — вежливо отвечал голоногий, — давно хотел познакомиться с тобой, Конан-варвар!

2

— Одного я не пойму, — сказал Конан, развалившись на шелковых подушках и прихлебывая из серебряной чарки легкое вино, — с чего этот Агизар взял, что призрак Фларенгаста поделится с ним своими сокровищами?

Они расположились на мягких кушетках вокруг круглого стола, уставленного вазами с фруктами, сосудами с

щербетом и более крепкими напитками. Две служанки, весьма миловидные, прислуживали им в главной комнате дома, расположенного неподалеку от Большого Канала и принадлежавшего новому знакомцу киммерийца. Дом был не так чтобы очень богат, но в нем было все необходимое для безбедной и приятной во всех отношениях жизни.

— Видишь ли, — отвечал Шейх Чилли, обкусывая виноградную гроздь, — прежде чем отправиться в развалины, я погадал ювелиру на своем магическом плате, и убедил, что он единственный в Шадизаре достоин попытать счастья в этом деле, ибо нет человека более праведного и честного. На самом деле, ростовщик — продувная бестия, и об этом всем ведомо, даже ему самому, но страсть к золоту лишает его последних остатков разума, и без того весьма скромно отпущеных ему богами. На самом деле, любого не сложно убедить в чем угодно, надо лишь уметь следовать откровенной корысти и скрытым побуждениям клиента. Открою тебе тайну: Агизар рассчитывал не только получить мешок монет за свое мнимое благочестие, но и собирался выпросить у покойного колдуна вторую молодость. Более всего этот несчастный мечтает вернуть себе утраченные годы и стать юным силачом, любимцем женщин. Ну, если не таким, как ты, Конан, то хотя бы таким, как я.

Непонятно было, говорит он серьезно или шутит. Впоследствии киммериец убедился, что это обычная манера Чилли. Что ж, Агизар вполне мог завидовать человеку, заманившему его в покинутый особняк: был тот весьма крепким, хорошо сложенным мужчиной среднего роста, с приятным округлым лицом и мягкими вкрадчивыми движениями. Правда, возраст его определить было весьма трудно: могло ему быть и двадцать лет, и все тридцать. То же касалось и происхождения Чилли: волосы его вились, как у шемита, но были гораздо более светлыми, чем у жителей этой страны, кожа не слишком смуглала, но и не белая, как у северян, нос прямой, а губы — мягкие и слегка припухшие. Одевался он не совсем по заморской

моде, предпочитая простую тунику, набедренную шелковую повязку и сандалии с длинными, до колен ремнями.

Пожалуй, он нравился женщинам. Однако в чертах его чудилось киммерийцу нечто неприятное, некоторый недостаток мужественности и излишняя округлость тела, несомненно сильного, но как бы омытого водами потока, в которых излишне долго омывалось — и лицо, и фигура этого человека несколько напоминали речной окатыш, приятный с виду, но скользкий на ощупь.

Если бы судьба не свела их нынешней ночью, варвар никогда не стал бы искать близости с Шейхом Чилли. Хотя, несмотря на свою молодость, он уже знал, сколь часто бывает обманчивой внешность: повидал Конан и свирепых наружностью воинов, гадивших в штаны на поле битвы, и надутых мудрецов, ведавших лишь одну тайну — как выманивать подарки у простаков своим словоблудием, и валявших дурочку хитрющих оборванцев, скопивших немалые состояния... Кем был на самом деле хозяин дома возле Большого Канала, Конан для себя еще не решил, а посему рассудил, что стоит присмотреться к Шейху поближе. Во всяком случае, тот был далеко не глуп, и у него можно было кое-чему поучиться.

— Тогда скажи мне, — сказал варвар, пододвигая к себе кувшин розового аренджунского, — зачем понадобилось устраивать столь замысловатое представление в доме Фларенгаста? Ты-то, сдается мне, вовсе не собирался на-граждать старикашку ни молодостью, ни золотом, а как раз наоборот, рассчитывал выманить кое-что у него.

Конан и вправду никак не мог взять в толк, за какой такой надобностью дудел в жестяные трубы, спрятанные в дымоходе, его давний приятель Ши Шелам по прозвищу Ловкач, для чего спускал он на веревках в очаг «призрака», оказавшегося хитро сплетенной, вымазанной светящейся краской сетью, укрепленной на проволочном каркасе в форме гигантской человеческой фигуры с горящими углями вместо глаз и хвостом пегой лошади, изображавшей бороду Фларенгаста. Сие искусное сооружение варвар

растерзал в клочья своим кинжалом, да еще и сдернул в печную трубу замухрышку Ши, который должен был изображать жуткие телодвижения призрака, дергая за многочисленные веревки. В одной из них и запутался Ловкач, проделав перед тем головокружительный спуск по дымоходу, от которого не очухался до сих пор. Если бы не веревка, лежать бы ему на полу очага с разбитой головой!

Вместо того, чтобы возблагодарить судьбу за чудесное спасение, Ши принял сныть и приставать к Конану с упреками за то, что тот сорвал столь тонко задуманное дело. Заткнулся он только после хорошей затрешины.

Голоногий же, казалось, вовсе не был расстроен негаданным появлением варвара и не собирался отказываться от задуманного: он приказал Шеламу тщательно собрать обрывки сети, спрятать веревки, а когда они уходили, явно собираясь вернуться в развалины, присыпал их следы пылью, специально припасенной для этой цели в оловянном чане при входе в комнату с очагом.

Сейчас киммерийцу жгуче хотелось выведать, в чем же, собственно, состояло дело, да еще «тонко задуманное», и не скрывалось ли за сим обычное недомысление. С точки зрения варвара было бы гораздо легче просто забраться в дом ювелира, взломать замки на сундуках и унести столько золота и драгоценностей, сколько на плечах уместится. Свое мнение он не замедлил изложить Шейху Чилли.

— Ты, несомненно, прав, — охотно согласился тот, заливая щербетом сочный перчик, — но то, что проще, не всегда лучше. Если попытаться отнять у кобеля кость, он может укусить, но покажи ему нечто привлекательное, скажем, текущую суку, глупый зверь оставит лакомство и пустится за ней в погоню, даже если уже ни на что, кроме ловли блох, не годен. Кроме того, некоторые старые собаки имеют покровителями своими весьма нестарых львов, а от сих зверей я предпочитаю держаться подальше. Поверь, не страх движет мною, а лишь отвращение к насилию. Ты мог заметить, что я не ношу оружия. Предпочитаю пользоваться для своих целей столь невинными вещами, как

кусок обычной материи, именуемый магическим платом, или черный плащ и жестяная корона с бутылочными стекляшками, купленные мною по сходной цене у бродячих актеров. Ну и, конечно, человеческой глупостью и алчностью.

Киммериец только хмыкнул и отхлебнул вина.

— Быть может, — продолжал хозяин дома, — как человек, рожденный в суровых северных землях, где превыше всего ценят мужество и прямоту, ты станешь презирать меня и сочтешь образ моих действий недостойным. Увы! Ничего не могу тут поделать, ибо таковой удел предначертаны мне звезды.. Если хочешь, я расскажу тебе свою историю.

Конан ничего не имел против, тем более, что до утра было еще далеко, а на столе оставалось достаточно закуски и выпивки.

И Чилли поведал о своей жизни.

Родился он в некой небольшой державе, лежащей к востоку от моря Вилайет, в семье тамошнего владельца. Ни название страны, ни имени государя Шейх Чилли называть не стал, сославшись на собственную скромность. В день его рождения придворные звездочеты, как водится, произвели необходимые вычисления, чтобы предсказать судьбу наследника престола. В отличие от Фларенгаста, они были истинными знатоками своей науки, людьми суровыми и весьма почитаемыми. Поэтому их заключение воспринял государь как тяжкий приговор: звездочеты объявили, что сыну его на роду написано быть вором.

Вскоре предсказание начало сбываться: едва встав на ноги, наследник принялся тащить все, что плохо лежало. Он воровал серебряные тарелки, соусницы, сухарницы, сунницы, флаконы с благовониями, заколки для волос, броши, черепаховые гребни, утиральники для носа и палочки для почесывания спины, а раз умудрился извлечь из царской короны самый крупный бриллиант, именуемый Глаз Индры. И крал он все это не по нужде и не из корысти, ибо

ни в чем не нуждался, а исключительно ввиду расположения созвездий небесных.

Видя такое дело, государь предался унынию и приставил к наследнику лучших воспитателей, надеясь с их помощью перебороть судьбу. Но, когда отпрыск сламзил на официальном приеме агатовую заколку с тюрбана турецкого посла, терпение отца лопнуло, и он решил избавиться от недостойного плода чресл своих.

Будучи человеком гуманным, правитель не стал душить сына подушкой или подстраивать несчастный случай на охоте. Мальчика тайно отдали в ашрам, передав настоятелю все, как есть, и пожелав мудрому старцу наставить наследника престола на путь истинный.

— Отец мой лелеял надежду увидеть меня вновь, — рассказывал Шейх Чилли, прихлебывая щербет, — но что можно поделать против предначертанной свыше судьбы! Обитатели ашrama были терпеливы: стащу я что-нибудь у прихожанина, они и слова не скажут. Только придут ночью, заберут тайком украденное и вернут владельцу. Божьи люди, одним словом. Мне же, по малолетству и глупости, подобное казалось верхом коварства. Вот воры так воры, еще почище меня будут! — так гневил я свое маленькое сердце.

Гневил-гневил, да не выдержал. Припас крепкую дубинку, спрятал под тюфяком и прикинулся спящим. Ночью пришел сам настоятель, забирать украденный у какого-то пасечника горшок с медом. Только он за ним наклонился, я возьми да огрей его по голове...

— Убил? — деловито осведомился Конан с набитым ртом.

— Убить не убил, но благостность из его седой головы вышиб: изгнали меня из ашrama. Пошел я гол и бос куда глаза глядят..

— Ай, ай, ай, — пропищал Ши Шелам и выплюнул слиновую косточку, которой чуть было не поперхнулся от возмущения, — всегда подозревал, что эти отшельники только прикидываются добряками!

— То же сказал мне и странствующий пандид, который меня подобрал, — продолжил Чилли. — «Нет истины за стенами ашрамов, — сказал он мне, — хотя иные и думают, что сидят на ней своими тощими задами, как на сундуке с изумрудами. Глупцы! Забыли они, что Митра велел делиться...» Однако, как я скоро убедился, заботила его вовсе не истина, а содержание мешка, который мудрец сей таскал повсюду, ни на миг с ним не расставаясь.

Стоит ли говорить, сколь заинтересованно отнесся я к ученичеству у пандида? Мне казалось весьма привлекательным, почитав мантры на свадьбах и похоронах, получать за это щедрые подарки и обильную пищу. Душа моя устремилась навстречу богам, алкая их благословения. Клянусь хвостом обезьяны, я готов уже был обратиться на путь истинный и сделал бы это, если бы не проклятые звезды! Именно они отвратили меня от изучения необходимых в пандидском деле молитв и притянули взор мой к мешку учителя.

— Подозреваю, он таскал там не свитки, — ухмыльнулся Конан. Повесть Чилли все более занимала молодого варвара.

— Именно! — воскликнул рассказчик. — Не свитки, не четки и благоворония, а золото таскал старец в мешке своем. За свои услуги брал он только золотыми монетами, даже у бедняков, которые зачастую отдавали последнее: как известно, на свадьбу да на похороны не скупятся. Мешок был толстый, как подушка, да и использовался сходно — на ночь пандид клал его под голову, а спал столь чутко, что открывал глаза, как только на лоб ему садился комар. Днем же ему почти нечего было опасаться: как известно, даже самые отпетые негодяи избегают открыто грабить бродячих слуг Митры, страшась гнева Всевидящего.

— Клянусь шкурой волка, — заметил киммериец, прощая глазами хорошенькую служанку, — главная опасность для его сокровищ была у старика под боком. Будь он поумней, забыл бы о разбойниках да приглядывал бы получше за собственным учеником...

— Может, он и не был так уж глуп, — возразил Чилли, — да и вел я себятише воды ниже травы. Изо всех сил старался услужить старцу — каждый божий день купал его в реке, растирал ноги, таскал на спине, когда тот уставал в пути, а, случалось, и выпрашивал подаяние. Со временем пандид уверился в моем благочестии и стал доверять все, кроме мешка. Я же не терял надежды, памятуя о том, что терпение — высшая добродетель истинного подвижника.

Как-то раз, когда долго уже не случалось ни праздников, ни свадеб, ни похорон, ходили мы по селениям и собирали «святое подаяние». Это с мешком-то золота! Мысленно я проклинал старца и сулил ему язву или другой какой мор, но внешне оставался почтительным, стараясь, чтобы на лице моем кроме легкой придурковатости ничего не отражалось.

Утром мы вышли из селения, где ночевали, и направились в один город, до которого пешком было добрых два дня пути. Пройдя довольно прилично, я остановился, выдавил из глаз пару слезинок и объявил учителю, что совершил тяжкий грех.

— Какой грех? Откройся мне, сынок, — потребовал старец. Думаю, он заподозрил, что я стащил в доме что-нибудь ценное, и уже готовил хитроумную речь, призванную оправдать мои действия волей Митры или еще каким образом.

— Вчера вечером, в доме, где нас угостили ужином, сверху на меня свалилась пыль и паутина, — принялся объяснять я, видя, как все более вытягивается его морщинистое лицо. — Отряхнуться-то я отряхнулся, да вижу сейчас, что к руке моей пристала ниточка паутины. И как я ее не углядел? Ты сам учили меня, отче, что грешно уносить из чужого дома то, что тебе не принадлежит. Боги не простят меня, если я сейчас же не вернусь и не возвращу хозяевам присвоенное.

Пандид, видимо, решил, что я спятил.

— Ведь это только мусор, прах, — принял увещевать он, — кому он нужен? Хозяйка, верно, была бы рада, если бы ты собрал всю паутину в ее доме.

— Не надо меня утешать! — возопил я, царапая себе лицо ногтями. — Какая разница: золото или прах? Брать чужое одинаково грешно, так сказано в Заветах! Хозяева были так добры к нам! У меня и в мыслях не было уносить их имущество.. О горе мне, горе!

С этими словами я опрометью бросился назад по дороге и, скрывшись за деревьями небольшой рощи, затаился. Из своего убежища я видел, как старец качает седой головой и шевелит губами, что-то бормоча себе под нос.

Выждав столько времени, сколько, по моим расчетам, надобно было, чтобы сбегать в селение и обратно, явился я пред очи мудрого пандиду и объявил, что смыл с себя грех. Он поглядел на меня с легким сожалением, но вслух похвалил.

— Вижу, сын мой, ты усвоил мои уроки, — сказал он, окончательно решив, что боги послали ему в услужение полного идиота.

Вечером мой учитель пожелал искупаться в пруду. Раздевшись, он передал мне одежду, посох и чашу для святых подаяний, а немного подумав, протянул и мешок.

— Знаю, ты честный юноша, — сказал он. — Смотри,стереги это хорошенко, пока я стану омывать чресла свои.

Я положил мешок под дерево и уселся на него с самым невинным видом. Чтобы у старца не оставалось никаких сомнений, я сказал:

— То, что принадлежит пандиду, принадлежит Митре. А кто посмеет обмануть Всевидящего?

Шейх Чилли умолк и принял очищать серебряным ножичком яблоко.

— Что же было дальше? — нетерпеливо спросил Конан, который уже понял, чем должна закончиться эта история.

— Учитель омывал свои чресла довольно долго, — сказал Чилли. — У нас было заведено, что я ожидал его на

берегу с платом для утирания. На сей раз пандид не обнаружил ни платы, ни ученика, ни мешка.

— Ох! — выдохнул Ши Шелам и дернулся за мочку уха. — Ты осмелился обокрасть святого человека! Нарушил заветы Митры!

Ши был человеком набожным и суеверным, хотя сам нарушал заветы по нескольку раз на день.

— Напротив, — возразил Чилли с серьезной миной, — я совершил богоугодное дело. О чем и поведал в записке, оставленной учителю под деревом.

— Что же ты ему написал? — спросил киммериец.

— Три слова: Митра велел делиться.

Сторож, проходивший в ту пору со своей колотушкой по набережной Большого Канала, клялся потом, что громовой хохот, донесшийся из окон дома, купленного недавно неким чужаком в коричневой тунике и сандалиях с длинными ремнями, был столь мощен, что погасли три масляных фонаря возле фасада здания.

Отсмеявшись и утерев выступившие на глазах слезы, юный варвар глотнул вина и помянул прелести Иштар, что делал обычно, когда хотел выразить свое одобрение.

— Воистину, — сказал он, — твой рассказ столь же хорош, как и твое аренджунское. Теперь я понимаю, что Шадизар, город воров, приобрел еще одного достойного жителя. Но вернемся к событиям нынешней ночи...

— Погоди, — перебил его Чилли, снова наполняя свою чарку щербетом. Конан заметил, что вина он вовсе не пьет. — Ты лучше поймешь меня, если выслушаешь мою историю до конца. Расставшись с пандидом, я отправился в ближайший город, рассчитывая потратить там золото в свое удовольствие. Но, хотя я и совершил, как мыслил, богоугодное дело, Податель Жизни счел нужным наказать меня: какие-то лихие парни с большой дороги отобрали у меня мешок, сломав в благодарность пару ребер, вывихнув руку и отбив почки. Я скрылся от них в зарослях можжевельника и долго блуждал, пока не набрел на пещеру некоего пустынника.

В отличие от пандида, старец сей жил в полном уединении, питаясь акридами и диким медом. Он вылечил меня травами и, выслушав мою горестную историю, дал мудрое наставление.

«Ты не можешь противиться воле звезд, — сказал он, — но можешь облегчить свою участь, пустив в ход хитроумие, коим, как вижу, боги тебя не обделили. Грешно красть у слуг Митры, даже у подобных твоему пандиду, грешно обижать сирых и убогих, живущих трудами своими и добывающих пропитание в поте лица своего, но в мире есть немало людей, стяжавших себе богатства неправедным путем, и немало глупцов, готовых поддаться на любую удачу, только бы умножить свое состояние быстро и не ударив палец о палец. Постарайся, чтобы сии недостойные добровольно отдавали тебе свое добро. Тем самым ты удовлетворишь страсть к чужим ценностям, вызванную неудачным расположением звезд при рождении твоем, и, в то же время, послужишь орудием в руках Всеблагого, наказывающего тех, кто живет, помышляя лишь о ценностях этого бренного мира».

Я покинул пустынника, размышая о его словах, показвавшихся мне весьма мудрыми. Принеся клятву богам никогда больше не опускаться до обычного воровства, я отправился в отдаленное селение и попросил старейшинпустить меня жить. Старейшины ничего против не имели, тем более, что на окраине села давно пустовала убогая хижина, где я и поселился.

Клянусь Белом, я вовсе не помышлял там обогатиться, а решил начать честную жизнь. По праздникам читал мантры, которым обучился у пандида, и не брал за это ни гроша, что очень нравилось прижимистым селянам. В иные же дни был, что говорится, на подхвате: исполнял разные мелкие поручения, помогал вскапывать огороды, чинить плетни и таскать из леса хворост. В благодарность меня кормили, и все были довольны.

Так прошло время от первых весенних цветов до сезона дождей. Я уже решил было, что навсегда избавился от пагубной страсти, но звезды есть звезды...

— Снова что-нибудь свистнуло? — хохотнул киммериец, отправляя в рот изрядный кусок халвы.

— Ты забыл о моей клятве, — строго заметил Чилли, — я ведь решил брать только то, что само плывет в руки. Вскоре в голове моей родился некий замысел, внушенный не иначе, как самим хитроумным Белом.

Надо сказать, что жители того селения были не столь уж бедны, как хотели казаться для чужих глаз, и дорогая латунная посуда водилась почти в каждом доме. Все о том, конечно, знали, но каждый раз во время праздников каждый принимался бегать по соседям и одолживать блюда и чашки, ссылаясь на свою крайнюю бедность. Так что пиршства обычно затягивались не меньше, чем на седьмицу, в течение которой посуда гуляла по всем домам.

Приближался День Сущеного Финика, и я решил поддержать местную традицию: обошел селение и выпросил в каждом доме по чашке или тарелке. Своими усердием и услужливостью я успел к тому времени сискать всеобщее расположение, так что затруднений в сем предприятии не возникло, мне даже набросали в мешок кое-какой снеди, так что я смог пригласить двух-трех соседей на скромный праздничный ужин. А через пару дней возвратил одолженное, да еще с прибыtkом: каждый получил к своей тарелке и чашке еще точно такую же.

— Это как же вышло-то? — удивился Ловкач Ши. Он даже жевать перестал.

— В моем поясе осталось с десяток золотых монет, до которых не добрались разбойники, — объяснил Шейх Чилли, — ночью я оседлал мула, съездил в соседний городок, разбудил лавочника и, сославшись на срочность, прикупил у него на золотой требуемое количество посуды.

— Ты хочешь сказать, что потратил свои деньги, чтобы вернуть заимодавцам вдвое против того, что они тебе одал-

живали? — спросил киммериец, силясь уловить, в чем же тут хитрость. — Клянусь дохлым ослом, не понимаю!

— Селяне тоже ничего не поняли и засыпали меня вопросами, — пряча в чарке улыбку, отвечал хозяин дома. — Надо было видеть их лица, когда они услышали мой ответ. «Что же тут особенного? — сказал я. — Ваша посуда принесла потомство. Берите, не стесняйтесь!»

— И они поверили в подобную чушь? — изумился варвар.

— Думаю, что нет, да кто откажется, ежели ему предлагаю что на дармовщину! Приняли с благодарностью и просили захаживать еще.

Как было не воспользоваться подобной любезностью? В сезон дождей работы на полях прекращаются, так что праздники следуют один за другим. В День Земляных Орехов я снова отправился по домам за чашками и тарелками. На этот раз норовили подсунуть побольше, некоторые давали даже супницы и сосуды для вина. Я взял все и снова возвратил вдвойне. Потом проделал эту операцию еще несколько раз, пока не кончились деньги.

— Подозреваю, ты вовсе не затем тратил золото пандида, чтобы обогатить этих бездельников, — проворчал варвар, злясь на себя за то, что не в силах был разгадать замысел Чилли.

— Ты очень проницателен, киммериец, — вежливо отвечал тот, — сколько веревочки не виться, а конец будет. Приближался Праздник Мытья Волос, самый большой и пышный в тех краях. Для подобного случая местные жители держат у себя большие круглые полоскательницы, оловянные, медные, а кто побогаче — и серебряные. Ты, Конан, и ты, Шелам, наверное решили, что я попросил их одолжить? Ничего подобного: селяне сами натащили полную хижину этих тазов, словно у меня была не одна голова, а по меньшей мере полсотни, и каждая нуждалась в отдельном чане для омовения. Впрочем, каждый считал, что перехитрил союза — приходили они, таясь друг от друга, и полоскательницу каждого я предусмотрительно прятал

на заднем дворе. И, конечно, гору разнообразной посуды, это уж, как водится. Ее было так много, что мне понадобилось целых три ночи, чтобы вывезти все, включая полоскательницы, в ближайшую рощу и спрятать в укромном месте.

— И ты скрылся, — понимающе кивнул Конан.

— Нет, — сказал Чилли, — я хотел посмотреть, носили ли боги мне наказание. Поэтому вернулся в свою хижину и зажил, как ни в чем не бывало.

Шли дни, селяне меня не тревожили, полагая, очевидно, что размножение полоскательниц протекает более трудно, чем у обычной посуды. Однако, спустя седьмицу, они стали проявлять беспокойство и захаживать по одному. Я делал вид, что не понимаю, о чем идет речь, вот тогда-то они и почуяли неладное. Собрали совет старейшин, долго судили-рядили, а когда выяснилось, что почти все семьи лишились ритуальных тазов, привалили ко мне целой толпой.

— Вот тогда-то ты и дал деру, — снова подсказал киммериец.

Но Чилли отверг и это предположение. Картина, открывшаяся взгляду селян в хижине, с его слов была следующая. Юноша, то есть сам Шейх Чилли, сидел на земляном полу, бил себя в грудь, посыпал голову пылью, царапал себе щеки и рыдал столь горько, что вселил скорбь в сердца вошедших.

— Какое несчастье постигло тебя, сынок? — спросили ошарашенные старейшины. — Что ты так убиваешься?

— Люди добрые! — всхлипнул юноша, ударяя себя в грудь. — Я в полном отчаяния. Если бы мое горе касалось только меня, это бы еще полбеды. Но оно касается вас, всех до единого. О, пусть развернется земля и поглотит меня, несчастного!

— Как это? — вскричали старейшины. — Что это за напасть такая, что касается не только тебя, но и всех наэ? Говори толком!

Тут юноша зарыдал еще громче.

— Мужайтесь! — еле выговорил он сквозь слезы. — Ваша чудесная посуда, ваши блюда, чаши, супницы и полоскательницы для волос... — тут он выдержал трагическую паузу, — скончались!

Все умолкли, словно пораженные громом небесным. Потом заголосили разом:

— Скончались?! Что ты мелешь! Как может помереть серебро, не говоря уже о латуни и олове? Где это слыхано? Как могло такое случиться?!

— Откуда мне знать, — отвечал тогда Чилли, перестав плакать, — видать, роды были тяжелыми.

Его тут же связали и бросили в яму. Долго чесали старейшины свои сивые бороды, решая, что же с ним делать. Наконец решили призвать мудрого человека, дабы разрешил столь невиданное дело.

— Каково же было мое удивление, когда мудрец, призванный для суда, оказался знакомым мне пустынником, — подошел Чилли к заключительной части своей удивительной повести. — Он выслушал селян и осведомился, в чем, собственно, состоит их недоумение.

— Как же? — хором ответствовали те. — Да разве же мы поверим, что металлическая посуда может скончаться?

— А почему бы и нет? — ошарашил их мудрец. — Поверили же вы, когда сей юноша говорил, что утварь ваша принесла потомство. То, что может родиться, может и умереть!

Подобное заключение повергло селян в горестное уныние, но они не осмелились перечить пустыннику, опасаясь навлечь на себя гнев богов. Я же, возблагодарив небожителей мысленно, а отшельника из уст своих, поспешно удалился, чтобы вернуться вскоре с лошадьми и тайно вывезти привалившее богатство на ближайшую ярмарку.

— Значит, боги не сочли твою хитрость предосудительной? — спросил Конан, улыбаясь от уха до уха.

— Боги обычно наказывают тех, кто стремится обогатиться, не прикладывая к тому никаких усилий, — глубокомысленно заключил Шейх Чилли, — я же послужил

лишь орудием высшей справедливости. Скажу еще, что и в дальнейшем продолжал следовать наставлениям мудрого пустынника, всякий раз убеждаясь в его мудрости и подлинной просветленности. Как видите, мои богоугодные дела принесли некоторые плоды...

И он не без гордости сделал широкий жест, указующий на жилище его, стол, яства и служанок. Следуя взглядами за сим жестом, Конан и Ши вынуждены были признать, что их гостеприимному хозяину крупно повезло повстречать в странствиях его столь мудрого и во всех отношениях прозорливого наставника.

— Теперь вернемся к нашим делам, — сказал Чилли, насладившись произведенным впечатлением. — Агизар достоин того, чтобы расстаться с весьма солидной долей своего состояния. Сейчас он испуган, но жадность и тайные желания заставят его снова прийти ко мне. Тогда мы снова отправимся в дом Фларенгаста и осуществим задуманное.

— Ловкачу опять придется сидеть на трубе и спускать через дымоход твою сетку? — ворчливо спросил варвар. — Ты обещал открыть замысел...

— Немного позже, — сказал Чилли, прикрыв глаза и что-то обдумывая. — Что же касаемо «призрака», который должен явиться с Серых Равнин, я придумал кое-что получше. Как мыслите, кого ожидает узреть ювелир после моих заклинаний?

— Зеленого бородатого старика с горящими глазами, — предположил Ши.

— А увидит могучего юношу! — хлопнул в ладоши Шейх. — Ты станешь Фларенгастом, Конан!

3

Ювелир Агизар стоял, опершись о нефритовую столешницу, и печально взглядался в роскошное бронзовое зеркало. Из мутноватых глубин смотрело на него отражение: плешивый старец, по пояс голый, еще красный после недавней бани. Ни омовения, ни усилия массажисток не

пошли ему на пользу — зрелище было жалким. Синие шелковые шаровары едва держались на его бедрах, на красный кушак свисал дряблый живот, поросший седым волосом, а плечи и грудь были, как у старой женщины: грудь отвисшей, а плечи округлыми и лоснящимися. И еще нос. Вспухший, с красными прожилками и огромными порами, вечно влажный и блестящий. Чего он только не делал со своим носом, каких только мазей и притираний не использовал! Все было тщетно — с каждым прожитым годом нос все более расплывался по его лицу, словно бурый перезревший помидор, готовый вот-вот брызнуть отвратительным соком.

О боги, как жестоко смеетесь вы над смертными! Молодость Агизара прошла в нищете и унижениях, а зрелость — в постоянных усилиях скопить побольше золота. Он не брезгал ничем: продавал поддельные драгоценности, не гнушался краденным, ссужал деньги на кабальных для заемщиков условиях и подкупал власти, дабы те жестоко преследовали недоимщиков. Он преуспел. Богатства его были велики, сундуки ломились от золота и драгоценных камней, а дом роскошью и размерами не уступал лучшим особнякам Шадизара.

И все же, был он одним из несчастнейших людей во всей Хайбории. Старость отняла у него то, что было дороже любых сокровищ, она отняла женщин.

Агизар никогда не был женат, опасаясь, что коварные супружницы могут подсыпать ему в суп крысиного яду или лишить разума посредством сока Черного Лотоса, дабы завладеть богатствами его. Но, конечно, ювелир мог купить себе достаточно невольниц, да они у него и были — юные, прекрасные гурии из Турана, Шема, Офира и даже далекого Асгарда, где вода зимой замерзает и становится подобна сверкающим бриллиантам. Покорные воле хозяина, они танцевали перед ним, мыли в купальне, согревали в постели, наполняя душу Агизара сладостным томлением... И только! Увы, старость и заботы лишили его мужской силы, превратив жизнь в подобие пытки, когда перед плен-

ником, голодным и измученным, скованным по рукам и ногам, ставят блюда с дымящимися яствами и хрустальные чаши, полные игристых напитков.

Агизар застонал и в гневе хотел плюнуть в зеркало, но вовремя удержался, вспомнив, что страданиям его вскоре суждено кончиться. Благослови Митра гадальщика, к которому привел его случай! Почтенный Шейх Чилли, правда, поначалу долго отнекивался, ссылаясь на то, что давно не брал в руки камешки и не расстипал магический плат, но золотой перстень с изумрудом сделал свое дело, и гадание состоялось.

О, что это было за гадание! Открылось дивное: дух старого Фларенгаста, охраняющий невидимые сокровища в развалинах особняка возле восточной стены, давно ищет достойного, с кем мог бы поделиться своим богатством. И не только. Магический плат поведал, что призрак, явясь он по зову, может одарить соискателя и кое-чем еще, не менее, а может быть, и более ценным.

Старик довольно потер потные ладони, отошел от зеркала и направился к шкафу с одеждой.

Нет, не зря он приплачивал духанщику Абулетесу за возможность раньше многих узнавать свежие новости. Именно Абулетес поведал ему под строгим секретом, что человек, купивший дом возле Большого Канала, никто иной, как знаменитый маг Ишшим Суарта, прибывший в Шадизар под вымышленным именем, и сведущ сей маг не только в деле предсказания будущего, но и кое в чем еще, о чем болтать попусту не следует.

И то была правда. Своими глазами видел Агизар, что подвластно Суарте: призрак старого Фларенгаста, явившийся из преисподней, видел он! И хотел было уже просить милости у духа звездочета, денег побольше да молодость себе хотел испросить, но возник вдруг в печи некий демон, черный, как зембабвец, грозный, как гром небесный, и напал на Фларенгаста со своим сверкающим подобно молнии кинжалом... Агизар бежал тогда в ужасе, пытке

рял по дороге туфлю и опомнился, только задвинув бронзовый засов своего дома.

Три ночи не мог он сомкнуть глаз, все чудился зеленый призрак и черный демон-воитель, а в ушах звучал страшный рев, сопровождавший их появление. Агизар гнал от себя невольниц и кусал пальцы: неужто все пропало, и он никогда не обретет того, что заслужил? И женщины — о, женщины! — так и останутся для него лишь прекрасными спелыми плодами, до которых невозможно дотянуться??!

На четвертый день страх виденного уступил вожделению, и ювелир отправился в дом Шейха Чилли.

Тот встретил вежливо, но тут же заявил, что и речи не может идти о новой попытке вызвать дух звездочета.

— Слишком хорошо охраняют его силы тьмы, — сказал он, — я не желаю рисковать нашими жизнями, ибо демоны преисподней опасны даже для меня, сведущего в магии. Не говоря уже о тебе. Так что оставь свои надежды и лучше постараися достать плоды вендийского дерева у-у, кои делают мужчину в постели подобным тигру..

Агизар упал на колени и принялся умолять великого Ишшима попытать для него счастья еще только один раз. Что там какие-то плоды, они не вернут силы мышцам и упругости коже, не вернут молодости! Да и неизвестно, как действуют они на стариков, так что он готов уплатить знаменитейшему Суарте весьма значительную сумму...

Маг в гневе затопал ногами и приказал никогда не упоминать его подлинного имени.

Ювелир охотно согласился, предложил тысячу золотых за труды и получил отказ.

Тогда он посулил две тысячи золотых, на что Ишшим Суарта только презрительно пожал плечами.

Однако, когда сумма возросла до десяти тысяч, маг ласково поднял ювелира за плечи, усадил на мягкую софу и деловито принялся объяснять, как следует подготовиться к ночному визиту в развалины.

Роясь сейчас в шкафу и вспоминая о тех событиях, Агизар невольно содрогнулся. Подумать только, Ишшим

велел натереть одежду камфорным маслом. Какая вонь! И еще эта выдолбленная тыква с дырками для глаз, надетая на голову.. Но куда было деваться: запах камфоры отпугивает демонов, а тыква, закрывающая лицо, предохраняет от их огненных плевков.

Вторичный поход в дом звездочета окончился более успешно, чем первый.

Они снова пришли в комнату с очагом, маг очертил круг на полу и произнес свои заклинания, поминая Сета, Трехглавого Пса и еще каких-то азов и чектеров. Из печи вырвался страшный рев, взметнулась сажа, а потом возникла там светящаяся зеленым призрачным светом фигура... Но то не был длиннобородый старец, виденный Агизаром ранее, то был могучий юноша с черными, как вороново крыло, волосами, в которых играли отблески неведомого огня.

— Кто звал меня?! — проревел призрак, заставив Агизара покрыться холодным потом. — Кто, хвост Нергала ему в глотку, потревожил мой покой в Нижнем Мире?

— Я потревожил твой покой, — отвечал Ишшим Суарта, делая руками замысловатые фигуры, — именем Дамбаллаха, Змея Вечной Ночи, заклинаю обратить взор твой на этого человека...

И он указал на коленопреклоненного ювелира с тыковой на голове.

— Кто этот приду.. то есть, кто сей почтенный старец? — спросил призрак. — И как он осмелился предстать предо мной, великим Фларенгастом?

Ишшим толкнул ювелира ногой, и тот залепетал сквозь отверстие в тыкве:

— Агизар я, о великий и ужасный, смиренный проситель твой..

— Агизар? — Призрак почесал свою мощную грудь и сплюнул. — Не тот ли это ростовщик с Алмазной улицы, который жаждет омолодиться, дабы вернуть себе мужскую силу?

— Я это, я! — радостно вскричал проситель. — Воистину, нет от тебя тайн! Магический плат великого Ишшима привел меня пред очи твои. Поражен я могуществом твоим и видом твоим, ибо ожидал узреть старца...

— Это зря, — прервал его словоизлияния светящийся юноша. — Узнай же, что ведома мне тайна вечной молодости, и я решил явиться тебе в новом обличии, дабы... Словом, решил и решил. Чего хочешь-то, старик?

Агизар возликовал тогда, заключив, что настал его звездный миг.

— Магический плат поведал, — заговорил он поспешно, — что ищешь ты, о справедливейший из духов, достойного человека, с кем хотел бы поделиться сокровищами своими. Не помышлял я заноситься столь высоко, ибо скромен, но великий Суарта уверяет, что я и есть человек сей...

— Допускаю, — сказал призрак. — Однако двух желаний для тебя зараз многовато. Так что выбирай: либо сокровища, либо молодость.

О боги! То была полная неожиданность. Все смешалось в голове ювелира. Пред глазами поплыли новенькие сундуки в его хранилищах, которым предстояло, как он мыслил, наполниться звонкими монетами и сверкающими драгоценными камнями... Неужто это видение должно рассеяться, словно сон? И тут же возникли прелестные лица невольниц его: смуглой шемитки Вары, пухленькой туранки Зафии, светловолосой Имры из далекого ледяного Асгарда... Золото или молодость?! О боги!

— Решай скорее, старик, — топнул ногою призрак.

И Агизар решился. Он совершил поступок немыслимый, невероятный, заставивший трепетать тело, а душу корчиться, словно кусок пергамента в пламени очага: он отказался от золота.

И зарыдал.

— Чего же ты плачешь, глупый, — сказал ему маг, — ты ведь больше всего хотел обрести молодость...

— Быть посему! — возгласил призрак. — Пусть ростовщик три дня раздает щедрую милостыню у храмов и на

торжищах. Если за это время он не совершил ни одного дурного поступка, получит то, чего так жаждет. А теперь убирайтесь, мне еще надо проводить свои сокровища.

Услыхав о сокровищах, Агизар зарыдал еще горше и на ватных ногах вышел в темный коридор. Дверь за ним затворилась.

Он прислонился к холодной стене, чувствуя, что не в силах сделать больше ни шагу. И услышал сквозь створки слова призрака, обращенные к оставшемуся в комнате магу.

— Я поклялся еще при жизни, — говорил дух Фларенгаста, — что непременно поделюсь сокровищами с достойным смертным. Ювелир выбрал молодость, это его право. Но клятва есть клятва, надо ее исполнить. Не мог бы ты порекомендовать какого-нибудь честного бедняка, который с толком распорядится полученным состоянием?

— Предвидя подобный оборот, — ответствовал Ишшим Суарта, — я обратился к своему магическому плату. Открылось мне, что есть в Шадизаре некий человек по имени Ши Шелам, бедный настолько, что просит он милостыню возле храма Митры. На него указывают знаки...

— Хорошо, — прогрохотал призрак. — Приведи его сюда через три дня, он получит сто тысяч золотых монет.

Оглашенная сумма повергла несчастного Агизара в беспамятство. Когда он очнулся, то обнаружил, что шагает по дорожке сада, поддерживаемый под локоть голоногим магом в коричневой тунике...

Ювелир выбрал наконец одежду из шкафа — самый скромный халат и кожаные туфли — и принялся одеваться сам, без помощи служанок. Ибо не следовало знать болтливым женщинам, что хозяин дома собирается отлучиться по важному делу.

Дело сие происходило из подслушанного под дверью разговора призрака с Ишшилом и сулило немалую выгоду. Да еще какую! Сулило оно вернуть дар Фларенгаста ищоженному нищему туда, где ему и следовало находиться:

в новехонькие сундуки ювелира с крепкими запорами. А сделано для того было следующее.

На утро после свидания с духом звездочета Агизар отправился к храму Митры, где принял щедро раздавать милостыню. Пораженные столь невиданным явлением нищие сходились и сползались к нему со всех сторон, жадно протягивая руки, шапки и деревянные чашки для подаяний. Ювелир бросал золотые монеты, интересуясь при этом, кто тут будет Шелам, ибо имеет он к нему важное дело.

Вперед протиснулся грязный человечек, видом своим более всего напоминавший тощую облезлую крысу, и заявил, что он и будет Шеламом.

Агизар подал ему пять золотых, чем вызвал завистливый ропот среди других попрошайек, потом повел Ши в ближайший духан, где усадил за стол, потребовав у подавальщика кувшин вина и баранью ногу на закуску.

— Послушай, почтенный, — заговорил он елейным голосом, — есть у меня к тебе маленькое предложеньице.. Хотел бы ты получить пятьдесят монет? Золотых, конечно.

— Пятьдесят золотых! — вскричал оборванец. — Да у меня таких денег за всю жизнь не было! А за что?

— За все подаяния, кои ты получишь до третьего утра, считая от нынешнего.

Ши принял яростно чесаться под своими обносками. При этом вращал зрачками и поводил своей крысиной мордочкой, словно к чему-то принохиваясь.

— Что-то тут нечисто, уважаемый, — сказал он наконец. — Что это ты задумал?

— Да какая тебе разница, — рассердился ювелир, — ему золото предлагают, а он нос воротит!

— Правильно ворочу, — Ши подозрительно оглянулся по сторонам. — Сулили мышке сыр, да нос-то мышеловкой и прищемили...

— Сто золотых! — прошипел Агизар.

— Нету на то моего согласия.

— Двести!

Так они торговались довольно долго и дошли уже до тысячи, когда ювелиру пришло в голову, что надо пуститься на хитрость, чтобы уломать строптивого нищего.

— Ладно, — сказал он, — открою тебе тайну. Был я вчера у некоего гадальщика, и сей гадальщик поведал мне, что в течение трех дней оборванцу по имени Ши Шелам попадет в шапку некая редкая стигийская монета. Денега сия медная и для тебя интереса не представляет. Я же собираю разные редкости, монета может стать украшением моей коллекции.

— Чего украшения? — спросил Ши.

— Тьфу! — осерчал снова ювелир. — Ну и глуп ты, как я погляжу. Последний раз предлагаю: две тысячи.

— Нашел дурака, — сказал Ши и принялся за баранью ногу, принесенную подавальщиком, — да может эта монета в десять раз больше стоит!

Агизар уламывал его до самого вечера. Они побывали в трех дукахах, Шелам выпил четыре кувшина кислого вина, съел помимо бараньей ноги цыпленка и пару дюжин пирожков с капустой и творогом, осоловел, опьянел, но держался непреклонно. Ювелир, поражаясь вместительности его утробы и проклиная мысленно ослиное упрямство оборванца, порожденное, несомненно, крайней глупостью, повышал сумму, и сам не заметил, как добрался до половины той, которая причиталась нищему от щедрот призрака.

— Ладно, — сказал тогда Ши, едва ворочая языком, — утомил ты меня, старик. Согласен. Пошли за твоим золотом...

Сердце ювелира обливалось кровью, когда подавал он нищему увесистый мешок, хотя и расставался с ним, как надеялся, ненадолго.

— Ты должен дать мне расписку, — сказал он, доставая заранее приготовленный пергамент. — Вот, тут написано: «Я, Ши Шелам из Шадизара, обязуюсь и клянусь Митрой Всеблагим, отдать Агизару с Алмазной улицы все, что подано мне щедротами кого бы то ни было, начиная

от утра Хассана Мельника и считая до третьего утра включительно».

— Читать я не умею, но тебе верю, — молвил на то обворванец, — ты, видать, человек честный, хоть и дурак, коли платишь целое состояние за какую-то медную монету...

С этими словами он обмакнул палец в сок чернильного дерева, приложил его к расписке, потом свистнул и, погрузив мешок в тут же появившуюся невесть откуда повозку, исчез вместе с золотом. Оставалось надеяться, что он не ударится сдуру в бега, ну да от великого Ишшима не скроешься! Через две ночи отведет его маг в дом у восточных стены, чтобы призрак мог исполнить свою клятву и вручить глупому обворванцу сокровища, с которыми этому ничтожеству предстоит тут же расстаться. Согласно расписочке. Все вернет проклятый замухрышка, включая его, агизарово золото, ибо подано оно в оговоренный распиской срок, на что и свидетели найдутся. «Обязуюсь и клянусь отдать все, что подано мне кем бы то ни было, начиная от утра...» Утро-то давно миновало, вечер уже! Глупец этот Ши, и не видать ему сокровищ, как своих ушей. А зауправляется — так есть на то суд наместника, дыба и яма, полная змей!

Что и говорить, Агизар был доволен собой. Мольбами он выпросил себе молодость, а хитростью вернул еще и сокровища. Вернул, потому что уже считал их своими. Дело было за малым: подоспеть вовремя, чтобы ничтожный Шелам не успел припрятать золото. Он подождет за дверью, ведущей в комнату с очагом, а когда Фларенгаст вручит обворванцу свой дар и исчезнет — предъявит документ и заберет монеты.

Два оставшихся дня он щедро раздавал возле храмов и на базарах милостию, а ночами молился Белу.

И вот приблизилась долгожданная третья полночь. Стоя возле шкафа, Агизар облачался в темный халат и кожаные туфли, прикидывая, сколько слуг взять с собой,

чтобы унести сокровища. Решив захватить пятерых, он захлопнул створки шкафа и поспешил к выходу...

Развалины зловеще темнели на фоне звездного неба, черная труба торчала выше зубчатого края городской стены. Ювелир велел слугам ждать у ограды, сам же, пройдя по знакомым дорожкам сада и залам особняка, вскоре оказался в темном коридоре, возле закрытой двери, ведущей в комнату с круглым очагом.

Из замочной скважины пробивался неяркий зеленоватый свет и слышалось какое-то невнятное бормотание. Агизар приник ухом к отверстию, прижал его покрепче, и только тогда разобрал слова мага, говорившего:

— ...и освободит дух твой из заточения на Серых Равнинах. Что же ты медлишь, Фларенгаст, или раздумал выполнять обещание? Настала третья ночь, а бедняга Шелам не получил ни гроша!

Сердце ювелира затрепетало в недобром предчувствии.

Тут из комнаты долетел непонятный звук, похожий на звон бронзового колокольчика, и сейчас же голос призрака зарокотал:

— Что можешь понимать ты, смертный, в наших делах? Шелам получил половину требуемой суммы от прохвоста Агизара, который хотел обмануть его и присвоить мои сокровища. Выкинь свой плат на помойку! Ибо ювелир оказался недостойным милостей моих, хоть ты за него и ручался. Клянусь Кромом, этот старый пес навсегда лишил себя надежды осчастливить хоть одну суку... Ну, ты понимаешь, о чем я говорю, не надо подмигивать. Кстати, сейчас этот шмат дермы подслушивает под дверью. Это нехорошо. Я сделал так, что он не сможет оторвать свое грязное ухо от замочной скважины, пока не уплатит Ловкачу Ши еще пятьдесят тысяч монет. Ну, что еще я забыл? А, вот это: да послужит сие уроком ему и назиданием потомкам его!

Душа ювелира провалилась в пятки. Он хотел бежать, но почувствовал, что ухо и в самом деле словно приросло к двери. Агизар забился, царапая ногтями створки... И тут кто-то мягко тронул его за плечо.

Скосив глаза, несчастный старик увидел в колеблющемся свете масляной лампы ухмыляющуюся рожу Шелама, державшего грязными пальцами клочок пергамента.

— Слышал, что сказал великий и ужасный Фларенгаст? — спросил оборванец и показал ювелиру длинный язык. Потом помахал у него под носом пергаментом. — Вот, тут написано: «Я, Агизар с Алмазной улицы, находясь в твердом уме и полном здравии...» Не болит ухо-то? «...Повелеваю слугам моим выдать подателю сего ровно пятьдесят тысяч монет золотом и доставить означенное золото туда, куда будет указано получателем». Поставь-ка, почтеннейший, свою закорючку...

Обливаясь холодным потом, Агизар принял протянутое ему стило и дрожащей рукой вывел свою подпись. Он чувствовал себя словно в кошмарном сне, который никак не мог кончиться.

— И еще, — сказал Ши, — отдай-ка ты мою расписочку. Сдуру я ее тебе дал, клянусь Белом! Сам подумай, как это нищий может лишить себя подаяния, да еще за целых три дня? Так и ноги протянуть недолго.

С этими словами плут пошарил за пазухой ювелира, извлек пергамент с отпечатком своего пальца и удалился, почесываясь и хихикая.

За дверями раздался жестяной грохот: очевидно, привратник Фларенгаста провалился обратно в Нижний Мир.

Потом наступила тишина, нарушенная лишь жалобными стонами несчастного соискателя молодости и сокровищ...

4

Приятно купать пальцы в золоте, тем более еще недавно тебе не принадлежавшем. Шейх Чилли, Ши Шелам по прозвищу Ловкач и Конан-киммериец сейчас этим делом и занимались.

Чилли предложил разделить все деньги, включая уплаченные ему Агизаром за «вызование духа», поровну.

— Несправедливо, — сказал Конан, — ты все это придумал, значит, тебе причитается большая часть.

— Золото мало что для меня значит, — отвечал Чилли, — я лишь следую своему предназначению, открытому мне мудрым пустынником. Я — орудие высшей справедливости...

— Ладно, — согласился варвар, — орудие так орудие. Не скажу, что я предпочитаю золото хорошей драке, добродой выпивке или женским ласкам, но без него жить тоже как-то кисло. Одного не понимаю: отчего было не взять побольше, коли нас допустили в закрома этого ублюдка-ростовщика? Если уж говорить о высшей справедливости, то надо было просто пустить его по миру.

— Не следует лишать последнего даже самого отъявленного негодяя, — сказал Чилли, — ведь кроме груды монет у несчастного старика ничего в этой жизни не осталось. Он и так получил хороший урок, прилипнув к дверям своим длинным ухом...

— И долго ему там стоять? — спросил Ши.

— Клей, которым я намазал створки, держит достаточно крепко, и, к тому же, весьма едок. Думаю, к утру кожа с рокового уха облезет, и наш Агизар вновь обретет свободу. Поблагодарим же его и разделим его золото поровну, ибо каждый из нас потрудился на славу. Конан мужественно терпел неприятный запах светящейся краски, покрывавшей его тело, и весьма успешно изображал грозного Фларенгаста, правда иногда и сбивался с текста. Ши добровольно дудел в спрятанные в дымоходе жестяные рожки и вовремя подал нам сигнал колокольчиком о том, что старик приложился к замочной скважине. Я же, согласившись, весьма искусно изобразил мага...

— Кстати, хотел спросить, — перебил его киммериец, — кого ты там поминал в своих заклинаниях? Ну, Сет, Змей Вечной Ночи, это понятно, его всегда призывают стигийские колдуны, а в Черных Королевствах именуют Дамбаллахом. Треглавый Пес, кажется, стережет вход на Серые Равнины. Но кто такие эти азы и четверки?

— Сам не знаю, — улыбнулся Чилли, — просто пришло в голову. Думаю, их вовсе не существует, как и призрака Фларенгаста.

..Шейх Чилли ошибался: старый звездочет все видел и все слышал. Когда его полуразрушенный дом опустел, весьма довольный тем, что, вопреки приказу несправедливого Субаши-Хаша имя его не забыто, зеленый призрак вышел из каменной кладки очага, взмахнул полупрозрачными руками и канул сквозь каменные перекрытия, сквозь залившую подвалы воду — вниз, вниз, к тайным убежищам своих несметных богатств.

И духи-хранители, сотканные искусством чернокнижника из душ замурованных в стены рабов Аза и Четкера, закрыли за ним невидимый людскому глазу проход.

ЗМЕИНЫЙ КАМЕНЬ

1.

Утро было великолепным.

В шадизарских садах, чуть тронутых желтизной осени, с глухим стуком падали на землю созревшие плоды. Солнечные пятна играли на подсохшей траве, лениво гудели пчелы, собирая позднюю дань с увядавших цветов. Босоногие водоносы тащили в подвешенных на длинных палках кожаных ведрах холодную родниковую воду, кричали птичьими голосами разносчики фруктов, тяжело громыхали по камням набережной повозки, доверху нагруженные тюками и корзинами, бочками и ящиками, камнями для строек и клетками с живностью.

На Большом Канале теснились лодки и мелкие суда. Их владельцы еще кутались в шерстяные плащи и накидки — многие провели ночь прямо на палубе или среди скамеек. Те, кто побогаче, попивали сладкий щербет и легкие вина из тонкостенных сосудов, закусывая пирожками с медом и миндалем, сочными грушами, яблоками и стущенным виноградным соком, а иные обжоры позволяли с утра пищу и потяжелей: калающий янтарным жиром кабоб на длинных железных шпажках, конскую колбасу и даже калле-паче — бараны головы и ножки вперемешку с тушенными овощами и зеленью. Лодочники победней довольствовались кислым овечьим молоком, пресными лепешками и сушеными клубнями маниоки.

И бедные, и богатые, покончив с утренней трапезой, принимались жевать бетель — смесь перечной лианы, кусочков негашеной извести и плодов араковой пальмы. Жвачка сия весьма поднимала настроение и придавала силы, что было весьма нелишним, если учесть множество дел и забот, уготовленных разгоревшимся днем.

Человек, наблюдавший за мирной картиной пробудившегося города с широкой террасы своего дома на набережной, тоже жевал бетель. Был он среднего роста, с приятным бритым лицом, одет в широкий халат, атласные шаровары и комнатные мягкие туфли. Полные губы мечтательно улыбались, холеные пальцы рассеянно теребили пушистое полотенце, висевшее на плече.

Хозяина дома звали Шейх Чилли.

Он только что умылся из поданного служанкой кумгана, позволил приходившему каждое утро цирюльнику чисто выскооблить бритвой свои крепкие щеки, умастить их нарциссовым маслом, а выющиеся волосы полить тонкими благовониями, отведал чашку подслащенного айрака, закусил бекmezом, после чего отправился на террасу. Глядя вниз, на пеструю толпу спешивших по своим утренним делам шадизарцев, он уже почти забыл лицо женщины в коричневой накидке с широкими разрезами вместо рукавов, которая покинула его ложе совсем недавно и сейчас затерялась в людском водовороте.

Шейх Чилли признавал женщин только ночью. В иное время их существование повергало его в досаду, смешанную с легким недоумением. Он никак не мог понять, для чего Митра расплодил эти бесполковые, вечно чем-то недовольные создания в таком количестве. С домашними делами, скотиной и огородом неплохо справляются рабы и слуги, что же касается любовных утех, для того есть гетеры и наложницы, которых следовало бы запирать покрепче в гаремах и домах терпимости с первым проблеском утренней зари. Тем же, кто хочет продолжить свой род, сообразней было бы прогонять жен после рождения наследника, ибо жены подобны вампирам, пьющим не кровь, но

мозговое вещество своих и без того не слишком умных мужей...

Именно так, и это следует записать!

Бормоча себе под нос, Шейх Чилли отправился в комнату, где на резной деревянной конторке лежала книга в сафьяновом переплете и остро отточенное тростниковое перо — калан.

Найдя чистую пергаментную страницу, он обмакнул калан в сок чернильных ягод, немного подумал и вывел следующие строки:

«Междур различными видами коней, металлов, деревьев, камней, одежд, мужчин и напитков существует большая разница. Но нет отличия среди женщин, а потому мудрый избегает дружбы змеи, споров с толпой, переправ через бурные реки и любовных утех в час без тени. Поспешио взявший жену подобен индюку, считающему, что повар готовит похлебку, чтобы насытить глупую птицу».

Шейх Чилли перечитал написанное и остался доволен: утро не пропало даром, скрижаль мудрых мыслей, которую он пополнял вот уже десять лет, обогатилась еще одним небесполезным изречением.

Книгу эту Чилли позаимствовал некогда у своего первого учителя, странствующего пандида. По вечерам старик царапал страницы тростниковым пером, поверяя им плоды своих возвышенных размышлений. Когда Чилли посчитал свое ученичество оконченным, он прихватил у пандида мешок золота, медную чашу для подаяний, четки, еще кое-какую мелочь и, оставив благодарственную записку, отправился в самостоятельные странствия, бурные и не-предсказуемые, как Западное море. Не одну пустыню пересек он, не в одной стране побывал, немало приобрел и многое лишился, но книга в сафьяновом переплете всегда была в его заплечном мешке или лежала за пазухой, днем согревая тело, а вечерами — душу.

Особенно нравились ему мысли старого мудреца о богатстве. Такие, например:

«*Кто богат — тот знатен, тот умен, тот знаток добродетели, тот счастью совершенен...*»

Или:

«*У кого деньги — у того друзья, у кого деньги — тот человек ученый и уважаемый...*»

Правда, в дни, когда не удавалось собрать достаточно «святых даров», причитавшихся служителю Митры на свадьбах и похоронах, пандид вдруг принимался славить бедность, утверждая, что та делает человека незаметным и позволяет ему беспрепятственно наблюдать за другими. В этом была толика правды, но Чилли все же полагал, что если нищета может в иных случаях быть плащом-невидимкой, то золото всегда является надежной броней и защитой от жалящих стрел всевозможных бед и напастей. А посему, следуя расположению звезд, предписавших ему добиваться всего собственным умом и изворотливостью, бывший ученик пандида направил свои усилия в нужном направлении и весьма в том преуспел.

Ныне он с легкой усмешкой мог перечесть свою первую запись, следовавшую за каракулями пандида:

«*Ветер — друг огня, который пожирает лес, но тот же ветер тушит огонек в лампаде; кто друг бедному человеку?*»

Огонек в лампаде с каждым годом разгорался все сильнее, питаемый его хитроумием, благосклонностью Бела, а также глупостью и жадностью многих, чья дорожка пересекалась с кривой стежкой блистательного авантюриста.

Шейх Чилли никогда не опускался до обычного воровства. Он принимал лишь то, что само плыло в руки. Случалось ему продавать невидимые дворцы и волка в мешке, дырки от кренделей и запах туберозы, звон монет и взгляд птицы семург, небесный окам и водяные горы. Покупатели всегда находились. Он умудрился всучить вендийским куп-

цам две тысячи зингарских шпаг, столь же годных для тюрбанного войска, как железный нож для пикта. Некий богатый северянин приобрел у него табун беговых верблюдов, разумея, очевидно, что длинные ноги сих теплолюбивых животных сгодятся на заснеженных гиперборейских полях. Гирканский вождь купил триста мешков горячего песка из шемской пустыни, желая обогревать им свои кибитки. Черный король Амазонии внял уговорам и отправил в Ванахейм флотилию груженых самоцветами тростниковых лодок, чтобы обменять драгоценности на ледяные глыбы, из которых намеревался возвести в джунглях сверкающие хоромы..

Лодки, к сожалению, стали добычей не то барахранских пиратов, не то гигантских спрутов, так что мечта черного короля осталась неосуществленной, а Шейх Чилли отправился в Замору, чтобы поселиться в славном Шадизаре, обрести покой и завершить наконец начатый некогда старым пандидом тяжкий труд: «Книгу тысячи песчинок», как он ее называл.

По дороге в страну воров любимец Бела заночевал в одном из блестательных гаремов Иранистана. Без ведома хозяина, конечно, исключительно в силу своей неподражаемой способности находить общий язык со всеми, включая сторожей и даже некоторых евнухов. Выведав у сладострастных одалиск всю подноготную страдающего ожирением и хронической изжогой повелителя, Чилли явился пред его очи и столь успешно погадал изумленному вельможе на своем магическом плате, что получил в подарок дюжины красивейших ковров, двух верблюдов, звание чашничара и самую толстую наложницу. От двух последних даров он вежливо отказался: звание чашничара предполагало опробование яств на предмет отсутствия ядов, а женщина была слишком глупой и ленивой, чтобы использовать ее по хозяйству.

Ковры же пришли кстати: получив от шадизарского наместника за немалую плату вид на жительство, Чилли

купил по случаю дом возле Большого Канала и открыл при нем торговлю ткаными изделиями.

Распоряжался в лавке хромой и жуликоватый Ахбес, почитавший своего хозяина лучшим и достойнейшим из людей: Шейх Чилли ничего не понимал в коврах и никогда не заглядывал в счета и расписки покупателей. Ахбес полагал, что только так и подобает вести себя человеку просвещенному и богатому — жалование пусть и вовсе не платит, только бы навар каждый день не пересчитывал!

Впрочем, хромоногий приказчик подозревал, что торговля коврами отнюдь не является для его господина основным занятием. Ахбес давно заприметил, что многие посетители не долго задерживаются в лавке: помяв для приличия ткань и похвалив узоры, они отправлялись наверх, где угощались айраном, солеными фисташками, фундуком и миндалем, о чем-то подолгу беседуя с достопочтенным Чилли. И если поначалу тень заботы лежала на их лицах, то спустя день-другой, когда гости появлялись вновь, прикрывая полами халатов оттопыренные пояса, на губах их играли довольные улыбки, исчезавшие лишь недолго, когда посетители принимались что-то подсчитывать, беззвучно шевеля губами.

Ахбеса снедало любопытство. Вчера, когда пришла женщина в коричневой накидке, он не удержался, пробрался наверх и принялся подслушивать возле неплотно прикрытых дверей.

У женщины стряслась беда: умер муж. Однако беда заключалась не в том, что сей мелкий торговец отправился в Нижний Мир (был он стар и весьма докучлив), а в его завещании. Скрепленное печатью городского нотариуса, завещание предписывало вдове продать единственного верблюда, а вырученные деньги пожертвовать на алтарь Митры. Очевидно, торговец никак не желал вечно скитаться по Серым Равнинам и надеялся откупиться. Вдова была в смятении: палевый красавец с томными глазами честно кормил семью, и вот теперь между его горбов будет ездить кто-то другой! И мало того, вся выручка достанется жре-

цам. О том, чтобы нарушить волю умершего, не было и речи: женщина опасалась гнева Митры и городских властей.

Ахбес, затаив дыхание, ждал, что ответит Чилли. Но вместо этого услышал свое имя, произнесенное негромким, вкрадчивым голосом хозяина. Обливаясь потом и зыркая по сторонам глазками, приказчик вошел и склонился в низком поклоне.

— Ай-ай-ай, — донеслось до него, словно сквозь вату, — да у тебя, друг мой, ослиные уши!

Ахбес что-то забормотал в свое оправдание, но Чилли нетерпеливо махнул рукой и приказал ему сесть.

— Я не хочу, чтобы в городе ползали сплетни, будто я занимаюсь здесь чем-то незаконным, — сказал он, — а лучший способ развеять слухи — рассказать все слуге. Слушай, прохвост, и не говори потом, что твой господин что-то скрывает.

И Ахбес услышал удивительный совет, который его господин дал той женщине.

— Исполни завещание покойного, — сказал Шейх Чилли, — продай верблюда и отдай деньги жрецам.

Посетительница всхлипнула и принялась кусать пальцы.

— Но, — добавил хозяин, улыбаясь, — продай его вместе с кошкой.

— С кошкой?! — воскликнула вдова так испуганно, словно Чилли предложил ей проглотить раскаленный уголь.

— Думаю, у тебя найдется в доме кошка, — продолжал советчик как ни в чем не бывало, — ты отнесешь ее на рынок и скажешь покупателям, что верблюд продается только вместе с этим милым животным. Кошка стоит тысячу монет, а верблюд — один золотой...

Женщина заголосила. Среди ее невнятных восклицаний можно было все же разобрать, что несчастная вдова скорее даст посадить себя на кол, чем продаст кормильца за одну монету.

— Да пусть вылезут у меня волосы, да пусть отсохнут ноги, — вопила она, — да пусть язвы покроют мое тело! Где это видано, просить столь ничтожную цену за здоровое животное!

— Для Митры одна монета, поданная благочестивой рукой, столь же дорога, как и тысяча, — слегка поморщился Чилли. — Разве ты не хочешь выполнить волю мужа и отдать жрецам то, что им по праву принадлежит? Плату за кошку можешь оставить себе.

Просительница умолкла, глаза ее радостно заблестели.

— Воистину, ты самый мудрый из всех шадизарцев! — воскликнула она и бросилась целовать руку Чилли. — Тысяча золотых... Я поделюсь с тобой, о светоч учености. Вот только объясни мне, достойнейший, где сыскать покупателя, готового отдать за обычную кошку столько золота?

Шейх Чилли горестно взмахнул руками.

— Воистину, — сказал он сердито, — твоя красота достойна твоей глупости. Помысли: ведь кошку ты будешь продавать вместе с верблюдом. Поняла?

— Нет, — честно призналась женщина.

— Ахбес! — рявкнул тут хозяин. — Отправляйся с этой несчастной на рынок и помоги спасти ее детей от голодной смерти. Ты все понял?

Приказчик все понял. Он был восхищен. Он мысленно возблагодарил Бела за то, что бог всех пройдох послал ему столь достойного господина. Ахбес не любил чванливых жрецов и считал, что золоту более пристало отягощать карманы мирян, чем украшать алтарь Митры. Кроме того, хромоногий надеялся, что его пояс после возвращения с базара слегка потяжелееет.

Ахбес выполнил указание: продал верблюда за одну деньги, облезлая же кошка вдовы потянула на тысячу пятьдесят золотых. Покупателю, какому-то хауранскому купцу, он объяснил, что кошка продается согласно древнему поверью, согласно которому зверек сей является лучшим оберегом для своего горбатого сотоварища. Хауранец

только посмеялся, посчитав, что у продавцов не все дома. Как, впрочем, у всех шадизарцев.

Полсотни золотых Ахбес оставил себе, одну монету вдвоя торжественно отнесла в храм, судьба остальных денег осталась для приказчика неведома. Посетительница явилась поздним вечером с увесистым мешочком, но Ахбес готов был поклясться, что тот вовсе не стал меньше, когда симпатичная вдовушка покинула спальню хозяина нынешним утром. Ночами Шейх Чилли иногда предпочитал презенному металлу горячие женские ласки.

Проводив гостью, Ахбес отправился в лавку. Он придирчиво осматривал поступивший недавно китайский шелк, когда прибежал мальчишка. Выслушав его сбивчивую речь, приказчик отправился наверх и застал своего хозяина возле конторки.

— Пришел посыльный из бани Шахмуга, — доложил Ахбес с поклоном, — некий бедолага лишился своей одежды и просит тебя, господин, прислать ему какое-нибудь старое платье, ибо не может появиться на улицах в срамном виде.

— Как зовут этого недотепу? — спросил Чилли, откладывая тростниковое перо.

— Он назывался Ши Шеламом, господин, — еще раз поклонился приказчик, — говорит, что ты его знаешь.

2.

Шейх Чилли отлично знал Ловкача Ши. Однажды этот невзрачный человечишко с крысиной мордочкой помог ему в неком деле, где фигурировал заброшенный дом, мнимый призрак и ухо одного жадного ювелира, намертво приклеившееся к створке дверей. Ши тогда получил причитающуюся ему долю и решил стать почтенным торговцем: закупил в Аренджуне кучу разной посуды и домашней утвари и открыл лавку. Дела у него шли неплохо.

Когда посланный в баню Шахмуга приказчик доставил Шелама в дом своего господина, Ловкач выглядел довольно

жалко. Полы старого халата волочились, словно крылья подстреленной птицы, острый носик поник, волосы всклокочены.

Ши рухнул на подушки и стал ломать пальцы, вращая при этом зрачками, что делал всегда, когда был чем-то до крайности огорчен или озабочен.

Хозяин дома хранил молчание, ожидая, пока гость заговорит.

— Не иначе как сам Бел лишил меня разума, — воскликнул наконец Ловкач, потирая узкий свой лобик. — Ты был прав, Чилли, когда утверждал, что женщина создана нам на погибель.

— Ты женился?

— Чуть было. Я стоял в десяти шагах от пропасти.

— Какая точность! Почему именно в десяти?

— Ровно столько было между кустами и той вертихвосткой, которая дважды меня надула.

— Второй раз, надо полагать, сия особа похитила твою одежду. А первый?

— Еще хуже! Она вывезла на шести мулах почти все содержимое моей лавки!

Настала очередь Чилли потирать лоб. Это однако не помогло, и хозяин дома на набережной вынужден был признать, что ничего не понимает.

Тогда Ловкач, которого дважды надули, поведал ему о своих злоключениях.

Три дня назад явилась к нему некая госпожа. Четверо слуг несли ее в резных носилках, а еще трое гнали следом мулов. Процессия остановилась возле лавки Ши, женщина вошла; следом, согбаясь под тяжестью сундука, появились слуги. Госпожа желала купить посуду, много посуды.

— Точнее говоря, — рассказывал Шелам, — она хотела приобрести все, что у меня было. Сказала, что спраляет поминки по отцу и ждет много гостей. Лицо ее прикрывала черная накидка, и когда она откинула покрывало, я... она...

— Она была прекрасна, как майский цветок, — подсказал Чилли.

— Как благоухающий куст, покрытый тысячью цветов!
— Как тысяча кустов, покрытых миллионом роз.
— Да, и еще лучше! Если бы ты ее увидел, не стал бы меня подначивать. Глаза, как... как...

— Озера, — снова вставил Чилли.

— Губы, как...

— Кораллы.

— Да, кораллы! А волосы чернее воронова крыла! Юная и прекрасная...

Ши замолчал и причмокнул.

— И она тебя обокрала, — снова подал голос хозяин. Шелам застонал.

— Я потерял голову! Сам помогал грузить мулов. Когда пришло время платить, девушка хотела открыть свой сундук...

— Да ключ забыла дома, — перебил Чилли.

— Ты откуда знаешь? — изумился Ловкач.

— Догадываюсь. Скажу больше: она предложила оставить у тебя сундук, пока мулы отвезут посуду, и она сможет вернуться с ключом. И ты, дурень, согласился.

— Так ведь я посмотрел, что в сундуке, — обиделся Ши. — Если бы не посмотрел, не так обидно.

На этот раз удивился Чилли.

— Как же ты смог в него заглянуть, если крышка была заперта? — спросил он.

— А вот так! Сверху было небольшое стеклянное окошко, смотрю — блестит что-то, я и поверил, что золото.

Хозяин дома расхохотался.

— Одно меня удивляет, — сказал он, отсмеявшись, — то, что провела тебя женщина. Ты хоть имя ее узнал?

— Она говорила, да я запамятовал. Говорю, потерял голову!

Ловкач сердито надул губы и нахмурился, словно курица на насесте.

— В сундуке, конечно, были обычные камни, а сверху несколько начищенных медяшек, — продолжал рассуж-

дать Чилли. — Ты ждал до вечера, потом вломал крышку и смог в этом убедиться.

— До утра я ждал, — буркнул Ши, — и не медь там была, а настоящее золото. Десять монет, цена одного хорошего кувшина.

— Щедрая женщина, — заключил его собеседник, — и, видимо, не бедная. Не верю, что она сама додумалась до такого, видать, подучил кто-то. Трюк, в общем-то, старый, но на некоторых простаков отлично действует. Ну, а как же ты второй раз купился?

Ловкач немного посопел и рассказал, как он купился во второй раз.

Было это вчера на закате. Весь день Ши бродил по городу, разыскивая пропавшую покупательницу, но, так как позабыл ее имя и не мог толком описать наружность девушки, никак не преуспел. К вечеру он оказался на пустыре возле городской стены, где росли чахлые кусты и несколько кривых вязов. Ловкач присел возле дерева, оплакивая свою лихую судьбу. Однако он даже мысленно не смел проклинать обманщицу, чье прекрасное лицо маячило перед ним подобно яркой лампе, рассеивавшей мрак горестных размышлений.

— Слезы застилали глаза мои, — несколько высоконарно, как все влюбленные, повествовал Ши, — когда же нелена спала, увидел я, что красавица стоит передо мной и грустно на меня смотрит. Оказывается, она тоже искала меня, испытывая муки совести и желая вернуть украденное. Я думал, что скожу с ума, и все это мне мерещится, но она дотронулась до моих щек и утерла мне слезы.. Можешь угадать, что было дальше?

— Не могу, — признался внимательно слушавший Чилли.

— Она предложила мне жениться! На ней. Сказала, что покойный отец ничего не оставил, и только это заставило ее пуститься на хитрость, чтобы достойно справить поминки. Но, если меня не смущает ее бедность, и я кое-чем

докажу свою любовь, она немедленно отдаст мне самое дорогое, что есть у женщины.

— О боги! — не удержался Чилли. — И ты поверил?

— Да! — взвизгнул Ловкач, вскакивая. — Повери! Она околдовала меня! Я скинул одежду и пустился к кустам, вопя во все горло: «Я люблю, я люблю!», как она просила... Вертихвостка! Обманщица!

И он забегал по комнате в крайнем возбуждении, сметая полами халата подушки и опрокидывая бамбуковые этажерки.

Хозяину пришлось ждать, пока Ловкач утомонится. Когда тот немного успокоился и снова уселся, Чилли сказал:

— Не стоит так расстраиваться, не ты первый, кому женские чары вскружили голову. Женщины подобны прекрасным птицам, под пышным оперением коих таится змеиная сущность. Митра сотворил их, дабы испытывать стойкость мужей. Но как ты оказался в бане?

— А куда мне было деваться, голому? — горестно отвечал Ши. — Пробрался тайком в купальню старого Шахмура, что возле пустыря, и пересидел там ночную стражу. А утром, когда пришли посетители, вылез из-под лавки и отправил к тебе мальчишку. Спасибо, что не оставил в беде старого приятеля.

Он умолк и, вспомнив, что сегодня еще не завтракал, поспешно принял поедать жареные орехи, пахлаву и фрукты.

Чилли тоже молчал, что-то обдумывая. Потом задумчиво произнес:

— Удивительную историю поведал ты, друг мой. И самое удивительное в ней то, что женщина рискнула дважды обмануть тебя в течение короткого времени. Пройдохи обычно стараются держаться подальше от тех, кого смогли провести и на кого смогли поживиться. Это понятная осторожность. Сия же особа не побоялась вновь подшутить над человеком, который ее уже знал. Странно. Либо она преследовала свои, ведомые лишь ей планы, либо ее дей-

ствия следует отнести на счет обычной женской глупости. Так как тебя не отнесешь к персонам, вокруг коих плетутся интриги, остановимся на последнем предположении. Не хочешь ли обратиться к властям?

— А! — отмахнулся Ши Шелам. — Не люблю я судейских. Да и стыдно мне, уважаемый, ох как стыдно! Провела меня мерзкая баба...

— Да не ты ли называл ее благоухающим розовым кустом? — усмехнулся Чилли. — Не ты ли сравнивал ее глаза с глубокими озерами?

— Омыты это, где нечисть водится, а не озера, — пробурчал Ловкач. — Веришь ли, как вспомню ее лицо, так в груди становится горячо, и ноги ватные... Ее бы убить надо, а явись она сейчас, снова голову потеряю!

— Сходи в веселый дом к матушке Хатиме, — посоветовал Чилли невозмутимо, — или к цирюльнику, кровь пустить. Полегчает.

— Может и схожу, — покивал Ши. Потом, помявшись, робко продолжил: — Послушай, уважаемый, нет ли у тебя какой работенки? Помнится, мы славно обтяпали одно дельце, ну, с ювелиром этим... И навар был неплохой. Я снова без гроша и готов взяться за любое предприятие.

— У тебя осталась еще лавка, — напомнил Чилли, задумчиво потирая гладко выбритые щеки.

— Что проку в лавке, когда нет товара, — удрученно пробормотал Ловкач, — домишко плохонький, за него много не выручишь. Не дай пропасть, уважаемый! По глазам вижу, что-то есть у тебя на уме...

Шейх Чилли немного помедлил, отхлебнул из чашки разбавленную водой сыворотку и заговорил веско и наставительно.

— Плох тот, кто держит свой дом полным, а голову пустой, равно как и муж, пекущийся лишь о приумножении богатства, ибо пчелы собирают мед в улей, а пользуются им другие. Жизнь человеческая подобна реке, в которую нельзя войти дважды, но всякий может возвести запруду, чтобы направить поток в нужное русло. Истинно

мудр лишь тот, кто не гоняется за облаками в небе и не взирается на дикие скалы, где обитают хищные орлы и коварные змеи...

Ши таращил на него глазенки, тупо кивая после каждого слова.

— А посему, — молвил Чилли, — следует размышлять, прежде чем действовать. Сейчас я обдумываю некое дело, сулящее немалую выгоду тем, кто за него возьмется. Увы, мой друг, я не могу предложить тебе в нем участвовать, ибо ты слаб и, несмотря на свое лестное прозвище, не слишком умен...

— Нам хватит твоего ума! — горячо перебил его коротышка. — Хватит с избытком! Тебе все равно понадобится помощник, готовый в точности исполнить любое указание, и я сгожусь как нельзя лучше. Что же касается силы, тут ты прав. Вот если бы наш юный киммериец, этот тигр отваги и скала мыши, присоединился к нам, как в прошлый раз...

— Кстати, что ты о нем слышал? — заинтересованно спросил Чилли.

— Да то же, что и все, — отвечал Шелам, — он спустил немало денег в шадизарских духанах, убил восемь человек, дюжину искалечил, а потом куда-то исчез. Болтают, подался зачем-то в Эр-Шуххру...

— Это, кажется, паршивый городишко, что лежит между Шадизаром и Аренджуном?

— Гнилое место, — сплюнул Ловкач, — уж на что шадизарцы да аренджунцы продувные bestии, но столицей нашей страны воров я сделал бы Эр-Шуххру!

В это время снизу раздался какой-то грохот. Не успел Чилли отправить служанку узнать, что там случилось, как дверь комнаты отворилась, и над головами остолбеневших приятелей, отчаянно дрыгая руками и ногами, с ужасным воплем пролетел несчастный Ахбес. Он плюхнулся в дальний угол, вдребезги расколотив дорогую уттарскую вазу, поднялся на четвереньки и, экально подывая, проворно побежал прятаться за шкаф.

— Твой пес не хотел меня впускать! — раздался с порога трубный глас.

Покрытый с головы до ног дорожной пылью, с торчащей из-за левого плеча рукоятью тяжелого аквилонского меча, яростно сверкая синими, как северные озера, глазами, в дверях стоял Конан-варвар собственной персоной.

3.

Усевшись, киммериец первым делом потребовал вина. Ахбес был извлечен из-за шкафа и отправлен в подвал: хозяин дома сам горячительного не употреблял, но для гостей держал и аренджунское, и пунантенское, и еще более экзотические напитки. Приказчик удалился, стена, охая и злобно поглядывая на юного варвара.

— И захвати жареного мяса, сын шакала! — бросил ему вслед киммериец.

— Ты зря его обожаешь, — мягко сказал Шейх Чилли, — он хороший слуга, хоть и приворовывает в лавке.

— И ты терпишь? — хмыкнул Конан.

— Честолюбивый имеет сотню преданных слуг, мудрый предпочитает одного хитрого. Пожалуй, это стоит записать. А ты, мой друг, не хочешь ли тем временем смыть с себя грязь? Поверь, омовение по утрам не только бодрит тело, но и лишает душу груза забот.

В сопровождении служанок Конан удалился в купальню, а хозяин дома пополнил тем временем «Книгу песчинок» еще одним мудрым изречением.

Киммериец вернулся в широком полосатом халате, бросил подле себя ножны с мечом и, развалившись на подушках, принялся уплетать за обе щеки жирный курдюк с фасолью, луком и черносливом, лагман с овощами и острыми специями, голубцы с виноградными листьями и сладкий рис с шафраном, запивая все это добрыми глотками пальмового вина, несколько приторного, но достаточно крепкого.

Щеки служанок пылали, девицы смотрели на юного варвара с нескрываемым восхищением.

— Что привело тебя в мой дом в столь ранний час? — вежливо спросил Чилли, поддерживая трапезу маленьками горстками рисового зерде. Мяса он избегал.

— Нергал меня привел, — отвечал Конан с набитым ртом, — чтобы съели желудочные черви кишкы этому прохвосту...

— Нергалу? — не понял Чилли.

— Кром! — рявкнул варвар, бросая обглоданную баранью кость на устилавший пол иранистанский ковер. — Я говорю о том юнце, который подсунул мне сущих бестий в образе коня и трех собак!

— Юнце?

— Ну да, о смазливом мальчишке с усиками. Клянусь единственным глазом Бела, следовало их выщипать! В наших землях мужчины скоблят лицо, пока не убьют первую дюжину врагов. А этот змееныш отпустил волосы на губе, с которой еще не стер материнское молоко!

— Послушай, — сказал Чилли вкрадчиво, — успокойся и расскажи все по порядку. Наш друг Шелам уже потешил меня своей историей, думаю, твоя окажется не менее забавной.

— Забавной?! — Конан сжал кулаки. — Она забавна, как танец повешенного! Много я слышал про обманщиков из Эр-Шуххры, но чтобы меня провел мальчишка!

Хозяин дома с трудом сдержал улыбку. Варвару едва минуло шестнадцать зим от роду, ни один волос не украшал его смуглое лицо, но киммериец уже давно считал себя взрослым мужчиной. Не без оснований, впрочем. Те, кто имел неосторожность выразить сомнения по этому поводу, поплатились здоровьем, а многие и жизнью.

— Ты говорил что-то о коне и собаках, — осторожно напомнил Шейх Чилли, наблюдая за своим гостем из-под полуоткрытых век.

Конан отхлебнул вина, вытер губы тыльной стороной ладони и, несколько успокоившись после сытной трапезы, поведал следующее.

После того, как они поделили деньги ювелира, он славно погулял в Шадизаре, окруженный преданными друзьями и готовыми на все женщиными, которые, словно пчелы на мед, слетались на звон его золота. Духаник Абулетес, равно как и иные содержатели питейных заведений, могли быть довольны: монеты старого скряги с Алмазной улицы вскоре перекочевали в их крепкие сундуки. Впрочем, довольны были и собутыльники, и игроки в кости, и даже жрецы храма Митры, которым варвар пожертвовал с похмелья увесистый мешочек, о чем сейчас весьма сожалел.

— Один жрец стал увершевать меня заходить почаше, — рассказывал Конан, прихлебывая пальмовый настой, — я же всегда считал, что Митре золото вообще ни к чему. Так ему и сказал. Он стал гундосить что-то о благочестии и осторожности, о будущем... Блажен, говорит, тот, кто приумножает богатства на благо себе и богам. Насчет приумножения я согласился и стал думать, как бы распорядиться остатком денег. Тут и послал ко мне Нергал Кривого Ахбара. Вы знаете Кривого Ахбара?

— Никогда о нем не слышал, — сказал Чилли.

— А я слышал, но знать его не хочу, — сказал Ши Шелам.

— Правильно, — согласился киммериец, — ублюдок этот Ахбар. Нергал по нем плачет. Пили мы с ним у Абулетеса, Кривой мне и расскажи, что появился в Эр-Шуххре некий продавец боевых собак. Собаки эти носят утыканную шипами броню, как немедийские рыцари, и обучены разным штукам. Хозяина в бою защищают или с другими такими же на майдане дерутся. В Туране такие бои почаше петушиных устраивают. Победитель хорошие деньги получает.

— А сам Ахбар откуда прознал о тех животных? — спросил Чилли.

— Говорил так, словно своими глазами видел, — хмыкнул Конан. — Стало мне интересно, я и отправился в Эр-Шуххру, чтоб ей пусто было. Людей поспрашивал. Отвели меня к продавцу. Жил он в гостинице, приезжий. Вхожу в комнату, гляжу — сидит этакое чудо, перчик кушает. Щеки румяные, ресницы длинные, как у девицы, тюрбан на голове с перышком и зеленым камнем. На пальцах перстни. Пальцами усы поглаживает. Потолковали. Отец, говорит, помер и собак этих ему оставил, а он и знать не знает, что с ними делать, потому продаёт.

— Не иначе мор на отцов пошел... — пробормотал Чилли себе под нос. Варвар пропустил его слова мимо ушей и продолжал:

— Повел меня собак глядеть, они в загоне при гостинице были. Здоровые псы, клыки желтые, на мордах железные маски, а в глазах смерть таится. Свистнул юнец, они лапами землю порыли и ну друг на друга кидаться, только броня зазвенела. Свистнул другим манером — построились в ряд и стали на загородку прыгать. Слуги, что с нами были, в штаны наделали и прочь из сарая. И то сказать, немало я зверя всякого повидал, но таких злобных тварей впервые встретил. Как же, продавца спрашиваю, с ними справляться? А это, говорит, проще простого: они к коню приучены, и тот, кто в седле, — для них хозяин, они за него кого хочешь в ключья разорвут. Пальцами щелкнул, курлыкнул как-то по-особенному, и является тут конь...

— Откуда? — испуганно прошептал Ловкач, завороженный рассказом приятеля.

— Из тьмы кромешной! — Конан страшно пошевелил растопыренными пальцами. — Ладно, не дрожи, крысеныш, лошадка вышла из соседней загородки. Умный зверь: пока хозяин не кликнул, стоял тихо, таился, как не видел, что псы выделывают. Приучен, стало быть. Мне коняга сразу глянулась: в холке локтей шесть будет, грудь широкая, шея крутая, голова маленькая, ноги сухие, на левой задней белая отметина, а на огромных копытах когти...

— Что-что? — изумился Шеих Чилли. — Когти? У лошади?!

— Железные когти, — кивнул Конан, довольный тем, что смог удивить своего знакомца-грамотея. — Никогда о таких не слышал? Я тоже не знал, пока сам не увидел. На бабках железные браслеты надеты, а от них вниз и немного вперед — словно птичьи лапы... Скакать не мешают, а если конь на дыбы встанет да ударит ногой — кольчугу запросто разорвет, и броня рыцарская, пожалуй, не устоит. А как он обучен наносить удары, я сам видел.

И киммериец рассказал, что он видел. В сопровождении слуг они отправились за город, и там варвар вдосталь погонял коня по степи. Животное легко слушалось поводьев; собаки неотступно держались рядом. Потом слуга повесил на сук довольно толстого дерева медный щит, а юноша-продавец показал, как следует поднимать коня на дыбы. Удар был так силен, что щит раскололся, а дерево затрещало и рухнуло на землю.

Настала очередь собак. Слуга метнул копье, один из псов поймал его на лету и легко перекусил зубами. Затем юноша предложил покупателю слегка помахать мечом. Псы окружили киммерийца, и сколько он ни старался достать их клинком, усилия его оказались тщетны: собаки легко отскакивали в сторону, не размыкая при этом круга, и отбежали только по свистку хозяина.

Когда стемнело, юнец отвел собак в придорожные кусты, снял с них шипастую броню и приказал лежать. Вскоре на тракте раздался скрип тележных осей и заунывное пение погонщика: пара волов тянула тяжелую повозку с колесами в рост человека.

Черные тени беззвучно метнулись из кустов, раздался негромкий треск, и повозка встала. Погонщик заругался и принялся стегать волов кнутом, но животные только перебирали ногами, не в силах сдвинуться с места. Они фыркали и тревожно мотали головами, чуя собак, которых так и не увидел возница.

Юноша только посмеивался. Дав Конану убедиться, что его псы крепко держат телегу за заднюю ось, он свистнул, и повозка вновь покатила по дороге. Ее владелец так никогда и не узнал о причине таинственной остановки, приписав все проделкам мелкой нечисти.

— Если бы он увидел, кто держал его телегу, тут же окочурился бы со страха, — заключил варвар. — Эти беспризорники будут пострашнее иных демонов.

— И ты их купил, — сказал Чилли.

— А ты бы что сделал на моем месте?

— Держался бы подальше.

— Ну да, слышал: следует избегать переправ и не забираться в горы. А по мне так лучше свернуть шею в скалах, чем подавиться сливовой косточкой. Я купил собак и коня.

— И куда же они делись?

— В задницу Нергала они делись! Говорю, меня надули. Этот прохвост с усиками хоть и говорил, что приезжий, а я так думаю — вся его родня из Эр-Шуххры. Выложив деньги, я предложил обмыть сделку. Юнец сказал, что вина не пьет, но компанию поддержит. Мы отправились в духан при гостинице, где я и оставил последние монеты. Многие уже прознали о покупке и старались вовсю, расхваливая мою мудрость и отвагу. Какой-то ублюдок договорился даже до того, что с моими бронированными друзьями можно смело идти в Немедию завоевывать трон Бельверуса. У меня же были другие планы: я собирался отправиться в Аграпур и заработать на собачьих боях побольше денег. Зря собирался.

Змееныш сидел напротив и чокался со мной чашкой, в которую не наливал ничего крепче щербета. Мяса он тоже почти не ел, предпочитая фрукты. Впрочем, видел я его недолго: он вскоре откланялся и уехал со своими служами. А меня потянуло в сон, и я отправился наверх, в свою комнату.

— Думаю, сон твой был крепок, — негромко молвил Чилли.

— Нетрудно догадаться, — сказал варвар, — ублюдок подсыпал мне в кубок какой-то дряни. Но он слегка прокалелся: ночью, заслышав внизу шум, я сумел подняться и выйти во двор. Правда, поздно: стена сараев была разломана, рядом валялся слуга с окровавленной головой, конь и собаки исчезли. Перепуганный хозяин гостиницы рассказывал, что, пойдя на двор помочиться, услышал негромкий свист, а потом страшный треск рушившейся стены. Когда же из пролома метнулись шипастые тени, а за ними — огромный конь, он просто лишился от страха чувств. Его слуга оказался храбрее: бросился ловить лошадь и поплатился за это жизнью. Я хотел было пуститься в погоню, но не мог даже сесть в седло: проклятая отрава все же подействовала.

Конан умолк и снова потянулся за кубком. Ши сидел с открытым ртом, нервно икая. Было слышно, как Ахбес ругается с кем-то в лавке.

— Да, — сказал наконец Шейх Чилли, — не зря говорят: тигра ловят капканом, рыбу — сетью, а золото — кончиком языка...

— Это ты о чем? — насторожился варвар.

— Просто поговорка. И не совсем верная: к языку надо кое-что еще. Об имени ловкого юноши я не спрашиваю, оно, конечно, выдуманное.

— Да я его и не спрашивал, — буркнул киммериец, — он показал товар, я отдал деньги... Три тысячи подземных демонов! Змееныш дорого заплатит за обман, когда я его найду!

— Надеешься найти? — вкрадчиво спросил хозяин дома.

— Достану с Серых Равнин! Я кое о чем порасспросил Ахбара. Кривой клялся Белом, что юнец дал ему десять золотых за то, чтобы найти покупателя, но больше он ничего не знает. Думаю, врал. Улизнул от меня ублюдок, а то, глядишь, порассказал бы еще чего. Абулетес, у которого повсюду глаза и уши, тоже не слышал ни о псах в рыцарских доспехах, ни о конях, которые прошибают копытом

стену. Правда, он сказал, что в округе померли недавно два небедных отца семейств: судья Раббас в шадизарском предместье, но у него никогда не было боевых собак, и еще какой-то землевладелец Аддемекар, но у того осталась только дочь...

— Думаю, ты не там ищешь, — перебил Чилли варвара. — Твой юноша наверняка не здешний и сейчас уже далеко вместе со своими животными и твоим золотом.

— Значит, я зря к тебе пришел, — сказал Конан. — Наслушался сплетен, что ты многим помог восстановить справедливость.

— Смотри на это дело как настоящий мудрец, — сказал Чилли, — боги послали тебе богатство, боги его и взяли. Стоит ли расстраиваться? Да и мало ли золота плавает вокруг — только протяни руку...

— Не темни, — сказал варвар, — выкладывай, что на этот раз задумал. Если боги захотят, они сведут меня с обидчиком, тогда я отомщу. А пока у меня есть время,

— Ты не мог решить лучше, — усмехнулся Чилли. — Дело же, которое я предлагаю, касается упомянутого тобой покойного Раббаса. Есть у меня клиент, которому судья кое-что задолжал. Справедливости ради я обещал вернуть долг за четверть всей суммы. Сделаем вот что...

И автор «Книги песчинок» изложил Конану и Ловкачу Ши свой план.

Когда он кончил говорить, Ши сказал, что не любит кладбища.

Киммериец заметил, что на кладбища ему плевать, но хотелось бы знать, велика ли будет его доля.

Шейх Чилли заверил, что доля будет достаточно велика.

— Но для твоей затеи нужны четыре человека, — сказал Конан, — а нас только трое.

— Четвертым будет Ахбес, — сказал Шейх Чилли, — он все равно подслушивает под дверью.

4.

Дом судьи Раббаса был лучшим в северном шадизарском предместье. Два его этажа, построенные из белого камня, были украшены затейливой лепниной, кое-где отвалившейся, но все еще роскошной. Над входом висела жестяная вывеска с изображением весов, кривого меча и свитка, существующих олицетворять справедливость, кару и закон. Четыре стрельчатых окна выходили во двор, и под каждым стояло по гипсовой вазе. Посреди двора с пыльными кустами акаций печально журчал небольшой фонтан, что говорило о состоятельности владельца: чистая вода в Заморе стоила немалых денег.

Дом судьи был погружен в траур. Гирлянды черных бумажных цветов колыхались на фасаде, тяжелые шторы закрывали окна, а во дворе нанятые родственниками покойного плакальщицы добросовестно вырывали клочки волос из ритуальных париков и мазали лица кармином, изображавшим кровь. Горестные вопли неслись к вечерющему небу, распугивая ворон и галок.

Народ тянулся к парадному входу, спеша выразить соболезнования и в последний раз взглянуть на мертвое лицо, еще вчера наводившее трепет, ибо судья Раббас славился на всю округу своей неумолимостью к тяжущимся, извлекая для себя одинаковую выгоду как из стороны виновной, так и правой. «Ответчик платит за то, что не прав, а истец платит за то, что не прав ответчик» — такова была любимая поговорка почтенного законника.

За глаза щуплого Раббаса называли Козлиным судьей. Прозвище это прилипло к нему с молодости, когда он только получил судейскую шапку из рук шадизарского наместника. Причиной тому были два кума, Кариб и Ассарх, поймавших ничейную животину где-то в поле. Козел был старый, весь в репьях и с обломанным рогом, но каждый из кумовьев счел долгом втайне от другого прийти к судье и дать ему двадцать монет, чтобы животное присудили ему. Когда они явились на суд со своей бородатой

находкой, Раббас задал только один вопрос: сколько стоит их животина? «Сорок монет!» — не сговариваясь, воскликнули Кариб и Ассарх. «Тогда я не понимаю, о чем вам судиться, — сказал Раббас, — каждый из вас дал мне по двадцать золотых. Считайте, что вы уступили козла мне». Спорщики растерянно посмотрели друг на друга. Они ничего не поняли, но каждый втайне был рад, что животное не досталось другому. Это блестящее решение, достойное древних мудрецов, получило широкую огласку. Народ спрашивал кумовьев, куда девалась их находка, и, слыша неизменный ответ: «Козла съел судья», очень потешался.

С тех пор прошло немало зим. Прослышав о безвременной кончине Раббаса, Кариб и Ассарх поспешили в белокаменный дом, чтобы отдать последний долг столь мудрому и уважаемому человеку.

Внутри квадратного зала, посреди которого, засыпанный цветами и ветками жимолости, лежал на возвышении почтенный Раббас, толпилось множество народу. Были здесь осанистые торговцы со скорбными, блестевшими потом лицами, домовладельцы в полосатых халатах и мягких туфлях, несколько менял, прятавших скрюченные пальцы в широкие рукава, два сотника с подвязанными для выправки животами, четыре чиновника в черном, присланные шадизарским наместником, и народ более мелкий, включая и таких, кого одолевали блохи, и кто пришел не столько выразить соболезнования, сколько поживиться на дармовщинку горстями риса с изюмом из стоявших вдоль стен широких оловянных чаш.

Все эти люди гуськом двигались по залу, стена и всхлипывая, украдкой бросая взгляды на длинный раббасов нос, торчавший из цветов, словно горный пик из подножного леса. Потоки слез не иссыкали: многие еще во дворе добросовестно натерли глаз луком.

Кариб и Ассарх шли среди прочих, негромко переговариваясь. Ассарх только что вернулся из Аренджуна, где был по торговым делам, и не знал еще, какие причины

побудили судью отправиться на Серые Равнины раньше срока. Кариб шепотом передавал сплетни.

Седьмицу назад, рассказывал он, неподалеку от предместья охотился со своими соколами некий молодой вельможа, и одна ловчая птица села на спину верблюда, принадлежавшего какому-то земледельцу. Вельможа, видимо, ради смеха, объявили верблюда своей охотничьей добычей. Земледелец шуток не понимал и пригрозил пожаловаться судье. Тогда юноша вспомнил о сословной гордости и действительно забрал животное. Земледелец пожаловался Раббасу. Раббас вынес решение в пользу высокородного господина, какой-либо господин ни в каких решениях вовсе не нуждался и на суд, естественно, не явился. Бывший владелец верблюда впал в гнев и публично пригрозил судье расправой. Ему дали плетей и отправили в родное селение. А пару дней назад кто-то прислал судье горшок бекмеза. Отведал ли Раббас угощение, доподлинно было неизвестно, только налился он черной желчью и быстро умер. Земледелец уже сквачен и отправлен в подвалы светлейшего Эдтарта, а все жители предместья скорбят и лют слезы.

Однако горький плач — удел женщин, мужское же население предместья отдавало дань покойному судье и иным образом. В конце зала стоял широкий стол, крытый бархатной скатертью с золотыми позументами, и на нем громоздились штуки шелка и парчи, тонкого сукна и вендинского патола, резные шкатулки из сандалового дерева для украшений и бетеля, серебряные чаши и кувшины с чеканными узорами и кожаные мешочки, полные монет. Люди победней клали на скатерть медные деньги, справедливо полагая их не слишком высокой платой за предстоящее угощение на завтрашних поминках.

Приближаясь к столу, Кариб и Ассарх ревниво поглядывали друг на друга. Оказавшись возле груды даров, каждый полез за пазуху и извлек свои подношения. Это были две совершенно одинаковые фарфоровые чашки, суплленные кумовьями в Шадизаре у лавочника Ши Шелама.

По обе стороны от стола на обитых золотым шелком пуфиках сидели два сына покойного. Старший, Бехмет, длинный и тощий, с отцовским носом на угрюмом лице, скорбно кивал головой, отвечая на соболезнования. Младший из братьев, которого звали Аюм, был румян и славился своей жадностью. Он то и дело поглядывал на подношения и теребил толстыми пальчиками несколько волосков на своем лоснящемся подбородке.

Когда кумовья, возложив дары и отвесив братьям поклоны, уже направлялись через зал к выходу, жрец, бубнивший что-то в изголовье покойного, громко возгласил о конце прощания. Это значило, что Козлину судье предстояло теперь отправиться в последний путь на шамашан, где тело его с последними лучами солнца предадут огню.

Народ загомонил и хлынул на двор, где уже стоял огромный, украшенный черными цветами, задрапированный траурной кисеей паланкин. Многие побросали дары рядом с рисовыми чашами, опасаясь не оставить последнюю взятку покойному. Бехмет возложил на веки судьи круглые медальоны, залитые медом и воском — дабы мертвый не слишком пугался существ, ожидающих его душу на Серых Равнинах — потом воздел руки и принял выкрикивать необходимые жалобы. Аюм полез было пересчитывать подношения, но, получив от старшего брата затрещину, присоединился к его стенаниям.

Четверо чиновников в черных кафтанах, отдавая последний долг городских властей, подняли носилки с телом и вынесли через парадные двери.

Во дворе, тем временем, помимо плакальщиц и тех, кто вышел из дома, скопилось множество иного народа, охочего до всяческих зрелищ. Появление носилок было встречено горестными воплями и обнажением голов.

— Как они убиваются, брат, — молвил Аюм на ступеньках крыльца.

— Нашего отца уважали, — отвечал Бехмет.

— Уважали и любили, — хихикнул Аюм, — попробуй, не залиби..

— Молчи, дурак, — злобно шепнул старший, — лучше послушай этот плач и стоны: они идут от самого сердца. Вон тот человек просто катается по земле и рвет на себе волосы...

Действительно, возле фонтана кто-то столь самозабвенно предавался горю, что привел в изумление не только братьев, но и всех собравшихся. Катавшийся в пыли человек был хорошо одет, но совсем не жалел ни платья, ни своих редких волос, которые, в отличие от париков записных плакальщиц, были явно собственными. Рядом с ним на корточках сидел мужчина помоложе, стараясь ласковыми речами унять безумца.

— Я что-то не видел их в доме с подарками, — сказал алчный Аюм.

Брат не успел ответить: молодой мужчина, словно за слышав эти слова, поднялся и, прижимая к груди небольшой сверток, направился к крыльцу. Его бородка была выкрашена в приятный желтый цвет и хорошо завита, а верхняя губа чисто выскоблена.

Приблизившись, он вежливо поклонился и сказал мягким голосом:

— Примите мои искренние соболезнования, ты, достопочтенный Бехмет, и ты, не менее достопочтенный Аюм. Мы ехали издалека и опоздали возложить свои дары вместе со всеми. В знак нашего искреннего уважения примите это скромное подношение.

Он развернул белую материю и подал Бехмету небольшую калебасу — сосуд из выдолбленной тыквы с деревянной крышечкой.

Те, кто стояли поближе, удивленно вздохнули: столь ничтожный дар не осмелился бы поднести наследникам судьи и последний нищий.

— Э-та что же ты тут, э-та что же такое... — начал было Аюм. В его сжидких глазах мелькнуло некое подобие гнева.

Бехмет поднял крышечку и сунул в калебасу свой длинный нос. Серое лицо старшего из братьев вдруг порозовело,

нос жадно зашевелился, губы зачмокали. Когда он вновь взглянул на дарителя, в зрачках его метались непонятные искры.

Отдав тыкву слуге, Бехмет милостиво кивнул головой и, обращаясь к мужчине с желтой бородкой, важно изрек:

— Каждый подарок, поднесенный от чистого сердца, — отрада в нашем горе. Как звать тебя, уважаемый, и кто тот человек на земле возле фонтана?

— Мое имя Дарбар, — отвечал незнакомец, — а человек на земле — мой отец Ахбес.

— Я вижу, горе его велико. Твой отец знал нашего?

— Отлично знал, почтеннейший, можно сказать, они были друзьями. Разве господин Раббас никогда не рассказывал вам об Ахбесе из Аренджуна?

— Никогда, — втянул Аюм, подозрительно оглядывая желтобородого.

— Мы, действительно, ничего не слышали о вашем отце, — сказал Бехмет. — Но это не удивительно: судья имел много друзей и не всегда посвящал нас в свои дела.

— Увы! — горестно вскричал Дарбар. — Значит, вам ничего не известно о долгे почтенного Раббаса моему родителю. Видно, такова воля богов, и ничего тут не поделаться.

И, обернувшись в сторону все еще лежащего в пыли родителя, громко крикнул:

— Пойдем, отец, не будем мешать людям!

— Погоди, — растерянно сказал Бехмет, хотя желтобородый и не думал никуда уходить. — О каком долге ты говоришь?

— Да, о каком это долге ты тут нам заливаешь? — втянул и младший брат.

— Если вам ничего не известно, — печально сказал Дарбар, — я не стану докучать своим делом. Тем более, когда отец ваш готов отправиться в последний путь.

Чиновники уже уместили носилки с телом судьи в черном паланкине. Жрецы доставали из холщовых сумок

длинные витые свечи, готовясь сопровождать покойного на шамашан.

— Это какой-то прохвост, — шепнул Аюм на ухо брату, — пусть убирается.

— Ты забываешь, что я должен принять судейскую шапку по наследству, — тихо и раздраженно отвечал Бехмет, — что скажут люди, если я сейчас не решу это дело по справедливости?

— Люди ничего не скажут... — начал Аюм, но старший брат прервал его нетерпеливым жестом.

— Пусть подойдет твой отец, — обратился он к желтобородому, — и все нам расскажет.

Ахбес тут же вскочил с земли и, прихрамывая, побежал к крыльцу. Остановившись подле, он отвесил братьям глубокий поклон и, размазывая по грязным щекам обильные слезы, заговорил:

— Горе, какое горе постигло всех нас, несчастных! Кого достойного человека мы потеряли! Я потерял лучшего друга, а вместе с ним много денег, почти все, что у меня было...

— Не надо, отец, — скорбно вставил Дарбар.

— Нет, я скажу, раз почтенный Бехмет желает меня выслушать. Мы с почтенным Раббасом торговали, поставляли ему специи, хлопок и зерно. Он когда заплатит, когда нет — все на доверии. Уважаемый человек, судья... Думали, после сочтемся. Не довелось! За ним накопился долг, большой долг, и вот теперь я и мой сын разорены, как есть разорены!

И он снова залился слезами.

Народ, толпившийся во дворе, слушал, затаив дыхание. Козлинный судья, как и многие государственные мужи, помимо основных обязанностей умножал богатства свои торговлей, так что в речах неведомого Ахбеса не было ничего необычного.

Жрецы нетерпеливо поглядывали то на крыльцо, то на клонившееся к окну солнце.

— А велик ли долг? — спросил Бехмет, что-то обдумывая.

— Не надо, отец, — снова сказал Дарбар.

— Двести тысяч, — сказал Ахбес, всхлипывая, — и еще одна маленькая шкатулка...

— Как же! — завопил тут Аюм, забыв о приличиях. — Двести тысяч! Может, тебе еще и верблюдов отдать?!

— Такие деньги должны быть записаны в книгах, — сказал старший брат, неприятно удивленный названной суммой.

— Я же говорил: ничего не получится, — горестно проговоротал желтобородый.

— В том-то все и дело! — воскликнул Ахбес. — Коли бы записано было, с чего бы мне плакать?! Мы верили друг другу на слово..

— Говорю, это жулики, — злобно прошипел Аюм.

— Тогда, увы, я бессилен помочь, — молвил Бехмет, решив наконец прислушаться к словам младшего брата, — мы не можем узнать, сколько в действительности вам причитается.

Ахбес бросился на колени.

— Прошу тебя, почтеннейший, не дай погибнуть моей семье! Ради нашей дружбы с твоим отцом! Есть одно средство восстановить истину. Мой сын...

— Только не это! — испуганно вскричал Дарбар и даже закрыл лицо руками. — Мы же договорились...

— А что мне остается? — ударил себя в грудь Ахбес. — По миру идти? Твой долг помочь семье, сынок, если, конечно, будет на то согласие почтенных Бехмета и Аюма.

— Чем же может помочь твой сын? — несколько растерянно спросил старший наследник Козлиного судьи.

— Он может спросить самого Раббаса. Если наше дело правое, мой друг не станет молчать.

Толпа удивленно загудела. Те, кто стоял поблизке к крыльцу, попятались назад. Жрецы вытянули тонкие шеи и с любопытством уставились на Дарбара.

Желтобородый стоял, понурив голову. Весь его вид являл крайнее уныние и растерянность. Он укоризненно глянул на Ахбеса и заговорил, медленно подбирая слова:

— Я просил отца этого не делать... Только крайнее отчаяние толкнуло его открыть мою тайну. Видите ли, уважаемые, я несколько лет обучался в Стигии и постиг некоторые премудрости некромантии. Нет-нет, — воскликнул он поспешно, заметив страх на лицах братьев, — я вовсе не колдун! Не успел им стать: Митра уберег меня от пагубного пути, вселив заклинание в мое сердце, и я бежал из страны чародеев. Но одно заклинание мне ведомо, хотя я и дал себе слово никогда не прибегать к нему, ибо магия затягивает так же, как пристрастие к некоторым зельям, хранимым иногда в калебасах...

Бехмет прервал его речь громким покашливанием.

— Стигийцы поклоняются Сету, — сказал он, — а Сет — это зло... Однако магия может служить и благой цели, если использовать ее осторожно, равно как и зелья, употребляемые в качестве лекарства...

— И некоторыми стигийские книжники охотно делятся со своими учениками, а те, в свою очередь, со страждущими, — вставил Дарбар.

— Но, — Бехмет настороженно глянул в сторону жрецов, — даже малые чары могут принести большую беду. Использование стигийских заклинаний не слишком угодно Митре...

— Золотые слова! — горячо поддержал Дарбар. — Если служители Всеблагого не одобрят чародейства, камень спадет с души моей и с радостью в сердце отправимся мы с отцом просить подаяния!

Ахбес снова всхлипнул и пустил слезу.

Братья сошли с крыльца и в сопровождении желтобородого ученика стигийских магов и его заплаканного родителя направились к жрецам. По дороге Аюм негромко высказал брату свои поздравления, так как был уверен, что служители Подателя Жизни ни за что не согласятся ни на какую волшбу, да еще в доме покойного судьи. Таким

образом Бехмету удастся и справедливость явить, и деньги будут целы. Бехмет только отмахнулся.

— Слышал ли ты, отец мой, слова этого человека? — спросил он у старшего жреца, носившего длинную бороду и седые букли.

— Я слышал, — отвечал жрец.

— Если бы речь не шла о восстановлении истины, столь необходимой в этом запутанном случае, я бы и слушать не стал ничего о ворожбе. Но эти люди находятся в тяжелом положении. Если они говорят правду, и наш покойный родитель задолжал им деньги, наш долг — помочь несчастным.

Он говорил громко, чтобы слышали все собравшиеся во дворе.

— Что скажешь на это, о просветленный служитель Митры?

— Скажу, что ты прав. Магию можно использовать для благого дела.

Аюм изумленно хрюкнул. Народ зашумел. На лице Бехмета неожиданно отразилась нескрываемая радость.

— Надо ли понимать твои слова как одобрение... э-э... необходимых в таком случае действий?

— Именно, — сказал жрец.

— Что ж, — молвил наследник судьи, обернувшись к народу, — вы слышали, люди? Во имя высшей справедливости Митра дозволяет потревожить вечный сон покойного!

— Истинно так! Слава новому судье! — раздались крики. Самые усердные принялись кидать шапки, выражая полное восхищение самоотверженному решению Бехмета.

Аюм, выпучив глаза, хватал ртом воздух.

— Когда ты сможешь приступить к делу? — спросил старший брат Дарбара.

— Здесь есть одно затруднение, — отвечал желтобородый, — мое заклинание должно быть произнесено в час третьей свечи в месте, где мертвецу предстоит обрести вечный покой. То есть, на шамашане.

Какая-то женщина испуганно вскрикнула. Аюм судорожно тер щеку, словно ее душила невидимая веревка.

— В час третьей свечи? — растерянно переспросил Бехмет. — Но отца должны сжечь на закате...

— В крайнем случае дозволяется сжигать на восходе, — сказал жрец.

— Но не станем же мы сидеть в темноте на кладбище, ожидая нужного времени! — запротестовал Бехмет. — Всем известно, что с заходом солнца там появляется разная нечисть, а иногда и воры...

— В этом нет нужды, — сказал Дарбар, — вы можете прийти к началу действия, оставив фонари за воротами, так как на шамашане дозволено разводить лишь огонь, сжигающий покойников. Луна достаточна яркая, чтобы видеть лицо Раббаса, а слушать можно и в полумраке.

Тут Аюм справился наконец с удушьем и зашипел, как рассерженная змея:

— Не думаешь ли ты, аренджунец, что мы оставим нашего отца под твоим присмотром? Я не хочу, чтобы у него к утру исчезли золотые зубы и кольца!

— Ну так пошлите своего человека, — равнодушно пожал плечами желтобородый.

— Никто не согласится, даже под страхом жестокого наказания, — сказал Бехмет, поеживаясь. — Шамашан — место жуткое... Любой сбежит, как только мы уйдем.

— Тогда найдите какого-нибудь храброго парня с тяжелым мечом, из тех, кто любит деньги и не боится призраков. Кстати, я не откажусь от подобного телохранителя: нечисть мне не страшна, но, как видите, при мне нет оружия, и встречаться с кладбищенскими ворами совсем не хочется. А чтобы зубы и кольца почтенного Раббаса были целы, послуйте добровольцу сумму, большую, чем их стоимость. Готов внести половину, если мы с отцом получим долг.

Бехмет немного подумал, потом важно кивнул головой.

— В твоих словах есть разумное зерно, — молвил он, оглядывая толпу, — вот только где найти храбреца...

Кумовья Караб и Ассарх, стоявшие неподалеку, переглянулись. Они хорошо представляли, сколько стоят зубы и кольца Козлинего судьи. Но жуткие истории о ночном кладбище во множестве ходившие из уст в уста, делали ноги ватными и вызывали в желудках неприятное коловорвращение. Кумовья разом тяжело вздохнули и повесили головы.

Тут кто-то толкнул их в спины, и вперед выступил молодой здоровяк в одежде северянина.

— Сколько? — спросил он, пристально глядя на Бехмета синими немигающими глазами.

— Ты согласен сторожить тело?

— Сколько? — повторил незнакомец.

— Пятьсот монет.

Человек молча повернулся и пошел к воротам.

— Тебе что, мало? — завопил Аюм ему в спину.

Северянин продолжал идти к выходу.

— Тысяча золотых! — крикнул Бехмет.

Чужестранец развернулся и, все так же храня молчание, пошел обратно. Приблизившись, он скрестил на груди мощные руки и уставился на братьев.

— Вижу, ты храбрый юноша, — сказал старший, — откуда ты и как тебя звать?

— Зови меня Пуго, — отвечал северянин, — я из холдной страны.

— Пуго так Пуго, — кивнул Бехмет, — хотя, сдается мне, тебя зовут по-другому. Не важно. У тебя за спиной добрый меч, а в глазах нет страха. Исполни службу, и я щедро награжу тебя.

— Ты сказал — тысяча.

— Мое слово — закон! А сейчас предоставим жрецам делать их дело.

Жрецы были готовы. Витые свечи занялись бледным огнем, плакальщицы заголосили, и толпа потянулась вслед за черным паланкином в сторону шамашана.

5.

Скорбное место находилось на голом холме, куда от предместья вела узкая каменистая дорога. Вдоль дороги стояли невысокие каменные столбики с деревянными ящиками, в которые через узкие щели участники похоронных процессий опускали золотые, серебряные и медные монеты. Деньги шли жрецам; чем больше их было, тем пышнее и длительнее вершились заупокойные службы в Храме Митры. Чтобы подаяние не стало добычей воров, вдоль дороги разъезжал вооруженный отряд под командой свирепого сотника; впрочем, это не спасало ящики от разграбления и, тем более, мелкого жульничества: многие, делая вид, что опускают деньги, норовили бросить в дарительницы оловянные пуговицы, щепки и мелкие камешки.

Впереди процессии шли плакальщицы в изрядно попорченных уже париках, с лицами, густо измазанными кармином. Шатаясь, как пьяные, они голосили на разные лады, посыпали головы дорожной пылью и весьма искусно делали вид, что рвут на себе одежду.

Далее шествовали жрецы, державшие свои свечи. Служители Митры хранили на лицах невозмутимую значительность; их тонкие шеи гордо торчали из широких вырезов шафрановых хитонов.

За ними следовали представители властей в черном. Главный чиновник торжественно нес на вышитой подушке высокую желтую шапку, отороченную мехом ягуара — символ судебского чина.

Паланкин с телом покойного несли два десятка должностных слуг, одетых по торжественному поводу в чистые белые куртки и холщовые штаны с завязками под коленями. Неутешные братья и другие домочадцы умершего шли позади паланкина.

По пятам за родственниками вышагивали сорок музыкантов в зеленых одеждах с медными рогами и большими барабанами. Временами они принимались извлекать из своих инструментов душераздирающие звуки, и тогда во-

роны, кружиившие над головами толпы, отвечали дружным испуганным карканьем.

За музыкантами топал отряд стражников, присланных светлейшим Эдартом в качестве почетного караула. Стражники шагали не в ногу, не слишком скрывая скуку; длинные копья покачивались на их плечах, как тростниковые заросли в ветреную погоду, в круглых щитах поблескивали последние сполохи солнца.

А за отрядом пестрой лентой текла по дороге тысячная толпа. Персоны познатнее да побогаче — купцы, менялы, лавочники и старосты торговых рядов — шли первыми в окружении своих слуг и приживальщиков, дальше — прочий разношерстный люд, включая нищих и карманников, для которых подобные события были самыми желанными и прибыльными. Вдоль дороги шныряли голоногие мальчишки, внимательно выглядывая, не обронит ли кто монетку возле дарственных ящиков.

В Северном предместье остались в эту пору только женщины, старики да больные, и немало добра перекочевало из комнат и кладовок в мешки ушлых воров, благословлявших Нергала за то, что повелитель Серых Равнин призвал к себе наконец Козлиного судью.

Поднявшись на холм, траурная процессия миновала высокие ворота и оказалась в ограде шамашана.

На этом печальном месте стояло множество невысоких каменных платформ погребальных алтарей, на коих творилось таинство переселения душ на Серые Равнины. Некоторые из них помещались под каменными же крышами на витых столбах, другие были открыты небу. На каждом возвышении темнели кучки золы. Их удлиненные формы и то, что среди серого праха кое-где белели рассыпающиеся кости, говорило о скорбном назначении грубо отесанных алтарей.

Народ запрудил ограду. Все застыли с молитвенно сложенными на груди руками. Умолкли плакальщицы и музыканты. Стражники окружили пустующую платформу, самую большую, украшенную цветами и жимолостью, и

замерли, прижав копья к левому боку. Сотник обнажил кривую саблю и взял ее перед собой, сурово поглядывая по сторонам, словно собирался отрубить кому-то голову.

Слуги извлекли из паланкина носилки с телом и понесли на плечах к погребальному алтарю. Когда носилки опустились на возвышение, они разом закрыли лица ладонями и удалились в полном молчании.

Жрецы поставили четыре огромных свечи по углам алтаря и взялись за концы длинных шелковых полос, подложенных под тело судьи Раббаса. Они подняли тело, читая негромко заупокойную молитву, а братья извлекли носилки и отставили их в сторону. Теперь Козлиный судья опустился на то место, откуда ему суждено было отправиться прямиком на свидание с владыкой Серых Равнин.

Однако свидание по известным причинам отложили до первых утренних лучей. Старший жрец окунул кисточку из конских волос в чашу с освященной водой, принесенную из храма Митры, окропил мертвеца, потом возложил на лоб покойного деревянную фигурку, смоченную в той же воде, после чего все присутствующие хором пропели несколько напутственных слов (путешествие на Серые Равнинны — дело серьезное и не безопасное), после чего толпа потянулась к выходу. Многие отправились домой в предвкушении завтрашнего зрелица, которое повторялось на шамашане всякий раз, когда умирал кто-нибудь из именных жителей предместья: жрецы резали петухов, гадали по каплям крови и внутренностям о будущем, а потом старший сын покойного поджигал собственной рукой погребальный костер.

Жертвенных птиц оставили в клетках возле алтаря. Петухи спокойно чистили перья, не ведая о своей печальной участи. Братья трижды обошли возвышение, в пояс поклонились телу и остались наедине с учеником стигийских магов и его хромоногим родителем.

— Спокойно отправляйтесь домой и зажигайте свечи, — сказал им Дарбар. — Когда третья горит до поло-

вины, возвращайтесь сюда, и мы совершим таинство. Не забудьте о свидетелях.

— Что-то не нравится мне все это, — сказал подозрительный Аюм, — кто его знает, что ты станешь делать в наше отсутствие..

— Ты ошибаешься,уважаемый, если думаешь, что я буду сидеть здесь в темноте, — спокойно отвечал желтобородый, — для этого вы наняли северянина. Мы же с отцом отправимся к нашим верблюдам и вернемся на шамашан в назначенное время.

— У меня есть другое предложение, — сказал Бехмет, — я хочу пригласить вас в наш дом. Думаю, у нас найдется о чем поговорить.

Он выразительно взглянул на Дарбара, и тот едва заметно кивнул. Аюм напыжился, но ничего не сказал, рассудив, что лучше держать подозрительного незнакомца на глазах, как это ни неприятно.

С тем они и удалились. Напоследок Бехмет напомнил нанявшему стражу о зубах и кольцах покойного. Северянин лишь выразительно дотронулся до рукояти своего меча.

Он проводил всех до ворот и вернулся к алтарю. Солнце уже зашло, сумерки быстро окутывали землю. С вершины холма хорошо виднелась дорога с цепочками неясных огней: люди, возвращавшиеся в предместье, зажигали масляные фонари.

Северянин обошел ограду и, убедившись в отсутствии лишних глаз, подошел к плоскому камню, хранившему еще темное пятно, оставшееся от тела какого-то безвестного бедняка. Еще раз оглянувшись, стукнул по камню кулаком.

В недрах земли раздался невнятный стон.

— Покойник, — позвал страж, — явись!

Он ухватился за край плиты и без особых усилий ее приподнял.

Под плитой оказалась неглубокая яма, устланная сухой травой. В яме лежал щуплый человечек с длинным носом и аккуратной бородкой, очень похожими на нос и бороду почившего Раббаса.

— Я чуть не задохнулся! — сердито сказал он и полез наружу.

— Если бы ты сдох, Ловкач, — задумчиво молвил северянин, — у нас было бы два мертвца. То-то удивился бы Нергал, увидев две одинаковые рожи!

Ловкач Ши возмущенно засопел, отряхивая прилипшую солому.

— Зря так говоришь, — проворчал он, — не следует шутить над покойниками.

— Они моих слов не слышат, — отвечал киммериец, сплевывая. — Ладно, не будем терять время. Теперь, когда ты нагрел нору, перенесем в нее почтенного Раббаса.

Когда тело Козлиного судьи оказалось в яме, Конан водрузил плоский камень на место. Ши суетился рядом, то и дело ощупывая наклеенный нос и накладную бороду.

— Смотри, оторвешь, — одернул его приятель, — отправляйся-ка лучше на свое шикарное ложе, покойничек, да запасись терпением: Чилли с братьями вернется не скоро.

— Не пойму я, зачем мне сейчас-то лезть на алтарь? — Ловкач нервно потер ручки. — Жестко там, да и страшно... Как подумаешь, что на камне людей сжигают, так по спине тараканы бегают. Давай лучше посидим рядышком, киммериец, пожуем чего-нибудь, поболтаем.. Ты ведь сушеного мясца прихватил? Вот его и пожуем. И винцом запьем из твоей фляжки...

Конан хлопнул оробевшего приятеля по плечу.

— Мертвые не пьют, крысеныш! Хорошенькое дело: станет Раббас вещать, а от него вином разит. Ты что же думаешь, на Серых Равнинах первым делом чарку подносят? Да не трясишь ты так, нос отвалится! Лучше вспомни о своей доле звонких монет и думай, как тебе повезло. Мыслю я, многие согласились бы набить кошелек, всего лишь полежав ночку на свежем воздухе. И ложись не медля: Чилли верно сказал, Аюм этот похитрее братца будет и может послать кого-нибудь проведать своего родителя.

— Да не пойдет никто сюда ночью, — робко возразил Ши, но полез на украшенный мертвыми цветами камень.

Конан тщательно накрыл вздрагивающего коротышку ветками жимолости, положил ему на лоб деревянную фигурку, а на глаза — круглые медальоны.

— Это еще зачем, — тоненько заскулил Ловкач, — не вижу я ничего...

— Да тебе и не надо, — хохотнул киммериец, — я твои глаза и твои уши.

Он уселся рядом с алтарем, достал из сумки ломти вяленого мяса, откупорил флягу с вином и приготовился коротать время.

Время пришло коротать под неумолчное бормотание Шелама. Стارаясь заглушить мучивший его страх, Ловкач болтал о чем ни попадя. Он рассказал Конану, где именно в Аренджуне выгоднее покупать горшки и медные светильники, чем отличается чеканка от просечки и почему нельзя держать вареные бобы в золотой посуде.

— На золотых блюдах можно лишь подавать кушанья, но не хранить их, — болтал Ши, — особенно чечевицу, бобы, горох и маниоку. Потому среди богачей так много страдающих желудком, а бедняки на сей недуг не жалуются.

— А я думал, потому, что животы пустые, — хмыкнул варвар, терзая крепкими зубами сущеное мясо.

Шелам только слготнул слону и принял рассказывать о прекрасной незнакомке, которая опустошила его лавку и умыкнула одежду.

Эта история весьма развеселила Конана.

— Поделом дурню, — сказал он, прихлебывая вино из фляги, — сам подумай, какой из тебя любовник? В следующий раз, когда почувствуешь зуд между ног, просто покупай женщину.

Ши обиженно помолчал, потом сказал печально и тихо:

— Холодное у тебя сердце, киммериец. Нет для тебя ничего святого. Варвар ты.

— Только сейчас узнал?

— И не чем тут гордиться, — ровно продолжал Ловкач. — Знаешь, что сказал Шейх Чилли? Он сказал: драться умеют и петухи, а попугаи и вороны еще и разговаривают.

Стало тихо, только гудел ветер между столбами, державшими каменную крышу погребального алтаря.

— Что-то я не понял, — недобро произнес наконец Конан, — о петухах...

— Куда тебе, — откликнулся Шелам фальцетом, — сидишь тут, мясо жрешь... Да таких, как ты, мы с Шейхом дюжину набрать могли. Эка невидалъ: кулаки здоровые, да меч за плечами!

Здоровые кулаки варвара тут же зачесались, но, памятая о возможных соглядатаях, могущих подглядывать из-за ворот, он сдержал свое естественное желание пересчитать мнимому покойнику зубы и ответил, не повышая голоса:

— Конечно, вы умники. Один заморыш, ткни — развалится, другой грамотея из себя корчит, а простой тесак в руки взять боится. Нет, вы не петухи. Курицы вы бесхвостые. Плевки сопливые. Дерьмо нергалье. Сейчас брошу тебя одного, так ты со страха обгадишься...

— Ну и вали! — взвизгнул коротышка, приподнимаясь на локте. — Без диких обойдемся!

Медальоны упали с его глаз, и Ши увидел оскаленные зубы варвара возле своего фальшивого носа. Он действительно чуть было не наделал в штаны, решив, что Конан хочет его прикончить, но киммериец лишь зажал ему рот своей крепкой ладонью и пригнул голову обратно к алтарю.

— Тихо, — прошипел он в ухо приятелю, — лежи и не двигайся, несет кого-то...

Со стороны ворот, действительно, слышалась тихая возня. Створки заскрипели, открываясь, и несколько фигур в темных накидках появились внутри ограды. Киммериец ужом скользнул за соседний камень и затаился. Шелам лежал ни жив, ни мертв, мысленно вознося хвалу преду-

мотрительному Чилли, заставившему его прочистить желудок накануне предприятия.

Фигуры приблизились. Слышино было, как под накидками негромко брякает сталь.

— Гляньте, братцы, покойник! — раздался гнусавый голос. — Я как сердцем чуял.

— В Северном предместье, слыхать, судья помер, — откликнулся другой с туранским акцентом. — Может, он это?

— Мертвцов на закате сжигают, — удивился третий, тоненъкий. — С чего бы судью на шамашане на ночь бросили, а, Ахбар?

— Такое бывает, — разъяснил гнусавый Ахбар, — если жрецы решат, что костер надо палить утром. Барану кишаки вытащат и смотрят: на закате покойничка сжечь или на восходе. Всему, как говорится, свое время.

— Если это судья, его должны охранять, — сказал туранец, — а у ворот стражи не было.

— Его духи охраняют, — хохотнул Ахбар, — глупцы в это верят, потому и нет сторожей. А если и есть, так мы им покажем кое-что пострашнее видений бесплотных. Так что ли, братцы?

Братцы согласно загудели и помахали для храбрости кинжалами. Потом туранец предложил обшарить покойника.

— У него должны быть драгоценности и золото во рту, — сказал и направился к алтарю. Он уже протянул руку к лицу обмершего со страха Шелама, как вдруг сморщился и помахал перед собой ладонью.

— Фу-у! Воняет.. Видать, уже разлагаться начал.

— Не трогай, — сказал Ахбар, — мне пришла мысль получше. Если это судья, в его доме сейчас справляют поминки. Раз его сюда принесли, значит родственники с мертвым простились, а по всем обычаям после этого надо выпить. Ну, сами хозяева, может быть, особо наливаться не станут, все же утром им сюда возвращаться, но слуги

и сторожа налакаются точно. Пока наследники будут предаваться горю, заберемся в их закрома и набьем мешки.

Снова в лунном свете блеснули лезвия ножей и раздались возгласы одобрения.

— На обратном пути заглянем сюда опять, тогда и посмотрим, что припас нам судья, — заключил вожак. — А сейчас по древнему обычаю принесем мертвому свои обеты, чтобы предприятие наше увенчалось успехом.

— Какие еще обеты? — спросил обладатель тонкого голоска.

— Кривой прав, — сказал турец, — если перед делом пообещать что-нибудь мертвому, удача, считай, в кармане. Клянусь задницей Бела, если мне повезет, я выбью почтенному судье все зубы и унесу их с собой на память!

— А я заберу все кольца, — подхватил тонкий, — иначе не видеть мне солнца и не ласкать женщины!

Ахбар поклялся единственным глазом, что разденет судью догола и отдаст его платье нищим.

Так как все ценности были уже поделены, остальным разбойникам осталось принести обеты дважды лягнуть покойника в голову, отрезать ему пальцы и пересчитать ребра. С тем они и удалились, гоготая и похлопывая друг дружку по спинам, очень довольные, что Ахбар уговорил их завернуть на шамашан. Умный у них все же вожак, хоть и сволочь.

Когда смех разбойников стих за оградой, киммериец выбрался из своего укрытия и валкой походочкой приблизился к алтарю. Ши лежал безмолвно и недвижно, задрав к звездам синий нос и бороду из конских волос.

— Не помер, крысеныш? — позвал варвар.

Губы Ловкача разлепились, изо рта вырвался едва слышный свист.

— Да ты и вправду воняешь! — Конан зажал одну ноздрю пальцем и скривился.

— Ты.. ты.. — забормотал Ловкач, — меня.. бросил..

— Сам говорил — убирайся. Обгадился, храбрец?

— Нет, спасибо Шейху.. Но газы все вышли. Ты хотел, чтобы меня убили?

— Хотел послушать, что скажет Кривой Ахбар. Я знаю этого ублюдка. Он из Эр-Шуххры, и молодцы его, видать, оттуда же..

— Но ты должен меня охранять!

— Ничего я не должен. Пусть тебя петухи охраняют. Или вороны, которые разговаривают.

— Прости, Конан! — взмолился тут Шелам, содрогаясь всем телом и снова роняя с глаз залитые воском и медом лепешки. — Со страху я лишнего наболтал.. Не покидай меня, о тигр отваги и скала доблести, не дай проклятым разбойникам выбить мне зубы и отрезать пальцы!

— Ладно, не скули, — киммериец сменил наконец гнев на милость, — зубы у тебя гнилые, никто на них не позарится. А вот нам кое-что перепасть может. Думаю, Ахбар со своими шакалами вернется не с пустыми мешками. Вот тогда и поговорим.

И варвар снова уселся возле траурного алтаря и взялся за опустевшую наполовину фляжку.

6.

Страшные дела творятся ночью на погостах, это все знают. Возле костров на привалах, в душных караван-солярях и в уютном тепле домашнего очага рассказчики пугают друг друга ледянящими кровь историями об оживших мертвцах, безголовых гризраках и съеденных младенцах. И клянутся в их подлинности Белом, Деркэто, Эрликом и его пророком Таримом, Птеором, Ашторехом или Ястребиным богом, — в зависимости от того, под небом какой страны звучат эти рассказы — и вздрогивают потом во сне от жутких кошмаров, и вскакивают, и пьют вино, раку или настой перечной лианы, чтобы забыться, чтобы отпустило страшное..

Кумовья Кариб и Ассарх немало наслушались подобных историй, так что еще вчера никто из них и мысли бы не

допустил отправиться ночью на шамашан. Однако, когда наследники судьи стали скликать в свидетели желающих присутствовать на таинстве, обещанном учеником стигийских магов, в душах почтенных торговцев началось настоящее ристалище: страх сошелся с любопытством и трезвым расчетом. Страх в конце концов уступил, хотя и затаился где-то в темных глубинах сознания, готовый вырваться наружу при первом удобном случае. И одолело его даже не столько любопытство, сколько расчет: кумовья смекнули, что те, кто окажется рядом с братьями в столь ответственный момент, смогут рассчитывать на особое благоволение нового судьи.

Втайне Кариб и Ассарх ожидали, что Бехмет щедрыми послами заставит свидетелей услышать то, что ему выгодно, но старший брат хранил молчание и как-то очень уж любовно поглядывал на таинственного Дарбара, с которым провел некоторое время в отдельной комнате, пока иные угощались за счет братьев вареным рисом с изюмом и аренджунским вином. Угощались славно, поминая почтенного Раббаса и желая его душе легкого полета на Серые Равнины.

Когда занялась третья свеча, желтобородый объявил, что время пришло, и наследники покойного в сопровождении слуг, десятка стражников и дюжины свидетелей отправились по лунной дороге на погребальный холм. Шли в молчании, освещая путь масляными фонарями: несмотря на щедрые возлияния, гнетущее чувство владело всеми.

Северянин встретил процессию возле ворот. На вопрос Бехмета, все ли в порядке, он молча кивнул головой и повел пришедших к алтарю. Длинный синий нос Козлиного судьи блестел в лунном свете, как ледяной торос в пустынях Ванахейма.

Дарбар расставил людей полукругом шагах в двадцати от алтаря, потом достал из принесенного слугами сундука четыре медные курительницы и разместил их по углам возвышения. Извлек и надел черный плащ с кровавой подкладкой и высоким воротником, на голову — темную

корону с семью зелеными камешками. Потом вынул из сумки небольшую коробочку и сталсыпать на землю какой-то светящийся порошок, очерчивая им круг возле своих ног. Покончив с этим занятием, желтобородый взял в руки книгу в сафьяновом переплете и застыл, подняв глаза к звездному небу.

Ветер трепал султаны на шлемах стражников, нес по шамашану легкую пыль, сверкавшую в лучах луны тысячами холодных искр.

— Чего он ждет? — шепнул Ассарх на ухо куму, потея от страха.

— Светила наблюдает, — так же тихо отвечал Кариб, чувствуя, как холодные струйки бегут по занемевшей спине. — Знака ждет...

Где-то далеко в степи протяжно закричала неведомая птица.

Тотчас что-то пыхнуло в курительницах, из многочисленных отверстий в медных стенках повалил бледный дым. Дарбар раскрыл книгу, пристально вглядываясь в пергаментные страницы.

— Дамбаллах! — возгласил он громовым голосом, заставившим людей вздрогнуть и невольно попятиться. — Иссмакариоль! Пта схру паттеш!

Дым шел все гуще, зеленоватые клубы столбом поднимались вверх, к каменной крыше алтаря и, обогнув навес, призрачными змеинymi кольцами возносились к ясному ночному небу. Заволновались жертвенные петухи в клетках, захлопали крыльями, заскребли коготками...

— Сеттамантхара ой бастарргазан!

Что-то затрещало позади алтаря, и сонм ярких сполохов метнулся во все стороны. Толпа шарахнулась. Некоторые попадали, запутавшись в полах халатов, стражники судорожно ухватились за рукояти сабель.

— Всемогущий Отец Тьмы, кто предписал всем созданием молиться Тебе и воздавать славу, — громко, нараспев заголосил желтобородый, — молю Тебя послать мне душу этого человека, чтобы он возгласил мне охотно, верно и с

готовностью то, что я у него испрошу... Hagio o Theos Iscyra Athata Paracleta!

Жуткий вой донесся вдруг откуда-то из-за спин толпы. Дарбар вздрогнул и чуть не выронил книгу. Он оглянулся, ища источник звука, и, если бы кто оказался в этот момент рядом, то смог бы заметить в его глазах страх.

Впрочем, желтобородый быстро взял себя в руки и продолжил чародейское действие.

Он произнес еще несколько невнятных слов, и в клубах дыма на алтаре заворачалась какая-то тень.

— Пришел ли ты? — спросил ученик стигийских магов.

Тень дернулась, порыв ветра отнес в сторону дымные кольца, и все увидели, что Козлиный судья сидит на своем каменном ложе.

— Я пришел, — раздался тоненький озябший голос, — кхе-кхе.. спрашивай!

Кумовья Кариб и Ассарх стояли, тесно прижавшись друг к другу и дрожа так, что их тюрбаны съехали до самых глаз.

— Восстал, — прошептал Ассарх непослушными губами, — и кашляет..

— Мороз там, мороз, — забормотал Кариб, тиская непослушными пальцами амулет на груди, — холодно, скажут, на Серых Равнинах...

— Ответь нам, почтенный Раббас, — выкрикнул желтобородый, поднимая над головой книгу, — перед лицом детей твоих..

Он оглянулся и поманил рукой братьев. Те вышли вперед на подгибающихся ногах. Аюм опять тер шею, всхрипывая, как раненый поросенок.

— Правда ли, что ты должен деньги другу твоему Ахбесу из Аренджуна? Если правда, то сколько должен?

С алтаря снова донеслось перханье, потом тонкий голос ответил:

— Правда, о вопрошающий! Я столько им задолжал, что и сам со счету сбился.

— Скажи, отец, какая сумма причитается почтенному Ахбесу? — просипел Бехмет, вглядываясь слезящимися глазами в неясную тень под навесом.

— Молчи, — грозно оборвал его желтобородый, — он тебя не слышит! Говорю я, вы — внемлете! Именем Дамбаллаха великого и ужасного заклинаю тебя, явившийся по воле Темного бога, сколько ты должен??!

— Двести тысяч, — последовал внятный ответ.

Дарбар немного подождал, но тень молчала.

— Это все? — спросил желтобородый. — Говори! Говори!

— Я же и говорю.. — покойник снова заперхал. — Куча золота.. Ах, да, еще маленькая шкатулка из атлайского ореха! На ней вырезана змея, а внутри — серенький такой камешек..

— Вы слышали? — обернулся Дарбар к братьям.

— Слышали.. — едва слышно отвечал Бехмет. Аюм молча кивнул и отвернулся.

Дым от алтаря полосами стелился по земле, протягивая к толпе зеленоватые щупальца, заставляя людей пятиться и шептать молитвы. Многие были уже не рады, что дали уговорить себя присутствовать при столь жутком зрелище, и прикидывали, сколько монет следует возложить на алтарь Митры, чтобы Светлый Бог простил им невольное участие в чародействе.

— Я дозволяю тебе удалиться! — Дарбар снова раскрыл свою книгу и, заглянув в нее, прочел: «Oragiel Postum Salama!»

Рев за спинами толпы повторился, на этот раз более слабый, словно затухающий. И снова вздрогнул и растерянно обернулся ученик магов и широко раскрыл глаза, заметив растаявшее в темном воздухе бледное пятно.. Впрочем, остальным присутствующим было не до того: люди в ужасе закрыли руками лица, когда из-за алтаря с грохотом ударили снопы белых искр.

В курильницах защелкало, дым изменил цвет, став нежно-розовым, тень на возвышении на миг исчезла, а

когда клубы рассеялись, тело Раббаса снова неподвижно лежало на каменном возвышении.

Дарбар извлек из рукава небольшой жезл с кисточкой на конце, старательно смел в кучку светящееся вещество, образующее круг, собрал и ссыпал в коробочку. После чего подошел к братьям, поклонился и объявил, что церемония закончена.

— Не желаете ли подойти к телу и убедиться в его полной сохранности? — спросил он так, как будто предлагал покупателям в лавке пощупать штукку доброй материи.

— Нет! — испуганно воскликнули братья, а старший добавил: — Мы придем утром, чтобы исполнить последний долг и зажечь погребальный костер. Сейчас же поспешим назад, дабы вознести молитвы в домашней кумирне.

Зубы у Бехмета постукивали. Мысленно он уже был в своей теплой комнате в окружении слуг и телохранителей.

— Ты прав, уважаемый, — отвечал Дарбар, снова поклонившись, — не следует пренебрегать обычаями и оставлять на поминальном столе недоеденное и недопитое.

Он собрал курительницы в сундук, снял плащ и корону и сделал знак носильщикам следовать вперед. В полном молчании толпа потекла к воротам. Вскоре над шамашаном воцарилась тишина, нарушаемая лишь недовольным квохтанием жертвенных птиц да шумом ветра среди каменных обелисков.

7.

Кривой Ахбар и его люди возвращались из предместья прямиком через степь, стибаясь под тяжестью увесистых мешков. Вожак оказался прав: обеты, принесенные мертвому, помогли ворам довольно легко проникнуть в дом судьи и славно поживиться в его кладовых. Такое объяснение редкой удачи казалось шуххрийцам вполне достаточным; они проникли в Северное предместье окольной тропой и не встретили процессию, двигавшуюся на шама-

шан по главной дороге. Если же быть точным, везение их объяснялось не столько клятвами, данными покойнику, сколько отсутствием должной охраны: мужчины ушли вместе с братьями, женщины тихо сидели на своей половине, а слуги пьянистовали, радуясь, что за отсутствием господ не надо больше изображать тяжкую скорбь по безвременно скончавшемуся судье.

Слуги были спокойны: среди шадизарских воров бытовал обычай не грабить дом умершего, пока его тело не сожжено. Однако в Эр-Шуххре плевали и на писанные законы, и, уж тем более, на неписанные.

Первым шагал здоровый краснорожий туранец. Свою добычу он завернул в бархатную портьеру, сорванную в спальне Козлиного судьи, и сейчас то и дело похлопывал снизу лежавший на спине тюк свободной рукой, вызывая этими хлопками приятное побрякивание и легкий звон благословленного металла. Туранец вспоминал, что на шамашане его ожидают зубы судьи, и тихонько посмеивался.

Он глянул в сторону темневшего на фоне лунного неба холма и... застыл, выпучив глаза.

Над погостом поднимался столб дыма.

Шедший позади вор ткнулся лбом в спину краснорожего и выругался, потом удивленно присвистнул, тоже заметив дым.

— Погляди, Ахбар, — обернулся туранец к вожаку, — не иначе покойничка нашего сжигают!

Кривой Ахбар опустил мешок и нацелился на холм единственным глазом.

В это время со стороны шамашана донесся жуткий, леденящий душу вой. Воры разом присели, втянув голову в плечи и судорожно сжимая рукоятки ножей.

— Что это? — едва выдохнул молодой шуххриец, обладатель тонкого голоска. — Матерью клянусь, так выть может только нечисть!

Ахбар покачал головой, что-то обдумывая.

— Не знаю, что это за дым, — сказал он, — а только мертвцов никогда не сжигают ночью.

Воры гуськом двинулись дальше. Не успели они сделать и три сотни шагов, как с холма снова долетел протяжный, замирающий вопль.

Молодой охнул и выронил мешок. Туранец забормотал какую-то молитву на своем языке; все остановились в нерешительности, поглядывая на Ахбара.

— Что-то расхотелось мне туда идти, — сказал кто-то, — Нергал с ними, с обетами...

— В животе у меня забурлило, братцы, — пожаловался тонкоголосый.

— И то сказать, чего мы там забыли, — пробурчал туранец, целуя нательную ладанку. — Золото в мешках, так надо уносить ноги побыстрее...

Однако Кривой Ахбар был не из робкого десятка. Он промышлял воровским ремеслом не первый год, и успел понять, что удача сопутствует лишь тем, кто сует свой нос во все щели, особенно если оттуда тянет чем-нибудь зловещим, что отпугивает толстобрюхих лавочников, трусливую стражу и прочих добродорядочных остоловопов. Не одна разрытая могила была на счету одноглазого, не один шамашан он почистил, выгребая из золы расплавленные остатки дорогих украшений, и не было в душе его трепета, когда отпетый негодяй проникал в кумири темных божков где-нибудь в Бритунии или Пограничном королевстве. Ахбар страшился лишь Сета, великого Змея Вечной Ночи, остальные мелкие божества, коим поклонялись не сподобившиеся света Митры племена и народы, были для него лишь кусками дерева или не слишком опасной нечистью, против которой имелись нужные амулеты и заговоры.

Переждав в кустах, пока возвращавшаяся с погоста процессия пройдет мимо по дороге, вожак пинками погнал своих людей в сторону холма. К этим веским аргументам он присовокупил увещевания и ссылки на возможную месть темных сил, обиженных несоблюдением клятв и обычаев.

— Сами помыслите, — говорил он, толкая «братьев» пониже обтянутых грязными халатами спин, — чего нам

опасаться? Сыновья, видимо, совершили над покойным какой-то обряд, может быть даже принесли дары неведомым богам, которым судья втайне поклонялся. Такое бывает. Так не следует ли пойти и удостовериться во всем своими глазами? Подношения могут оказаться весьма ценными. Силам тьмы они ни к чему, а нам в пору. Пока братья подсчитывают убытки в своем доме, мы пошерстим их папашу!

Доводы возымели действие, и шуххрийцы, приободренные заманчивыми речами, резво взбежали на холм и открыли ворота.

В ограде шамашана было тихо.

Воры крадучись направились к убранному цветами алтарю. Тело оказалось на месте, однако никаких даров не было.

— Проклятые скучны! — воскликнул Ахбар. — Не могли расщедриться на что-нибудь поценнее жимолости и медовых лепешек! Разве так надо почитать родителей?!

Туранец бросил мешок и решительно шагнул под навес.

— Я обещал посчитать ему зубы, — сказал он, протягивая к лицу покойника руку, — и я исполню клятву. Ну и нюхалка у этого законника!

Краснорожий ухватил мертвца за нос, слегка потянул... И тут же завопил: страшный носище отделился от бледного лица и остался у него между пальцев. Туранец отшатнулся, стукнулся спиной о каменный столб и, указывая на алтарь, возопил:

— О боги! Он смотрит, смотрит!..

Воры отпрянули. Ахбар же не растерялся: он подскочил к туранцу и, схватив предмет, который тот сжимал в руке, поднес его к глазам.

— Он не настоящий! — заорал вожак. — Судью подменили!

Крик ужаса раздался у него за спиной.

— Встает... — просипел туранец и заскользил спиной по столбу, опускаясь на землю.

Ахбар взглянул на алтарь. Покойник сидел, ощупывая лицо и часто мигая глазками, с которых упали восковые лепешки. Накладная борода криво висела на его остром подбородке.

— Назад! — рявкнул вожак, заметив, что его люди бросили мешки с добычей и готовы пуститься наутек. — Это подсадная утка, нас заманили в засаду! Готовь оружие!

И, обернувшись к мнимому мертвцу, прорычал:

— Сейчас я отрежу тебе настоящий нос, гаденыш!

— Не так резво, шакалий выродок, — раздался тут из-за спин шуххрийцев сильный молодой голос, — сначала посчитайся со мной!

Воры отступили к алтарю, вытаскивая из-за поясов кривые кинжалы. Они боялись нежити, но человек, стоявший перед ними с тяжелым аквилонским мечом в руках, был из плоти и крови, и с ним можно было драться. Или договариваться, смотря как повернется.

Вглядевшись в лицо невесть откуда взявшегося стражка, Ахбар признал молодого киммерийца, не так давно объявишегося в Шадизаре и уже успевшего завоевать известность не только среди обитателей Пустыни, квартала вседесущих воров и веселых бандитов. С варваром его связывали кое-какие дела, не слишком для Кривого приятные, и потому он предпочел натравить на северянина свору своих прохвостов, чем самому вступать в поединок.

— Убейте его! — завопил Ахбар, размахивая над головой саблей, но не двигаясь с места. — Вы что, не видите, он один?!

Схватка, случившаяся затем на скорбном холме, была короткой и полностью бесславной для шуххрийцев. Их было семеро, но трое сразу же предпочли исчезнуть во мраке, оставив на поле боя мешки с судейским золотом в качестве боевых трофеев Конана. Пришедший в себя турец атаковал варвара с яростью носорога, однако оказался столь же неповоротлив, как и этот толстокожий обитатель джунглей, покрывающих Черные Королевства.

Легко уклонившись, киммериец пропустил краснорожего под руку и успел полоснуть острием меча по спине противника, распоров халат и широкий кушак, поддерживающий малиновые шаровары. Штаны упали, обнажив мощный зад туранца, тут же получивший сильнейший пинок конанова сапога. Незадачливый боец охнул, выронил саблю и, путаясь в штанинах, бросился прочь — только кусты затрещали. Двое воров, попытавшиеся вонзить свои ножи северянину под лопатки, поплатились сломанными носовыми перегородками и вывихнутыми челюстями: киммериец не стал марать о них меч, ограничившись тычками кулака, сжимавшего массивную рукоять. Тонко повизгивая, эти двое исчезли вслед за остальными «братьями».

Настал черед Ахбара. Понимая, что ему столь легко не отдалиться, Кривой подбодрил себя душераздирающим воплем и наскочил на киммерийца, как дурной петух на быка. Клинки скрестились, и звон оружия осквернил печальную тишину шамашана. Звон, впрочем, продолжался недолго: сабля одноглазого сломалась, и Кривой оказался на земле, прижатый сверху тяжелым коленом киммерийца.

Ахбар зашипел, как раздавленный гриб-пылевик, и стал просить пощады.

— Говори, ублюдок, где мне искать мальчишку, который продавал боевых собак? — спросил варвар, слегка надавливая коленом.

— Не знаю, — захрипел Кривой, — один раз его видел..

— Он сказал, кого именно ты должен уговорить в Шадизаре?

Ахбар промедлил с ответом, и его грудь лишилась очередного глотка воздуха.

— Да, да! — просипел шуххриец. — Он назвал свое имя.. Отпусти, ради всего, что ценишь!

— Больше всего я ценю правду, — наставительно молвил варвар, — если назовешь имя прохвоста и скажешь, где его найти, останешься жив.

Кривой задергался, на губах его выступила пена. Нога северянина давила, словно рухнувшая с горных отрогов каменная глыба, перед глазами плыли оранжевые круги.

— Не зна... — выдохнул он, силясь выскользнуть из-под страшного груза.

Вдохнуть Ахбар уже не смог.

Похлопав одноглазого по остывающим щекам и убедившись, что шадизарский погост приобрел еще одного обитателя, варвар поднялся и отправился проводить Шелама.

Алтарь был пуст.

Конан окликнул коротышку. Тишина.

Решив уже, что Ловкач задал стрекача, убоявшись попасть под горячую руку шуххрийских воров, Конан собрался поискать приятеля, как вдруг с каменного навеса ему на голову посыпался мелкий мусор. Отойдя на пару шагов, киммериец глянул вверх и обнаружил Шелама, сидящего на фоне звезд в позе вендийского божка. От земли до крыши было не менее пятнадцати локтей, державшие плиту столбы — круглые и гладкие, и как Ловкач оказался на своем месте, понять было трудно, если не сказать больше.

— Я зря называл тебя бесхвостой курицей, — сказал Конан, проникнувшись вдруг уважением к невероятным способностям замухрышки, — ты орел, Ши.

— Сними меня отсюда, — жалобно попросил тот, лязгая зубами, — о пантера ловкости и ягуар бесстрашения...

Но даже привыкшему к скалистым горам своей холодной родины киммерийцу не удалось сообразить, как можно взобраться на крышу алтаря без лестницы, веревки с крюком или, на худой конец, крыльев.

Пришлось Шеламу прыгать в подставленные варварам руки.

Оказавшись на земле, Ши по-собачьи отряхнулся, глянул вверх и бодро сказал:

— Ну, отсюда смотрится не так уж страшно,

И, по своему обыкновению, принялся ожесточенно чесаться.

Конану не терпелось заглянуть в мешки, оставленные бежавшими ворами, но он решил поначалу покончить с делом. Приятели отправились к плоскому камню, под которым было спрятано тело Козлиногого судьи.

— Водрузим Раббаса на его законное место, а в яму сунем Кривого, — сказал киммериец, приподнимая край плиты. — Потом перетащим мешки за ограду. Когда явятся Чилли с Ахбесом, заберем. Эй, что с тобой?

Ши Шелам стоял на краю ямы, с ужасом глядя себе под ноги. Челюсть его лязгала, глаза остекленели.

Отвалив камень, киммериец тоже глянул вниз.

Давеча они положили тело судьи навзничь. Теперь Раббас лежал на животе. Луна тускло освещала редкие волосы на затылке и скрюченные, унизанные перстнями пальцы, ногти которых утонули в земле, словно мертвец царапал склон ямы, тщетно пытаясь выбраться из-под плиты.

Ши охнул и стал оседать на землю..

8.

За недолгую еще жизнь варвару редко приходилось баловать свое тело на мягких ложах. В родной Киммерии постелью ему служили волчьи и медвежьи шкуры, которыми пользовались и в качестве плащей, и как подстилками во время еды. Гладиаторские казармы Халоги, где Конан, плененный гиперборейцами, провел некоторое время, оставили в памяти могильный холод и вонь гнилых соломенных тюфяков. Случалось ему леживать и на жестких немедийских культерах, и на бритунских матрасах, набитых прелыми листьями, но все это, конечно, не шло ни в какое сравнение с мягкими диванами и атласными подушками в доме Шейха Чилли.

Напитки тоже выгодно отличались от кислой браги и сомнительного пойла, которое в шадизарских духанах выдавали за вино. Золотистое пуантенское в тонких серебряных сосудах, приготовленное трудолюбивыми селянами

виноградной аквилонской провинции, аргосский хайрес в стеклянных зеленых бутылках, запечатанных пробками с гербами винодельческих гильдий, шемский арак в керамических амфорах, вендиjsкое пальмовое вино в кувшинах с длинными изогнутыми носиками, пиво в кружках из красной меди, прикрытых изящными крышками с драконьими головами..

Возлежка на широком диване возле низкого круглого стола на львиных лапах, киммериец наслаждался жизнью в одиночестве. Шейх Чилли с утра отправился по делам во дворец наместника Шадизара (какие уж то были дела, можно было только догадываться), Ловкач Ши побежал в свою лавку, готовиться к закупкам товара: он собирался возобновить торговлю посудой и утварью.

Пожалуй, теперь коротышка мог купить не только блюда, подносы, тазы и кальяны, но и пол Заморы в придачу. В подвалах дома на набережной лежала в крепких сундуках его доля богатств, отданных сыновьями Козлинного судьи согласно посмертной воле отца, оглашеннной с погребального алтаря не без участия самого Ловкача. Чтобы вывезти все деньги, пришлось прикупить у какого-то Каира верблудов — по завышенной цене, конечно.

Доля Конана хранилась в тех же подвалах, но была несколько больше: Шейх Чилли рассудил, что добыча шуххрийских воров взята киммерийцем по всем правилам воинского искусства и полностью принадлежит северянину.

Только одну вещицу он попросил себе: шкатулку из атлайского ореха с небольшим серым камешком внутри, которая оказалась в узле, брошенном краснорожим туранцем.

Чилли был весьма опечален, когда братья не смогли найти шкатулку в опустошенных ворами кладовых своего дома. Казалось, даже звон золотых монет, ссыпаемых в мешки, не мог рассеять его мрачных мыслей. Ают заикнулся было повременить с долгом, ссылаясь на убытки, нанесенные ночными татями, и Чилли только грустно и рассеянно кивнул головой, однако Бехмет тут засуетился, нао-

рал на младшего брата и настоял на том, чтобы отдать всю сумму.

— Мы должны исполнить волю отца, — сказал он. — Сейчас, когда тело его с первыми утренними лучами обратилось в прах на погребальном алтаре, а душа отправилась на Серые Равнины, наш долг свято соблюдать его последнюю волю. Выполнение данных обещаний отличает человека почтенного от безродных прохвостов, кои столь многочисленны, увы, в государстве нашем. Не так ли, уважаемый Дарбар?

— Это так, — согласился Чилли, — я тоже исполнил то, что обещал, и пришло тебе... мн-э- э... лекарство. Жаль, конечно, что шкатулка пропала, камень был дорог нашей семье как память, но, видно, ничего тут не поделаешь.

Когда «память» обнаружилась среди трофеев Конана, киммериец поинтересовался, чем на самом деле столь дорог Чилли невзрачный с виду камешек. Шейх объяснил, что это редкий минерал, который станет украшением его коллекции. Варвар слышал, конечно, что существуют чудаки, собирающие разную чепуху — птичьи перья, окаменевший помет, оловянные пуговицы или черепки битой посуды — но подобные страсти были выше его разумения, поэтому Конан не стал вдаваться в расспросы. Чилли спрятал шкатулку в свою сумку, где лежали плащ, корона, жезл с кисточкой и желтая накладная борода, а, вернувшись домой, отнес покрытый лаком орех с камнем внутри на ледник. Он так настаивал, что варвар даже заподозрил в камешке простой кусок засохшего дерьяма, которое в тепле может не слишком приятно пахнуть.

Попивая изысканные вина под сенью двух опахал, которыми усердно помахивали хорошенъкие служанки, киммериец наслаждался жизнью. Пожалуй, теперь он сможет купить дом не хуже, чем у Шейха. Где-нибудь в Аренджу-не, а еще лучше в Хоарезме, на берегу теплого моря Вилайет, по которому скользят разноцветные паруса лодок и кораблей. Он станет посиживать в мягких креслах, а

прекрасные наложницы будут танцевать перед ним в своих полупрозрачных одеждах. Много наложниц, много вина, хорошей еды и преданных слуг...

Кстати о слугах: куда девался этот пройдоха Ахбес? Или все еще воображает себя отцом почтенного семейства и курит кальян в хозяйской спальне?

Ахбес явился на зов с большим блюдом корме-сабзи и чистыми утиральниками. Аппетитные кусочки мяса утопали в листьях всевозможной зелени, искрясь янтарным соком и распространяя изумительные запахи. Рот Конана тут же наполнился слюной, он запустил пальцы в скворчащую гору и ублажил желудок доброй пригоршню бараньей плоти.

— Садись, плут, — сказал киммериец, прожевав мясо, — закуси, выпей... Развлечешь меня.

Участие в недавнем совместном предприятии примерило Ахбеса с варваром. Хромой уже не вспоминал о своем головокружительном полете, окончившемся весьма болезненным приземлением среди осколков разбитой вазы. Кроме того, он справедливо полагал, что хорошие отношения со столь храбрым воителем могут пригодиться впоследствии, поэтому не заставил себя уговаривать, присел на подушки и принялся за еду.

— Ходил на рынок? — спросил Конан.

Ахбес кивнул.

— Что слышно в городе?

Ахбес запил мясо кислым молоком из деревянной чашки (варвар при сем поморщился, он не любил кислое молоко) и сказал, вытирая пальцы:

— Все только и болтают о предстоящей женитьбе сына светлейшего Хеир-Аги. Молодой Агбей прибыл вчера из Хоршемиша, где постигал премудрости науки. И случилось при сем странное событие...

Приказчик помолчал, ожидая вопроса, не дождался и продолжил:

— Когда лодка с сыном наместника двигалась по Большому Каналу, к ней подплыл утлыи челнок. В нем сидела

юная девушка, прекрасная, как майская роза. Она пересела в лодку молодого Агбеля, а потом последовала за ним во дворец.

— Что же тут странного, — не понял Конан, — может быть, он купил себе невольницу...

— Посреди Большого Канала? — хитро прищурился хромой. — Да и продавцов что-то не замечалось.

— Тогда это подарок родителей, — предположил варвар, — наместник решил сделать сыну приятное и послал к нему девицу.

— Ага! — радостно воскликнул Ахбес. — Все так думали, да и Агбей тоже. А встречавшие решили, что он привез наложницу из Кофа, и ни о чем не стали спрашивать. То-то было смеху, когда девица, проведя ночь с сыном наместника, наутро исчезла вместе с его драгоценностями!

— Ты откуда узнал?

— Знаком с поваром светлейшего. Да об этом уже весь Шадизар судачит!

Киммериец отправил в рот очередную порцию мяса, задумчиво пожевал, потом глотнул хайреса и спросил:

— Не по этой ли причине отправился Шейх во дворец Хеир-Аги?

— Именно, — отвечал Ахбес, заговорщики оглядываясь, как бы не замечая служанок и отыскивая соглядатаев посеребреней, — скажу тебе по секрету, хозяину не впервые оказывать подобные услуги важным персонам. Всем известно, что мой господин отыскал украденных коней почтенного Кашальбека и вернул перстень с печаткой сотнику Буруку. Найдет и драгоценности, помяни мое слово.

И приказчик важно надул щеки, гордясь тем, что служит у столь знаменитого человека.

Конан не стал спорить — найдет так найдет. Ему дела не было до драгоценностей молодого Агбеля, там более, что своих было навалом. Только дождаться, когда Чилли отсчитает его долю, и можно двигать на все четыре стороны: богатый везде дома. Чтобы скоротать время в ожидании хозяина, киммериец предложил покидать кости.

Они играли до вечера, опустошая сосуды с напитками и погреб с продуктами. Когда кончилось жаркое, принялись за соленую свинину с бобами, вяленую индюшатину и копченые языки. Ахбес не отходил от стола, гоняя за съестным служанок: ему везло.

Вскоре возле приказчика выросла кучка палисандровых зубочисток — каждая стоимостью в десять золотых согласно уговору. Ахбес дрожащими руками сгребал зубочистки себе в пояс, предвкушав, как варвар обменяет их на звонкие монеты. Конана проигрыш особо не трогал: стоит ли печалиться толстосуму — сотней монет больше, сотней меньше.. Сколько именно причитается ему денег, варвар до сих пор не знал. Он попытался вычислить четверть от двухсот тысяч и разделить остаток на три, но столь сложные расчеты оказались ему не по плечу, и он успокаивал себя тем, что кучка зубочисток, даже помноженная на десять монет каждая, все же гораздо меньше горы золота, ожидающей в подвале.

Однако, когда при его десятке Ахбес выкинул одиннадцать очков, киммериец понял, что боги сегодня сидят в своих небесных чертогах к нему спиной, и заявил, что игра окончена.

— Ты и так слишком богат для простого приказчика, — сказал он, — обладание же излишними ценностями, по словам твоего хозяина, является основой всех пороков. Именно потому Шейх так усердствует, изымая сии ценности у их владельцев. Он противник пороков. Так что отправляйся-ка лучше в лавку и предайся безгрешной жизни..

Ахбес не стал спорить и ушел, а Конан всецело отдался томной грусти, вызванной обильными возлияниями и сытной пищей. Не хватало только тепла: камини в заморских домах не делают, для обогрева служат горелки, называемые «корси» — низкий столик, под ним жаровня с горячими углеми. Его сверху накрывают одеялом, сидят вокруг, подсовывая ноги под одеяло, и отогреваются. Ничего подоб-

ного в комнате не было, по полу тянуло осенними сквозняками, приносившими запах яблок и сжигаемых листьев.

Вспомнив о тепле, киммериец вернулся мысленно на берег ласкового моря Вилайет, в дом, который он купит, и где прекрасные наложницы станут ублажать его взор изысканными танцами. Картина была столь отчетливой, что Конану захотелось ее немедленно осуществить.

Так захотелось, что боги в небесных чертогах услышали эту немую мольбу.

Конан уже намеревался приказать служанкам скинуть длинные бурнусы и изобразить что-нибудь зажигательное, на что девицы вряд ли были способны, как появился Ахбар в роли посланника небожителей. За ним следовала высокая старуха в черном и некое воздушное существо в расширенной золотой нитью синей накидке. Лицо существа скрывала густая кисея, но по плавным движениям и тонкому благоуханию, заполнившему комнату, Конан понял, что это молодая девушка.

— Я говорил им, что хозяина нет дома, — с порога принялся оправдываться хромой приказчик.

— А это кто? — спросила старуха, бесцеремонно указывая костлявым пальцем на киммерийца.

— А это? — передразнил ее Конан, махнув в сторону девушки.

— Я должна плату почтенному Чилли за некоторые услуги, — сердито сказала старуха, — вот, привела ему падчерицу. Она знает восемьдесят три способа любви и умеет танцевать.

— Ай да Шейх! — хохотнул варвар. — А еще прикидывается, что не любит женщин. Подозреваю, он посадит красотку в чулан и станет извлекать ее оттуда только ночью, да и то раз в седьмницу. Восемьдесят три способа? Не знаю, что ты имеешь в виду, но Чилли как-то прочел мне из своей сафьяновой книжки: «Любовь — это пламя, пожирающее тело и иссушающее ум». Или что-то в этом роде. Так что, думаю, он охотно уступит мне твою падчерицу, конечно, если ты не врешь насчет танцев.

Старуха обиженно пожевала сухими губами.

— Зачем мне врать, — сказала она, — если достопочтенный Шейх Чилли захочет ее продать, мне все равно. Но учи, юноша, она стоит больших денег.

— Я богат, — небрежно бросил варвар, подкидывая и ловя ртом сливы, — пусть покажет, на что способна.

— Хорошо, — кивнула старуха, — я оставлю ее здесь. У меня много дел, а уж вы сами разбирайтесь, кому она достанется.

И с этими словами она удалилась, даже не поклонившись.

Конан поманил рукой девушку, и та приблизилась мелкими шагками.

— Как тебя зовут?

— Нана.

— Покажи лицо.

— Нет, господин. Я принадлежу почтенному Шейху Чилли, и только он может на меня смотреть. Если меня увидит кто-нибудь другой, я умру.

— Почему это?

— Таков закон народа харубеев.

Конан никогда не слышал о народе харубеев, но знал, что на Востоке женщины часто прячут лица от чужих взглядов. Суть этого обычая была ему не понятна, варвар полагал, что красивая мордашка — лучшее, что может быть у девушки. Ну, если не считать того, что под одеждой.

— Хорошо, Нана, — сказал он, — когда твой новый господин продаст тебя мне, я загляну под твои покровы. Но, думаю, они не помешают тебе станцевать?

Девушка не ответила. Бедра ее стали медленно покачиваться, она двинулась по кругу, притопывая босыми ногами, позванивая крошечными колокольчиками на щиколотках, делая змеевидные движения своим гибким телом под тонкой накидкой. Движения все убыстрялись, ткань закружилась вокруг ее ног, высоко взлетая и обнажая стройные бедра, и киммериец понял, что девушка нагая под своим темно-синим, расшитым золотой нитью одеяни-

ем. Когда она поднимала руки, ткань натягивалась на груди, и легко было заметить ее большие соски, окрашенные хной в ярко-красный цвет.

Это был танец «гедра», который часто исполняли танцовщицы в духанах. Но, боги, как же отличались грациозные, исполненные влекущего очарования движения этой девушки от грубо откровенных подергиваний продажных плясуней!

Ее черные волосы выбились из-под головного убора, кисея взлетала, открывая на миг тонкое бледное лицо с огромными глазами, и вновь опускалась, скрывая черты, бусы описывали кольцо вокруг стройной шеи. Девушка вращалась так быстро, что ее одежда стала подниматься подобно бусам, и вскоре два диска — пестрый, вокруг шеи, и синий на уровне груди — окружили танцовницу. Призываю мелькали плоский живот и белые ягодицы...

Потом она, должно быть, потянула за невидимый шнурок, ее одежда сорвалась, подобно синекрылой птице, и мягко опустилась на ковер возле дивана. Девушка застыла обнаженная, на ней был лишь головной убор с покровом, прикрывавшим лицо, бусы и колокольчики на щиколотках, сопровождавшие ее стремительный танец тонким манящим перезвоном. Грудь танцовки часто вздымалась, але ли большие соски, живот был втянут, словно для того, чтобы подчеркнуть темный треугольник в том месте, где сходились ее трепещущие бедра. Она была — сама женственность, сама чувственность, само вечное желание...

Ахбар вскрикнул и закрыл лицо руками.

— Пошел вон! — рявкнул Конан, и приказчик тут же испарился, словно и вправду был бесплотным посланцем богов.

Миг — и, подхватив легкое горячее тело, варвар оказался с девушкой на диване.

— Свет, — услышал он прерывающийся шепот, — погаси лампу..

Конан приподнялся на локте и дунул в сторону светильников. Огонь затрепетал и погас, комнату окутал по-

лумрак. Рыча и постанывая, киммериец срывал с себя халат...

Варвар действительно не понял, что подразумевала струха, поминая восемьдесят три способа любви. Он использовал один, проверенный, зато был в нем неутомим, как молодой тигр. Луна уже высоко висела над крышами Шадизара, когда он наконец почувствовал приятную истому и погрузился в блаженный сон.

И все же ни вино, ни любовные игры, ни мягкое ложе не смогли погасить в нем природную чуткость ко всякой опасности. Легкое прикосновение чего-то холодного к руке заставило варвара вскочить и схватить лежавший на столе кинжал.

В тот же миг он услышал испуганный женский крик, увидел, как Нана приподнялась на локте и тут же упала обратно на подушки. Тонкая серебристая струйка соскользнула с ее обнаженной шеи — Конану показалось, что упали бусы. Но струйка потекла по ковру, поблескивая в лунном свете, он понял, что это змея, и точным ударом отсек ей голову. Потом склонился над девушкой.

Луна была яркой, киммериец увидел широко распахнутые, застывшие глаза Наны и маленькое темное пятно чуть повыше ее ключицы. Он припал губами к ранке и постарался отсосать кровь.

— Поздно, — услышал он едва различимый шепот, — шаккуза... Мое лицо... ты увидел... боги наказали...

Тело девушки вздрогнуло и вытянулось.

Варвар опустил ей веки и зажег лампу. Он спокойно относился к смерти. Сам бывал на волосок, да и убивал не мало. И все же в груди его что-то дрогнуло, когда он увидел лицо девушки при свете — такое знакомое, такое милое, такое мертвое...

Кликнув Ахбеса и еще одного слугу, он приказал им обернуть тело покрывалом и отнести на ледник. Потом осушил кувшин самого крепкого вина и уснул без сновидений.

9.

Его разбудил птичий шум за окном, яркое солнце и голосок Шелама, вопрошающий о чем-то жалобно и плачально.

— Значит, я ее больше никогда не увижу? — разобрал киммериец слова коротышки.

— Увидишь, но только издалека.

Отвечал Шейх Чилли. Конан открыл глаза и увидел, что его подельники сидят напротив, и что у хозяина дома лицо скорбное и унылое, словно он мучается животом.

— Нашел драгоценности Агбея? — спросил варвар, поднимаясь с дивана. Он ополоснул лицо из кумгана, вылив воду прямо на ковер, и поиском глазами какого-нибудь животворного напитка на столе.

— Нет, — отвечал Чилли тусклым голосом, — но я нашел ту, кто их украла.

— И где же она?

Варвар обнаружил наконец кувшин с пивом и приспал к горлышку.

— Сейчас, думаю, во дворце наместника. А ночевала сия дама у нас на леднике.

Конан чуть не поперхнулся. Отставил сосуд, вытер губы и взорвался на хозяина дома, словно увидел крокодила под зонтиком.

— Что-то многовато оживших мертвцов, — сказал он немного погодя, — Ловкач, Раббас, а теперь еще эта Нана...

— Она такая же Нана, как я стигийский маг, — зло буркнул Чилли. — Зовут ее Фитис, она дочь покойного землевладельца Аддемекара.

— И она украла побрякушки сынка Хеир-Аги?

— И мою посуду, — вставил Шелам.

— Его посуду, одежду и твои деньги, Конан, подсунув собак и коня своего отца, которые послушно убежали из сарая по ее свистку.

— Постой, — перебил киммериец, чувствуя, как начинает кружиться голова, — что ты мелешь! Ведь животных мне продал усатый юнец!

— Если у чародея Дарбара есть желтая борода, а у мнимого Раббаса еще и фальшивый нос, почему бы женщине не переодеться в мужское платье и не наклеить усы?

— То-то мне показалось знакомым ее лицо, когда я засветил вчера лампу, — пробормотал растерянно варвар. — Но она была мертва!

Чилли взял что-то из деревянной чашки и протянул Конану. Это была змеиная голова на обрубке чешуйчатого тела.

— Шаккуза, — киммериец потрогал голову пальцем, — опасная тварь. Маленькая, а от укуса умирают почти сразу.

— Кусают зубами, — проворчал Чилли и нажал с двух сторон от пасти гадины.

Пасть открылась. Страшные зубы были спрятаны у самого основания.

— Яд выдавили, — сообщил Шейх, — змейка не опасней песчаной ящерицы.

Конан потер лоб, силясь что-либо понять. Признавшись себе, что не в силах этого сделать, он потребовал объяснений.

— Две седмицы назад в этой комнате появилась женщина под темным покрывалом, скрывавшим лицо, — начал Шейх Чилли, бросив змеиную голову обратно в чашку и брезгливо вытирая пальцы. — Она сказала, что ее отец, почтенный Аддевекар, умер и оставил ее без гроша. Незадолго до своей кончины он якобы одолжил большую сумму судье Раббасу из Северного предместья, не взяв с того расписки. Теперь судья все отрицает, и Фитис просила меня оказать ей услугу: вернуть деньги и маленькую шкатулку из атлай-

ского ореха, в которой хранится некий невзрачный камешек.

Я попросил время, чтобы обдумать дело, а сам навел кое-какие справки. Мне стало известно, что Аддевекар никогда не давал в долг даже медную полушку и вообще мало с кем поддерживал отношения, живя единственно в своем поместье и отдаваясь полностью единственной страсти — разведению боевых собак и коней. Никто и никогда не видел землевладельца в доме судьи, а Раббас никогда не бывал в поместье землевладельца.

Немного поразмышлив, я пришел к выводу, что одолженные якобы деньги — только предлог, чтобы соблазнить меня, пустившись на хитрость, выудить у судьи шкатулку с камнем. Следовательно, камень сей должен иметь большую ценность, о чем Раббас должен был знать, иначе Фитис просто могла бы купить у него то, что ей требовалось.

Я отправился в городской скрипторий и засел за древние рукописи. И в одном манускрипте, начертанном стигийским письмом, натолкнулся на то, что искал. Говорилось там о Змеином Камне, зреющем в капюшоне кобры, невзрачном с виду, но обладающем столь волшебными свойствами, что цены ему нет...

— Значит, это не сухое дермо и не минерал, как ты говорил, а настоящая драгоценность? — прервал его рассказ варвар.

— Для тебя он не представляет никакой ценности, — улыбнулся Шейх, — во всяком случае, пока. Змеиный Камень можно использовать только один раз: приготовить из него снадобье и выпить, если доживешь до восьмидесяти лет от роду. Тогда происходит омоложение, и человек снова становится сорокалетним...

— Фу! — фыркнул киммериец. — Стоит ли стараться? В сорок лет мужчина уже мало на что годится.

— Доживи и убедишься, что это не так, — сказал Чилли. — Но не станем отвлекаться. Итак, я стал думать, зачем юной девушки понадобился Змеиный Камень. Для отца? Но он мертв. Для любимого? Трудно представить восьмидесятилетнего любовника.

— Я бы сразу догадался, — перебил вдруг Ловкач, — все знают, что объявил Хеир-Ага два года назад.

— Меня тогда еще не было в Шадизаре, а посему прошу извинить, — насмешливо поклонился ему Шейх. — Сплетники уже устали чесать языками, и я не сразу узнал, что наместник поставил сыну условие повенчать его лишь с той, за которую дадут в приданое сию чудесную панацею. Хеир-Ага хоть еще и не стар, но жить собирается долго и, как видно, не один раз.

— Болтали, что такого камня вовсе не существует, — вставил Шелам, — а наместник просто разозлился за что-то на Агбэя и решил его таким образом наказать. Потому и с глаз долой убрал, в Хоршемише учиться.

— Как видим, Змеиный Камень существует, — продолжил Чилли. — Когда все стало на свои места, я вывел следующее умозаключение: Фитис втайне влюблена в Агбэя и хочет во что бы то ни стало стать его законной женой. Неплохая, надо сказать, партия, если учесть титул и состояние. Чего тут больше — любви или корысти — судить не берусь.

— Но откуда камень взялся у судьи? — спросил Конан.

— Думаю, Раббас навсегда унес эту тайну на Серые Равнины, и даже стигийская магия не поможет ее узнать. Как Фитис признала, что у судьи имеется то, что ей необходимо, мне тоже доподлинно не известно, но, думаю, здесь не обошлось без Аюма, который втайне от отца сватался к прекрасной дочери Аддевекара.

— Этот жирный боров! — презрительно воскликнул киммериец.

— Она ему, конечно, отказалась, — сказал Чилли, потирая гладкие щеки, — но решила завладеть камнем во что бы то ни стало. Далее события развивались следующим

образом. Аддевекар умер, и дочь осталась хозяйкой имения. Она решила действовать незамедлительно. Ее не остановил даже мой отказ...

— Не понимаю, почему ты решил ей отказать? — спросил Ши.

— Потому что тоже хочу жить долго, — сказал Шейх, — Фитис имела на Змеиный Камень не больше прав, чем я. О боги, если бы я знал, для кого стараюсь...

— Но зачем ей понадобилось опустошать лавку Ши и подсовывать мне собак? — недоуменно спросил варвар, которому вся эта истории казалась совершенно невероятной.

— Все очень просто, — вздохнул Чилли, — она просто хотела меня поторопить. Знала, что я не стану приниматься за дело без помощников. По Шадизару гуляли слухи о некоем северянине и еще одном человеке по прозвищу Ловкач, которые однажды вместе со мной участвовали в одном хитром деле. И Фитис смекнула, кто мне нужен. Но Ловкач превратился в преуспевающего лавочника, у северянина тоже были деньги. Тогда она и разыграла два небольших представления, целью которых было вас разорить и свести под крышей моего дома.

— Три представления, — добавил Ши, — она еще украла мою одежду.

— Когда Конан рассказал мне историю с собаками и боевым конем, я, конечно, догадался, кто за ней стоит, но ничего не стал говорить киммерийцу: хотелось посмотреть, что будет дальше. Решил, что Фитис просто отыгryвается на моих друзьях. Я принял вызов и поспешил завладеть камнем. Как вы знаете, наше предприятие увенчалось полным успехом. Я подкупил жрецов, чтобы они благословили ночное действие на шамашане, подарил Бехмету горшок вендиjsкого банга — сильнейшего наркотического зелья, к коему сей достойный сын своего отца имеет пагубное пристрастие — и намекнул, что подкину еще. После того, как наш храбрый Шелам успешно изобразил ожившего мертвца и объявил, что братья должны вернуть деньги и

шкатулку, отступление было отрезано, и Бехмет вынужденно распрощался со второй молодостью. Он знал о Змейном Камне, но, думаю, предпочел долгой жизни туманные видения, вызываемые вендижским зельем. Правда, в одном я перестарался: произнес для пущего эффекта настоящее стигийское заклинание, переписанное в сафьяновую книгу из одной древней рукописи. Эффект превзошел ожидания: несчастный Раббас ожил и даже пытался выбраться из ямы. Впрочем, второе заклинание позволило его душе отлететь на Серые Равнины.

Я ждал, что Фитис постарается завладеть камнем, и, признаться, даже приписал вылазку шуххрийских воров ее усилиям. Боги, как я недооценил эту женщину!

Вчера утром, когда за мной пришли из дворца наместника, удивленного дерзким похищением драгоценностей, я решил, что Фитис отважилась на этот отчаянный шаг, чтобы хотя бы ночь провести со своим возлюбленным. Хеир-Ага был весьма доволен, что я сразу объявил имя похитительницы. Мы отправились с небольшим отрядом в имение покойного Аддемекара, но никого там не обнаружили. Мне надо было сразу догадаться, что Фитис задалась целью выманить меня из дома!

Она явилась сюда в сопровождении своей старой няньки и блестяще разыграла последнюю сцену задуманного ею спектакля. Страстные объятия молодого пылкого киммерийца, змея, лишенная яда, которую она заранее спрятала в складках одежды.. Оставалось только проглотить лист дерева акчар, сок коего дарит некое подобие смерти, чтобы оказаться в самом холодном месте дома, где, согласно всем предписаниям, и должен храниться Змейный Камень. Тонкий расчет и бесстрашный танец на лезвии ножа... О Индра, что за женщина!

Шейх Чилли умолк и впервые за многие годы сделал глоток вина.

— Одного не понимаю, — сказал Конан, последовав этому добруму примеру, — как она выбралась из подвала?

— Исчезновение Ахбеса все объясняет, — рассеянно отвечал Чилли, — думаю, она его подкупила.

— Прямо не женщина, а демон какой-то, — проворчал варвар, — не проще ли было дать хромому денег, чтобы он сам вынес камень?

— Может быть, и проще, — задумчиво молвил Шейх Чилли, — но, сдается мне, Фитис немало времени провела за вендижской игрой, двигая фигуры по черным и белым клеткам. А в игре сей ценится не только победа, но и изящество комбинаций...

Стук в дверь прервал его слова. Вошел слуга и доложил, что хозяина желают видеть. Следом появилась высокая старуха в черном.

— Госпожа передает приветы почтенному обществу, — сказала она не слишком любезно, — и просит в знак уважения принять подарки.

— Где она? — вскричал Шейх, вскакивая.

— Во дворце наместника, — был ответ, — готовится к свадьбе. Подарки во дворе.

Шейх Чилли, Ловкач Ши и Конан-киммериец спустились вниз.

Вдоль ограды аккуратно стояли кувшины, горшки, блюда, супницы, котлы, сковороды, курильницы, жаровни, бочонки — вся посуда и утварь из лавки Шеллама.

А в тени под навесом лежали на траве огромные псы в железных масках и шипастых бронях и стоял великолепный конь с железными когтями на копытах и белой отметиной на задней ноге.

* * *

В тот вечер Шейх Чилли записал в «Книге тысячи песчинок»:

«Напрасно мужчины гордятся красотой и мудростью; в сердцах у женщин с изогнутыми бровями

всесильный бог любви делает, что хочет. Когда сердце, как соломенная хижина, сгорает в огне любви, какой человек, как бы он ни был мудр, поймет замысел женщины? Это столь же невозможно, как старику подняться на горные пики, а ветреному юноше удержать богатство».

Конан ничего не ведал о сем изречении, и все же оно оказалось пророческим. Деньги легко пришли к варвару, сделав его богачом, и так же легко растаяли без следа.

Но это уже другая история.

ИРАНИСТАН

И. представляет собой вольное сообщество племен, обитающих южнее моря Вилайет, ныне оттесненных к югу от Турана. И. описан в единственной повести «*Огненный нож*», где повествуется о недолгом пребывании Конана на службе у Кобад-шаха, правителя И. И. упоминается и в романе Д.М.Робертса «*Конан и охотники за людьми*» (в рус.пер. «*Конан в цитадели трака*»)

История. По некоторым данным, племена, населяющие окрестности моря Вилайет, обитали здесь еще до Великой Катастрофы. Во всяком случае, они уже жили здесь во времена хайборийского переселения народов, то образуя королевства, процветавшие за счет караванных путей и торговли, то вновь распадаясь на враждующие кланы. И. является последнее из таких королевств. В 925г. н.п.А. некто Дибул сумел объединить племена в единую грозную силу, дабы защитить родные земли от нашествия гирканцев. В период наивысшего своего расцвета, незадолго до смерти Дибула в 970г. н.п.А., И. простирался от Замбулы до Косалы, от моря Вилайет до Зембабве. Однако после смерти Дибула между вождями племен начались неизбежные распри, что существенно облегчило гирканцам дальнейшие завоевания. Впрочем, как только кочевники захватили контроль над северными караванными путями, они оставили ослабленное королевство в покое, обратив основное внимание на Туран. В последующие 250 лет И. с Тураном находились в состоянии вооруженного перемирия. Южные границы И., гористые и каменистые, не позволяют развернуться прославленной гирканской коннице, а на севере пешим иранистанским воинам не под силу тягаться с туранскими всадниками. Большую часть времени Туран попросту игнорировал не слишком влиятельного соседа, не желая лишний раз вспоминать о былых военных неудачах. В последнее время, однако, тревогу Турана вызывает тот факт, что И. предлагает купцам новый караванный путь к югу от Вилайета. И хотя дорога по каменистым пустошам и необжитым *Ильбарским горам* под силу не каждому, все больше торговцев устремляются сюда, прельщенные низкими налогами, установленными шахом И.

Текущие дела. Аршак-шах, нынешний правитель И., пытается взять под контроль прилегающие к И. области. Но поскольку решить эту проблему обычным экономическим или военным путем оказалось ему не под силу, им была избрана тактика периодических военных вылазок в сторону Турана, в надежде, что перед лицом ответной гирканской угрозы большинство племен предпочтет объединиться под его властью. Данная политика показалась большинству советников хана опасной и даже заставила усомниться в здравости рассудка правителя, однако вскоре она начала давать плоды. Правда, некоторые племенные вожди до сих пор убеждены, что лучший способ добиться мира с туранцами — это преподнести им голову Аршак-шаха.

Дорогие друзья!

Первая часть справочника
«Путеводитель по Хайбории» —
«Страны и народы: Агадея-Ап»
была опубликована в томе
«Конан и Сердце Аримана»,
вторая часть справочника
«Страны и народы: Аргос-Зингара»
в очередном томе
«Конан и Багровое Око».

Союзники и враги. Основным врагом И. является *Туран*. Королевство *Туран* располагается на землях, которые иранистанцы считают исконно своими, кроме того шах обвиняет гирканцев в том, что они обращают в рабство его подданных. *Туранцы* обычно игнорируют подобные заявления. Относительно добрые отношения поддерживает И. с *Шемом* и *Косалой*, но рассматривает их лишь как союзников против общего врага. Кроме того, у И. есть торговые соглашения с *Зембабеем*.

География. И. — это теплый край с умеренным количеством осадков, особенно на морском побережье. Однако почва здесь каменистая и неплодородная, поэтому большинство иранистанцев вынуждены жить охотой и рыбной ловлей. *Ильбарские горы* труднодоступны и почти не обжиты, изрезаны ущельями и каньонами. На севере, на горных плато селятся племена охотников. В *Друджистане* мест, пригодных для обитания, еще меньше.

Географический справочник.

Аншан (Anshan) — столица И.

Друджистан (Drujistan) — южная часть *Ильбарских гор*. Друджистан практически необитаем, долгое время считалось, что там обитают демоны.

Ильбарские горы (Ilbars Mountains) — горный массив на западе И. Горные перевалы открывают караванные пути, ведущие к *Харамунской пустыне* и в *Шем*.

Кушат (Kushat) — территория племени *кушафи* в Ильбарских горах.

Янайдар (Yanaidar) — йезмитский город в *Друджистане*, близ Ущелья Духов. По легенде, Янайдар был построен королем упырей *Урой*, и призраки *Уры* и его прислужников до сих пор населяют Янайдар.

Карта магических областей. В И. пониженный уровень магической энергии. *Друджистан*, благодаря своей недоброей репутации, обладает более высоким уровнем магии.

Общество и право. Большинство иранистанцев приземистые, широкоплечие, крепкого сложения. У них чуть смугловатая кожа, голубые или карие глаза и иссиня-черные волосы (подобно *шемитам*, с кем они находятся в отдаленном родстве). Бесчисленное множество племен в И. способны объединиться лишь против общего врага, каким является *Туран*, однако внутренние распри существенно подрывают силу государства. Каждому племени принадлежит определенная территория, остающаяся за ним многие века. Эти земли невелики и не представляют большой ценности, но являются воплощением независимости клана. Как заявил один из таких вождей: «Пусть себе шах правит в *Аншане*,

но эта земля принадлежит нам.» Основной властью в И. обладает *шах*, за ним следуют *калифы*, *эмисы*, *шайхи племен*, военные, торговцы, слуги и рабы. В И. отсутствует законодательная система как таковая. Незначительные проступки караются вождем племени. В случае тяжкого преступления, теоретически, слово шаха является законом, но на практике, если племя не согласно с решением правителя, оно попросту удаляется на свои родовые земли и поступает по своему. Различными монархами подобный шаг мог рассматриваться как проявление вольнолюбивого духа племен или как намеренное неповинование и предательство. В первом случае власть шаха оказывается еще более ослабленной, во втором же на подавление «восстания» направляются войска, что приводит к ослаблению всей нации в целом.

Религия. Пантеон И., равно как и йезмитский, подробно описаны в статье о хайборийской религии (*«Путеводитель по Хайбории. Часть 2»*)

Вооруженные силы. Иранистанцы обычно сражаются пешими, солдаты отличаются хорошей выучкой и полным отсутствием дисциплины. *Аршак-шах* также сделал попытку призвать на службу отряды наемников, в том числе и конных, однако трудности с оплатой вскоре могли свести это благое начинание на нет.

Язык. Иранистанский язык родственен шемитскому.

Имена и названия. Иранистанские имена напоминают персидские или арабские: *Балаш* (Balash), *Кобад* (Kobad), *Нанайя* (Nanaia), *Сассан* (Sassan), *Хакманни* (Hakmanni). Встречаются также туранские имена.

КЕШАН

К. — это одно из северных Черных Королевств, лежащее к югу от *Стигии*, к востоку от *Куша* и *Дарфара*, к западу от *Пунта*. Это варварское государство, с отдельными начатками культуры, оставшимися в наследство от свергнутых шемитских правителей. К. описан в повестях *Р. Говарда* «Сокровища Гвалура» и «Богиня из слоновой кости» (в рус.пер. «Воля богини Небетем»)

История. На первом этапе хайборийского переселения народов, страх перед варварами и внутренние распри в *Шеме* заставили часть шемитов рассеяться далеко к югу. Шемитские лидеры, потерпевшие поражение в войнах между городами-государствами, уводили своих соратников на юг, спасаясь от преследований. Один из таких отрядов пересек *Стигию* и достиг долины к востоку от *Куша*. Шемиты взели с собой таинственные самоцветы, именуемые «Зубы Гвалура». Они выс-

троили гигантский каменный город, названный ими *Алкменон*, скрыли там свое сокровище, поработили окрестные кушитские племена и окончательно осели в новых краях. Несколько поколений спустя, шемиты окончательно утратили налет цивилизованности, хотя и продолжали держаться особняком от кушитов. Со временем они забыли даже, что это их предки построили каменный город, и стали приписывать его возникновение богам. После чего оставили *Алкменон* и основали город *Кешию*. Одна из предсказательниц, принцессы Елайя (*Yelaya*), почтась ими превыше всех прочих. Принцесса была одной из последних чистокровных шемиток в *Алкменоне*, и после смерти тело ее было положено в саркофаг в королевском дворце. По словам жрецов, устами принцессы Елайи с ними говорили боги, и ее совета спрашивали по всем жизненно важным для королевства вопросам. Разумеется, жрецы и шаманы возвращались из *Кешии* в *Алкменон* для поклонения принцессе и Зубам Гвалура, которые со временем превратились в религиозные святыни. Изначально визиты в оставленный город были частными и обострялись с большой помпой и церемониями, однако позднее *Алкменон* стал внушать кешанцам страх, жрецы закрыли его ворота, оставив лишь несколько тайных входов для «посвященных», и город был объявлен табу.

Б о т - Я к и н (Bot - Yakin). Подобные запреты, даже усиленные таинственностью и каменными стенами, неизменно нарушаются. Шемитский некромант Бот-Якин прибыл в К. в 776г. н.п.А., обнаружил *Алкменон* и поселился там. С собой он привез свиту нелюдей, во всем покорных его воле. Жизнь Бот-Якина близилась к концу, большая часть магических сил уходила на то, чтобы удержать власть над демонами-служителями и продлить свое существование. Он обнаружил оракул Елайи и колдовством и хитростью сумел убедить жрецов, что мертвое тело Елайи и впрямь обладает даром речи. Из потайной комнаты к саркофагу Бот-Якин провел особую трубу, передававшую его голос, так что иллюзия говорящего оракула была полной. Он заставил жрецов спрятать сокровища в городе, надеясь похитить их, когда жрецы уйдут. Обман удался как нельзя лучше. Жрецы принялись задавать «Елайе» самые разнообразные вопросы, и вскоре Бот-Якин осознал, что сам угодил в ловушку. Он не смел показаться жрецам на глаза, ибо был бы немедленно убит как осквернитель святыни, и не мог прекратить обман, ибо жрецы заподозрили бы неладное. Так что «Елайе» пришлось отвечать на вопросы и дальше, а жрецы все шли и шли к ней. Бот-Якин был стар, даже для чародея. Со временем даже магия оказалась бессильна, и он понял, что скоро умрет. Своим слугам он дал указание мумифицировать свои останки и захоронить в пещере близ города. Это не остановило жрецов. Однако в следующий раз, когда они пришли к оракулу, его молчание показалось им подозрительным, и они взялись обыскивать город. Там их встретили чудовищные слуги мага, свободные ныне от его власти, и многие жрецы были убиты. Оставшиеся бежали из *Алкменона*, и безумные их рассказы отпугнули людей от древнего города на добрую сотню лет, вплоть до событий, описанных в «Сокровищах Гвалура».

Враги и союзники. К. поддерживает дружеские отношения с *Пунтом*, *Зембабве* и южными Черными Королевствами, однако из-за сложностей пути через джунгли связи между ними остаются ненадежными. К тому же, как повсюду в Черных Королевствах, подобные союзы легко нарушаются. Основным противником К. является *Дарфар*, где правят йоггиты. *Дарфарцы* часто устраивают налеты на западные кешанские селения, чтобы захватить в плен жертвы для своих кровавых церемоний, поэтому большая часть кешанских войск сосредоточена на западной границе.

География. Королевство К. отличается жарким и влажным климатом, большая часть территории занята джунглями. Центральные районы гористые, практически непроходимые. В джунглях в изобилии водятся оcelоты, змеи, тигры, в горах — козлы, медведи, и пр.

Географический справочник.

Алкменон (*Alkmeenon*) — столица шемитского государства, предшествовавшего К. Алкменон находится в небольшом, но широком ущелье и имеет несколько потайных входов.

Кешия (*Keshia*) — современная столица К. Кешия описывается, как «скопление крытых соломой хижин, теснившихся у глинистной стены, окружавшей дворец из камней, глины и тростника». («Сокровища Гвалура»).

Карта магических областей. К. представляет собой район со средним уровнем магической энергии с небольшими отклонениями в ту и другую сторону. В целом, магические способности кешанцев крайне ограничены.

Общество. У кешанцев более светлая кожа, чем у жителей *Дарфара* и *Пунта*, хотя, по сравнению с хайборийцами, их можно считать темнокожими. Они высоки ростом, худощавы, с овальными лицами. Благодаря тяжелым украшениям, которые они носят в ушах, мочка уха зачастую оттягивается у них на ширину ладони. Многое в кешанской культуре заимствовано ими у шемитских предков. Селения кешанцев строятся на каменном фундаменте, и тщательно расчищаемые дороги соединяют одно селение с другим, по всей стране. Правителем К. является король, ниже следуют жрецы, придворные, торговцы, воины, и пр.

Религия. Кешанцы поклоняются Елайе.

Вооруженные силы. Основу кешанского войска составляют пешие воины. Кавалерия, а также наемные части практически неизвестны и бесполезны в джунглях.

Языки. Кешанский язык представляет собой смесь кушитского и шемитского языков. Письменность отсутствует, хотя некоторые жрецы владеют архаичным шемитским письмом.

Имена и названия. Кешанские имена напоминают африканские и утратили все следы шемитского происхождения: *Бакумбе* (*Bakumbe*), *Горулга* (*Gorulga*), *Елайя* (*Yelaya*), *Оварунга* (*Owarunga*). Возможны и другие кушитские имена.

КАМБУЯ см. КХИТАЙ

КИММЕРИЯ

«Я помню
Под темными лесами склоны гор,
Извечный купол серо-сизых туч,
Печальных вод бесшумное падение
И шорох ветра в трещинах теснин.»

Р.Говард «Киммерия» (пер. Г.Корчагина)

К. расположена к северу от Аквилонии. К. — родина Конана. Люди в этих краях обитают уже свыше 4000 лет, однако киммерийцы по-прежнему остаются варварами. В К. происходит действие романа Д. М. Роберта «Конан отважный» (в рус. пер. «В чертоге Крома»). И хотя сам Р.Говард нигде подробно не описывает К., в тексте Мастера встречается достаточно намеков и указаний, чтобы составить довольно полное представление о родине Конана.

История. Киммерийцы являются потомками атлантов-колонистов, однако память о своем происхождении ими полностью утрачена. Жизненные тяготы закалили их, превратив в один из самых сильных и выносливых народов Хайбории. Уровень развития киммерийцев остается примитивным, хотя они заново открыли секрет обработки металлов и в культурном плане значительно превосходят пиктов. Их физическая мощь, упрямство и верность слову вошли у хайборийцев в легенду. Как заметил один гандер, «Киммериец никогда не делает то, что ему говорят, но всегда выполнит то, что скажет.» Поскольку киммерийцы не знают письменности, об истории этого народа трудно судить с точностью. Однако несколько событий выделяются своей значимостью, и сре-

ди них — осада форта Венариум. Гандеры отодвинули аквилонскую границу к северу, захватив южную часть К. и согнав обитавшие там племена с обжитых мест, и терпению варваров пришел конец. Киммерийцы приняли решение раз и навсегда изгнать гандеров с севера. Окровавленное Копье было передано от одного племени к другому, и у Стоящего Камня на Поле Вождей собралась орда. Тысячи киммерийцев с боевыми воплями устремились к югу, смыли защитников Венариума и сровняли форт с землей. Лишь немногим гандером удалось спастись и вернуться домой с единственным посланием: «Держитесь подальше от Киммерии».

Текущие дела. Конан, став королем, направил к своим сородичам послов, сообщив, что взял власть в Аквилонии. Однако пока трудно сказать, отнесутся ли киммерийцы к нему иначе, чем к прежним аквилонским правителям.

Враги и союзники. Основными союзниками киммерийцев являются ассыры. Они вполне разделяют любовь киммерийцев к сражениям, но в бою соблюдают те же обычай, что и соседи. Время от времени киммерийцы нападают на приграничные поселения ассыров (и наоборот), однако и те, и другие относятся к этому скорее как к забаве. В числе основных противников киммерийцев — ваныры и гиперборейцы. Войны между ними идут на уничтожение, и о примирении не может быть и речи, поскольку те захватывают киммерийцев в рабство, а для гордых варваров это страшнее смерти в бою. Киммерийцы воюют с Аквилонией всякий раз, когда хайборийцы пытаются захватить их территорию. Однако пока те соблюдают границы, киммерийцы торгуют с южными соседями без всякой враждебности. Кроме того, киммерийцы ненавидят пиктов, и войны между этими двумя народами не прекращаются со времен Великой Катастрофы. Обычно они стараются держаться как можно дальше друг от друга.

География. К. — это неприветливый, сумрачный край, окруженный неприступными горами. Почти весь год небо там затянуто тучами, а зимы — невероятно холодные. Зимой из Нордхейма в К. пробираются стаи волков, нападающие на стада; в горах водятся также белые и бурые медведи. Киммерийцы почитают хищников за хитрость и отвагу, однако беспощадно уничтожают волков, задирающих скот. Высоко в горах водятся также горные козлы, и некоторые киммерийские племена охотятся на них ради мяса и шкур.

Географический справочник.

Бен Морг (Ben Morgh) — именуемая также Горой Крома, эта гора на северо-западе К. считается обителью бога Крома, священным местом К. Вождей киммерийских кланов хороят на Поле Вождей, у подножия Бен Морга.

Иглофийские горы (Eiglophian Mountains) — горная гряда, разделяющая К. и Нордхейм.

Поле Вождей — равнина на северо-западе К. с древними каменными сооружениями, скорее всего, возведенными атлантами. В самом центре Поля находится Стоящий Камень, установленная вертикально черная скала. Согласно легендам, сам Кром вырвал этот камень из горных недр и швырнул в Имира, когда это нордхеймское божество в незапамятные времена предприняло попытку захватить К.

Экономика. Киммерийцы живут весьма замкнуто и мало торгаут с соседями. К тому же, они не обладают ничем, что представляло бы ценность для купцов, если не считать медвежьих и волчьих шкур, добываемых охотниками.

Карта магических областей. В К. низкий уровень магической энергии. Лишь Бен Морг, обитель Крома, обладает высокой концентрацией магии.

Общество. Большинство киммерийцев высокого роста, очень сильные, с черными волосами и серыми или голубыми глазами. Они живут небольшими общинами, пасут скот, растят ячмень и грабят соседние племена, похищая скот и женщин. Благодаря замкнутому образу жизни, киммерийцы, принадлежащие к различным племенам, внешне сильно отличаются друг от друга. Так, канахи отличаются резкими чертами лица, у мурохов обычно бывает выступающая тяжелая нижняя челюсть, и туногов — высокий лоб, а у райдов — длинные носы. Некоторые кланы намеренно подчеркивают эти особенности. Например, лачинши выбивают себе виски, а некоторые дикие галлы завязывают волосы узлом на затылке. Киммерийцы презирают роскошь и комфорт, без которых южане не мысят себе существования. Они отличаются невозмутимостью и не любят хвальсти своими подвигами. Как гласит киммерийская пословица «только трус или дурак станет хвастать числом убитых врагов. За воина должна говорить его рука и сердце». Племена киммерийцев возглавляют вожди. Большой авторитет имеют также старейшины и опытные воины.

Культура и обычаи. В К. юноша становится мужчиной, после того как убьет первого врага в бою. Для многих киммерийцев это случается еще до достижения ими шестнадцатилетия, будь то в клановой междоусобице или в битве с асирями, ванирами или гиперборейцами. После чего юноша должен соблюдать все обычаи взрослых мужчин. Обычно киммериец находит себе жену, еще до того как ему сровняется восемнадцать. Когда он не участвует в набегах, он должен обрабатывать землю и пасти скот, принадлежащий племени. Вдов зачастую берут в жены братья погибших воинов, хотя полигамия не слишком распространена среди киммерийцев. Мало кто из киммерийцев доводит до старости. Седые волосы внушают почтение, поскольку означают

что обладатель их был достаточно умен и отважен, чтобы дожить до преклонных лет. В отношениях друг с другом и с иноплеменниками киммерийцы обычно весьма любезны, поскольку любое резкое слово может послужить поводом к драке. «Цивилизованные люди куда менее вежливы, чем дикари, поскольку уверены, что никто не разможжит им череп за грубость».

Право. Киммерийцы редко нарушают свои законы и обычаи. Мужчина волен поступать, как ему вздумается, однако нарушение обычаев влечет за собой осуждение всего клана. Если же члены клана отказываются от своего сородича, они не станут мстить за его смерть, и он сделается добычей любого честолюбивого юнца, которому не терпится поскорее стать мужчиной. Еще один обычай достоин упоминания: **Окровавленное Копье**. Когда кланам угрожает опасность, вожди призывают племена к войне, посыпая каждому копье, вымазанное кровью. Если на К. напали враги, Копье пятнает кровь жертв. В ином случае клан, посылающий копье, метит его кровью своих воинов. **Окровавленное Копье** прекращает все клановые междоусобицы, и каждое племя посыпает воинов на защиту клана, воззвавшего о помощи. Орду киммерийцев остановить практически невозможно, в чем пришлоось убедиться на собственном опыте защитникам Венариума.

Религия. Киммерийцы поклоняются богу Крому.

Вооруженные силы. Киммерийцы сражаются пешими и не признают правил классического боевого искусства. Однако выносливость, сила и отвага делают их опасными противниками.

Язык. Киммерийский язык называют «резким, грубым, с певучими гласными и гортанными согласными». Свое происхождение он ведет от древнего языка атлантов. С прочими языками хайборийского мира он почти не имеет общих корней, если не считать нордхеймского. Письменность у киммерийцев отсутствует.

Имена. В романах самого Р.Говарда не упоминаются иных киммерийцев, помимо Конана, однако другими авторами был добавлен ряд имен: Анга (Anga), Бодран (Bodhrann), Бронвиг (Bronwith), Дитра (Dietra), Милах (Milach), Рорик (Rorik), Твил (Twyl), Чамта (Chamta), Чулайн (Chulainn). В большинстве своем, киммерийские имена схожи с кельтскими. Имея дело с иноплеменниками, киммериец зачастую прибавляет к имени собственному имя своего клана. Таким образом, истинное имя Конана — Конан Канах. Вождя же зачастую именуют по названию племени, потому вождя клана, к которому принадлежал Конан, положено именовать Канах, или даже в торжественных случаях — Канах Канах.

КОРИНФИЯ

К. представляет собой небольшое хайборийское государство, расположенное между *Бритунией* и *Кофом*. Подобно *Немедии*, К. являлась в былье времена частью Ахерона. К. бегло упоминается в нескольких романах о Конане, кроме того, там разворачивается действие романа *С.Пerry «Конан бесстрашный»* (в рус.пер. «Четыре стихии»).

История. К. возникла как государство-сателлит древнего Ахерона. Когда это могущественное королевство было разрушено хайборийскими завоевателями, К. на некоторое время обрела независимость, но затем, подобно остальным северным державам, пала под натиском хайборийцев. В отличие от *Немедии* и *Кофа*, К. так никогда и не обретала реальной самостоятельности, но постоянно попадало в зависимость от одной из крупных хайборийских держав, будь то *Аквилония*, *Немедия*, *Замора* или *Коф*.

Дорога Королей. Одним из наиболее значительных сооружений в К. (да и во всем западном мире) является т.н. *Дорога Королей*, которая тянется к востоку от города *Аграпура* на побережье моря *Вилайет*, через *Аренджун* и *Шадизар*, *Бельверус* и *Тарантию*, затем на юг — через *Пуантен*, долину р. *Хорот* и *Мессантию*. По этой дороге торговые караваны без помех могут следовать от Западного океана до самого моря *Вилайет*. Строительство дороги началось в 1047г. н.п.А. — редкий случай, когда коринфийским городам-государствам удалось ненадолго позабыть свои распри и объединиться ради общего дела. Более всего их привлекла перспектива улучшить свое экономическое положение, благодаря росту торговли. Коринфийский отрезок дороги явился продолжением строительства, начатого ранее в *Немедии* и *Заморе*. Благодаря заключенным между хайборийским державами договоренностям, на всем протяжении дороги пошлины остаются на минимальном уровне. Дорога является настоящим чудом техники хайборийского мира. В некоторых местах она вымощена, причем каменные плиты подогнаны настолько плотно, что их сравнивали с полами в королевских дворцах. Правда, за 200 лет, что существует дорога, местами она пришла в упадок, однако коринфийцы поддерживают свой участок в образцовом состоянии. Хотя, строительство дороги едва ли можно назвать безусловным благом для коринфийцев. Разумеется, часть торговцев, обходивших прежде К. стороной, теперь везут свой товар в города-государства, и приток богатства в страну значительно возрос, однако существуют здесь и свои сложности. Дорога представляет большое значение не только для К. В частности, *Немедия* оказывает все большее давление на К. и всячески усиливает свое присутствие в регионе, так что не исключено, что в конце концов немедийцы захватят К., «в целях обеспечения законности и безопасности торговли».

Текущие дела. Правитель *Немедии* оказывает давление на К., желая разместить свои войска вдоль коринфийского отрезка *Дороги Королей*. До сих пор коринфийцам удавалось затягивать переговоры, и втайне они надеются убедить короля *Аквилонии* сделать им подобное же предложение. Король К. полагает, что необходимость вести дела с *аквилонским* владыкой существенно охладит пыль *немедийского* самодержца.

Враги и союзники. В последнее время внешние связи и положение К. во многом зависят от *Немедии*, потому друзья и недруги у обеих наций практически одни и те же. Однако К. заинтересована в более тесном сотрудничестве с *Аквилонией*, в надежде, что *аквилонское* вмешательство ограничит немедийскую экспансию.

География. К. — гористый край, с востока ограниченный *Карпашским хребтом*. На юге, где проходит граница с *Кофом*, лежат каменистые пустоши. Однако центр страны представляет собой плодородную равнину.

Экономика. К. практически не производит товаров на продажу. В горах имеются шахты, но большинство из них выработаны и заброшены, остальные едва окапают себя. Тем не менее, рынки К. изобилуют самыми разнообразными товарами востока и запада, благодаря удачному расположению страны на *Дороге Королей*.

Карта магических областей. В К. наблюдается средний уровень концентрации магической энергии. Чёрным Квадратом (см. ниже) предпринимались попытки использовать *кхарийские* магические ритуалы с целью получения определенных благ, однако до сих пор их устремления не увенчались успехом.

Общество. По сравнению с остальными хайборийцами, коринфийцы довольно смуглокожи и отличаются крепким телосложением. Как правило, у них каштановые или темно-русые волосы. К. разделена на несколько независимых городов-государств, у каждого из которых свое правительство и законы. На практике, все они представляют собой олигархию, где реальная власть принадлежит самым состоятельным людям города. Официально, коринфийскими городами управляет сенаторы. Ниже следуют патриции, богатые торговцы, военные чины, ремесленники, солдаты и пр. Как и в других странах, здесь развито рабство.

Магические квадраты. В К. имеются свои маги, в том числе и тайные магические общества, существовавшие еще со времен Ахерона. Общества эти именуются *Квадратами* и имеют много общего с *Белой Рукой Гипербореи*, *стигийским Черным Кругом* и *кхитайским Алым Кольцом*. *Белый Квадрат* использует свое могущество на благо людей. *Серый Квадрат* представляет собой сообщество ученых, изучающих магию без каких-либо моральных критериев. *Черный Квадрат* полагает, что именно чародеи являются истинными правителями запада

и всего мира в целом. В древних ахеронских фолиантах имеются отрывки, намекающие на существование четвертого Квадрата, именуемого Радужным, который и является силой, стоящей в действительности за остальными тремя тайными обществами. Изначально Квадраты были созданы, чтобы изучать книги и магические артефакты, оставшиеся от ахеронских некромантов. Однако со временем маги настолько погрязли во внутренних распрях и интригах, что в настоящее время практически все их усилия направлены лишь на то, чтобы парализовать деятельность остальных. Вследствие этого, Квадраты имеют крайне малое влияние.

Право. В городах-государствах К. существуют разнообразные системы управления, основанные на республиканских принципах. Правители именуются сенаторами, но власть, которой они обладают, зависит от их финансового положения. Сенат не только принимает законы, но также осуществляет правосудие и карает преступников. Сенаторы используют свою власть для борьбы с политическими противниками. Кроме того, помимо обычных, существуют старшие сенаторы, которые реально правят городами-государствами.

Религия. Коринфийцы поклоняются *Митре*, почитают также некоторых турецких и шумерских божеств. Культ *Митры* мало чем отличается от немецкого или аквилонского, поскольку все новшества приходят в К. именно оттуда. В части городов-государств храмы являются реальной политической силой.

Вооруженные силы. Армия К. имеет практически тот же состав, что и в прочих хайборийских государствах, и состоит из пехотных частей, кавалерии и особых отрядов Стражей Дороги. Именно в этих отрядах собраны наиболее опытные и закаленные в боях воины.

Язык. Коринфийский язык родственен прочим хайборийским языкам.

Имена и названия. Коринфийские имена по форме напоминают латинские: *Витарий* (*Vitarius*), *Далий* (*Dalius*), *Кинна* (*Kinna*), *Лемпари* (*Lemparius*), *Логанаро* (*Loganaro*), *Соварт* (*Sovartus*), *Хогист* (*Hogistum*), *Эддия* (*Eldia*).

КОСАЛА

«Киммериец! Я сверну тебе башку голыми руками, как свертывают голову куренку! Так сыны Косалы приносят жертвы Яджуру!»

Р.Говард «Тени Замбулы»

К. — это самое большое из вендийских государств-сателлитов, которому удается сохранять независимость, благодаря союзу со своим западным соседом, *Иранистаном*. К. упоминается в трех повестях *«Саги»*:

Р.Говард «Тени Замбулы», Р.Говард, Л.Спрэг де Камп «Огненный нож» и Р.Говард «Алые когти».

История. К. была основана теми же беглыми рабами, что заселили Вендию после Великой Катастрофы. Большинство беглецов обосновались на более плодородном и гостеприимном Вендийском п-ове, но часть из них продолжила путь в надежде найти для себя новые земли. Они осели западнее, в более засушливой области, где до них не было других обитателей. Когда п-ов захватили племена *кшатриев*, их прежде всего привлекли богатые земли центральной Вендии, и лишь позднее они двинулись дальше. На западе путь им преградила бурная река *Тумда*, пересечь которую всадникам-номадам было затрудительно. Так косальцам удалось сохранить независимость, однако они все с большей опаской наблюдали, как с течением времени *кшатрийская* империя одно за другим поглощала прочие самостоятельные города-государства. На протяжении полутора тысяч лет К. была свидетелем роста Вендии и готовилась с оружием в руках встретить захватчиков, которые так и не пришли. Со временем, однако, куда большую угрозу для них стал представлять Туран, и К. заключила соглашения о взаимопомощи с Гулистаном и Иранистаном, однако этот хрупкий союз неминуемо будет обречен, если Туран предпримет решительное военное наступление.

Текущие дела. Недавно префект Йота-Понга предложил К. заключить союз с ее давними врагами вендийцами, объединившись против Турана. «К чему нам свобода от Вендии», — спрашивал один из косальских вождей, — «когда скоро туранцы закуют нас всех в кандалы?»

Враги и союзники. Основными союзниками К. являются Иранистан и Гулистан, также К. периодически выступает как нейтральный посредник между Вендийей и Тураном. В случае необходимости, однако, правители К. готовы предать Иранистан, чтобы защититься от турецкого нашествия.

География. К. — это холмистый край, менее плодородный, чем Вендия, однако более обжитой, по сравнению с Иранистаном и Гулистаном. На побережье Южного моря у косальцев имеется несколько портов, однако хорошими мореходами их едва ли можно назвать.

Географический справочник

Йота-Понг (Yota-Pong) — самый крупный город в К.

Карта магических областей. К. отличается низкой концентрацией магической энергии; существуют местности, где ее нет

Общество. Косальское общество достаточно неоднородно: у каждого города-государства свое общественное устройство и религия. В некоторых процветает строгая кастовая структура, причем поведение каж-

дого члена общества определяется целым сводом законов, обычаяев и ритуалов. В других существует относительная свобода, где любой житель города, обладающий достаточным благосостоянием, волен делать практически все, что угодно. Единственное, что объединяет всех косальцев, это их неизменное религиозное рвение. Какова бы ни была их религия, жители К. поклоняются своим божествам со страстью, которая поразила бы хайборийских жрецов.

Подобное благочестие ставит косальцев в большую зависимость от служителей культа. Хотя обычаи и законы запрещают священнослужителям владеть собственностью и даже ездить в повозке, большинство этих запретов благополучно обходятся жрецами. К примеру, хотя жрец не имеет права обладать имуществом, он может быть назначен его пожизненным попечителем с правом пользоваться этим имуществом по своему усмотрению.

Более того, «попечение» над кошельем с золотом вполне может быть уступлено в обмен на договор, касающийся, например, участка земли, что ничем не отличается от обычной купли-продажи. Многие столетия подобных ухищрений привели к тому, что реальное понятие собственности было практически утрачено, и практически любое владение имуществом осуществляется на основе тех или иных видов договоров. Кроме того, жрец может завещать все «опекаемое» имущество, наравне с собственной должностью, своим наследникам, так что дети приступают к исполнению культовых обязанностей едва ли не с колыбели. Города-государства в К. управляются префектами. Равную, если не большую власть имеют также верховные жрецы, ниже следуют обычные жрецы и асколиты. В светском обществе велика роль богатых торговцев и военных.

Религия. Косальская религия остается загадкой для иноверцев. Она своя у каждого города-государства. Понятия свободы веры в К. не существует. Жители города обязаны поклоняться местному божеству, и отказ следовать обрядам равносителен святотатству.

Вооруженные силы. Большую часть косальской армии составляют пешие войска, поскольку конница никогда не пользовалась здесь популярностью. Также здесь почти неизвестны копья, хотя Аршакшах, правитель Иранистана, предлагал прислать наемников для обучения косальских копейщиков в обмен на экономическую и военную поддержку против Турана.

Язык. Косальский язык является диалектом вендийского.

Имена и названия. В «*Саге*» не встречается косальских имен.

КОФ

«...Коф, что граничит с Шемом — страной пастухов...»

Немедийские хроники

К. — одна из самых древних стран Запада, которая существовала еще до хайборийского вторжения. В настоящий момент она управляема жестоким и алчным деспотом — Страбонусом, и оттого представляет постоянную угрозу для своих соседей: Аргоса, Офира и Шема. Первое посещение Конаном этих мест, о котором говорится в «*Саге*», описывается в романе «*Конан-наемник*». Пережив очередные приключения, описанные в этом произведении, Конан покидает К. и не появляется там много лет, до событий, о которых говорится в рассказах Р.Говарда «Черный колoss», «Тени во Тьме» и романе Л.Карпентера «Конан — изменник». Затем он оставляет К. и не появляется там в течение года, примкнув к шайке туранских степных козаков и возвращается, чтобы занять должность начальника королевской охраны царицы Тарамис из Хаурана (см. повесть Р.Говарда «Знак ведьмы»). После описываемых событий Конан не возвращается в К. в течение длительного времени, до того момента, когда чародей Тзота-Ланти похищает Конана и помещает его в подземелье своей крепости (см. повесть Р.Говарда «Алая цитадель»). Последнее путешествие в К. Конан предпринимает, когда проезжает эти земли в поисках своей похищенной жены — Зенобии (см. Б.Ниберг «Конан-мститель»), для того, чтобы встретиться с магом Пелиасом.

История. Происхождение К. уходит своими корнями в до-атлантическую эпоху, т.к. это государство являлось последним оплотом древнего королевства Валузия. Когда Великая Катастрофа опустошила западную цивилизацию, Валузия была близка к гибели, рискуя не устоять перед натиском пиктов и атлантов. Эти две воинственные расы отодвинули границы некогда могучей валузийской империи к южным холмам К. Остаткам валузийцев помог рельеф этой местности — холмы оказались прекрасным естественным укреплением, и беженцы сумели закрепить свои позиции и дать отпор завоевателям. Пиктам так и не удалось захватить эти земли, а валузийцы осели на новом месте и основали новое королевство. К. сумел уцелеть на протяжении многих тысячелетий, но ему не удалось сохранить независимость. Когда к власти в Ахероне пришли кхарийцы, то они сумели покорить эту страну, и кофийский владыка стал вассалом Багряного Пифона. Позже, когда орды хайборийцев стерли Ахерон с лица земли, К. был покорен ими и стал хайборийской державой. Но опять географическое положение сослужило К. службу — ввиду своей удаленности ему удалось сохранить самобытность. Несмотря на то, что К. не может похвастаться плодородностью своих земель, его центральное положение на западном континенте дает ему

определенные преимущества перед соседями, так как через его территорию проходят все транспортные пути, что дает возможность этому гос-ву получать существенные налоги (см. *P. Говард «Знак ведьмы»*, где описан эпизод, когда наемник Константинос просит у хауранской царицы Таримис соизволения провести свою армию через ее территорию). Но налоги эти не столь велики — К. известен своей осторожностью в этом вопросе, и всегда просит не больше, чем ему готовы дать.

Текущие дела. Усилия владыки К. — *Страбонуса*, направленные на то, чтобы усилить налоговую политику, дали свои плоды, так как недавно многие гуртовщики гнали свои стада на дешевые пастища *Шема*. *Страбонус* также установил ряд дорожных форточек на границе с *Шемом*, чтобы взимать дань и с караванов. Те, кто отказывается платить таможенные пошлины рискуют добиться того, что их товар будет конфискован. Такая политика приводит к постоянному недовольству со стороны *Шема*, чьи караваны, идущие с востока на запад неоднократно страдали от поборов. Если политика К. не изменится, то в ближайшее время, *Страбонус*, возможно, будет против воли втянут в войну с *Шемом*.

Враги и союзники. К. поддерживает торговые и дипломатические отношения с большинством земель *Коринфии*, *Офира* и *Шема*. Однако никто из них не мог бы рассматриваться в качестве надежного союзника, ибо каждый из них хоть единожды, но был предан коварным *Страбонусом*. Однако ни одна из этих стран не станет враждовать с К. осознавая, что последний лежит на перекрестье торговых путей и осложнить отношения с этой страной означает обречь собственное государство на изоляцию. Не менее враждебно по отношению к К. настроены и северные государства. И *Аквилония* и *Немедия* сходятся во мнении, что *Страбонус* — опасный выскочка, чьи действия подвергают опасности мир на всем хайборийском континенте. В этих высказываниях много правды, ибо отряды *Страбонуса* не раз нападали на пограничные города *Немедии*, а многие аквилонские караваны исчезали в кофийских каньонах.

География. Территория К. представляет собой длинную полосу скалистых горной местности, граничащей с *Замором*, *Коринфии* и *Офиром* на севере и *Шемом* на юге. В течение зимних месяцев К. оказывается полностью блокирован снежными заносами. Кофийские города большей частью располагаются в долинах, многие из которых весьма широки и имеют площадь в 20-30 миль. Практически все города окружены высокими стенами, оставшимися еще с валуизских времен.

Географический справочник.

Тантисиум (*Tantisium*) — крохотное государство, вассал К.. Тантисиум находится в постоянном конфликте с кофийским владыкой. Это гос-

дарство слишком удалено от *Хоршемиша*, чтобы послать туда отборные войска, что только усиливает дерзость этой страны. Многие политики предсказывают, что Тантисиум рано или поздно добьется независимости — это только вопрос времени.

Ханирия (*Khanyria*) — город в *Хауране*.

Хауран — полунезависимая провинция на территории К., номинально имеющая суверенитет и не подчиняющаяся напрямую королю в *Хоршемише*, но тем не менее платящая ему дань. В Хауране матриархальный строй, им правят царицы из династии *Ашхаури*. Этот род носит на себе проклятие — раз в сто лет в нем рождается ведьма с родовым пятном в виде пурпурного полумесяца на груди (см. *P. Говард «Знак ведьмы»*).

Хорайя — провинция К., которая, так же как и *Хауран*, формально независима от *Хоршемиша*. Хорайя — наследственная монархия. В отличие от *Хаурана*, государственная власть передается по мужской линии. Хотя известны случаи, когда в отсутствии правителя мужчины в Хорайе правили царицы.

Хоршемиш — столица К. Чтобы увеличить число караванов, идущих через западный К., *Страбонус* истратил огромные суммы из казны, чтобы благоустроить Хоршемиш и создать город, достойный носить титул «королева Юга». Для этого возводятся караван-сарай, постоянные дворы, стойла для выочных животных, то есть делается все для того, чтобы привлечь в столицу купцов. Но маршруты караванов отшлифовывались веками, и чтобы изменить их нужны веские причины. Поэтому на сегодняшний день политика *Страбонуса* не приносит ощутимых результатов. Строительство в Хоршемиш требует значительных расходов, но скопость *Страбонуса*, ставшая притчей во языцах, существенно усложняет благоустройство города.

Карта магических областей. Большинство бесплодных, малонаселенных земель К. имеют амплитуду магической энергии от низкой к средней. Однако явные всплески магической энергии наблюдаются в некоторых западных районах, особенно в тех местах, где уцелели руины древних строений. В качестве примера может послужить Алая Цитадель в *Хоршемише*. Открытие новых участков с высокой концентрацией магической энергии может послужить для усиления мощи чародеев, поэтому колдун *Тзота-Ланти* требует, чтобы разведчики сообщали об открытии таких мест ему лично.

Общество. Современные кофийцы — нация получившаяся в результате смешения хайборийской, шемитской и стигийской крови. Жители К. среднего роста и среднего телосложения, имеют ярко вы-

раженную склонность к полноте. По душевному складу они напоминают другие хайборийские нации, разве что чуть более скупы. В дополнение к народам цивилизованного К., имеется несколько племен, которые обитают в труднодоступных горных районах. Эти горцы свирепы, независимы и не покидают своих жилищ в горах и не спускаются в долину. Поскольку они не противопоставляют себя официальной власти, а как бы не замечают ее, то монархи *Хоршемиша* никогда не предпринимали попыток истребить эти племена. Строго говоря, горцы и не могут представлять собой существенной опасности, поскольку самое большое поселение насчитывает двести горцев и явно не сможет противостоять когортам тяжеловооруженных пехотинцев.

Право. Кофийские законы не отличаются от большинства правовых систем Хайбории. Единственное отличие К. состоит в жесткой налоговой политике, которая озлобила народ, что рано или поздно приведет к мятежу.

Страбонус, король Кофа. Нынешний владыка К. известен по многим причинам. Во-первых, своим продвижением к трону *Хоршемиша*, которое было обусловлено не столько правом по рождению, сколько шантажом, интригами и политическими манипуляциями. Кроме него, было семь претендентов на корону — четыре из них умерли при загадочных обстоятельствах, а трое оставшихся добровольно отказались от трона в пользу *Страбонуса*. Хотя поведение *Страбонуса* немногим расщепляет большинства его соседей, он не пользуется доверием у монархов сопредельных держав. Он всегда утверждал во всеуслышание, что содержит армию лишь для того, чтобы поддерживать порядок внутри государства, но всем ясно в его коварную голову постоянно приходят мысли о том, как бы аннексировать кусок территории у соседей. Так, он неоднократно нарушил мирные соглашения с *Офиром*, *Шемом*, *Коринфиеи* и *Немедией*, и дважды вторгался в *Аргос*. Наибольшую опасность представляет его альянс с колдуном *Тзота-Ланти*, живущим уединенно в *Алой Цитадели*, в которой имеется тайный проход к хоршемицкому дворцу. Цитадель мага буквально изобилует черной магией, и почти нет тех, кто вернулся бы, хоть раз переступив ее порог. Хотя, не исключено, что все ужасы подземелий большей частью плод воображения безумного аквилонского поэта *Рианальдо*, которому современники и обязаны рассказами об этом вместе с Зла. Но для большинства хайборийских созерцонов союз с колдуном уже сам по себе достаточен, чтобы с недоверием относится к тому, кто его заключил, ибо не один уважающий себя хайборийский нобиль не будет пятнать свою репутацию сношением с Силами Тьмы. Но так или иначе, а для *Страбонуса* его союз с *Тзота-Ланти*, стал неотъемлемой частью политики *Хоршемиша*.

Религия. Кофийцы поклоняются шемитским богам. Но вера, которая много лет тому назад насаждалась правителями Ахерона, искоренена не до конца. Поэтому многие кофийцы испытывают симпатию к

стигийским культурам, т.к. эта страна является прямой наследницей разрушенной империи колдунов. Культ *Митры* не популярен в К. Более того, почитатели *Пламенноокого* всячески преследовались, до тех пор, пока *Страбонус* не повелел построить большой храм *Митры* в *Хоршемише*, желая угодить проезжающим купцам.

Вооруженные силы. Армия К. большей частью состоит из тяжелой и средней пехоты, т.к. эти роды войск более мобильны и требуют меньшего числа воинов, нежели многочисленная легкая пехота, а это, в свою очередь, позволяет сократить расходы на армию. На сегодняшний день, кофийская армия сидится плохо, скучность *Страбонуса* и тут дает о себе знать. Поэтому многие закаленные и опытные воины предпочитают продавать свои мечи *Шему*, который хорошо оплачивает услуги наемников. То есть опытные воины покидают армию *Страбонуса* в большом количестве, остается мало обученный, плохо подготовленный контингент новобранцев. Кофийское вооружение выглядит непривычно для хайборийского глаза — в нем смешаны западные и восточные стили. Безусловно, армия, в которой уживаются и закованые в броню рыцари и кочевники на верблюдах, способна повергнуть в изумление многих.

Язык. Кофийский язык относится к семье хайборийских языков и напоминает офицкий. Многие кофийцы свободно владеют офицким и шемитским.

Имена и названия. Кофийские имена и названия (так же, как и офицкие), напоминают романские: *Валеус* (*Valeus*), *Ватиса* (*Vatisa*), *Иуга* (*Iuga*), *Ивор* (*Ivor*), *Констанциус* (*Constanzius*), *Саломея* (*Salomea*), *Страбонус* (*Strabonus*), *Тарамис* (*Taramis*), *Феспидес* (*Phespides*), *Ясмела* (*Yasmela*).

КУШ И ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

Ч.К. представляют собой группу народностей, населяющих регион к югу от Стигии. Власть и границы Ч.К. постоянно меняются, поэтому трудно судить о них со всей определенностью. К. является самым северным из Ч.К. и лежит на берегу Западного океана, южнее Стигии. Хайборийские купцы и путешественники посещают время от времени эти края и порой ошибочно присваивают название «Куш» всем Ч.К. в целом. Конан несколько раз бывал в Ч.К. Вдвоем с Белит они пиратствовали у Черного Берега (см. *Р.Говард* «Королева Черного побережья» и *П.Андерсон* «Конан-мятежник», в рус. пер. «Секира Света»), когда киммериец заслужил гордое прозвище *Амра-Лев*. Он был вождем свирепого племени *бамула* (см. *Р.Говард* «Долина потерянных женщин», однако бе-

жал от них (см. *R.Говард «Замок ужаса»* и покинул К. (см. *R.Говард «Рыло во тьме»*). Конан возвращается в Ч.К., преследуя Зарону Черного (см. *L.Сирэ де Камп «Конан-корсар»*, в рус. пер. *«Корона Кобры»* и позже — с воинственной Валерий в повести *R.Говарда «Алье когти»*. Затем он странствует на восток, через Кешан и Пунт (см. *R.Говард «Богиня из слоновой кости»*, в рус. пер. *«Воля богини Небетет»*. И наконец, многие годы спустя, добирается до южной оконечности материка в погоне за Тот-Амоном (см. *R.Говард «Тени в черепе»*).

История. Письменная история в Ч.К. практически отсутствует. Несколько позволяют судить проведенные исследования, эти места были заселены темнокожими племенами с начала хайборийской эпохи. Однако границы между королевствами всегда были расплывчаты, а устная летопись большинства племен представляет собой лишь бесконечное перечисление побед. О незначительных поражениях в них не упоминается; а после значительных поражений, как правило, не оставалось никого, кто мог бы помнить о них. На территории Ч.К. находится множество огромных цитаделей, построенных еще до Великой Катастрофы. Многие из них заброшены и лежат в руинах, погребенные в непроходимых джунглях, в других по-прежнему обитают потомки былых владельцев, чудовищно изменившиеся за прошедшие тысячулетия; в третьих нашли пристанище беглецы из «цивилизованных» земель, вынужденные по какой-либо причине покинуть родные края. В Железной Книге Скеяоса упоминается загадочный «змеиный народ», обитающий у Южных Огней. Остается, однако, невыясненным, являются ли эти племена потомками бежавших сюда стигийцев, поклонников Сета, или они действительно последние из уцелевших «змеелюдей» древней Валузии.

Текущие дела. Последнее время на север стали просачиваться слухи о возникшем на побережье новом королевстве. Есть сведения, что эта держава взяла на вооружение боевую тактику туранцев, ставшую их основным оружием в борьбе с враждебными племенами. Это привело в смятение королевство амазонок и заставило держаться настороже Атлайю. Правителем нового государства стал некий воин по имени Юма (Juma), но пока неизвестно, тот ли это Юма, что был некогда верным спутником Конана.

Враги и союзники. Связи Ч.К. с внешним миром ограничены. Они ведут торговлю с шемитами и стигийцами, выменивая оружие на рабов, захватываемых племенем ганатов и некоторыми другими, но в целом северные державы не проявляют интереса к этим диким краям. Основным противником любого племени в Ч.К. является, как правило, соседнее племя. Постоянные войны, интриги и предательства делают жизнь вождя недолгой, но красочной и увлекательной.

География. Ч.К. лежат к югу от Стигии, Дарфара и Кешана. Они протянулись на 2000 миль, до вулканов Южных Огней на южной око-

ничности континента. С востока Ч.К. ограничивают Друджистанские горы (Drujistani Mountains), в запада — Западный океан. Большую часть территории Ч.К. занимают джунгли, на северо-западе лежит обширная пустыня. Джунгли редеют и ближе к югу переходят в саванну, которая простирается до Южного моря.

Географический справочник.

Абомби (Abombi) — город на Черном побережье.

Амазония (Amazon) — одно из южных Ч.К., где женщины являются воинами, а мужчины находятся на положении рабов. Амазонки контролируют значительную часть территории Ч.К.. В качестве денег они используют перья с золотым песком и выменивают рабов у племени ганатов.

Атлайя (Atlaia) — загадочное королевство к югу от Стигии и, вероятнее всего, к югу от Амазонии.

Безымянный остров — о-в, где некогда обитали змеелюди, лежащий невдалеке от Черного побережья. Площадь Безымянного острова невелика. Единственное сооружение, уцелевшее там до наших дней — это храм бога-жабы Тцатотгуга, находящийся под защитой древнего магического ритуала І'тум.

Газаль (Gazal) — древний город в северной пустыне, возведенный многие столетия назад и лежащий ныне в руинах. Его жители — газали — это потомки поклонявшихся Митре кофийцев, изгнанных из Кофа в 357г. н.п.А.

Гамбуру (Gambaru) — столица Амазонии.

Город Крылатого Демона — город на берегу ядовитой р. Зархеба, где погибла Белит. Город Крылатого демона был основан на заре истории расой человекоподобных существ, отличавшихся невиданной красотой. Ряд катастроф привел их к гибели, и в городе уцелела лишь крылатая обезьяна, наводившая ужас на окрестности.

Дарфар (Darfar) — одно из северных Ч.К.

Джелуба (Jelubo) — р. протекающая к востоку от Томбалку.

Джихиджи (Jihiji) — селение на границе территории племен бамула и бакала.

Забхела (Zabhele) — город-порт на побережье К. Сюда приходят караваны с товарами, которые уходят затем вглубь континента.

Зархеба (Zarkheba) — ядовитая река, впадающая в Западный океан. Растворенные в воде минеральные соли делают ее непригодной для питья.

Зембабве (Zembabwei) — королевство, лежащее на востоке Ч.К.

Кассали (Kassali) — столица *Пунта*.

Кешан (Keshan) — одно из северных Ч.К.

Кордафа (Kordafa) — королевство, лежащее к югу от К., где родился колдун Муру.

Ксуталь (Xuthal) — древний город, чьи жители большую часть времени проводят в наркотических грезах. В недрах города обитает демон Тхог, который время от времени выбирается на поверхность и пожирает несчастных, попавшихся ему на пути.

Ксухотль (Xuchotl) — древний город, построенный *косальскими* беженцами. Сейчас в Ксухотле обитает племя *тлацитланцев*, ведущих род от *стигийцев* и восточных народностей. Многие десятилетия жители, разбившись на группировки, ведут между собой нескончаемую борьбу за власть, поводом к которой послужила, в свое время, женщина.

Кулало (Kulalo) — селение на Черном побережье, на северной границе *Амазонии*. Кулало стал столицей государства, созданного *кушитом Юмой*.

Мероэ (Meroe) — столица К. Этот город является одним из самых крупных в Ч.К., там обитает свыше 50000 человек. Он построен на развалинах древнего до-стигийского поселения, от которого сохранились еще остатки каменных крепостных стен.

Пунт (Punt) — королевство, лежащее к югу от пустыни, к востоку от Кешана. О жителях Пунта говорят, будто они «находят золотые слитки с гусиное яйцо величиной, промывая песок в искрящихся горных потоках». Пунт, действительно, является богатейшим из Ч.К., славится обилием золота и самоцветов, и правящая там династия, благодаря на-копленным богатствам, является древнейшей в Ч.К.

Сиоджина-Кисуа (Siojina-Kisuo) — см. *Безымянный о-в*.

Томбалку (Tombalku) — город в Ч.К., где правят совместно вожди окрестных племен и *афаки*, народ *шемитского* происхождения. Большинство хайборийцев считают Томбалку легендой.

Черное побережье — берег Западного океана, граница Ч.К. Черное побережье является одним из самых «цивилизованных» районов Ч.К., bla-

годаря постоянным контактам аборигенов со *стигийскими* и *шемитскими* торговцами.

Южные огни — горы вулканического происхождения на южной оконечности Черного побережья.

Южные острова — о-ва близ *Черного побережья*, где обитает воинственное племя, находящееся в родстве с племенем *суба*. Из здешних воинов *Белит* набирала свою команду.

Яниога (Yanuoga) — город на юге континента, где, по слухам, обитают змеелюди *Валузии* и их желтокожие рабы. Правда, в других легендах речь идет всего лишь о сбившемся с пути вендейском торговом корабле, чья команда нашла пристанище в этих местах.

Этнографический справочник.

Афаки (Aphaki) — *шемитское* племя, бежавшее к югу, через *Стигию*, и основавшее город *Томбалку*.

Бокала (Bakalah) — племя, обитающее южнее К., рядом с племенем *бамула*. Конан встречался с бакала в 1275 г. п.п.А.

Бамула (Bamulo) — воинственное племя на севере Ч.К. Конан стал их вождем в 1275 г. п.п.А., однако вскоре вынужден был бежать, изгнанный шаманами.

Бигарма (Bigharma) — одно из племен в *Томбалку*.

Борни (Borni) — одно из племен *Томбалку*.

Вадаи (Wadaai) — северное племя, похожее внешне (но не обычаями) на *дардарских* каннибалов. Вадаи, однако, не затачивают себе зубы и коротко обрезают волосы.

Ганата (Ghanata) — племя безжалостных торговцев рабами, обитающее в северной пустыне.

Матамба (Matamba) — племя, живущее к северо-востоку от селения *Кулало*, противники племен, объединившихся под началом Юмы.

Минданга (Mindanga) — племя, живущее к югу от *Томбалку*.

Суба (Suba) — племя, обитающее на черном побережье. Среди суба жила *Белит* с семьей. *Стигийские* работоторговцы напали на их поселение, захватили *Белит* в рабство и убили ее родных. Белит удалось бежать,

и она вернулась на **Черное побережье**, где набрала команду пиратов из уцелевших суба и отправилась в плавание на галере «*Тигрица*».

Тибу (*Tibu*) — племя, живущее в *Томбалку*.

Климат. Ч.К. лежат всего в 15 градусах от экватора, поэтому климат там очень жаркий. Летом температура превышает 40 градусов по Цельсию, и даже зимой не опускается ниже 25 градусов. В джунглях отмечается повышенная влажность, но в саванне большую часть года сухо, и лишь весенние муссоны приносят необходимые осадки.

Флора и фауна. Животные, населяющие Ч.К., числятся среди самых свирепых в хайборийском мире. Нигде более на всем континенте (за исключением разве что *Пикской Пустоши*) не встретить такого множества опасных хищников.

Экономика. Ч.К. славятся золотым песком, страусиными перьями, слоновой костью.

Карта магических областей. Большая часть территории Ч.К. обладает средним уровнем магической энергии, однако к югу концентрация ее существенно возрастает.

Общество. У обитателей Ч.К. темная кожа, хотя оттенки ее существенно разнятся в каждом регионе. Большинство аборигенов высокого роста, крепкого телосложения, мускулисты, однако вожди племен зачастую отличаются непомерной полнотой. Хронических заболеваний здесь практически нет, поскольку, при отсутствии должного медицинского ухода, больные умирают очень быстро. Население Ч.К. делится на ряд независимых племен, возглавляемых вождями. Вождя обычно выбирают всем племенем, однако если на это место претендуют сразу два кандидата, спор между ними разрешают шаманы, обвязывающие волосы богов, или поединок до смерти. В К. простолюдины темнокожи (как и во всех Ч.К.), однако представители знати, потомки *кхарийцев*, отличаются светлой кожей. У каждого племени Ч.К. имеется отличительный знак, будь то особого вида шрам или татуировка, отличающий членов племени от всех прочих. Это существенно затрудняет проникновение в поселение соглядатаев из враждебных родов. Торговля ограничена, поскольку связи между племенами крайне ненадежны. Вчерашие друзья завтра могут, объединившись с другими, напасть на селение бывших союзников, чтобы захватить провизию, рабов и женщин. Несмотря на это, некоторые союзные племена разработали весьма изощренные способы передачи информации в джунглях. Так, жрецы богини *Небетет* в *Дунте* и *Кешане*, используют для этих целей там-тамы, чьи ритмичные удары представляют собой довольно сложный код. Межплеменные браки по взаимному согласию крайне редки, женщин чаще похищают во время налетов на другое селение. Брак в Ч.К. весьма непрочен, чтобы разорвать его, довольно, чтобы один из супругов

изъявил такое желание перед всем племенем. Незамужние женщины вольны распоряжаться своим телом по собственному усмотрению, да и у замужних свобода не слишком ограничена. В Ч.К. весьма распространена обычай, когда гостю племени хозяин предлагает на ночь свою жену, причем услуга эта обычно бывает взаимной. Вожди отдельных племен не имеют особого авторитета вне своего племени. Только король К., потомок *кхарийцев*, может похвастаться тем, что под его властью находится несколько племен. Большшим влиянием, помимо вождей, пользуются также шаманы и воины.

Право. Вождь единолично вешает правосудие в своем племени и является его безусловным главой. Зачастую, однако, в племени существует оппозиционная группировка, возглавляемая либо претендентом на власть, либо местными шаманами, которые представляют обычно наиболее консервативные силы племени. Если не считать покоренных племен, вынужденных во всем следовать воле победителей, в Ч.К. отсутствуют общепринятые нормы правосудия. Вождь принимает решение, исходя из политических соображений, настроений племени или иных соображений, имеющих лишь косвенное отношение к законности.

Религия. Пантеон божеств Ч.К. подробно описан в статье «*Хайборийская религия*» (см. «Путеводитель по Хайбории» Часть 2).

Вооруженные силы. Большинство племен сражаются пешими и являются умелыми и отважными воинами. Однако они хороши в коротких стычках и «партизанских» акциях — но практически непригодны для классических сражений, поскольку не знают дисциплины, и поведение их в бою непредсказуемо.

Язык. Сотни племенных наречий Ч.К. не поддаются детальному описанию. Большинство из них восходят к древнему кушитскому языку. На севере в качестве общего языка для торговцев используется наречие *гантара* и кушитское, но на юге подобный язык отсутствует.

Имена и названия. Имена в Ч.К. звучанием скожи с африканскими: *Аджа* (*Aja*), *Аджонга* (*Ajonga*), *Баджух* (*Bajuh*), *Бомбаата* (*Bombaata*), *Бвату* (*Bwatu*), *Гобир* (*Gobir*), *Ларанга* (*Laranga*), *Сайду* (*Saidu*), *Сакумбе* (*Sakumbe*), *Юма* (*Juma*), *Ясала* (*Yasala*), итд. Распространены также *дарфарские*, *кешанские* и *зембабвийские* имена.

КХИТАЙ

К. — это таинственный восточный край, родина могущественных магов и древних мистерий. К. — почти легенда для обычного хайборийца, но страны, лежащие дальше к востоку (как, например, *Вендия* и

Туран), ведут с К. оживленную торговлю. К. описан в нескольких романах. Первое посещение Конаном К. описано в рассказе *Р. Говарда «Проклятье монолита»* (в рус. пер. «Черный монолит»). С жителями К. он встречается неоднократно и в других произведениях, в частности, в *«Огненном ноже»* и *«Часе дракона» Р. Говарда* или в дилогии *Т. С. Стюарта «Влюбленные из Хорезма»* и *«Дары зингарцев»*. Его путешествия в К. описаны в романах *Б. Ниверга «Мститель»* и *К. Гранта и Н. О'Найт «Талисман зла»*.

История. До Катализма К. населяли **кхарийцы**. Чудовищная катастрофа, потрясшая мир, почти не затронула К. Однако вскоре на берега его хлынули лемурийские беженцы, которых кхарийцы обратили в рабство, как и все прочие дикие племена, обитавшие в этих краях. Прошли века. И, как бывает во всех деспотиях, со временем рабы уничтожили господ. Кхарийцам, чтобы спастись от мести своих бывших слуг, пришлось спасаться бегством, покидая города и таинственные сокровища своей древней родины. Рабы, ставшие господами, мало что понимали в высоком искусстве бывших хозяев. Кхарийские трактаты по сельскому хозяйству, технике и колдовству были непонятны неграмотным рабам. Те немногие, что знали грамоту и пользовались прежде доверием кхарийцев, были убиты как предатели. Вместо того чтобы стать наследниками древней культуры, повстанцы превратились в стервятников, расклевывающих труп погубленной цивилизации. «Новая империя» вскоре распалась. Местные вожди завладели кхарийскими крепостями и прочими оборонительными форпостами и основали небольшие сатрапии, жестокостью не уступая свергнутым кхарийцам, причем каждый пытался захватить власть над всей империей. Лемурийцы переселились на запад, предпочитая простор и вольницу степей постоянным междуобщицам на кхарийских землях. Столетие спустя, эти сатрапии превратились в города-государства, каждое из которых находилось под властью удельного князька, без всякой центральной власти, которая могла бы их объединить. Лишь покинутые кхарийские города хранили еще тень былого величия своих бывших владык. На протяжении пятнадцати веков раздробленные города-государства К. воевали между собой, подобно воронам, дерущимся из-за добычи, и каждое претендовало на то, что является единственным истинным наследником кхарийской империи. Время от времени появлялся сильный вождь, способный объединить силой часть удельных княжеств, вследствие чего возникало так называемое **«срединное царство» К.** Однако необычные пространства государства, вкупе с центробежными устремлениями составляющих его уделов, не позволяли империи существовать хоть сколько-нибудь долгое время и приводили к ее распаду.

Текущие дела. Недавно установленные связи с *Тураном* возобновили торговые отношения К. с западом. Караваны регулярно пересекают теперь гирканские степи в направлении *Кусана* и других государств. Некоторые купцы добирались даже до *Камбуя*, в надежде добиться благосклонности местных правителей в обмен на западные без-

делушки. В то же время, многие на западе взывают к осторожности в отношениях с К., опасаясь волн завоеваний с востока. Хайборийцам и без того нелегко выдерживать написк **гирканских** соседей. Кхитайская же магия может оказаться силой, которая сметит хрупкое равновесие не в их пользу.

Враги и союзники. К. не имеет официальных союзников (если не считать нескольких заключенных торговых договоров) на западных землях. Некоторые кхитайские королевства подписали договор с *Тураном*, другие с *Вендней*, а иные даже с хайборийскими государствами по ту сторону моря *Вилайет* (хотя в большинстве своем пакты эти не более чем формальность), однако в целом К. находится слишком далеко, чтобы активно участвовать в западной политике. Внутри К. города-государства заключают и разрывают соглашения между собой с головокружительной быстротой. Лишь в *Черных Королевствах* договора могут нарушаться с подобной же легкостью. Разумеется, существуют пакты, поддерживаемые на протяжении столетий, в особенности, между отдаленными княжествами, однако и между ними происходит постоянная борьба за превосходство.

География. Границы К. определены нечетко, поскольку не существует крупных королевств, расположенных по соседству. Сами кхитайцы считают своей западной границей **Великую Стену** и горы, на которых она возведена. Эта горная гряда тянется на север до ледяных пустошей, и к югу до **Южного моря**. В К. преобладают субтропические джунгли, болота и пустыни. Плодородная земля находится на склонах гор, слишком круtyх, чтобы ее можно было обрабатывать на хайборийский манер, поэтому кхитайцы переняли кхарийскую систему террасного земледелия. Эти террасы не только создают ровную поверхность на склонах, но также предотвращают эрозию почвы.

Географический справочник.

Ангкхор [Angkhgor] — столица государства *Камбуя*.

Болота Мертвых — болото на крайнем северо-востоке К., где цветет серый лотос.

Великая Кхитайская Стена — гигантская каменная стена, сооруженная кхарийцами, чтобы защитить свои земли от мастодонтов и прочих животных огромной величины (большинство из которых ныне истреблены), которые населяли гирканские степи до Великой Катастрофы. Современным кхитайцам Стена служит надежной защитой от гирканских разбойников. Однако, несмотря на непревзойденные зодческие таланты кхарийцев, сооружение это местами начинает рушиться. Кхитайцы пытаются починить свою Стенну, однако у них не хватает умений пройти работы должным образом.

Камбуг (Cambujo) — самый южный город-государство в К. Правит Камбуей король-бог **Пра-Еун** (Pra-Eun), могущественный маг **Алого Кольца**. Население строго контролируется правительством (даже более, чем в остальных кхитайских городах-государствах). Помимо обычного военного и полицейского надзора, **Пра-Еун** содержит таинственные отряды убийц в черных плащах, именуемых **Ночными Скиальцами**, чья задача — физическое устранение политических и преступных «врагов государства». Среди местных жителей бытует убеждение, что **Ночные Скиальцы** — ни кто иные как демоны, призванные для этой цели **Пра-Еуном**.

Кусан (Kusam) — город-государство в К., лежащий к западу от **Великой Стены**, официально «вне» К., однако на деле являющийся частью этой цивилизации. Местный правитель, король **Шу**, обладает достаточной властью, но правит справедливо, хотя при дворе существует масса политических фракций, враждающих между собой и с правителем. Кусан ведет регулярную торговлю с **Тураном** и **Гирканней**. К примеру, кусанские крестьяне изготавливают для гирканцев гнутые луки, и потому кусанским караванам, везущим на запад кхитайские шелка и золото редко чинятся препятствия, когда они пересекают степи.

Пайканг (Paikang) — город-государство на севере К. В Пайканге правит колдун **Я Чиен**, владыка **Алого Кольца**.

Рю-Ген (Ruo-gen) — воинственный город-государство на севере К., севернее **Пайканга**.

Шу-чен (Shu-chen) — воинственный город-государство на севере К., южнее **Пайканга**.

Экономика. В К. производится множество редких товаров, включая веера из павлиньих перьев, изделия из нефрита и фарфора. Часто встречается золото и самоцветы, служащие, в частности, для расчетов при совершении торговых операций.

Карта магических областей. В большей части К. уровень магии очень высок, в особенности в районах, где имеются развалины, оставшиеся от древней кхарийской цивилизации. Однако северные кхитайцы избегают подобных мест, уверенные, что их населяют демоны.

Общество. На протяжении веков кхитайцы образовали достаточно однородную расу: худощавые, среднего роста, с желтой пергаментной кожей, раскосыми глазами, заостренными чертами лица и высоким лбом. Существуют, разумеется, отклонения по регионам (к примеру, южане обычно ниже ростом и склонны к полноте), однако для человека с запада различия эти почти незаметны. Поведение кхитайцев во многом опирается на чрезвычайно сложный ритуал, подражающий

церемониям императорского двора древних. Каждый кхитаец имеет свое четко означенное место в обществе и обязан следовать определенным условностям поведения. Эти условности, впрочем, не ограничивают личной инициативы. Кхитайцы верят, что боги вознаградят того, кто наиболее точно следует законам. Отсюда они выводят правило, что «победитель всегда прав», а подобное стремление к успеху любой ценой поощряет предательство и нечестность, поражающие хайборийцев. Особенно людей с запада смущает необычная вежливость местных жителей. Большинство торговцев находят ее безвредной, хотя и раздражающей особенностю. Люди же более опытные всегда способны разглядеть ловушку под лоском угодливости. Каждым городом-государством правит монарх. Интересно отметить, что иностранцы находятся на самом низком положении в обществе, на одном уровне со служителями. Периодически в истории К. возникала также фигура императора, объединявшего на время города-государства.

Право. Повелитель города-государства сам устанавливает законы в своей вотчине. Зачастую он лично вершит суд по большинству крупных дел, хотя многие короли назначают вместо себя судью. Законы, в сочетании с обычаями, призваны поддерживать власть местного правителя. Законы предусматривают наказания не только за обычные преступления, но и за достаточно непривычные (для хайборийца) проступки, как-то: за обладание чрезмерной свитой, за слишком богатое одеяние, не соответствующее статусу, и пр. Самым распространенным наказанием является штраф, но за серьезные преступления полагается казнь. В отличие от хайборийских земель, где судью зачастую можно подкупить или как-то иначе повлиять на него, в К. это практически невозможно сделать. С другой стороны, судья зачастую вершит суд, руководствуясь политическими соображениями или интересами своего клана или фракции, и пренебрегает законом и истиной для достижения неких «высших» целей.

Алое Кольцо. Подобно стигийскому **Черному Кругу** и гиперборейской Белой Руке, колдуны в К. объединены в свое братство, именуемое **Алым Кольцом**. В Кольце существует четкая иерархия власти. Более слабые маги прислуживают сильным, а те, в свою очередь, служат самым могущественным. На вершине пирамиды находится маг **Я Чиен**, правитель города-государства **Пайканг**. Его чар и демонов страшится весь восток. Алое Кольцо занимается исследованием древних кхарийских манускриптов. Магам-ученым удалось раздобыть множество оставленных древними рукописей и овладеть наследием, недоступным для современных **стигийцев**, хотя те и являются прямыми потомками кхарийских беженцев.

Вооруженные силы. Войска кхитайских городов-государств отличаются отличной выучкой и дисциплиной. Регулярные вылазки и патрулирование границы поддерживает их в форме. На пользу дисциплине идет и строгий кодекс армейских законов и традиций. Основу ар-

мии составляет пехота, преимущественно вооруженная пиками, но некоторые города-государства, типа *Кусана*, содержат также легкую кавалерию. Неотъемлемой частью воинской науки в К. является осадное искусство, управление осадными машинами, и пр.

Язык. Кхитайский язык ведет происхождение от кхарийского, смешанного с наречиями бывших рабов. Существует множество диалектов кхитайского языка, значительно разнящихся между собой, на которых говорят в различных областях и городах-государствах. Письменность идеографическая, пунктуация практически отсутствует. Сложные понятия описываются несколькими идеограммами, некоторые из которых носят случайный характер и обусловлены лишь «традиционным» использованием. Идеографическое письмо помогает общению на длительных дистанциях, поскольку звуковое письмо неминуемо пострадало бы от различий в диалектах. Среди кхитайцев мало грамотных. Десять тысяч знаков кхитайской письменности остаются уделом элиты и писцов.

Имена. Кхитайские имена состоят из односложного родового имени, за которым следует одно- или двухсложное собственное имя: *Йо-Ла-гу* (*Yo-La-Gu*), *Кан Лу-дзе* (*Can-Lu-dze*), *Кан Сиу* (*Can-Siu*), *Лен Чи* (*Len Chi*), *Я Чиен* (*Ya Chien*). Изгой теряют право носить родовое имя, его не носят также некоторые колдуны (такие как *Пра-Еун*), чтобы показать, что возвысились над своим кланом.

(продолжение в следующем томе)

СОДЕРЖАНИЕ

Джек Мак Грегор КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Глава 1.	9
Глава 2.	21
Глава 3.	31
Глава 4.	41
Глава 5.	57
Глава 6.	69
Глава 7.	83
Глава 8.	99
Глава 9.	107
Глава 10.	118
Глава 11.	127
Глава 12.	136
Глава 13.	148

Торн Сейшел Стюарт ДАРЫ ЗИНГАРЦЕВ

Глава 1. Костер в ночи	157
Глава 2. В пути	176
Глава 3. Радужный прием	196
Глава 4. Дворец Ста Десяти Красных Крыш	215
Глава 5. Щедрость Императора и бескорыстие мага	231
Глава 6. Серебряный колокольчик	246
Глава 7. Дом на вершине горы	259
Глава 8. Четверо Слящих	273
Эпилог	290

Из цикла «ШАДИЗАРСКИЕ НОЧИ»

Андре Олдмен Роковое ухо	301
Змеиный камень	341

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ: СТРАНЫ И НАРОДЫ

Иранистан	417
Кешан	419
Камбуя	422
Киммерия	422
Коринфия	426
Косала	428
Коф	431
Куш и Черные Королевства	435
Кхитай	441

Литературно-художественное издание

Андрэ Олдмен
Даниэл Уолмер
Гидеон Эйлат

КОНАК И ПРИЗРЫКИ ПРОШЛОГО

Руководитель проекта: *Дмитрий Ивахнов*

Редактор: *Михаил Нахмансон*

Художник: *Алексей Федоренко*

Технический редактор: *Сергей Арефьев*

Корректор: *Нина Натарова*

Издательство «Тролль».
410027, г. Саратов, ул. Одесская, 9.

Лицензия № 010945 от 05.03.93 г.

Сдано в набор 10.09.96. Подписано в печать 15.09.96.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Школьная». Тираж 36 000 экз.

Заказ № 115.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

KOTH

TM

